

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

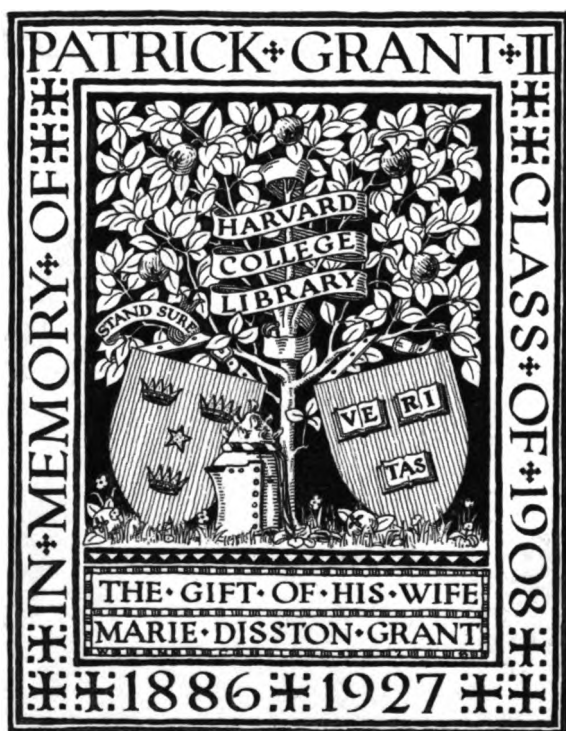
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

27233.4

Н. О. Сумцовъ
2

Н. О. Сумцовъ.

СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ.

ЧАСТЬ I-ая

(СЪ ПОРТРЕТОМЪ А. А. ПОТЕВНИ).

Издание редакціи журнала „Кіевская Старина“.

Printed in Russia.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Норчанъ-Новицкаго, Михайловская у., домъ № 4.

1893.

Н. Э. Сумцовъ.

СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ.

ЧАСТЬ I-ая

(СЪ ПОРТРЕТОМЪ А. А. ПОТЕВНИ).

Изданіе редакціи журнала „Кіевская Старина“.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Норчанъ-Новицкаго, Михайловская у., домъ № 4
1893.

27233.4

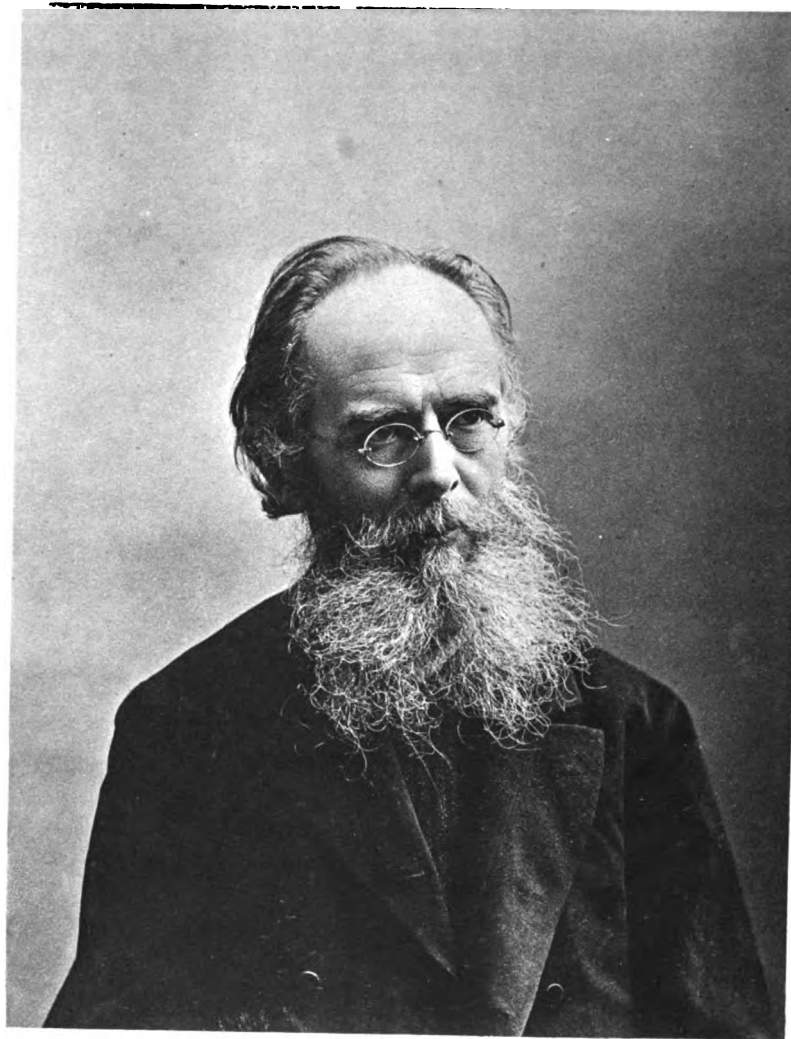
✓

Crawford fund

Доволено цензур. Кіевъ, 11-го марта 1893 г.

37169
183

Александръ Афанасьевичъ Потемкинъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Цѣль автора изслѣдованія о современной малорусской этнографіи представить сводъ наличныхъ матеріаловъ и высказанныхъ въ печати научныхъ выводовъ по малорусскому фольклору, что должно расчистить почву для научныхъ работъ въ ближайшемъ будущемъ. Провинціальныя дѣятели, имѣя въ такомъ изслѣдованіи нѣкоторое руководство, не будутъ затрачивать силы на разысканіе того, что уже дано въ обиліи (напр., свадебныхъ пѣсенъ), и направятся на новые пути въ собираніи и изученіи матеріала (напр., легендъ, анекдотовъ, провѣстій, писанокъ).

Въ теченіе 1892 года мнѣ удалось представить обзоръ научной дѣятельности семи лицъ. Въ черновыхъ наброскахъ и заміткахъ у меня еще значится 40 именъ. Кромѣ того, въ мои предположенія входило еще представить очерки объ отраженіи этнографическихъ интересовъ и изученій въ литературѣ и живописи, въ изданіяхъ земскихъ и статистическихъ комитетовъ, въ текущей журналистикѣ, на этнографическихъ выставкахъ и этнографическихъ музеяхъ. Задача, очевидно, широкая, и авторъ неоднократно задавалъ себѣ вопросъ, — по силамъ ли задача? и всякій разъ успокаивался на той мысли, что все, сдѣланное въ этомъ направленіи, можетъ быть своевремененно, умѣстно и полезно. Незаконченность труда и пропуски не могутъ быть поставлены автору въ вину. Мы имѣемъ здѣсь дѣло не только съ живымъ народомъ, какъ объектомъ опи-

2) Общія рамки, порядокъ и характеръ изслѣдованія определены въ напечатанныхъ уже статьяхъ о Потебнѣ, Ивановѣ, Манжурѣ, Новицкомъ, Эварницкимъ, Андреевскомъ и Ржегоржѣ. За краткими біографическими свѣдѣніями слѣдуетъ обзоръ (по возможности) всѣхъ статей, сравненіе ихъ съ однородными другими статьями и краткая общая оцѣнка съ сравнительно-этнографической точки зрѣнія.

СОВРЕМЕННАЯ МАЛУРУССКАЯ ЭТНОГРАФІА.

(ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАМ'ЯТИ А. А. ПОТЕБНИ).

Ближайшимъ поводомъ къ составленію изслѣдованія о современномъ состояніи малорусской этнографіи намъ послужилъ ІІІ томъ „Исторіи русской этнографіи“ А. Н. Пыпина, вышедшій въ августѣ 1891 г., всецѣло посвященный этнографіи малорусской. Новѣйшая малорусская этнографія представлена въ этомъ трудѣ слабо. Въ то время, какъ при обзорѣ трудовъ малорусскихъ этнографовъ стараго времени указаны кое-гдѣ внутренніе мотивы ихъ дѣятельности и мѣстами сдѣлана оцѣнка добытыхъ результатовъ, обзоръ новѣйшей этнографіи, послѣ Костомарова, Кулиша и Чубинскаго, представляетъ перечень фактовъ біографическихъ и бібліографическихъ, причемъ нѣтъ соразмѣрности въ ихъ изложеніи, и мѣстами статистикамъ и историкамъ отведено болѣе мѣста, чѣмъ специалистамъ этнографамъ. Встрѣчаются пропуски; напр., пройдены молчаніемъ труды Волкова, Омельченка, Андреевскаго. Почтенному автору пришлось имѣть дѣло съ такимъ обширнымъ матеріаломъ, столь мало до сихъ поръ систематизированнымъ, въ добавокъ авторъ такъ расширилъ рамки своего изслѣдованія внесеніемъ въ него побочныхъ отраслей, историческихъ и беллетристическихъ, что несоразмѣрность частей, малочисленность самостоятельныхъ оцѣнокъ и пропуски въ матеріалахъ явились неизбежнымъ резуль-

татомъ принятой авторомъ системы изслѣдованія. Чтеніе книги г. Пыпина навело меня на мысль сдѣлать къ ней нѣсколько дополненій. Въ статьѣ о современномъ состояніи малорусской этнографіи я буду говорить о трудахъ А. А. Потебни, И. И. Манжуры, П. В. Иванова, г-жи Мошинской, г-жи Рокосовской, Руликовскаго, г. Андреевскаго и др., еле затронутыхъ у г. Пыпина или совсѣмъ опущенныхъ.

Я не буду останавливаться на вопросахъ, что движетъ современными этнографами въ изученіи народности: предыдущія-ли литературныя вліянія, любовь-ли къ наукѣ, или непосредственное общеніе съ народомъ и вытекающее отсюда чувство симпатіи къ нему. Тутъ легко впасть въ гаданія, въ предположенія, которыми можетъ воспользоваться и толковать по своему всякая публицистическая или національная тенденціозность. Не вижу особенной надобности въ опредѣленіи связей современныхъ этнографовъ съ прежними, связей книжныхъ и личныхъ. За немногими исключеніями, современная этнографія имѣетъ совершенно самостоятельное происхождение. Такіе собиратели и изслѣдователи прежняго времени, какъ Цертелевъ, Срезневскій, Максимовичъ, Метлинскій, Костомаровъ, почти вполнѣ забыты; за исключеніемъ Потебни, никто на нихъ не ссылается и не пользуется ихъ этнографическими трудами. Сборникъ Головацкаго у насъ еще мало извѣстенъ, и рѣдко кто имъ пользуется, не смотря на громадное обиліе заключающагося въ немъ пѣсеннаго матеріала. Чаще всего въ трудахъ новѣйшихъ этнографовъ собирателей можно найти ссылки на Чубинскаго, Рудченка и Драгоманова. Вообще, связь новѣйшей этнографіи съ прежней весьма незначительна. Матеріалъ собирается, а часто и издается, особенно часто въ польскихъ этнографическихъ изданіяхъ, безъ оглядки назадъ, безъ справокъ, что было уже ранѣе собрано и издано.

Въ изложеніи современнаго развитія этнографическихъ изученій малорусскаго народа мы съ возможной внимательностью будемъ слѣдить, во первыхъ, за тѣмъ, съ какими приѣмами собирается и изучается матеріалъ, и, во вторыхъ, что дастъ намъ новаго современная этнографія, какъ великъ кругъ

ея открытій. Последняя задача весьма трудная, такъ какъ при разрѣшеніи ея требуются многочисленныя библіографическія справки, не только въ прошломъ русской этнографіи, но и въ современномъ европейскомъ фольклорѣ. Только при широкихъ сравнительно-этнографическихъ изученіяхъ возможна справедливая оцѣнка новѣйшихъ результатовъ малорусской этнографіи. Понятно, что тутъ исчерпывающей полноты и законченности не можетъ быть, по самому существу фольклора и по современной его научной постановкѣ.

Сравнительно-этнографическій обзоръ современнаго украинскаго фольклора долженъ объяснить космополитическіе и національные элементы южнорусской народной словесности, быта и міросозерцанія. Какъ отдѣльному человѣку полезно знакомство съ другими людьми, такъ и народность отъ общенія съ другими народностями выигрываетъ въ разнообразіи и полнотѣ своего національнаго типа и въ богатствѣ своего литературнаго достоянія. Какъ ни трудно разобраться въ разнородныхъ элементахъ, изъ коихъ сложилась украинская народная словесность, но изученіе ихъ приводитъ къ убѣжденію, что словесность эта, какъ и словесность великорусская, представляетъ весьма характерное соединеніе чертъ чисто-національных, специально своенародныхъ съ элементами инородными, причемъ чужое и свое переплелось большею частью такъ тѣсно, что нѣтъ возможности провести разграничительную черту.

А. А. Потебня.

Въ исторіи русской науки, въ частности въ исторіи Харьковскаго университета, Александръ Афанасьевичъ Потебня занялъ крупное мѣсто. Имя его пользуется почетной извѣстностью и за предѣлами Россіи, въ славянскихъ странахъ. Въ области филологіи А. А. Потебня безспорно первая величина, что въ особенности стало ясно со смерти Миклошича. Съ знаменитымъ славистомъ Потебня сходится по обширной эрудиціи и по разносторонности научныхъ интересовъ. Глубокое изученіе формальной стороны языка у Потебни идетъ рядомъ съ философ-

скимъ пониманіемъ, съ любовью къ поэзіи и искусству. Тонкій и тщательный анализъ, выработанный на специально филологическихъ изслѣдованіяхъ, получилъ блестящее приложеніе въ работахъ по этнографіи, въ особенности въ капитальныхъ ртутахъ о малорусскихъ и сродныхъ съ ними пѣснахъ.

Печатными трудами значеніе Потебни не исчерпывается. Вліяніе его, какъ человѣка и профессора, было глубоко и благотворно. На каедрѣ онъ всегда былъ учителемъ въ лучшемъ, благородѣйшемъ смыслѣ этого слова: въ его лекціяхъ заключался богатый запасъ свѣдѣній, тщательно проверенныхъ и продуманныхъ, слышалось живое личное увлеченіе наукой, обнаруживалось оригинальное міросозерцаніе, въ основѣ котораго лежитъ въ высшей степени совѣстливое и деликатное отношеніе къ личности человѣка и личности народа. Въ принципіальныхъ убѣжденіяхъ Потебня всегда былъ строгъ безъ малѣйшихъ уклоненій, безъ дружбы и безъ вражды, и рядомъ съ этой нравственной требовательностью, прилагаемой постоянно и къ собственной личности, стояло доброе, мягкое и гуманное чувство въ частныхъ проявленіяхъ личной жизни, въ отношеніи къ людямъ, обращающимся за научнымъ совѣтомъ, указаніями и пособіемъ.

До послѣдняго времени, до выхода въ свѣтъ III тома „Исторіи рус. этнографіи“ А. Н. Пыпина, въ печати не было біографическихъ свѣдѣній о Потебнѣ. Тѣмъ пріятнѣе было встрѣтить у г. Пыпина автобіографію Потебни въ цѣлыхъ четырехъ страницы (420—424), что нѣсколько удивило и порадовало его учениковъ, знающихъ, какъ въ этомъ отношеніи А. А. Потебня всегда былъ скромнѣе, какъ мало, совершенно случайно и мимоходомъ онъ сообщалъ о своемъ прошломъ.

Потебня—малорось по происхожденію, на что уже указываетъ его фамилія. Происхожденіе и этимологическое значеніе слова „потебня“ объяснено подробно самимъ А. А. Потебней въ IV вып. „Къ исторіи звуковъ“ (40): потебня, тебенекъ—корень татарскій, предлогъ и грамматическая форма русскіе, означаетъ кожанныя лопасти по бокамъ казачьяго сѣдла. Фамилія казачья. На Дону въ великорусской формѣ Тебенъковъ.

А. А. Потебня родился въ 1836 г. въ небогатой дворянской семьѣ Роменскаго уѣзда Полтавской губ., учился сначала въ Радомской гимназіи, потомъ въ Харьковскомъ университетѣ, по историко-филологическому факультету, который окончилъ въ 1856 г. Ко времени пребыванія А. А. Потебни въ университетѣ относится его знакомство съ студентомъ—медикомъ Мих. Вас. Нѣговскимъ, любителемъ и собирателемъ малорусскихъ народныхъ пѣсенъ. Въ завѣдованіи Нѣговскаго была небольшая библіотека, состоявшая изъ сочиненій на малорусскомъ языкѣ и относящихся до Малороссіи. Этою библіотекой я пользовался, говоритъ А. А., что не осталось безъ вліянія на позднѣйшія мои занятія. Нѣговскій скончался въ молодыхъ лѣтахъ; но Потебня до послѣднихъ дней своей жизни хранилъ о немъ самыя теплыя воспоминанія. Подъ вліяніемъ Нѣговскаго укрѣпился въ А. А. живой интересъ къ малорусской этнографіи, выразившійся впоследствии въ видѣ капитальныхъ научныхъ трудовъ. Въ молодости Потебня собиралъ народныя пѣсни; часть собранныхъ имъ пѣсенъ вошла въ извѣстный сборникъ Чубинскаго. Въ своей автобіографіи Потебня неоднократно упоминаетъ съ признательностью о Петрѣ Алексѣвичѣ и братѣ его Ник. Ал. Лавровскихъ. По совѣту П. А. Лавровскаго Потебня сталъ готовиться къ магистерскому экзамену, выдержалъ экзаменъ „благодаря снисходительности“ П. А. и Н. А. Лавровскихъ, черезъ П. Лавровскаго познакомился съ трудами Миклошича, Срезневскаго, Караджича. Въ автобіографіи Потебни нѣтъ ни малѣйшей тѣни отъ того темнаго облачка несогласія съ П. А. Лавровскимъ, научно-литературнымъ остаткомъ котораго служить обширная и суровая рецензія П. А. Лавровскаго во II кн. „Чтеній моск. общ. ист. и древн.“ 1866 г. на сочиненіе Потебни „О мнѣніи о значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій“. Для нравственной личности Потебни характерно, что онъ не отвѣчалъ своему строгому критику, хотя вполне могъ это сдѣлать, подавилъ въ себѣ горечь личной непріятности, и въ 1886 по кончинѣ П. А. Лавровскаго прочелъ въ засѣданіи Харьковскаго историко-филологическаго общества рефератъ о научныхъ трудахъ П. А. Лавровскаго,

съ безусловно объективной оцѣнкой его научныхъ заслугъ, а въ своей автобіографіи подчеркиваетъ свою признательность братьямъ Лавровскимъ за ихъ просвѣщенное содѣйствіе на первыхъ по времени ступеняхъ его научной дѣятельности.

Въ числѣ профессоровъ, которыхъ слушалъ Потебня, былъ А. Л. Метлинскій. Въ автобіографіи Потебня говоритъ: „Русскую грамматику читалъ по грамматикѣ Давыдова А. Л. Метлинскій, украинофилъ и добрый человѣкъ, но слабый профессоръ. Его сборникъ южнорусскихъ народныхъ пѣсенъ былъ первою книгой, по которой я учился присматриваться къ явленіямъ языка“. Несомнѣнно, что Метлинскій благотворно повліялъ на Потебню въ смыслѣ усиленія въ немъ живаго интереса къ малорусской народности и этнографіи. Метлинскій былъ человѣкъ простой, честный, добродушный и трудолюбивый. По словамъ его ученика Де-Пуле, дверь его квартиры была всегда открыта для студентовъ. Близость его къ студентамъ была идеальная, товарищеская. Приобрѣсти дружеское, товарищеское расположеніе Метлинскаго легко было тому, кто писалъ не дурно, кто сочинялъ стихи, кто собиралъ или любилъ народные пѣсни. „Народныя южнорусскія пѣсни“, о которыхъ упоминаетъ Потебня, вышли въ 1854 г. Въ предисловіи къ нимъ Метлинскій писалъ слѣдующее: „Проведши большую часть моей жизни на югѣ Россіи, я могъ трудиться надъ разработкою народнаго слова русскаго преимущественно только на одной изъ нивъ обширнаго поля царства русскаго, южнорусской или украинской. Усердно воздѣлывая то, что досталось въ удѣлъ по волѣ Промысла на мою долю, я утѣшался и одушевлялся мыслью, что всякое нарѣчіе или отрасль языка русскаго, всякое слово и памятникъ слова есть необходимая часть великаго, законное достояніе всего русскаго народа, и что изученіе и разъясненіе ихъ есть начало его общаго самопознанія, источникъ его словеснаго богатства, основаніе славы и самоуваженія. Языкъ русскій, какъ и всякій другой, образуется писателями; но силу свою и природное богатство беретъ изъ первоначальныхъ чистѣйшихъ родниковъ своихъ, изъ нарѣчій народныхъ“. Далѣе у Метлинскаго слѣдуетъ выраженіе, которое позднѣе Потебня по-

вторилъ, съ ссылкой на автора, какъ безусловно справедливое. Словесныя произведенія каждого русскаго племени заключаютъ въ себѣ и раскрываютъ часть богатства общаго, великаго народнаго духа“.

Послѣ сборника Метлинскаго вышло много гораздо болѣе крупныхъ по величинѣ, болѣе важныхъ въ научномъ отношеніи сборниковъ малорусскихъ народныхъ пѣсенъ; но нѣтъ ни одного между ними, за исключеніемъ сборника историческихъ пѣсенъ Антоновича и Драгоманова, въ которомъ такъ живо и рельефно выступала сила и красота народной поэзіи. Метлинскій внесъ въ свою книгу вновь записанныя пѣсни, не искаженныя сторонними вліяніями; онъ не позволялъ себѣ составлять пѣсни изъ нѣсколькихъ варіантовъ и въ правописаніи держался господствующаго украинскаго нарѣчія; въ результатѣ получился сборникъ цѣльный и изящный, по внутреннему содержанію и внѣшней формѣ. Въ сборникѣ отразилась природа южнорусскаго края, народный бытъ, историческія воспоминанія. Пѣсни пошли одна за другой, какъ дикіе полевые цвѣты, выросшіе на полѣ народной жизни.

Такова была приблизительно почва, на которой у Потебни выросли и окрѣпли научныя этнографическіе интересы: непосредственное чувство любви къ родинѣ — сильное и глубокое, украинскія симпатіи подъ вліяніемъ Нѣговскаго и Метлинскаго и вѣславянскія научныя сочувствія подъ вліяніемъ братьевъ Лавровскихъ.

Къ этимъ воздѣйствіямъ на Потебню, важнымъ и плодотворнымъ преимущественно по отношенію развитія въ немъ этнографическихъ интересовъ и научнаго опредѣленія ихъ, нужно еще присоединить сильное и благотворное вліяніе нѣмецкой филологической науки. Г. Соболевскій недавно замѣтилъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. въ рецензіи на „Исторію русской этнографіи“. Пыпина, что „первообразомъ“ Потебни былъ Штейнталь. Если съ такой легкостью отыскивать „первообразы“, то не останется ни одного мыслителя, ни одного художника. Потебню затретъ Штейнталь, Александра Веселовскаго — Бенфей; у Штейнталья и Бенфея окажутся свои „первообразы“, по естественной

преимущественности научной мысли, и въ концѣ концовъ выйдутъ столь же скромныя и неизвѣстныя въ наукѣ имена, какъ имя нашего петербургскаго рецензента филолога. Эта вылазка г. Соболевскаго противъ Потебни, правда запрятанная въ подстрочномъ примѣчаніи, намъ представляется тѣмъ болѣе неудобной для самого г. Соболевскаго, что въ Харьковѣ еще живо помнятъ его докторскій диспутъ въ университетѣ, крайне снисходительное отношеніе Потебни къ молодому ученому и своеобразную защиту послѣдняго. Воздѣйствіе нѣмецкой науки на Потебню нужно понимать въ самомъ широкомъ смыслѣ. Въ сочиненіи „Мысль и языкъ“ (1862 г.) и „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“ (1874 г.) обнаруживается глубокое изученіе В. Гумбольдта, Штейнталя и Лацаруса, въ соч. „О нѣкоторыхъ повѣрьяхъ“ (1865 г.) изученіе Я. Гримма. Какъ человѣкъ сильнаго ума, Потебня не подчинялся ни одному авторитету, ко всѣмъ трудамъ относился самостоятельно и критически. Такое изученіе нѣмецкой филологической науки Потебня продолжалъ до конца своей жизни. Такъ, въ 80-хъ годахъ онъ обстоятельно изучилъ и далъ отзывъ о сочиненіяхъ выдающагося новѣйшаго нѣмецкаго филолога Бругманна.

Сочиненія Потебни распадаются на филологическія и этнографическія. Строгаго дѣленія между тѣми и другими нѣтъ. Въ сочиненіяхъ филологическихъ встрѣчаются цѣнныя этнографическія замѣтки и, наоборотъ, въ сочиненіяхъ по преимуществу этнографическихъ разбросаны замѣчанія о звуковыхъ особенностяхъ и этимологическомъ значеніи отдѣльныхъ словъ. На всѣхъ трудахъ Потебни лежитъ отпечатокъ его оригинальной личности, его своеобразнаго научнаго дарованія. Для Потебни наука была цѣлью жизни; ея интересы неразрывно сливались съ его личными интересами; къ научнымъ интересамъ онъ относился страстно, горячо, близко принимая ихъ къ сердцу. Выдающеюся особенностью его ума была способность возвышаться надъ частнымъ, стремленіе возводить единичное къ общему. Съ высоты своихъ обобщеній онъ обозрѣвалъ частныя факты, открывая близость и поразительное сходство въ такихъ явленіяхъ, которыя кажутся при первомъ взглядѣ довольно отдален-

ными другъ отъ друга. Поразительной мѣткости его обобщеній способствовала обширность его познаній. Онъ не былъ узкимъ специалистомъ въ области славянской филологіи: онъ владѣлъ обширными познаніями и въ области другихъ наукъ. Общіе выводы другихъ наукъ онъ привлекалъ къ своей спеціальности, и такимъ образомъ своему предмету сообщалъ удивительно широкую философскую постановку. Въ области изученія русскаго языка Потебня оставался и остается у насъ единственнымъ представителемъ философскаго направленія.

О филологическихъ трудахъ Потебни есть двѣ обширныхъ статьи (Срезневскаго и Будиловича), но значеніе Потебни, какъ филолога, этими статьями далеко еще не опредѣлено, и такое опредѣленіе остается дѣломъ будущаго. Недостаточно опредѣлена философская сторона въ сочиненіяхъ Потебни, и въ особенности мало оцѣнены его громадныя заслуги по изученію лексической стороны русскаго языка. Здѣсь Потебня глубоко затрагиваетъ интересы этнографовъ (напр., въ статьяхъ о названіи болѣзней, о словахъ, заимствованныхъ малоруссами отъ нѣмцевъ, румынъ, грековъ и др.) и историковъ быта и права (напр., о древне-русскихъ юридическихъ терминахъ).

Полная оцѣнка филологической научной дѣятельности Потебни въ настоящее время уже потому не можетъ быть сдѣлана, что послѣ смерти Потебни остался въ рукописи, вполнѣ приготовленной къ печати, громадный трудъ—продолженіе его докторской диссертации „Изъ Записокъ по русской грамматикѣ“, и затѣмъ другой также въ высокой степени цѣнный трудъ по теоріи поэзіи. Къ этимъ трудамъ относятся послѣднія строки въ автобіографической запискѣ Потебни: „О настоящихъ и будущихъ своихъ работахъ могу сказать только, что работать становится труднѣе (въ послѣдніе годы Потебня сильно и часто былъ боленъ), и я не знаю, удастся ли выпустить въ свѣтъ то, что накопилось за 20 и болѣе лѣтъ. Наиболѣе интересуютъ меня вопросы языковѣдѣнія, понимаемаго въ Гумбольдтовскомъ смыслѣ: „поэзія и проза“ (поэтическое и научное мышленіе) „суть явленія языка“. Въ послѣдніе годы я читалъ нѣсколько разъ курсъ теоріи словесности, построен-

ный на этомъ положеніи. На очереди у меня грамматическая работа, связанная съ этимъ курсомъ, носящая два заглавія— для публики: „объ измѣненіи значенія и замѣнахъ существительныхъ“, для меня: „объ устраненіи въ мышленіи субстанцій, ставшихъ мнимыми“, или „о борьбѣ мнѣшескаго мышленія съ относительно научнымъ въ области грамматическихъ категорій, по даннымъ преимущественно русскаго языка“...

Потебню неоднократно упрекали за изложеніе тяжелое и сухое. Это упрекъ не безосновательный, но требующій оговорки и ограниченія. Сухимъ и труднымъ для пониманія представляется его главный филологическій трудъ „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“ и нѣкоторыя мѣста въ другихъ его сочиненіяхъ 70 и 80-хъ годовъ. Трудность обусловливается стремленіемъ ученаго къ возможно точному философскому опредѣленію грамматическихъ и логическихъ категорій. Ранніе труды Потебни (о символахъ, о мысли и языкѣ) написаны живо, просто, ясно, и въ этомъ отношеніи они довольно рѣзко отличаются отъ его позднѣйшихъ трудовъ. Рѣчь Потебни была жива и увлекательна. Онъ и здѣсь не сходилъ съ научной почвы; но то обиліе сухихъ фактовъ, которое подавляетъ читателя въ послѣднихъ сочиненіяхъ Потебни, на его лекціяхъ и въ частныхъ бесѣдахъ облекалось всепроникающей мыслью о торжествѣ разума, правды и добра, причемъ исторія языка, пѣсенъ и обрядовъ являлась вмѣстѣ исторіей мысли и исторіей человѣческой культуры.

Обращаемся къ изложенію и оцѣнкѣ этнографическихъ трудовъ Потебни, изложенію по возможности, подробному, въ виду научной ихъ важности и въ виду того, что до сихъ поръ о Потебнѣ, какъ этнографѣ, въ научной литературѣ не было рѣчи.

✓ { Первый печатный трудъ А. А. Потебни — магистерская диссертация „*О нѣкоторыхъ символахъ въ славянской народной поэзіи*“ 1860 г. (въ 154 стр.)—давно уже вышелъ изъ продажи и въ настоящее время составляетъ библиографическую рѣдкость. Въ ряду другихъ трудовъ А. А. Потебни это сочиненіе слабое. Здѣсь Потебня пошелъ по пути, проложенному Н. И. Косто-

маровымъ въ 1843 г. въ сочиненіи „Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи“. Костомаровъ отыскивалъ символы въ пѣсняхъ; Потебня останавливается на символикѣ въ языкѣ, причемъ располагаетъ символы по единству предполагаемаго въ нихъ основнаго представленія. По опредѣленію Потебни, символика въ языкѣ возникла изъ потребности возстановить забываемое собственное значеніе словъ, вмѣстѣ съ лексическимъ ростомъ языка. Авторъ вкратцѣ отмѣчаетъ три главныхъ отношенія символа къ опредѣленному имъ предмету: сравненіе, противоположеніе и отношеніе причинное. Больше всего символизма обнаруживается въ женскихъ пѣсняхъ, въ зависимости отъ консерватизма женщины. Символизмъ находится въ обратномъ отношеніи къ силѣ постороннихъ вліяній, а потому онъ обнаруживается яснѣе у русскихъ и сербовъ, чѣмъ въ пѣсняхъ чеховъ, поляковъ, лужичанъ и хорватовъ.

Сочиненіе Костомарова объ историческомъ значеніи русской поэзіи, повидимому, было неизвѣстно Потебнѣ, когда онъ писалъ свою магистерскую диссертацию. На Костомарова нѣтъ ссылокъ. Книга Костомарова богаче содержаніемъ и оригинальнѣе по методу и группировкѣ фактовъ. Сравненіе этого перваго труда Потебни съ послѣдующими его сочиненіями, свидѣтельствуетъ о быстротѣ и силѣ его научнаго развитія. Уже сочиненіе „Мысль и языкъ“, написанное черезъ два года, составляетъ большой шагъ впередъ, а въ сочиненіяхъ Потебни 70 и 80 годовъ трудно узнать автора книги „О символахъ въ славянской народной поэзіи“.

Въ книгѣ разсмотрѣны символическія значенія словъ: *пить*, *питье* (желать, стремиться, любить, цѣловать, блудъ, свадебный пиръ; женитьба, какъ символъ битвы и смерти; питье воды—слезы), *ида* (хлѣбы—символы мужчинъ и женщинъ), *юречь* (горе, печаль; символика горькихъ растений, полыни и пр.), *сом* (печаль, неприятность); *сладость* (любовь, счастье, милый), *таяніе* (голодъ, жажда, печаль), *кованье*, *огонь* (любовь, гнѣвъ), *дымъ* и *пыль* (печаль); краткая замѣтка о заговорахъ на 31—33 стр.; *морозъ* (сближается съ огнемъ, означаетъ жажду, печаль, заботу); неудачное объясненіе слова *химорода* (отъ зима, *хима*)

на стр. 36; *свѣтъ* (солнце-дѣвица, мѣсяць-мужчина, князь; смѣшеніе пола; красота, любовь, веселье); *бѣлый* (названія цвѣтовъ; бѣлый въ значеніи свѣтлый, красный, зеленый, красивый, милый), *зеленый* (малорус. граный, свѣтлый, молодой, красивый, веселый), *красный, калина* (символъ дѣвства, красоты, любви), *золото* (свѣтъ, красота), *черный, черная туча, темная ночь* (печаль, вражда, смерть и пр.), *быстрота* (красота, любовь, умъ, свѣтъ, сила), *найти* (узнать, развѣдать), *поймать* (сосватать), *вода холодная* (здоровье, сила, молодость), *копать криницу* (любить, сватать), *вода въ криницѣ* (дѣвство), *отверз* (быстрота, приносить человѣка, гостей, уносить человѣка — „завіавсь“, „повіавсь“, приносить вѣсть, морь—повѣтріе), *сляна* (слово, порча); гаданія вѣтромъ и водою на 84 стр.; *утопить* (погубить), *разливъ* (горе, недруги), *слезы* (роса, дождь), *лить, обливанье и обсыпанье* (обливанье дѣвицъ у колодца на 97; рождественскіе обряды съ кашей на 100—102); *облако* (ткань, дымъ, символъ покрыванія, изобилія и красоты); *листья* (одежда; зеленые листья—символъ брака; опаданіе листьевъ—разлука); *рой* (густота, изобиліе, красота; символъ молодого и поѣзжанъ); *вить, вязать, нить, нуты, узды* (сватанье, дѣвица, женщина, любовь и бракъ, завиваніе вудрей—любовь и счастье; счастливыя примѣты о паукахъ и паутинѣ; обрученіе; заручины; кромѣ любви, узды, возжи, ярмо означаютъ еще неволю, нужду; рыночныя обряды въ зависимости отъ символа вязанія на 132); *ключъ и замокъ* (символы власти, дѣвицы, росы, силы слова); *рвать* (переходъ въ ткать, плестъ, чесать, рѣзать, бить); *платье* (рубаха—дѣвица, рвать ткань—любить); *дорога* (ходить по дорогѣ—любить); *орить* (любить, жениться), *равнина, поле* (воли, приволье) и *юры* (горе, неволя).

Фактическій матеріалъ почерпнутъ большею частью изъ сборниковъ Метлинскаго и Терещенка, затѣмъ изъ Гаупта, Кульды, Сахарова, Кулиша, Жеготы Паули, Караджича, Войццкаго и статей Буслаева.

Въ диссертациі Потемни о символахъ уже ясно и отчетливо обнаружались этнографическіе интересы автора. Потемня вератцѣ останавливается на обрядахъ, сказкахъ, заговорахъ

примѣтахъ. Нѣкоторые этнографическія детали, еле отмѣченныя въ диссертациі 1860 г., впоследствии были подробно разобраны Потебней. Такъ, въ томъ же направленіи символическаго толкованія языка и поэзіи написаны статьи „О связи нѣкоторыхъ представленій въ языкѣ“ (1864 г.), и „Переправа черезъ воду, какъ представленіе брака“ (1867 г.). Это символическое направленіе проходитъ во всѣхъ послѣдующихъ трудахъ Потебни, въ томъ числѣ въ лучшихъ позднѣйшихъ, напр., въ рецензіи на сборникъ пѣсенъ Головацкаго и въ сочиненіи о малорусскихъ и сродныхъ пѣсняхъ, но уже въ сопровожденіи многихъ примѣровъ и съ надлежащей научной аргументаціей.

Въ 1865 г. А. А. Потебня въ „Чтеніяхъ въ общ. ист. и древн. рос.“ помѣстилъ обширное (310 стр.) изслѣдованіе „О мифическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій“. Символическое толкованіе словъ обнаруживается во многихъ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, изрѣдка въ текстѣ. На первомъ мѣстѣ стоитъ мифологія. Это было время господства въ Россіи мифологической теоріи. Въ Германіи увлеченіе мифологіей начинало уже ослабѣвать. Въ 1859 г. вышло знаменитое предисловіе Бенфея къ Панчатантрѣ, положившее начало новому направленію — ученію о литературномъ и бытовомъ заимствованіи, которое повело къ ограниченію мифологической теоріи. Но въ Россіи въ 60-хъ годахъ ученіе это не успѣло окрѣпнуть. На поприщѣ мифологическаго изслѣдованія повѣрій и обрядовъ Потебня имѣлъ уже талантливыхъ предшественниковъ, Срезневскаго, Буслаева, Аванасьева, отчасти Бодянскаго и Шеппинга, но Потебня не послѣдовалъ за ними въ выборѣ темъ, въ распредѣленіи матеріала и въ выводахъ. Его учителями и руководителями оказались выдающіеся представители нѣмецкой мифологіи, Я. Гриммъ, Мангардтъ и Вольфъ. Потебня выбиралъ темы и распредѣлялъ матеріалъ самостоятельно; но въ выводахъ, въ освѣщеніи и толкованіи обрядовъ и повѣрій—обнаруживается вліяніе нѣмецкихъ образцовъ.

Сочиненіе распадается на три большія главы. Первая посвящена рождественскимъ обрядамъ (1—80); вторая трактуетъ

о бабѣ-Ягѣ (81—232) и третѣ о змѣѣ, волкѣ и вѣдьмѣ (233—310). Каждая глава представляет самостоятельное цѣлое.

Изслѣдованіе о *рождественскихъ обрядахъ* оказалось наиболѣе продуктивнымъ въ научномъ отношеніи, по обилію фактическихъ данныхъ и тѣсной связи ихъ съ жизнью народа. Начинается это изслѣдованіе съ описанія сербскаго *бадняка* (сжиганіе въ печи бревна), посыпанія хлѣбныхъ зеренъ, возжиганія свѣчей и чествованія плуга. Далѣе говорится о посвященіи солнцу и жертвоприношеніи свиньи, быка и оленя, отчего пошли и обрядныя кушанья: свинина, колбасы. Въ концѣ изслѣдованія собрано много матеріала объ обрядовомъ употребленіи хлѣба и каши. Съ 1865 г. русская наука не стояла на мѣстѣ, и въ то время, какъ Потебня оставилъ шаткую почву мифологіи и предался спеціально филологическимъ занятіямъ, всѣ части его труда о рождественскихъ обрядахъ были другими учеными исправлены, развиты, переработаны, и наконецъ въ новое время появились самостоятельные научные труды по тѣмъ же отдѣламъ фольклора, и въ этихъ трудахъ выдвинуты новые матеріалы и новыя точки зрѣнія. Прежде всего крупныя исправленія внесены П. А. Лавровскимъ въ рецензіи 1866 г. Эти исправленія касаются преимущественно предложенныхъ Потебней толкованій отдѣльныхъ словъ (баднякъ, млинъ, ядро и др.). Толкованія обрядовъ и повѣрій, предложенныя Лавровскимъ, сравнительно съ его филологическими поправками, имѣютъ мало значенія. Обрядовое употребленіе свинины и родственные обряды подробно обслѣдованы А. Н. Веселовскимъ въ „Розысканіяхъ“ (1880 г.); обрядовое употребленіе хлѣба разработано мной въ 1885 г. въ спеціальной монографіи „Хлѣбъ въ обрядахъ и пѣсняхъ“, причемъ трудъ А. А. Потебни былъ для меня драгоцѣннымъ пособіемъ. Позднѣе въ 1887 г. вышло сочиненіе Гуссома „Histoire du pain à toutes les époques et chez tous les peuples“, содержаніе котораго, довольно жидкое, не отвѣчаетъ громкому заглавію, интересное сочиненіе чешскаго ученаго Коштыла „Chléb v pověrách a zvycích lidu českého“ (1886), небольшая моя статейка „Starodawne sposoby przyrządzania chleba“ въ „Вислѣ“ 1890 г. Сюда же относится неболь-

шое сочиненіе Штауба „Das Brod im Spiegel schweizer-deutscher Volkssprache und Sitte“ (1868 г.).

Изслѣдованіе о *бабѣ-Ягѣ* до настоящаго времени сохранило большую научную цѣнность, по обилію разнороднаго этнографическаго матеріала. Въ началѣ изслѣдованія Потебня говоритъ о Гольдѣ и Бергѣ, затѣмъ сближаетъ съ этими миѣическими лицами бабу Ягу, на основаніи нѣкоторыхъ общихъ повѣрій о мыши и воронѣ. Далѣе идетъ сближеніе съ бабой Ягой Гвоздензуба, бабы Руги, бабы Коризмы, Покладней бабы и Марены. Большія сомнѣнія вызываютъ дальнѣйшія миѣическія толкованія сказокъ о лисѣ и сближеніе ихъ съ сказками о бабѣ Ягѣ. Значительный интересъ представляетъ разборъ сказки объ Ивасѣ и вѣдьмѣ, въ связи съ мнѣніями Э. И. Буслаева объ этой сказкѣ. Большой научный интересъ имѣетъ разборъ основныхъ мотивовъ сказокъ о злой мачихѣ. Изъ частныхъ сказочныхъ мотивовъ весьма подробно рассмотрѣны: кобылья голова, сказочныя жабы, чудесныя по быстротѣ кони, женщины-лебеди, южнославянскія вилы, связь вилы со звѣздой, мотивы о бабьихъ дочкахъ, о черепахѣ, ракѣ, пчелѣ и щукѣ въ народной словесности, въ частности по связи ихъ съ бабой Ягой. Статья оканчивается сближеніями Яги съ Пятницей и Недѣлей, не выдерживающими научной критики. Погрѣшности въ миѣическомъ толкованіи обрядовъ и повѣрій не роняютъ статью въ научномъ отношеніи. Дѣло въ томъ, что подстановки неба, тучи, зимы, висящія въ воздухѣ, легко отдѣлимы отъ богатаго пущеннаго въ ходъ этнографическаго матеріала, и всякій безпристрастный и добросовѣстный этнографъ найдетъ въ статьѣ Потебни о Ягѣ цѣнное и полезное пособіе по многимъ отдѣламъ фольклора. Основные положенія о миѣическомъ значеніи Яги вѣрны, по крайней мѣрѣ, до настоящаго времени ни мало не поколеблены. Г. Ганушъ-Махалъ, авторъ новѣйшаго изслѣдованія о славянской миѣологіи (*Nákres slovanskeho bajeslovi*, 1891 г.), вполне раздѣляетъ основное положеніе Потебни о миѣическомъ значеніи Яги, какъ образъ зимнихъ бурь и тучъ; съ славянскими повѣрьями о Ягѣ онъ сравниваетъ древне-греческія о горгонахъ (66 — 68). Статьѣ Потебни о Ягѣ вре-

дить обиліе частныхъ мотивовъ, такіа сближенія (сказки о лисѣ и др.), которыя не имѣютъ связи съ сказками о Ягѣ и привлечены гадательно. Эти детали имѣютъ самостоятельную цѣнность; но въ экономіи статьи онѣ представляются часто лишними и нарушаютъ цѣльность содержанія и послѣдовательность въ изложеніи основныхъ мотивовъ сказокъ и повѣрій о Ягѣ.

Третья глава, посвященная *сближенію змѣи, волка и вѣдьмы*, представляетъ также цѣнное научное изслѣдованіе, не въ силу самаго сближенія, искусственного и натянутого, а по подбору и обработкѣ сыраго этнографическаго матеріала. Строгій критикъ сочиненія „О миѣнч. знач. нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій“ П. А. Лавровскій отдастъ справедливость автору, что „концемъ своего изслѣдованія онъ заготовилъ подробный матеріалъ для критической его разработки“. Потебня начинаетъ третью статью съ опроверженія мнѣнія Аванасьева о змѣѣ, какъ громовомъ божествѣ, и говоритъ о связи змѣи съ водой, съ тучами, причемъ подробно останавливается на сказкахъ о борьбѣ богатырей со змѣемъ изъ-за похищенныхъ послѣднимъ царевенъ, сказкахъ о трехъ царствахъ, сказкахъ о Кошеѣ Безсмертномъ, гдѣ Кошей замѣняетъ змѣя, сказкахъ о змѣиныхъ дочкахъ и женѣ змѣи (=туча) и сказкахъ о сватаньѣ на дочери змѣи (сказки объ Иванѣ Голикѣ и др.). Далѣе слѣдуютъ замѣчанія о волколакахъ, упыряхъ и вѣдьмахъ, предположенія о миѣнческомъ значеніи ихъ, приложимыя вполне къ вѣдьмамъ, но большею частью ошибочныя относительно волколаковъ и упырей. Статья оканчивается интереснымъ обзоромъ растительныхъ обереговъ отъ вѣдьмъ, чеснока, крапивы, терновника и осины.

Сочиненіе Потебни „О миѣнческомъ значеніи обрядовъ“ вызвало обширную (въ 102 стр.) и суровую критику П. А. Лавровскаго во 2 кн. „Чтеній московск. общ. истор. и древ.“ 1866. Рецензія Лавровскаго сильна по отрицанію, но слаба и безцвѣтна въ смыслѣ положительномъ. Рецензентъ удачно и мѣтко вскрываетъ слабыя стороны въ выводахъ Потебни, не давая своихъ собственныхъ и не восполняя этнографическаго матеріала. Слабостью положительныхъ данныхъ объясняется, что рецензія Лавровскаго не оставила въ наукѣ замѣтнаго

слѣда. Лавровскій признаеть въ сочиненіи Потебни „усидчивую продолжительность и добросовѣстность труда, не отрицаетъ пользы его для науки, по крайней мѣрѣ, со стороны подбора фактовъ славянскаго матеріала и сближенія ихъ съ фактами другихъ родственныхъ народовъ“ (102); но въ то же время Лавровскій обстоятельно обвиняетъ Потебню въ томъ, что онъ „придалъ слишкомъ много значенія случайному сходству и слишкомъ мало обратилъ вниманія на спеціальныя условія народа, неизбѣжно влиявшія какъ на физическую его сторону, такъ и на нравственную“, не обратилъ вниманія на христіанскія элементы и подгонялъ факты подъ предвзятую идею. Послѣдній упрекъ, подкрѣпленный многочисленными ссылками и выписками, для Потебни былъ полезенъ. Десять лѣтъ спустя Срезневскій писалъ: „Читая произведенія (Потебни 60-хъ годовъ), нельзя не удивляться начитанности изслѣдователя и умѣнью пользоваться знаніемъ многихъ языковъ и произведеній народной поэзіи и мифологіи многихъ народовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его широкой сообразительности въ приисканіи соотношеній между представленіями и въ сравненіи годныхъ для него данныхъ, замѣченныхъ имъ въ самыхъ разнообразныхъ источникахъ. Немудрено, что саоденобилне запасовъ его памяти и легкость ими пользоваться давали ему силу увлекаться, и что эта сила увлеченія должна была нерѣдко побуждать въ немъ сдержанность его ума; готового столько же подчиняться несомнѣннымъ доказательствомъ, сколько и сомнѣваться во всемъ, что не объясняется такими доказательствами. Увлеченіе заставляло приходиться къ выводамъ, показавшимся другимъ слишкомъ смѣлыми или и невѣрными, хотя и къ такимъ же, какіе были защищаемы изслѣдователями, достойными полного уваженія, и между прочимъ такими даровитыми, какъ Яковъ Гриммъ и Буслаевъ. Самыя увлеченія такихъ людей важны для успѣховъ науки; для выработки пріемовъ работы и пріемовъ критики, для оцѣнки важности данныхъ, нужныхъ для выводовъ и выводовъ изъ нихъ. Разсматривая съ этой стороны труды Потебни, нельзя не быть признательнымъ ему за нихъ, такъ же, какъ, напр., и Лавровскому за строгій раз-

боръ части ихъ. Только время и послѣдующія изслѣдованія многихъ дѣятелей могутъ показать, что именно изъ соображеній Потебни должно считать достояніемъ науки“ (*Срезневскій*, Отчетъ, 17—18). Можетъ быть, не безъ вліянія критики Лавровскаго развелась въ Потебнѣ съ теченіемъ времени большая осторожность въ выводахъ. Въ послѣднихъ, самыхъ крупныхъ по величинѣ и достоинству, этнографическихъ трудахъ Потебни эта осторожность уже такъ велика, что встрѣтила осужденіе со стороны А. Н. Пыпина: „Новые труды ученаго автора, говоритъ г. Пыпинъ, въ высокой степени цѣнны для специалистовъ громадной массой наблюденій надъ стилемъ народной пѣсни, ея метафорическими и символическими образами, мифологическими намеками, психологической подкладкой; жаль, однако, что авторъ все время остается только изслѣдователемъ комментаторомъ, собираетъ богатый матеріалъ любопытныхъ сопоставленій и уклоняется отъ общаго вывода о стилѣ и мифологическомъ содержаніи изслѣдованныхъ имъ областей народной поэзіи,—вывода, который въ рукахъ многоопытнаго изыскателя могъ бы быть особливо поучителенъ, между прочимъ какъ руководство для послѣдующихъ работниковъ на этомъ поприщѣ“ (Ист. русск. этногр., II, 153).

Сочиненіе Потебни „О мифическомъ значеніи обрядовъ“ къ малорусской этнографіи относится косвенно, по общію вошедшихъ въ него (преимущественно въ первую главу) малорусскихъ повѣрій и сказокъ.

Не имѣетъ прямого отношенія къ малорусской этнографіи и другое ближайшее по времени (1866 г.) сочиненіе Потебни *О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій* (въ Филол. Запискахъ и отдѣльно). Отзывъ объ этомъ сочиненіи—Срезневскаго въ его Отчетѣ, стр. 19 — 20. Основное положеніе Потебни, принятое Срезневскимъ, состоитъ въ томъ, что раздробленіе древне - русскаго языка, отличнаго уже отъ другихъ славянскихъ, на нарѣчія началось многимъ раньше XII вѣка, потому что въ началѣ XIII в. находимъ уже несомнѣнные слѣды раздѣленія великорусскаго нарѣчія на сѣверное и южное, а такое раздѣленіе необходимо предполагаетъ уже и существованіе ма-

лорусскаго, которое болѣе отличается отъ каждаго изъ великорусскихъ, чѣмъ эти другъ отъ друга.

Въ 1867 году Потебня напечаталъ двѣ большихъ статьи этнографическаго содержанія: „*О долѣ и сродныхъ съ нею существахъ*“ (во II т. „Древностей“ Моск. арх. общ.) въ 44 стр. и „*О купальскихъ огняхъ*“ (въ „Археол. Вѣстникѣ“ Москов. археол. общ.) въ 19 стр. Обѣ эти статьи, въ особенности вторая (о купальскихъ огняхъ), сохранили до настоящаго времени научную цѣнность по обилію матеріала, подбору его и выводамъ.

Въ настоящее время народныя представленія о Долѣ имѣютъ обширную научную литературу. Въ 60 годахъ матеріала было еще мало, и матеріалъ былъ очень разбросанъ. Можетъ быть, широкая научная разработка Доли обязана именно тому, что Потебней былъ заложенъ прочный фундаментъ. Въ началѣ статьи Потебня говоритъ о названіяхъ Доли и Недоли (счастье, доля, сребра, намѣра, случай, притча, пригода, рокъ, лихо, бѣда, горе, журба) и объ отношеніи Доли и Недоли къ человѣку (приходятъ къ человѣку, помогаютъ или мучатъ и пр.). Далѣе слѣдуетъ утвержденіе, что Доля и Недоля—не олицетворенія, какъ думалъ Ѳ. И. Буслаевъ, а мнѣческія существа съ объективнымъ бытіемъ. Въ доказательство этого положенія слѣдуютъ обстоятельныя указанія на связь Доли и т. п. съ несомнѣнно мнѣческимъ лицомъ—домовымъ, на связь Доли и души, Доли и болѣзней, Доли и Усуда сербскихъ сказокъ. При этихъ параллеляхъ и сопоставленіяхъ собрано много матеріала о домовомъ, скандинавской фильгін и дѣтской сорочкѣ, о народныхъ представленіяхъ о болѣзняхъ вообще, въ частности о лихорадкахъ. Въ концѣ статьи находится подробный обзоръ сербскихъ сказокъ объ Усудѣ, въ которомъ Потебня усматривалъ верховное мнѣческое существо—подателя доли. Къ этой статьѣ Потебни можно примѣнить тотъ упрекъ, который Лавровскій сдѣлалъ Потебнѣ по поводу сочиненія о мнѣческомъ значеніи повѣрій: полное невниманіе къ повѣрьямъ, сложившимся на христіанской апокрифической почвѣ, что въ особенности приложимо къ той части, гдѣ рѣчь идетъ о лихорадкахъ.

Съ легкой руки Потебни научная литература обогатилась цѣлымъ рядомъ крупныхъ изслѣдованій о народныхъ представленіяхъ о долѣ: Боровиковскаго (1867 г.), г. Крауса (1889), г. Александра Веселовскаго (1883 и 1891), г. Васильева (1890), г. Довнаръ-Запольскаго (1891) и Н. В. Иванова (1892 г.). Въ ряду этихъ изслѣдованій труды Боровиковскаго (въ IV кн. „Чтеній“ москов. общ. истор. и древн. рос. 1867 г.), г. Васильева (въ Этногр. Обзор. 1890, № 1) и г. Иванова (въ IV т. Трудовъ харьк. истор.-филол. общества) построены всецѣло на украинскомъ матеріалѣ. Въ научномъ отношеніи на первомъ мѣстѣ стоитъ обширный трудъ г. Веселовскаго.

Статья „О купальскихъ огняхъ и сродныхъ съ ними представленіяхъ“ и въ настоящее время представляется наиболѣе крупной и цѣнной въ научной литературѣ о купалѣ. Съ 1867 года появилось довольно много новаго матеріала; но матеріалъ этотъ не подвергался подробному научному обслѣдованію. Моя краткая статья въ „Культурныхъ переживаніяхъ“ (§ 57) и также краткія статьи г. Соболевскаго (въ Рус. Филол. Вѣстн.) и г. Гануша-Махала (въ *Nakres slov. bajeslovi*) не могутъ въ совокупности замѣнить статью Потебни. Правда, въ этой статьѣ нѣтъ многихъ купальскихъ обрядовъ и повѣрій; но за то тѣ немногія детали, которыя привлекли къ себѣ вниманіе Потебни, разобраны имъ весьма обстоятельно. Въ началѣ статьи находится сближеніе купальскихъ костровъ съ топленіемъ и сжиганіемъ Марены—въ доказательство, что купало—праздникъ солнца. Далѣе слѣдуетъ интересный обзоръ фактовъ о добываніи огня посредствомъ тренія и о всемірномъ небесномъ деревѣ; но лучшая часть статьи—последняя, гдѣ Потебня говоритъ о громовомъ и солнечномъ значеніи омелы, лѣщины, дуба, плакуна, вербы и папортника. Мнѣніе о связи этихъ растений съ небеснымъ огнемъ, можетъ быть и несостоятельное въ нѣкоторыхъ фактическихъ деталяхъ, въ основаніи представляется весьма вѣроятнымъ. Подборъ фактовъ сдѣланъ широко, въ особенности много собрано о папортникѣ. Во всякомъ случаѣ, будущему исследователю купальскихъ обрядовъ и повѣрій придется серьезно считаться съ мнѣніями Потебни, при-

дется пользоваться собраннымъ имъ матеріаломъ. Можно надѣяться на скорое появленіе такого спеціальнаго труда о купалѣ, въ которомъ купальскіе обряды и пѣсни будутъ разобраны во всей ихъ полнотѣ и со всѣхъ сторонъ. Есть основаніе думать, что такимъ изслѣдованіемъ подарить науку современная польская этнографія, можно думать въ виду того усердія, съ которымъ польскіе этнографы собираютъ матеріаль, какъ польскій, такъ и южнорусскій. Лучшій, наиболѣе полный сборникъ малорусскихъ купальскихъ пѣсенъ и обрядовъ принадлежитъ г-жѣ Мопинской въ V т. „Zbiór wiadomości do antrop. krajo wej“. Въ прошломъ году г. Любичъ составилъ подробную программу (kwestionariusz) для собиранія свѣдѣній о купальскихъ обрядахъ и пѣсняхъ (Sobótka). Эта программа вызвала уже цѣлый рядъ замѣтокъ и матеріаловъ въ журналѣ „Wisła“, въ частности въ 1 кн. „Вислы“ 1891 г. любопытный матеріаль г. Ястржембовскаго.

Въ 1870 года Потебня въ „Филологическихъ Запискахъ“ помѣстилъ „Замѣтки о малорусскомъ нарѣчій“, вышедшія въ въ 1871 г. отдѣльно книгой въ 134 стр. Въ 1875 г. Срезневскій писалъ объ этой книгѣ: „По характеру изложенія это дѣйствительно замѣтки; по кто, прочетши эти замѣтки, захочетъ дать себѣ отчетъ въ томъ, что онъ изъ нихъ узналъ, тотъ будетъ въ состояніи не только опредѣлить звуковыя особенности малорусскаго нарѣчія сравнительно съ великорусскимъ въ ихъ повременномъ развитіи, общемъ и мѣстномъ, но и ясно отвѣчать на нѣкоторые трудные вопросы фонетики русскаго языка вообще, имѣя средство доказательно оспаривать нѣкоторые изъ ихъ прежнихъ рѣшеній, могшихъ казаться окончательными. Нельзя при этомъ не замѣтить, что свои наблюденія г. Потебня извлекъ изъ очень богатаго подбора источниковъ, какъ древнихъ и старинныхъ, такъ и современныхъ. Нельзя также не быть ему признательнымъ за желаніе быть безпристрастнымъ, дававшее ему рѣшимость сознаваться въ ошибкахъ, отказываться отъ мнѣній, оказавшихся невѣрными, искать не доказательствъ предвзятой мысли, а какъ можно болѣе данныхъ для наиболѣе вѣрнаго свода ихъ къ выводу“ (Отчетъ, 22).

„Замѣтки“, цѣнныя въ филологическомъ отношеніи, не даютъ ничего этнографическаго въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Только на стр. 62—64 находится любопытная замѣтка о трехъ малорусскихъ словахъ дзыглыкъ, дженжуристый и дзиндзиверъ. Остановиваясь на славянскихъ словахъ съ дж, дз, Потебня говоритъ: „Малорусскихъ словъ съ дз, дж несравненно больше, чѣмъ сколько вошло въ словарь Аванасьева. Я укажу здѣсь на три иностранныя слова, въ коихъ въ украинскомъ говорѣ стоитъ дз, дж: дзыглыкъ, польск. *zedlik*, *zedel* есть нѣмец. *sessel* по нижненѣмецкому произношенію съ *t*; джиджулуха, приджиджультися—принарядиться, откуда дженджуристый—нарядный, серб. кинджуритися—рядиться, джинджеръ—какое то украшеніе и въ переносномъ смыслѣ эпитетъ человѣка, и джинджуха—стекляная бусина, и третье слово—дзиндзиверъ, по мнѣнію Потебни, *malva moschata*—растеніе съ пріятнымъ запахомъ (по мнѣнію другихъ—*althea officinalis* или *malva silvestris*). Отъ высокаго ствола растенія переносное значеніе дзиндзиверъ—молодецъ (въ Энеидѣ Котляревскаго и въ народныхъ пѣсняхъ). Потебня указываетъ далѣе, что въ хожденіи за три моря Аванасія Никитина (1468 г.) упоминается зеньзебиль (*zinziber officinale*), и затѣмъ, по даннымъ у Пота, указано греческое слово дзиндзиверисъ и его итальянскія и нѣмецкія искаженія (*zenzevere*, *giengiero*, *ingwer*, инбирь). Этими данными вообще опредѣляется происхожденіе малор. дзиндзиверъ, причемъ Потебня не берется рѣшать, перешло ли это слово прямо изъ греческаго или черезъ итальянскій, что тоже возможно.

Со времени „Замѣтокъ“, или, точнѣе, со времени „Купальскихъ огней“, т. е. съ 1867 г. и до конца семидесятыхъ годовъ, до 1877 и 1878 г., Потебня работалъ въ области спеціально филологической. Въ это время имъ были напечатаны „Записки по русской грамматикѣ“, первая часть „Къ исторіи звуковъ“ и разборъ „Очерка звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія“ г. Житецкаго. Можно было подумать, что Потебня совсѣмъ оставилъ этнографію, и по этому поведи появились даже сожалѣнія, высказанныя авторитетными людьми науки. Такъ, Срезневскій въ своемъ академическомъ отчетѣ 1875 го-

да писалъ: „Можно даже пожалѣть, что г. Потебня, насколько это можно видѣть изъ издаваемыхъ имъ нынѣ трудовъ, уже не продолжаетъ трудиться въ направленіи, котораго исключительно держался въ первые годы своей учено-литературной дѣятельности: даровитость, управляемая опытностью и желаніемъ сознательно объяснять неясное самому себѣ и потомъ уже другимъ, всегда можетъ быть порукою въ пользѣ дѣятельности людей науки, въ какомъ бы направленіи они ни трудились“.

Опасенія были напрасны. Въ концѣ 70-хъ и въ 80-хъ годахъ Потебня снова выступилъ на поле этнографическихъ изученій и обогатилъ науку капитальными трудами, далеко превосходящими его этнографическія изслѣдованія 60-хъ годовъ, по методологін, обилію фактовъ и осторожности въ выводахъ.

Второй періодъ этнографической дѣятельности Потебни охватилъ ровно десятилѣтіе, начался въ 1877 году съ объясненія одной малорусской пѣсни XVI в. и закончился въ 1887 г. объемистымъ трудомъ о колядкахъ. Этнографическіе труды Потебни этого періода стоятъ въ Малороссіи гораздо ближе, чѣмъ отмѣченные выше труды о рождественскихъ обрядахъ, бабѣ Ягѣ, Долѣ и Купальскихъ огняхъ.

Въ малорусской этнографіи выдаются по научной обстановкѣ 3 изданія памятниковъ словеснаго народнаго творчества: „Историческія пѣсни Антоновича и Драгоманова (1874 г.)“, „Малор. пѣсня по списку XVI в.“ Потебни (1877) и „Корницкая свадьба“ Н. А. Янчука (1886 г.). Каждое изъ этихъ изданій имѣетъ свои особенности; въ одномъ преобладаютъ историческія толкованія, въ другихъ филологическія; но всѣ эти изданія должны быть настольными книгами при собираніи, обработкѣ и изданіи этнографическихъ матеріаловъ, какъ образцы высокаго уваженія къ народному слову, трудолюбиваго и добросовѣстнаго изученія народныхъ пѣсенъ въ цѣломъ и въ мелкихъ подробностяхъ. Тутъ важно содержаніе и методъ изслѣдованія, приемы издателей, самое отношеніе ихъ къ предмету изслѣдованія. У Антоновича и Драгоманова методологія отчасти заслонена и ослаблена богатствомъ самого содержанія пѣсенъ, ихъ высокими художественными достоинствами. Потебня

и г. Янчук оперируютъ надъ матеріаломъ сравнительно мелкимъ и блѣднымъ, и потому самая работа ихъ стоитъ болѣе на виду; отчетливѣе обрисовываются всѣ ихъ приемы и выводы.

Статья Потебни „Малорусская народная пѣсня по списку XVI в.“ (текстъ и примѣчанія) была сначала напечатана въ Филол. Запискахъ, потомъ вышла въ оттискахъ (53 стр.). Здѣсь находится разборъ малорусской пѣсни, напечатанной въ „Чешской грамматикѣ“ Благовѣста (1571 г.) въ числѣ образцовъ славянскихъ нарѣчій. Пѣсня эта—„Дунаю, Дунаю, чому смутенъ течешъ“—повѣствуетъ о томъ, какъ на берегу Дуная сражались три арміи, турецкая, татарская и волоская. Стефанъ, воевода волоскій, не можетъ жениться на любящей его дѣвушкѣ, потому что она не равна ему, и не можетъ бросить ее, потому что любитъ ее. Дѣвица бросается въ Дунай, и Стефанъ ее спасаетъ (причемъ предполагается и женитьба). Комментаріи раздѣляются на четыре главы: 1) о языкѣ, 2) о размѣрѣ, 3) о началахъ пѣсенъ и 4) о главномъ содержаніи пѣсни о Стефанѣ. Въ первой главѣ отмѣчены чехизмы и случаи дательнаго на *ми* и *ти*, *намъ*, *вы*, *вамъ*, во второй—о размѣрѣ пѣсни о Стефанѣ въ 12 слоговъ въ стихѣ и о цезурѣ. Эта маленькая глава представляетъ зародышъ тѣхъ обширныхъ изслѣдованій о размѣрѣ пѣсенъ, какія вошли въ рецензію на сборникъ пѣсенъ Головацкаго (1878 г.) и въ сочиненія о малорусскихъ и сродныхъ пѣсняхъ (80-хъ годовъ). Въ этой главѣ Потебня высказываетъ слѣдующее положеніе, подробно развитое въ упомянутыхъ его трудахъ: „Говорить здѣсь о ямбахъ, хоряхъ и проч., хотя бы и тоническихъ, нѣтъ другаго основанія кромѣ школярной рутинѣ. Единственный метръ есть именно полустішіе. Размѣръ народной пѣсни первоначально возникаетъ вмѣстѣ съ напѣвомъ, почему синтаксическое дѣленіе стиха совпадаетъ съ естественнымъ дѣленіемъ напѣва“. Въ краткой четвертой главѣ говорится о символическомъ значеніи героическаго средства дѣвицы броситься въ Дунай. Главная сила статьи заключается въ обширной третьей главѣ (14—50), трагующей о народной поэзіи съ новой стороны. Здѣсь Потебня „безъ притязаній на полноту“ отмѣчаетъ слѣдующіе приемы: 1) на-

чала пѣсенъ безъ приступа, съ еобытія или рѣчи дѣйствующаго лица, или съ краткаго и сухаго обозначенія мѣста и времени; 2) начала съ непосредственнаго воспріятія пѣвца; 3) начала съ символа; 4) начала, изображающія дѣйствія пѣвца и приводящія его къ извѣстнымъ наблюденіямъ, составляющимъ содержаніе пѣсни; въ силу того, что такіа начала характеристичны для заговоровъ и причитаній надъ мертвыми, Потебня посвящаетъ нѣсколько страницъ заговорамъ и плачамъ; 5) начала съ подробнаго описанія мѣстности дѣйствительной или идеальной, описанія, равнаго основному содержанію пѣсни или даже переростающаго это содержаніе; 6) начала, въ которыхъ не самъ пѣвецъ видитъ поле, море и пр., а птица съ высоты полета, причемъ широкая сцена, какъ и въ началахъ предыдущаго №, представляетъ иногда тройственное дѣленіе; къ этимъ началамъ подходятъ начала со звѣзды или съ животныхъ, и 7) начала, въ которыхъ разрабатывается внутреннее содержаніе пѣсни и мысль пѣвца внутри самой пѣсни находитъ новое движеніе мысли по спирали къ центру, своего рода *einschachtelung*. Такиа начала встрѣчаются въ величайшихъ пѣсняхъ. Эти положенія снабжены многими примѣрами.

Въ статьѣ „Малор. пѣсня по списку XVI в.“ Потебня неоднократно обращается къ „Слову о Полку Игоревѣ“. Въ началѣ статьи есть замѣтки о языкѣ Слова, въ концѣ—о запѣвѣ автора Слова“. Очевидно, что Потебня въ это время обстоятельно изучалъ *Слово о Полку Игоревѣ* въ связи съ народной поэзіей, преимущественно южнорусской. Результатомъ этихъ изученій было обширное изслѣдованіе о Словѣ, напечатанное въ „Филол. Запискахъ“ 1878 г. (были оттиски). По существу дѣла, этнографическій матеріалъ, приведенный въ обиліи, имѣетъ здѣсь служебное значеніе, за исключеніемъ нѣкоторыхъ частностей, имѣющихъ общее этнографическое значеніе, наприм., замѣтокъ о молоткѣ, саблѣ съ очами и о вѣщихъ перстахъ (12—14), Велесѣ, вилетѣ и пр. (22), образахъ Дива, Гора, Обиды (28—31, 36, 69, 97), сравненій князя съ солнцемъ (44), разныхъ эпитетахъ (41, 45), значеніи словъ свичай и

обычай (48—50), символъ битвы (62), символъ гибели (79, 94), символахъ печали и слезъ (84—90), толкованіе собственныхъ именъ Ромень (городъ по рѣкѣ, ромень=литов. *gampus*, тихій, спокойный) и Освелъ (105), толкованія словъ буй, буюво и др. (112), о символѣ разлуки (114), символахъ битвы (125), символѣ любви и брака (148), о пѣніи лебедей (151). Замѣтки о символахъ, повторяющія общія мнѣнія, высказанныя въ магистерской диссертациі 1860 г., обставлены примѣрами изъ народной словесности, что придадо символическимъ толкованіямъ прочную опору.

Въ 1878 г. въ Отчетѣ объ уваровскихъ преміяхъ было напечатано одно изъ крупныхъ сочиненій Потебни—*рецензія на сборникъ галицкихъ пѣсенъ Головацкаго* (89 стр.). Это сочиненіе извѣстно лишь немногимъ спеціалистамъ. Малая извѣстность его обусловлена помѣщеніемъ въ такомъ изданіи, которое имѣетъ очень ограниченный кругъ читателей. Оттиски были, но, кажется, въ небольшомъ количествѣ и въ продажу не поступали. Затѣмъ, эта статья Потебни съ трудомъ читается; она состоитъ изъ отдѣльныхъ замѣтокъ; встрѣчаются отступленія; прокладываются новыя пути для изученія пѣсенъ, требующіе отъ читателя усиленнаго вниманія, рѣчь сжатая, сильная и мѣстами тяжелая. А между тѣмъ—это единственное сочиненіе Потебни, гдѣ на ряду съ научными деталями высказались общіе взгляды и убѣжденія автора по вопросамъ объ отношеніи народности къ цивилизаціи, о значеніи денаціонализаціи и др. т. п. Самъ Потебня дорожилъ этимъ трудомъ преимущественно съ этой стороны, какъ видно изъ слѣдующихъ его словъ въ автобіографіи: „Изъ того, что мнѣ приходилось говорить о народности, заимствованіи и т. п. въ печать попадали только строки, напр., въ разборѣ пѣсенъ Головацкаго“. Самыя характерныя страницы (29—34), нашедшія мѣсто въ академическомъ изданіи, въ настоящемъ случаѣ могутъ быть переданы лишь въ сокращеніи. Основная мысль автора достаточно отчетливо высказана въ слѣдующихъ строкахъ:..... „Отождествленіе народности со стариною и мнѣніе о ложности западной цивилизаціи можетъ подрывать довѣріе къ націонализму

въ тѣхъ, для кого это ученіе не стоитъ крѣпко и не связано неразрывно съ самымъ предметомъ ихъ занятій.... Если бы постороннее вліяніе на народность было само по себѣ пагубно, то новыя народности не возникали бы вовсе..... Ошибка состоитъ здѣсь въ представленіи народности только содержаніемъ. На дѣлѣ народность реальна по отношенію къ своему прошедшему; но какъ условленная имъ совокупность способностей воздѣйствія на новыя вліянія, она формальна до такой степени, что съ сохраненіемъ ея совмѣстимо даже полное, лишь бы постепенное, отрицаніе прежняго содержанія. Языкъ, согласно съ этимъ, есть не только одна изъ стихій народности, но и наиболѣе совершенное ея подобіе. Какъ немыслима точка зрѣнія, съ которой видны были бы всѣ стороны вещи... такъ невозможна всеобъемлющая безусловно-лучшая народность. Если бы объединеніе человѣчества по языку и вообще по народности было возможно, оно было бы гибельно для общечеловѣческой мысли, какъ замѣна многихъ чувствъ однимъ, хотя бы это одно было не осязаніемъ, а зрѣніемъ. Для существованія человѣка нужны другіе люди; для народности—другія народности“..... Въ этихъ словахъ заключается примиреніе цивилизаціи и націонализма и сознательное служеніе обѣимъ великимъ силамъ новаго времени. Въ этихъ словахъ выразился тотъ Потебня, какимъ онъ былъ въ жизни, на каждаго, во мнѣніи своихъ учениковъ—Потебня гуманистъ и мыслитель.

Рецензія Потебни на сборникъ пѣсенъ Головацкаго состоитъ изъ двухъ главъ. Въ первой главѣ, послѣ краткихъ историческихъ замѣчаній о Галичинѣ, Угорщинѣ и Буковинѣ и объ этнографической картѣ Головацкаго, слѣдуютъ замѣтки о названіяхъ горъ, перешедшихъ изъ Галиціи на сѣверъ и сѣверо-востокъ (бескѣды, грунь, дилованія и щелопокъ), племенныхъ галицко-русскихъ названій (гуцулы, бойки и лемки), о словахъ, свидѣтельствующихъ объ инородныхъ вліяніяхъ на галичанъ (румын. брындза, вурда, вглявгъ, струнка, греч. бескиды, колиба, пѣмец. плекати). Далѣе слѣдуетъ объясненіе обычаевъ и названій ихъ: мѣшенъе (пробное доеніе коровъ, отъ корня ма—мѣрить, откуда мѣсяцъ, какъ измѣритель времени),

лещадъ (бирки, счетныя палочки, расколотыя съ одного конца), токма (установленіе цѣны на овецъ на сходѣхъ сельскихъ старшинъ, срав. съ точно, притча, приткнути, ровно, справедливо), эти замѣтки (21, 25) любопытны по существу, въ частности, по обстоятельной аргументаціи. На 24 стр. Потебня привелъ сказку о томъ, какъ „попъ тельвся“, которую слышалъ въ Пенз. губ. Въ послѣднее время издано нѣсколько варіантовъ этой сказки, въ I т. „Смоленскаго Сборника“ Добровольскаго (бѣлорусская), въ „Сборникѣ“ Манжуры (малорусская, на стр. 94), въ Крѣпидѣ въ I т. (великорусскія). Потебня объясняетъ этой сказкой ту насмѣшливую пѣсню, гдѣ говорится, что Бойко отца своего стѣлѣтъ, что, однако, весьма сомнительно. Сказка сама по себѣ, а насмѣшка надъ Бойками сама по себѣ, и между ними не видно ничего общаго. Галицкая пѣсенка отличается вполне мѣстнымъ колоритомъ.

Вторая глава имѣетъ самостоятельное научное значеніе. Здѣсь находится оцѣнка сборника Головацкаго по полнотѣ, правописанію и распредѣленію пѣсенъ. Въ эту главу вошло обширное и цѣнное изслѣдованіе о формальныхъ основаніяхъ дѣленія пѣсенъ. Относительно величины сборника г. Потебня говоритъ: „Изъ наличныхъ сборниковъ галицко-русскихъ пѣсенъ сб. I. бѣльшій и лучшій; всѣ его отдѣлы въ настоящее время незамѣнимы, а отдѣлы колядокъ и щедровокъ по количеству поэтическихъ мотивовъ и красотѣ образцовъ значительно превосходятъ соотвѣтствующій отдѣлъ сборника Чубинскаго“. Потебня принятое Головацкимъ этимологическое правописание признаетъ неудобнымъ, по недостаточности его научнаго опредѣленія. „Изданіе произведеній устной словесности, говоритъ Потебня, должно быть закрѣпленіемъ ихъ грамотою прежде всего въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ застаётъ наблюдатель. Смѣшеніе этого чисто-научнаго дѣла съ дѣломъ практическимъ, каково образованіе объединяющаго письменнаго языка, вноситъ неправду въ то и другое... Если нѣтъ средства записывать фонетически вѣрно, т. е. нѣтъ нужнаго для этого знанія, досуга, вниманія, то на нѣтъ и суда нѣтъ. Лучше блѣдный и даже искаженный образъ народнаго слова, чѣмъ никакого. Но извиненіе не есть оправданіе, и въ принципѣ стоитъ крѣпко,

что сборникъ образцовъ устной словесности долженъ удовлетворять и требованіямъ языкознанія. Съ этимъ согласно только правописаніе, систематически избѣгающее иносказаній, умышленно ничего не маскирующее, не объединяющее, а представляющее раздѣльно то, что и существуетъ раздѣльно, не преслѣдующее другихъ цѣлей, кромѣ научныхъ“.

Въ статьѣ о формальной систематизаціи пѣсенъ Потебня исходитъ изъ того положенія, что разряды малорусскихъ и др. сродныхъ пѣсенъ характеризуются прежде всего напѣвомъ и размѣромъ. Опредѣленіе пѣсенъ по напѣву дѣло очень трудное, требующее знанія музыки. „Для того, чтобы это дѣло могло у насъ пойти впередъ, нужны прежде всего многочисленные собиратели, руководящіеся эстетическими побужденіями; развитіе же образованнаго общества въ этомъ направленіи встрѣчаетъ у насъ не только внутреннія, но и внѣшнія препятствія“. Немного иначе обстоитъ дѣло съ размѣромъ, какъ болѣе простой и легче доступной формой пѣсни. Потебня предполагаетъ, что съ опредѣленіемъ размѣра опредѣлятся широкіе потоки пѣсеннаго преданія и облегчено будетъ отыскиваніе развѣтвленій и слияній болѣе узкихъ теченій, образующихъ генеалогическую сѣть. Внѣшнія основанія распредѣленія поведутъ къ болѣе внутреннимъ основаніямъ подраздѣленій, именно, по сродству поэтическихъ образовъ. По формулѣ, гдѣ въ скобкахъ заключенъ стихъ, дѣленія котораго по слогамъ означены цифрами, и гдѣ поставлено число передъ скобками, обозначающее сколько разъ повторяется стихъ для составленія куплета, — по этой формулѣ Потебня указываетъ на слѣдующіе выдержанные размѣры: колядки—³[5+5], веснянки—³[5+5] или ³[5+3], коломыйки—³[8+6], талалайки—²[6+6]. Свадебныя пѣсни и думы отличаются неопредѣленнымъ количествомъ слоговъ. Опредѣленіе размѣра безъ привычки дѣло мѣшкотное и утомительное, тѣмъ болѣе, что практическіе результаты представляются проблематичными. Потебня производилъ эту работу легко: произнося въ слухъ стихъ, онъ выстукивалъ по столу пальцами; и размѣръ быстро опредѣлялся по числу ударовъ въ зависимости отъ числа слоговъ. Въ наукѣ, сколько мнѣ извѣстно, только

польскій этнографъ Нейманъ усвоилъ предложенный Потебней способъ опредѣленія размѣра и съ успѣхомъ приложилъ его въ сборникѣ малорусскихъ пѣсенъ въ VIII т. „Zbiór Wiadomości do antrop. krajowej“.

Нѣсколько интересныхъ страницъ посвящено началамъ пѣсенъ, указывающимъ на личность слагателя, преимущественно гуцульскихъ пѣсенъ. Эти начала (со звона, съ крика кукушки и др.), по словамъ Потебни, отвѣчаютъ выраженіямъ газетъ: „намъ сообщаютъ“, „упорно держится слухъ, что“... На этихъ же страницахъ (64—80) разбросаны замѣтки о символическомъ значеніи рѣки—рѣчи, дождя—слуховъ, купаться—жениться, пить—любить и др., замѣтки, восполняющія примѣрами то, что уже было высказано въ диссертациі 1860 г. о нѣкоторыхъ символахъ.

Сочиненіе Потебни „*Къ исторіи звуковъ русскаго языка*“ (4 части) представляетъ рядъ этимологическихъ статей и замѣтокъ, написанныхъ съ 1878 г. по 1883. Въ этнографическихъ изслѣдованіяхъ рѣдко встрѣчаются ссылки на это сочиненіе, и этнографы легко могутъ упустить его изъ виду, отнести въ разрядъ сочиненій спеціально филологическихъ, по имени автора, извѣстнаго филолога, по общему заглавію, указывающему исключительно на фонетику и въ особенности потому, что самая крупная по объему часть изслѣдованія — первый выпускъ — имѣетъ исключительно лингвистическій характеръ. Въ этнографическомъ отношеніи значительный интересъ представляютъ 2, 3 и 4 части. Отмѣтимъ здѣсь все существенно важное по части фольклора, выдѣляя главное на первое мѣсто и относя къ концу статьи мелочи.

На первомъ мѣстѣ по величинѣ и научной цѣнности стоитъ статья: „*Село, деревня и т. п.*“ (IV, 1—48), статья важная для филолога, этнографа, историка быта и права. Содержаніе статьи, въ короткихъ словахъ, съ пропускомъ всѣхъ лингвистическихъ деталей и всѣхъ выписокъ изъ древнихъ юридическихъ памятниковъ, состоитъ въ слѣдующемъ: Село не позже чѣмъ въ половинѣ X вѣка имѣетъ уже значеніе населеннаго мѣста, съ жилищами и хозяйственными постройками. Между прочимъ, бытовое значеніе села, какъ усадьбы, согласно съ нынѣшнимъ малорус.

оселя—дворъ, самое жилье. Основными значеніями села П. считаетъ поле, участокъ земли. Мѣстами, напр. въ Новгородскомъ краѣ, подъ названіемъ „село земли“ могъ разумѣться участокъ земли опредѣленной мѣры. Синонимомъ села въ древнихъ юридическихъ памятникахъ служить земля въ узкомъ значеніи слова, участокъ объединенный владѣніемъ. Съ такимъ же значеніемъ встрѣчаются слова селище („пооралъ моего селища полосу“), участокъ, выть, обжа, волока; гоны (земля разной величины, пахатная, сѣнокосная, лѣсная). Слово деревня отъ корня дар, драти—пахать лѣсную новину первоначально означало очищенное отъ лѣса мѣсто для нивы, потомъ пахатное поле, участокъ земли съ однимъ дворомъ, причемъ говорилось: жить на деревнѣ, а не въ деревнѣ и, наконецъ, сельцо, небольшое поселеніе безъ церкви. Въ малорусскомъ языкѣ слово деревня означаетъ: 1) домъ, 2) въ собирательномъ смыслѣ—бревна и деревянные издѣлія (возы, плуги, ярма, грабли, оси), за исключеніемъ посуды. Съ великорусской деревней (въ значеніяхъ росчисти, нивы, поселенія) сходны: дерюга (росчисть), доръ (сѣнокосъ, пастбище), дорище (земля съ покосомъ), подсѣка (росчисть), пасѣка (нива на пасѣкахъ, огороженный или заповѣдный лѣсъ, пчельникъ въ рощѣ и потомъ вообще), осѣкъ (ограда изъ срубленныхъ деревьевъ, росчисть подъ пашню), сѣча (=осѣкъ, укрѣпленіе — запорожская Сѣча, росчисть подъ пашню и подъ жилье), чертежъ (росчисть), околodoкъ (дворы близъ пасѣки), пожага, починокъ (новая пашня въ лѣсу, дворъ, выселокъ), застѣнокъ. При словѣ застѣнокъ находится этюдъ объ архаическихъ формахъ крестьянскаго землевладѣнія. Въ этотъ этюдъ вошли объясненія словъ и понятій волость, ополье, кругъ, круговая порука, дикая вира, сябры, волоки (пашни), стѣны (границы волокъ), и замѣтки о юридическихъ терминахъ, связанныхъ съ полѣвскимъ или волынскимъ селомъ XVI в. (чиншевые волоки, обрубъ, застѣнки—отдѣльныя нивы—росчисти=велик. дерюги, воля—большой обрубъ полей, предназначенныхъ къ раздачѣ, безъ поселенія). Нынѣ застѣнокъ, заісіанек—хуторокъ съ дворомъ.

Къ отмѣченнымъ случаямъ перехода значеній въ село, деревня, починокъ, застѣнокъ отъ незаселеннаго мѣста къ засе-

ленному Потебня добавилъ еще два слова: корчма (домъ, дворъ на корчмѣ, на корчевѣ), *dorf* (др. вн. *thorp*, терebить, корчевать и пр.).

Сдѣлавъ обзоръ словъ село, деревня и родственныхъ, Потебня замѣчаетъ, что нѣкоторыя черты общиннаго землевладѣнія представляются болѣе древними, чѣмъ обособленіе славянскаго племени, именно: свобода волости, т. е. то, что права волости на свою землю съ угодьями ограничены только правами сосѣднихъ волостей (*die freie mark*). Въ волости сочетались три способа пользованія землей: а) земля дѣлимая повѣтно, поля, обрубъ въ стѣнахъ волокъ, б) особина, починки, дерюги, застѣнки и в) немѣренная земля: угодья, уходы, ухожан и пр. Величина выти (въ поляхъ) полномочнаго земледѣльца была приблизительно одинакова въ Россіи, Англіи и Германіи.

Въ видѣ прибавленій помѣщено два небольшихъ этюда: 1) о величинѣ и протяженіи села по свидѣтельству Тацита, Прокопія, русскихъ лѣтописей, въ связи съ тѣмъ какъ расположены села въ настоящее время въ нѣкоторыхъ глухихъ мѣстахъ Россіи, гдѣ старина уцѣлѣла. Села растянуты въ линію на большомъ протяженіи и состоятъ изъ многихъ раскинутыхъ деревенекъ, и 2) о величинѣ и дѣлимости семьи въ зависимости отъ внѣшняго положенія сель. При разбросанности дворовъ и трудностяхъ подсѣчнаго хозяйства только большая семья, представлявшая нѣсколько работниковъ, обеспечивала существованіе, а при извѣстномъ душевномъ строѣ удовлетворяла и душевнымъ потребностямъ. Съ увеличеніемъ населенія возникло съ одной стороны стремленіе въ селамъ, съ другой—къ дробленію семей, въ Малороссіи составляющему правило. Нѣкоторыя побужденія того и другого выразились довольно ясно въ малорусскихъ нравахъ и пѣсняхъ. „Малорусскому простолюдину, говоритъ Потебня, столь же ясна хозяйственная польза большихъ нераздѣленныхъ семей, какъ и образованнымъ людямъ, писавшимъ объ этомъ; но не менѣе ясна ему несовмѣстимость такихъ семей съ душевнымъ миромъ“. Далѣе приведено нѣсколько малорусскихъ и великорусскихъ пѣсенъ о положеніи молодой замужней женщины въ семьѣ мужа и ея желаніяхъ,

напр. въ малорусской пѣснѣ дѣвушка требуетъ: „збудуй хату зъ лободы, та въ чужую не веды! Чужа хата такая, якъ свекруха лихая. Хочъ я буду сама жить, абы людямъ не годить“, а замужня женщина проситъ своего мужа любить ее, потому что она не наймычка, а вгаздыня. „Только село въ новомъ смыслѣ слова (а при болѣе сложныхъ формахъ жизни только городъ) удовлетворяетъ и любви къ личной независимости, и потребности въ обществѣ... Недаромъ село, конечно въ новомъ смыслѣ, сопоставляется (въ пѣсняхъ) съ весело. Женщинѣ можно по крайней мѣрѣ „пійты до сусиды огню“ и отвести душу.

Второе мѣсто по величинѣ, обилію фактическихъ данныхъ и научной обработкѣ ихъ занимаетъ статья „*Слѣпородъ, ślepy Mazur, Случичь*“ (въ III, 68—83). Потебня сначала приводитъ указаніе Гримма о названіи гессенцевъ и швабовъ слѣпыми, Вельфовъ — щенятами, затѣмъ болѣе подробныя данныя изъ статьи Либрехта „*Zur Sage vom Romulus und den Welfen*“ о преданіяхъ римскихъ, турецкихъ и др. о вскормленіи праотца волчицей. Далѣе слѣдуетъ самостоятельный подборъ славянскихъ фольклорныхъ фактовъ: 1) польскія повѣрья и пѣсни о слѣпородахъ псахъ мазурахъ; 2) великорусскія повѣрья и сказки о слѣпородахъ вятичахъ и пошехонцахъ; 3) германскія (съ XIII в.) и русскія бранныя выраженія — *zohen sun*, с..... сынъ, суча дочка и пр. т. п., свидѣтельствующія о томъ, что времени презрѣнія къ животнымъ предшествовало время, когда человѣкъ ставилъ ихъ въ уровень съ собою; 4) краткій обзоръ сказокъ о подмѣнѣ чудесныхъ дѣтей щенятами; 5) подробный разборъ сказокъ о Сучичѣ и его близкихъ родственникахъ (Иванъ Попяловъ, Поповичъ дурень, Кошкинъ, Бурхраберъ, Семилитокъ и др.). Со сказками о Сучичѣ сближены сказки о бросаніи богатыремъ сапога и свидѣтельства южнорусскихъ писателей XVII в. Эриха Ласоты и Кальнофойскаго о богатырѣ Чоботеѣ; 6) сжатый, но весьма содержательный обзоръ сказочныхъ мотивовъ о другомъ героѣ животного происхожденія Медвѣдѣѣ, Медвѣжьемъ ухѣ и пр.

Въ статьѣ Потебни затронуто много важныхъ фольклорныхъ вопросовъ и для рѣшенія ихъ подобранъ богатый факти-

ческий матеріалъ; но матеріалъ этотъ можетъ быть еще значительно расширенъ. На с. 77 Потебня замѣчаетъ, что слово богатырь есть послѣ-татарскій переводъ болѣе древняго слова съ тѣмъ же значеніемъ: хоробръ. Это мнѣніе подробно развито *М. Е. Халанскимъ* въ диссертациі о великорусскихъ былинахъ кievскаго цикла (1885 г.) на стр. 15—24 (много подтвержденій изъ письменныхъ памятниковъ и былинъ). О чоботѣ см. замѣтки г. *Халанскаго* въ соч. о былинахъ с. 101—102 и г. *Калаша* во II кн. *Этногр. Обзорѣнія* 1890 г. с. 256—257. Обширную литературу о Медвѣдѣ, указанную въ выноскахъ Потебни, мы можемъ дополнить слѣдующими указаніями: *Coswin*, *Contes populaires de Loggaine* I № 1 (франц. сказка), *Chelchowski*, *Powiesci* № 34 (польск.); *Манжура*, 43; *Kolberg* *Roscicie* IV, 177 (малор.); *Добровольскій*, Смолен. *Этногр. Сборн.* с. 405 (коровій сынъ), 410 (кобылячій), 416 (собачій), *Наhn*, *Grieh. und alb. Märchen* № 14 (козій), 31, 41, 100 (змѣи) *Верещанинъ* 133 (вотяцкая сказка); *Садовниковъ*, сказки и преданія самарск. края § 34; *Вукъ Караджичъ* припов. № 1; *Потанинъ*, *Очерки сѣв.-зап. Монголіи* II 161—164 (сынъ ослицы, свиньи, быка); *Сборн. матер. о нар. Кавказа* IX, 189 (коровій сынъ).

Во II 3—12, III 123—129 объясненіе пѣсни о соколѣ и конѣ (споръ о быстротѣ и объясненіе, почему соколъ замѣшкался), обширный и цѣнный этюдъ по сравнительной литературѣ. Съ великор. пѣсней о соколѣ и конѣ, взятой изъ рукописи *М. Е. Халанскаго*, сопоставлены мал., серб., болгар., польск. и нѣкот. др. Потебня высказываетъ предположеніе, что мотивъ о посольствѣ орла (сокола) и коня и мотивъ о спорѣ коня съ соколомъ стоятъ въ тѣсной связи съ мотивомъ о смерти козака (героя вообще), находятся въ зависимости отъ послѣдняго мотива. Въ доказательство приведено много пѣсенъ изъ печатныхъ источниковъ и частныхъ неизданныхъ сборниковъ. Мотивы весьма распространены и, судя по этому, глубоко древни. Ранѣе Потебни пѣснями о соколѣ и конѣ интересовался *Новицкій*, напечатавшій въ 76 № *Кievскихъ Губерн. Вѣдомостей* 1871 г. три варианта малорусской

пѣсни о состязаніи коня съ орломъ. Новицкій относилъ эту пѣсню къ козацкому періоду южнорусской исторіи. Замѣтка Новицкаго осталась Потебнѣ неизвѣстной. По новизнѣ вариантовъ и дѣльнымъ примѣчаніямъ издателя эта замѣтка до настоящаго времени сохранила научное значеніе и можетъ служить полезнымъ дополненіемъ къ дѣльному этюду Потебни.

Во II 13—22 и въ III ч. 16 объясненіе *веснянки* „Тума танокъ разводить“. (Т. не видитъ въ числѣ танцующихъ Рожиспѣжи. Мать чесала Рожу и совѣтовала ей не довѣряться тумѣ). Веснянка записана Потебней на родинѣ, въ с. Перекоповѣ роменск. уѣзда. Указаны сходные варианты малорус., великор., сербскіе и болгарскіе (III 16—18). Приведены разныя значенія сл. тума: человекъ, происшедшій отъ помѣси татарской и русской крови, ненадежный, полуумный, придурковатый. Объясненіе значенія сл. Рожа-спѣжа (Роза госпожа). Любопытный подбѣръ малор., великор. бѣлор. и сербскихъ народныхъ пѣсень на мотивъ: *чесаніе и заплетаніе косы и завиваніе кудрей, какъ обычный образъ материнской любви*. Къ мѣсту приведены повѣрья, что домовый, любя лошадь, завиваетъ ей косы, и гаданія на завитье волосъ. Потебня веснянку „Тумѣ танокъ разводять“ и пр. сначала рассматриваетъ съ исключительно малорусской точки зрѣнія, какъ величанье дѣвицы, а потомъ привлекаетъ къ сравненію бѣлор. и серб. пѣсни и склоняется къ мысли, что въ разбираемой пѣснѣ можетъ заключаться предсказаніе замужества дѣвицы.

Въ статьѣ о веснянкѣ „Тума и пр.“ находится маленькая, но любопытная деталь: объясненіе начальнаго образа пѣсни „Ой ты, селезня, косы части! Кто жъ тоби косыци завивавъ?—Завивала мини утинка“... природнымъ явленіемъ, отмѣченнымъ С. Аксаковымъ въ „Зап. руж. охотника“, что дикая утка, чтобы усыпить селезня, тихо и долго щекочетъ его спину: народъ думаетъ по примѣненію къ себѣ, что селезень любитъ искаться въ головѣ.

Во II 1—2 замѣтка о пѣснѣ „якъ не женився, то и не журывся“, записанной Потебней въ волчанск. у. харьк. губ. (мужъ покупаетъ корабль и пускаетъ на немъ жену въ море,

вскорѣ просить вернуться, накормить сына; жена отказывается за побой). Потебня указываетъ на сходную великорус. пѣсню. Замѣтка краткая. Потебня, вопреки своему обычаю, не останавливается на деталяхъ пѣсни, въ числѣ которыхъ есть два характерныхъ выраженія: „ни до звичаю до йобычаю“, „мила сидыть-якъ свѣча горыть“. Любопытно слѣдующее общее замѣчаніе Потебни въ началѣ замѣтки: „Смежность населеній великорусскаго и малорусскаго, напр., въ харьк. и курск. губ., какъ извѣстно, не осталась безъ вліянія на пѣсенность того и другаго. Не говоря объ исконномъ сродствѣ и о явныхъ заимствованіяхъ, есть пѣсни, которыя до дальнѣйшаго изслѣдованія могутъ быть отнесены къ третьему разряду, не представляющему несомнѣнныхъ признаковъ ни исконнаго сходства, ни заимствования. Изъ этого разряда иное можетъ быть современемъ отнесено къ первому, иное—къ второму, но кое-что и окончательно сочтется образованіемъ промежуточнымъ, заимствованіемъ не буквы, а духа, возникшимъ именно въ сумѣжѣ“.

Въ IV 79 находится интересная замѣтка о малорусскихъ пѣсенныхъ *выраженіяхъ чистоты* (хаты, постели), именно: „Ой не -литай, мудрагелю, по пидь чорну стелю, не пороши миленькому чистую постелю“. „Милый образъ, поясняетъ Потебня, постель такой бѣлизны, что на ней будетъ замѣтна даже пылинка сажки, отбитая отъ потолка курной хаты врыломъ ночнаго мотылька“; варіантъ: „прилетивъ шершень зъ стели, та впавъ на постели“. Къ хатѣ некурной относится изображеніе чистоты вѣнеа и стели (якъ паперъ била).

Въ III 21—24 о *различеніи зари и свѣта*, вообще разныхъ степеней утренняго свѣта—рядъ примѣровъ изъ пѣсенъ малор., великор., серб., словац., болг., литовскихъ. Сюда вошло объясненіе малор. загадки: „одно каже свитай Боже“ и пр. Отмѣчено нѣсколько любопытныхъ деталей въ народныхъ опредѣленіяхъ свѣта, напр.: „въ малор. различается не только заря-аугога отъ свить, билый день; но и въ самой зарѣ ея начало: „ще тілько зоріє“. Эти объясненія приурочены къ выраженію Слова о п. Игоревѣ „заря свѣтъ запада“, которое П. читаетъ: заря свѣтъ заповѣдала. Комментарій выходитъ за предѣлы ча-

стнаго случая, приподнимаетъ крайчикъ завѣсы съ народнаго міросозерцанія, освѣщая цѣлый рядъ прекрасныхъ пѣсенныхъ мѣстъ.

Въ IV 83 находится *объясненіе поговорки „онъ собаку съѣлъ“* существованіемъ сказки о косарѣ, съѣвшемъ собаку на косовицѣ. Сказка записана Потебней въ Кочетѣхъ змѣевского у. (Харьк. губ.). Объясненіе сомнительное. Ранѣе не было отмѣчено сказки такого рода, и м. б. сказка сложилась подъ вліяніемъ поговорки, а не наоборотъ.

Въ IV 84—85 объясненія поговорки *„пропавъ ни за чью душу“* (т. е. даромъ). Четыре возможныхъ толкованія, и всѣ сомнительны.

Въ IV 86 объясненіе выраженія *„за чистую бѣлку“* (пропасть) — за настоящую цѣну. Воспоминаніе о томъ времени, когда бѣличій мѣхъ замѣнялъ еще металлическую монету.

Въ III 19—20 *замѣтка о повѣрьѣ, что каня проситъ дождя*, *pragnie jak kania dżdżu*. Исходя изъ славян. названій для коршуна пилухъ, П. находитъ возможнымъ объяснить повѣрье жалобнымъ крикомъ коршуна *пѣи* или *пѣю*. Такъ какъ этотъ крикъ чаще слышится въ сухую погоду, когда коршуну больше добычи (онъ кричитъ паря), то изъ этого одного могло родиться распространенное повѣрье, что каня проситъ дождя, такъ какъ пьетъ только ту воду, что ей канетъ въ ротъ, а съ земли не беретъ. Но далѣе П. говоритъ, что повѣрье это не должно быть объясняемо изъ однихъ славянскихъ данныхъ, ибо подобное повѣрье многократно упоминается въ памятникахъ санеритскихъ относительно чатака (*cuculus melanoleucus*) и павлина (слѣдуютъ примѣры). Жажда, приписываемая этимъ птицамъ, легко могла быть понята, какъ тоска, горе. Крикъ орла въ томъ же родѣ, но только рѣзче (затѣмъ у П. слѣдуетъ прекрасная малор. пѣсня „Ой летивъ орелъ та по надъ моремъ“). Этотъ этюдъ любопытенъ, какъ одинъ изъ многихъ характерныхъ образцовъ методологическаго приѣма Потебни отъ частнаго лингвистическаго факта восходить къ цѣлому ряду народныхъ психологическихъ и литературныхъ явленій.

Во II ч. на стр. 5 находится интересна замѣтка о *названіи извѣстнаго созвѣздія Возомъ и Большой Медвѣдницей*.

Потебня полагалъ, что названіе созвѣздія произошло отъ скр. арка—лучъ солнца, огня, хвалебная пѣснь, арчати—испускать лучи, восхвалять пѣсню. Въ силу ли забвенія этимологическаго значенія свѣта въ названіи созвѣздія (мнѣніе М. Мюллера) или, что П. считаетъ болѣе вѣроятнымъ, въ силу апіорнаго заключенія отъ однозвучности словъ къ сходству обозначаемыхъ имъ предметовъ (ркша-медвѣдь), созвѣздіе, первоначально представлявшееся возомъ у грековъ, римлянъ, германцевъ, славянъ, литовцевъ и, судя по нѣкоторымъ указаніямъ, индійцевъ, стало представляться медвѣдемъ или медвѣдицей, къ коимъ греки прибавляли еще вожака (Арктуръ). Если вѣрно мнѣніе Потебни, что Большая Медвѣдица первоначально называлась Возомъ, то замѣна названія во всякомъ случаѣ относится къ очень древнему времени, такъ какъ названіе созвѣздія *ἄρκτος* (медвѣдь) встрѣчается уже у Гомера, наряду съ болѣе народнымъ и быть можетъ болѣе древнимъ названіемъ *ἄμαξ*—возъ (*Pictet, Les orig. indoeurop. II 581*), малор. Визъ, нѣм. Wagen. Въ параллель къ объясненію названія созвѣздія Б. М., предложенному Потебней, приведу старинное объясненіе, вычитанное мною у *Bailly Histoire de l'astronomie 1781* изд. 2, т. I стр. 426, 441: Созвѣздія Большой Медвѣдицы и Малой Медвѣдицы имѣли большое значеніе для грековъ и въ особенности для финикійцевъ во время мореплаваній. У грековъ Б. М. называлась финикійскими звѣздами, какъ постоянный компасъ финикійскихъ мореплавателей. Финикіяне Б. М. называли доведе или доиве, что значитъ говорящее; такъ какъ слово доиве въ финикійскомъ языкѣ означало и медвѣдицу, то произошло смѣшеніе названій и предметовъ, и греки приняли названіе Б. М. У арабовъ и въ настоящее время созвѣздіе это называется *dubbel*—медвѣдица. Это объясненіе названія созвѣздія Б. М. представляется болѣе вѣроятнымъ. Если принять его, то часть объясненія Потебни—санскритское корнесловіе—устраняется, а часть—о первоначальности названія созвѣздія Возомъ остается. Въ обоихъ случаяхъ украинское и др. тождественныя названія созвѣздія Розомъ сохраняютъ большую древность.

Во II на стр. 15—17 находится гипотеза Потебни о значеніи и происхожденіи слова *Русь*. П. говоритъ, что корень этого слова принадлежитъ корнямъ или совѣѣмъ забытымъ, или крайне затемненнымъ. Принимая, что ру—ар передъ согласною, Потебня слова Русъ, Русинъ сближаетъ, за исключеніемъ суффиксовъ, съ санскр. ршабһа—быкъ (=арсабһа), зенд. аршан, аршана—самецъ, мужъ, греч. ἄρσεν—мужескій, мужественный. При такомъ толкованіи русинъ значитъ мужъ, а русъ—собирательное мужи, и оба слова представляются вполне туземными. Далѣе Потебня высказываетъ мнѣніе, что лѣтописное сообщеніе подъ 6370 г. о призваніи Руси заключаетъ въ себѣ глоссу составителя лѣтописнаго свода. Возможно, что Варяги, пришедши въ Русъ, стали называться Русью, т. е., такими же мужами, воями, какъ и туземные... Во всякомъ случаѣ вѣроятно, говоритъ П., что лѣтописное свидѣтельство о призваніи, какъ это принимаетъ Д. И. Иловайскій, нѣкогда звучало иначе, напр., такъ, какъ читается въ лѣтописцѣ патріарха Никифора: „при сего (Михаила) царствѣ придоша Русь: Чудь, Словенѣ, Кривичи къ Варягомъ“, которые стало быть не были Русью. По моему гаданію, продолжаетъ Потебня, и на югѣ не было племени съ именемъ Руси до того времени, когда многія племена объединились подъ этимъ именемъ и появился народъ русскій. Русъ въ смыслѣ мужей, т. е. воевъ и гостей, выходила изъ разныхъ племенъ, но преимущественно изъ крайнихъ, болѣе сталкивавшихся съ иноземцами. Переходъ слова Русъ отъ значенія состоянія къ значенію народа, отъ представителей къ представляемымъ, есть предположеніе, напоминающее бывшее. Такъ изъ козаковъ, бывшихъ первоначально людьми малыми въ смыслѣ количества, но не въ смыслѣ бродила, вышелъ въ XVII в. „людь козакорусскій“...

Въ другомъ смыслѣ толкуется лѣтописное мѣсто о призваніи Руси въ статейкѣ г. Соболевскаго „Нѣсколько мѣстъ въ начальной лѣтописи“, помѣщенной въ V кн. „Чтеній въ Историческомъ Обществѣ лѣтописца Нестора“. Г. С. читаетъ такъ: „Рѣша Руси (т. е. Варягамъ) чудь, словѣне и кривичи вся: земля наша велика“. Очевидно, что это филологиче-

ское толкованіе ведетъ къ совсѣмъ другимъ историческимъ комментаріямъ.

Въ IV 71—80 о названіяхъ болѣзней: *дна, усовъ, юстецъ*. *Дзна* упоминается въ лѣтописи подъ 1152 г. Потебня указываетъ на сходныя славянскія названія: польск. *дна*—*ломота*, чеш., слов., хорв. и хорут. *дна*—*колика*, серб. *бедено*. Не стоитъ ли въ родствѣ съ этими словами малор. *данье*? *Усовъ* сближена съ *сути, сулица* и др.—означаетъ колотье. При объясненіи гостця принято во вниманіе демоническое значеніе этой болѣзни, въ связи съ повѣріями въ домового, *der Mahr, der Alp*. Въ 1891 г. вышло сочиненіе *Зибрта „Skřitek v lidovém rodani staročeskem“*. Здѣсь на стр. 22—31 собрано много новыхъ матеріаловъ о демонѣ колтуна въ повѣрьяхъ чеховъ и поляковъ. Приведены народныя лѣчебныя средства отъ колтуна, старинныя и современныя. Демоническія повѣрья о колтунѣ у народовъ Западной Европы, чеховъ и поляковъ изложены со многими выписками изъ старыхъ памятниковъ. Статья Потебни г. Зибрту была неизвѣстна. Статьи Потебни и Зибрта дополняютъ одна другую; въ обѣихъ статьяхъ матеріалъ богатый, новый и оригинальный. При этихъ статьяхъ моя краткая замѣтка о гостцѣ въ „Культурныхъ переживаніяхъ“ не имѣетъ значенія.

Во II ч. на стр. 18, 21 и въ III 122 находятся объясненія нѣкоторыхъ темныхъ словъ въ думѣ о бытствѣ трехъ братьевъ изъ *Азова*; именно: *мелюсъ*—искаженіе собственнаго имени *Миусъ*; поле *лиліе*—блестить, виднѣется; *опрани* *кульбаки*—органне *kulbaki*—дорогія сѣдла, съ золотой или серебряной отдѣлкой; *китици* замѣна менѣе понятнаго *кити*, а *кити*—искаженное *китай*, *kitaј* (польск.)—бумажная ткань; солнце *обитріе*, не *обигріе*, какъ у Ант. и Драг., и не *обвигріе*, какъ читаетъ Кулишъ, а, по объясненію Потебни, *обутрѣть*. При этомъ П. приводитъ выраженіе народное „мы обвечерѣемъ тамъ—то“ въ значеніи будемъ находиться вечеромъ, обечеретися—*vespere deprehendi*, серб. *осванути*; въ старинныхъ переводахъ Св. Писанія „оубутрѣвъ же Гедeonъ за утра“, „оубтрѣвъ Ааронъ на утрѣ“. Итакъ, солнце *обитріе*—когда появилось на востокѣ, „када свине и огрине сунце“.

Въ III 61—67 находится этюдъ о значеніяхъ словъ *воропсти*, *воропъ* и др. въ слав. языкахъ рвать, прясть, дыривить, бросать, нападать, веретено, вихорь (въ литов.). Съ этнографической точки зрѣнія интересными представляются двѣ детали. Первое названіе воропаемъ коровая въ малор. свадебныхъ пѣсняхъ. Этотъ эпитетъ, по мнѣнію П., указываетъ, что въ короваѣ символизируется женихъ, овладѣвающий невѣстою, превращающій ее изъ дѣвицы въ жену, что стоитъ въ связи съ представленіемъ коровая быкомъ въ малор. пѣсняхъ, согласно съ римскимъ „ubi tu Cajus, ibi ego Cajs“ (гдѣ ты быкъ, тамъ я корова). Возможно и другое объясненіе названія коровая быкомъ, если вѣрно мое предположеніе, высказанное въ соч. „Хлѣбъ въ обр. и пѣсняхъ“ (1885), что коровай—замѣна животнаго жертвоприношенія, коровы или быка. Вторая деталь: сближеніе церк.-слав. *вырпѣти* — рвать, пожинать, драть съ литов. *вагра* колось, по предположенію, что сжинанію или кошенію хлѣба предшествовало срѣзываніе однихъ только колосьевъ, съ ссылкой на обычай грузинскій срывать одни колосья и оставлять солому на корнѣ для скота и удобренія и на свидѣтельство Самовидца, что при Хмельницкомъ въ 1637 г. „рвали збоже“; но послѣднее обстоятельство зависѣло отъ неурожая и повторяется въ такомъ случаѣ и въ новое время. П. приводитъ при этомъ извѣстное сказаніе о стоколосѣ, но сказаніе это выходитъ за предѣлы славянскаго міра. Вообще, всѣ этнографическія замѣтки Потебни по этимъ двумъ деталямъ вызываютъ сомнѣнія, и собранный П. фактическій матеріалъ можетъ быть объясняемъ съ другихъ научныхъ точекъ зрѣнія.

Во II ч. на с. 27—31 о *нѣмецкихъ словахъ въ малорусскомъ языкѣ*. Потебня раздѣляетъ вопросъ о нѣмецкихъ словахъ въ малорусскомъ на два: А) о заимствованіяхъ черезъ польскій, какими считаетъ слова бавовна (*bawoŋna*, *baumwolle*), бѣкусъ (*beguss*), бляха, броварь, ваги, вирша, галунъ, гаптуваты, гетьманъ, голдуваты, груба, гунство (*hundsfoŋt*), ганокъ (*gang*), вгнѣтъ, дробина, дякуваты, дзигликъ, жартуваты, карбуваты, вахла, коштуваты, крамъ, вухоль, кушниръ, купервасъ, ляда, лехъ, лихтаръ, любистокъ, малюваты, мандруваты, мирку-

ваты, можджиръ — мущиръ (mörser), мордуваты, муроваты, му-
ситы, набиръ (na-barg, borgen), обценьки (hufzange), орчикъ
(ortscheit), паля (pfahl), пановка (pfanne), паньчоха (bunds Schuh)
парахвія, плиндроваты, пляшка, прасъ (утюгъ), ратуваты, ря-
хуваты — рахуба, римарь, ринва, риштування, саквы, смакъ,
смалець, спиждъ (glockenspeise, бронза), списъ, стельмахъ, сту-
санъ, ухналь (hufnagel), шинокъ, шкода, шляхъ, шмаруваты,
шоруваты, шпаруваты, шпикгуваты, цямрина, и В) о заимство-
ваніяхъ помимо польскаго языка непосредственно отъ нѣмцевъ,
селившихся на Руси изстари (приведены лѣтописныя указанія
подъ 1259, 1268, 1287, 1288 гг.), къ такимъ словамъ П. съ
нѣкоторыми оговорками и сомнѣніями относить барма-пѣна на
меду, вареньѣ (bärme), бендюги-ропуски (bindwagen), рептухъ
(reiftuch), рундукъ (ründung), швидко (geschwindigkeit), лингварь ов-
чина (linde waare), чмырь — табачный сокъ (schmiere), ширит-
васъ — кадка (schrottfass), бешкетъ — паковость, стыдъ.

Въ громадномъ большинствѣ случаевъ нельзя опредѣлить,
какимъ путемъ зашло то или другое нѣмецкое слово въ мало-
русскій языкъ. Кромѣ Потебни, на такихъ лингвистическихъ
вопросахъ останавливался, какъ извѣстно, Миклошичъ, преиму-
щественно въ словарѣ Die Fremdwörter in d. slav. Spr. Для
исторіи культуры и этнографіи представляетъ большое значеніе
подборъ инородныхъ словъ, чѣмъ занимались М. и П., и въ осо-
бенности, распредѣленіе ихъ по историко-культурнымъ рубри-
камъ, по разнымъ отдѣламъ народной жизни (жилище, одежда,
ремесла и пр.), чѣмъ никто, кажется, не занимался. А между
тѣмъ научная работа такого рода, одинъ подборъ словъ от-
крылъ бы любопытныя стороны иноземныхъ вліяній. Не слу-
чайно же, напримѣръ, съ малорусской хатой связаны такіе на-
званія, какъ дахъ, грубка, шибка, кганокъ. Названія эти ука-
зываютъ на извѣстныя культурныя вліянія; если бы опредѣлить
по древнимъ памятникамъ первые случаи появленія этихъ на-
званій, то можно намѣтить хронологическія опредѣленія относи-
тельно возникновенія тѣхъ или другихъ инородныхъ вліяній.
Что касается до порядка группировки словъ, то полезныя
указанія можно найти въ статьѣ г. Тихова о болгарскомъ

домѣ въ IX т. „Извѣст. Казанскаго Общества истор. и арх.“ 1891 года.

Кромѣ отмѣченныхъ нѣмецкихъ словъ въ малор. яз. Потебня приводитъ съ комментаріями еще слѣдующія: личманъ—человѣкъ низшаго состоянія (leisten), квачъ (quast), верщягъ (verschlag—молотъ у мѣдниковъ), химорода (неудачное объясненіе сл. geheime rath, geheime kunst; если не ошибаюсь, это слово цыганское и означаетъ кузнечное ремесло); не до шмыги не-до дѣла, собственно не по угольнику (schmige).

Кромѣ того, въ соч. „Къ исторіи звуковъ“ разбросаны еще краткія замѣтки о слѣдующихъ малорусскихъ словахъ и выраженіяхъ: „лысый дидько“—лысый чортъ въ значеніи лукавый, хитрый (II 3); „лунь вхопыла“ (7, и въ соч. „О миф. знач. нѣкот. обряд.“ 98, въ значеніи мифологическомъ лунь вхопыла—смерть взяла—умеръ); рѣка *Рось* (санск. арш, рш—течь, оплодотворять 15); фамилія южнорусскаго писателя XVII в. *Кальнофойскаго* изъ сл. Кально—хвостскій (II 21), *левенець*—малодѣцъ и др. значенія въ связи съ родственными словами въ др. языкахъ (II при объяс. пѣсни о соколѣ и конѣ, 8); *на чудъ* думѣ про Алексѣя Поповича—на чердакъ (II 23); *Холобзда*—имя сказочнаго лица, въ родѣ Вернигоры, Обѣдѣла, „що снигомъ на двирь ходыть“, отъ холода, какъ остатокъ глубокой старины (III 8); *гарный*—хорошій, по предположенію П., заимствовано отъ южныхъ славянъ, а послѣдними отъ грековъ *χαρεῖς*, *χαρεῖν*; *шля!*—кликъ гусей—болг. ела, греч. ἐλα—ступай сюда; *ниичъ*—нисколько=болг. и тур. хиг—вовсе нѣтъ; *бешиха*—рожа отъ румынск. beșike; *биме* (у Котляревскаго и въ народ. пѣсняхъ)=серб. бог-ме; *кирадина*—огородъ на полѣ=серб. градина—садъ; *паланка*—серб. паланка—городъ; *душманъ*—ворогъ отъ сербовъ, болгаръ, волоховъ или прямо изъ турецкаго, въ который вошло изъ персидскаго (III 14—15); *продажа*, *промыто*, и др. *юридическія слова* (III 43—54; замѣтка важная для исторіи рус. права); *зась* (въ значеніи: нѣтъ дѣла отъ за ся—за себя, назадъ и прочь, III 55); *цурь тобі*—некъ тобі (опако, назадъ, III 57), *потороча*, *мавки*, *потерча* (бѣгущее вслѣдъ за...., потерчата—дѣти, умершія безъ креще-

нія, серб. трчати—бѣжать, III 58—60); *веремія крутыты* (сомнительное сближеніе съ верепаемъ, III 67); Прудмусъ (искаженіе прудымусъ, усаць съ растопыренными усами III 120); *маточникъ* (у Мицкевича), островъ *буанъ, преі* (IV, 51—55); *Щавидубъ* (сказочный богатырь, отъ зчавити—сдавить, IV, 64); названія рѣкъ *Сула, Осколь, Мжа* (значеніе течь, IV, 67).

Главный трудъ А. А. Потебни по этнографіи—это „Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ“ въ двухъ большихъ томахъ. Если бы Потебня ничего другаго, кромѣ этихъ двухъ томовъ, не издалъ, то и этого труда, при самой строгой и придирчивой критикѣ, вполне достаточно, чтобы поставить Потебню первымъ научнымъ дѣятелемъ въ малорусской этнографіи въ томъ смыслѣ, какъ по отношенію къ собиранію матеріаловъ первыми по величинѣ дѣятелями представляются Чубинскій и Головацкій. Съ этими тремя именами связывается представленіе о рѣдкомъ трудолюбіи въ накопленіи матеріала и глубокомъ образцовомъ изученіи его. Достоинство „Объясненій“ увеличивается по мѣрѣ углубленія въ нихъ, и нашъ обзоръ содержанія и усиленная оцѣнка этого труда рассчитаны на то, чтобы обратить на него вниманіе читателя и облегчить пользование имъ.

Въ 1881 г. я защищалъ въ харьковскомъ университетѣ магистерскую диссертацию о свадебныхъ обрядахъ. Моими официальными оппонентами были А. А. Потебня и А. И. Кирпичниковъ. Изъ возраженій Потебни составилось въ печати нѣсколько статей, вошедшихъ въ первый томъ его „Объясненій малор. пѣсенъ“ (Возраженія г. Кирпичникова вошли въ его критическую статью въ Журн. Мин. Нар. Просв.). „Объясненія малор. и сродныхъ пѣсенъ“—капитальный этнографическій трудъ, безусловно лучший въ малорусской этнографіи. Веснянки и въ особенности колядки здѣсь подвергнуты глубокому и разностороннему изученію. Кромѣ того, въ обоихъ томахъ „Объясненій“ разбросано множество цѣнныхъ этимологическихъ замѣтокъ и этнографическихъ этюдовъ. Это подвигъ научный, нравственный, патріотическій, подвигъ глубоко назидательный, какъ высшій образецъ безпристрастнаго, объективно-научнаго служенія родинѣ.

Сочиненіе Потебни о малорусскихъ и сродныхъ съ ними пѣсняхъ заслуживаетъ полной и мотивированной оцѣнки по частямъ. Общая высокая оцѣнка этого капитальнаго труда дана В. И. Ламанскимъ, по предложенію Географ. Общества, которое въ силу этой оцѣнки, дало Потебнѣ высшую награду—Константиновскую медаль. Я имѣлъ случай коснуться первыхъ главъ 2 тома „Объясненій“ въ статьѣ „Научное изученіе колядокъ“ (1886 г.), но трудъ Потебни тогда не былъ еще законченъ. Галицкая газета „Зоря“, по поводу моей статьи о колядкахъ, обѣщала обстоятельный разборъ „Объясненій“ Потебни; но обѣщаніе это, кажется, осталось невыполненнымъ. Какъ трудно справиться съ обширнымъ изслѣдованіемъ Потебни, видно изъ рецензій г. Неймана на 1 т. „Объясненій“, напечатанной въ IV кн. „Кіев. Старини“ 1884 г. Рецензентъ отчетливо передаетъ содержаніе первыхъ 15 стр. труда Потебни, слѣдующія затѣмъ 19 стр. переданы уже неясно, сбивчиво, а отъ изложенія и оцѣнки остальныхъ 230 стран. рецензентъ отказывается и ограничивается нѣсколькими замѣчаніями о принятой Потебней группировкѣ пѣсенъ по размѣру. Г. Нейманъ—серіозный этнографъ, авторъ нѣсколькихъ хорошихъ трудовъ по малорусской этнографіи, и отъ него можно было ожидать если не всесторонней оцѣнки 1 т. „Объясненій“, то, по крайней мѣрѣ, яснаго обзора его содержанія. „Дѣло въ томъ, говоритъ г. Нейманъ, что этотъ трудъ (Потебни), подобно другимъ (?) его трудамъ неудобочитаемъ, да, просто неудобочитаемъ въ прямомъ смыслѣ этого слова.... Потебня до того скупъ на слова, что выражается иногда чуть не знаками, формулами. Я не говорю уже о томъ, что онъ не признаетъ твердыхъ знаковъ въ концѣ словъ (въ этомъ случаѣ П. подчинялся правописанію Рус. Фил. Вѣст.) и дѣлаетъ массу необычныхъ сокращеній, что тоже затрудняетъ чтеніе; но онъ излагаетъ свои мысли такъ сжато, что весь его трудъ похожъ скорѣе на рядъ замѣтокъ автора, которыя онъ дѣлалъ про себя, съ массою ссылокъ и цитатъ, изъ которыхъ читателю приходится съ трудомъ отгадывать значеніе всего прочитаннаго и самому связывать одну мысль съ другою. Хотя эстетическій стиль и не важенъ въ серіозномъ

научномъ изслѣдованіи, но манера изложенія Потебни, по мнѣнію г. Неймана, много мѣшаетъ ознакомленію съ его научными наблюденіями и выводами, дѣлаетъ его труды недоступными для большинства читателей и понятными только для тѣхъ, кто упорно съ напряженными усиліями будетъ добиваться въ нихъ намѣченныхъ авторомъ заключеній. При этомъ г. Н. замѣчаетъ, что „всѣ работы Потебни отличаются большой содержательностью, мѣткостью сопоставленій, оригинальностью выводовъ“. „Я не знаю другого автора, говоритъ г. Н., который въ такой степени соединялъ бы въ себѣ и замѣчательную эрудицію, и удивительную память, сохраняющую неуловимыя почти мелочи, и способность такъ умѣло владѣть богатымъ и разнообразнымъ матеріаломъ“. Въ этихъ замѣчаніяхъ г. Неймана есть много справедливаго. Не только разборъ и оцѣнка „Объясненій“, но и самое чтеніе этого труда П. требуетъ отъ читателя большой научной подготовки и умственныхъ усилій. Приходится вчитываться въ детали, чтобы опредѣлить нить мысли автора, тѣмъ болѣе, что самъ авторъ ничего не выдвигаетъ и не подчеркиваетъ. Такой способъ изложенія можно было бы поставить Потебнѣ въ упрекъ при другомъ матеріалѣ, болѣе цѣльномъ. Въ области же мелкихъ поэтическихъ мотивовъ осторожность Потебни представляется вполне умѣстной. Эта осторожность вытекаетъ изъ образцовой научной добросовѣстности автора, тщательно устраняющаго всякую личную односторонность и тенденціозность не только въ научномъ объясненіи фактовъ, но даже въ распредѣленіи ихъ. Потебня не допускалъ насилія надъ научнымъ фактомъ, хотя бы насиліе это производилось съ благими намѣреніями. Результаты могли не отвѣчать этимъ намѣреніямъ; могла получиться безобразная, фальшивая постройка. Потебня, кстати замѣтитъ, не любилъ драпироваться въ тогу ученаго и говорить *orgi et urbi* отъ имени какой-то цѣльной и непогрѣшимой науки. Онъ терпѣть не могъ и строго осуждалъ тѣхъ людей, которые вѣщаютъ отъ имени „науки“, точно ея уполномоченные; „наука, молъ, такъ говоритъ“, „по выводамъ современной науки“ и пр. За этими вѣщаніями Потебня усматривалъ личное самохвальство, непониманіе значенія науки,

наглое стремленіе къ самозванству и къ ограниченію свободы мысли и критическаго пониманія.

Въ „Объясненіяхъ“ заключается масса пѣсеннаго матеріала всѣхъ славянскихъ и нѣкоторыхъ неславянскихъ народовъ, преимущественно нѣмцевъ и литовцевъ. Съ фольклоромъ романскихъ народовъ П. не былъ знакомъ и не пользовался имъ, что обусловлено было главнымъ образомъ большими пробѣлами университетской библіотеки по филологіи и фольклору романскихъ народовъ, пробѣлами, лишь въ послѣднее время отчасти устраненными соединенными усиліями нѣсколькихъ преподавателей историко-филологическаго факультета. А. А. Потебня заботился объ облегченіи читателя въ пользованіи его трудами и потому снабдилъ свои изслѣдованія 80-хъ годовъ, въ частности „Объясненія“, подробными оглавленіями и еще болѣе подробными предметными указателями. Въ самомъ объемистомъ трудѣ „Колядакъ“ (II т. „Объясненій“) указатель выдается по полнотѣ и детальности, причемъ поэтическіе мотивы и образы отмѣчены однимъ шрифтомъ, а объясненія отдѣльных словъ—другимъ. При такомъ указателѣ матеріалъ специально лингвистическій отдѣленъ отъ матеріала собственно этнографическаго, слитыхъ въ самомъ изслѣдованіи по ихъ внутреннимъ родственнымъ отношеніямъ. Составленіе этихъ указателей снимаетъ вполне съ Потебни обвиненіе въ невниманіи къ читателю. Трудность изученія „Объясненій“ зависитъ отъ существа предмета, тонкости и глубины анализа, обилія фактовъ и глубины соображеній автора. Всѣ же частныя справки очень имъ облегчены.

Первая статья написана въ *разъясненіе пѣсенныхъ выраженій мысли „что къ чему идетъ“*, начиная съ пѣсеннаго символическаго выраженія „сосновое видеречко, дубовое донечко, ходимъ, повинчаймось мое сердечко“. По мнѣнію Потебни, это выраженіе создано лицомъ, которое видѣло передъ собою или вспоминало только что видѣнное озерцо съ плавающимъ на немъ ведромъ. Символизмъ состоитъ въ мысли: мы пристали другъ къ другу, какъ дубовое дно къ сосновому ведру. Такимъ образомъ, „сосновое видеречко, дубовое донечко“ есть символическій образъ любви дѣвицы къ парню ровнѣ. Затѣмъ Потебня удачно

выясняетъ разные символы взаимности любви: оббиваніе дерева нитью, шелковинкой, хмѣлемъ, сопила и денце, скрипка и струны. Невѣста уподобляется бочкѣ или чашѣ меду, причемъ бондарь-любовникъ, „зробить на коновку денце“—полюбить дѣвицу. Вслѣдствіе общности этого образа онъ сталъ запѣвомъ многихъ свадебныхъ пѣсенъ, не имѣющихъ непосредственнаго отношенія къ ихъ содержанію, но представляющимъ лишь формальное ихъ опредѣленіе, напр., „у тій чашенци солодокъ медокъ“. Потебня считаетъ глубоко-древнимъ сходство въ малор. и великор. свадебныхъ пѣсняхъ мотивовъ о золотой чарѣ, золотомъ кубочкѣ. Эта статья обнимаетъ 15 стр. Она очень цѣнна для уразумѣнія символизма народной поэзіи.

Вторая статья посвящена объясненію выраженій „*лелю-но-лелю*“, „*диди-ладо*“. (16—38). Потебня собралъ массу этихъ выраженій въ пѣсняхъ и старинныхъ памятникахъ, причемъ во многихъ случаяхъ обнаруживаетъ поддѣлку. Мнѣніе В. О. Миллера, Н. О. Сумцова и др. о миѣическомъ значеніи *леля* и *ладо* подвергается сильному сомнѣнію. Авторъ склоняется къ мнѣнію, что *лель* и *диди-ладо* были когда-то обыкновенными словами и затѣмъ утратили свое значеніе и стали припѣвами. Сомнѣнія сильны; но положительные выводы неясны, и авторъ, по шаткости матеріала, не рѣшается на точныя опредѣленія. Достаточно ясно и опредѣленно только то, что говорится о *полею* (17—18). Заслуживаетъ полнаго вниманія мнѣніе Потебни, что *полею* могло явиться вслѣдствіе частаго повторенія въ пѣсняхъ *лелю*, какъ усиленіе его, въ виду случаевъ повторенія глагола съ приставкой предлога *но* для выраженія повторенія дѣйствія (ходить—походить и др.). На значеніе слова *ладо* брошенъ лучъ свѣта преимущественно на стр. 32 въ сближеніи съ нимъ великор. ладони, малор. игры въ ладки и въ указаніяхъ на жалобы Стоглава, игум. Памфила (1505 г.) и Густынской лѣтописи на ночныя „плесканія“ на игрищахъ 23 іюня, „руками о руки или о столъ плещуще, ладо-ладо приплетающе“.

Третья статья объ ирѣ „*Стяньє проса*“ (39—45). Отмѣтимъ здѣсь прежде всего автобіографическую замѣтку Потебни въ примѣчаніи на 42 стр., что его магистерская диссертация

„О нѣкот. символахъ“ 1860 г. написана подъ вліяніемъ соч. Костомарова „Объ истор. знач. рус. нар. поѣз.“ 1843, что такимъ образомъ вполне подтверждаетъ наше предположеніе, высказанное на одной изъ предыдущихъ страницъ, о вліяніи диссертациі К. на диссертацию Потебни. Итакъ за соч. Н. И. Костомарова „Объ истор. знач. нар. поѣзіи“ нужно признать еще одну заслугу: оно опредѣлило въ значительной степени общее символическое направленіе въ этнографическихъ трудахъ Потебни.

Въ статьѣ о сѣяніи проса П. мимоходомъ въ одномъ подстрочномъ замѣчаніи устанавливаетъ слѣдующее методологическое правило: при изученіи народной поѣзіи нужно распредѣлять символы не только по образамъ, но и по представленіямъ въ ихъ связи, т. е. по параллельнымъ рядамъ представленій. Насколько это легко и удобно въ практическомъ отношеніи—другой вопросъ. Мнѣ лично исполненіе этого правила представляется весьма труднымъ, сопряженнымъ съ глубокимъ проникновеніемъ въ поѣзію въ связи съ языкомъ, и что это мнѣніе не совсѣмъ личное, видно изъ того, что въ наукѣ до сихъ поръ не видно такихъ трудовъ, въ которыхъ было бы примѣнено методологическое правило Потебни. „Объясненія“ Потебни представляются единственнымъ сочиненіемъ, въ которомъ поэтическіе мотивы распредѣлены по образамъ и отчасти по представленіямъ; но даже и въ этомъ трудѣ опредѣленіе параллельныхъ рядовъ представленій имѣетъ случайный, эпизодическій характеръ и встрѣчается изрѣдка (съ наибольшей ясностью на стр. 43).

Изображеніе въ пѣснѣ о сѣяніи проса земледѣльческой работы съ перваго ея шага (расчистки сѣчи, лѣсной земли), родъ хлѣба—просо, бывшее въ древности главнымъ хлѣбнымъ растеніемъ, припѣвъ „ой диди-ладо“, широкое распространение пѣсни (у русскихъ и чеховъ)—все это въ совокупности привело А. А. Потебню къ мысли, что веснянка „сѣянье проса“ представляетъ остатокъ глубокой старины. Потебня отмѣчаетъ при этомъ попытку Сахарова усилить еще архаичность пѣсни передѣлкой нѣкоторыхъ выраженій, и затѣмъ говорить объ уподобленіи пѣсни другимъ хороводнымъ, въ коихъ дѣвичья сторона выдаетъ мужской дѣвицу, что внесло въ пѣсню о сѣ-

яни преса запутанность, причемъ ассимилирующими пѣснями, по предположенію П., были пѣсни о воротахъ. Наиболѣе древней чертой П. считается, что сѣютъ просо дѣвицы, а топчутъ парни, причемъ сила пѣсни заключается въ символикѣ: конь—молодецъ, садить, сѣять—любить, и отсюда собирать посѣянное или „жито жаты“, „братъ лень“ значить бракъ, „заминъ даты“. Ближайшая затѣмъ статья (45—54) объ игрѣ и пѣснѣ „ворота“ не имѣетъ самостоятельнаго значенія и тѣсно связана съ предыдущей статьей, по сходству пѣсенъ въ размѣрѣ и отчасти по мотивамъ. Выводъ тотъ, что въ весенней игрѣ отворянье воротъ связано было съ мыслью о выходѣ замужъ, при символикѣ: ворота—дѣвица, отворять—любить, затворять—забывать.

Обширная статья о малорусской весенней *игрѣ въ Ворота* или въ передѣланномъ названіи „Володаря“ (55—126) относится всецѣло къ міеологіи. Это одна изъ самыхъ трудныхъ статей, по массѣ матеріала, массѣ ссылокъ, массѣ отступленій и экскурсовъ. Нѣкоторыя изъ міеологическихъ обобщеній автора поражаютъ своею неожиданностью и вызываютъ большое сомнѣніе. Всю статью можно озаглавить иначе—„о солнцѣ и преимущественно зарѣ въ веснянкахъ и заговорахъ“, и это заглавіе, не исчерпывая всей сущности статьи, полнѣе указываетъ на ея главное содержаніе, чѣмъ заглавіе „Воротарь“. Игра въ воротаря состоитъ въ томъ, что играющія дѣлятся на два хора, изъ коихъ второй изображаетъ городъ, а поднятыя руки одной пары—ворота, въ которыя пробѣгаетъ первый хоръ. Первый хоръ проситъ воротаря пустить въ городъ, называя себя людьми князя Романа, панскими, царскими, вообще людьми того, кому принадлежитъ и городъ. Второй хоръ требуетъ дара. Первый предлагаетъ серебро и золото (или пчелъ и медъ), затѣмъ предлагаетъ „мизинее дитя“, которое играетъ на золотой дудочкѣ и даритъ золотые перстни, и тогда слѣдуетъ пропускъ въ ворота.

А. А. Потебня указываетъ на мнѣніе Антоновича и Драгоманова, что въ игрѣ скрывается память о князѣ Романѣ Мстиславичѣ Галицкомъ и на медовую дань, и далѣе на мнѣ-

ніе Костомарова, что въ игрѣ находится символическое изображеніе наступающаго земледѣльческаго года. Потебня допускаетъ, что въ пѣснѣ могло сохраниться имя русскаго князя XII в., но считаетъ эту черту несущественной для объясненія самой игры и замѣчаетъ, что въ сходной сербской пѣснѣ говорится о войскѣ Стефана. Болѣе важными П. считаетъ черты, допускающія мифологическое объясненіе игры, намекающія на сватанье и бракъ. „Мизинное дитя“, по обстоятельному доказательству Потебни, дѣвушка, невѣста, а въ болѣе древнемъ значеніи—солнце, причемъ и всѣ атрибуты этой мифической личности—яблочко, золотое яичко, золотой перстень—суть образы солнца. Далѣе на 40 страницахъ идутъ разные экскурсы, побочныя детали, которыя мы упомянемъ отдѣльно, а въ настоящемъ случаѣ, въ интересахъ пониманія главнаго содержанія статьи, перейдемъ сразу съ 58 на 93 страницу къ слѣдующему какъ-бы заключительному выводу: „Первоначальная сцена здѣсь (въ игрѣ въ Воротаря) не земля, а небо. Ворота—суть небесныя ворота, въ которыя восходитъ и заходитъ солнце и другія свѣтила. Ихъ отпираетъ и запираетъ, отмываетъ ключами и замыкаетъ заря (а можетъ быть и мужескій образъ того же явленія), выпуская при этомъ росу, отождествляемую по одному воззрѣнію съ ключами зари, по другому съ медомъ. Это послѣднее воззрѣніе восходитъ ко временамъ гимновъ Ведъ—явленіе не болѣе странное, чѣмъ то, что самое слово медъ даже по своему склоненію (тема на у) непрерывно и независимо отъ посторонняго вліянія сохраняется отъ временъ еще болѣе отдаленныхъ“.

Такова основная часть статьи, съ положеніями своеобразными, оригинальными. Затѣмъ слѣдуютъ многочисленныя детали и отступленія, большею частью имѣющія самостоятельное значеніе и мало уясняющія главное содержаніе статьи. Соображенія весьма вѣроятныя чередуются съ соображеніями сомнительными. Не входя въ подробное изложеніе этихъ деталей, мы отмѣтимъ ихъ здѣсь по возможности кратко: на с. 58—62 говорится о *символахъ солнца*—золотомъ яблокѣ, перстнѣ, яйцѣ; на с. 62—78 объ отраженіи въ пѣсняхъ, заговорахъ и сказ-

кахъ (преимущественно литовскихъ) представленія, что *солнце мать снаряжаетъ свою дочь и выдаетъ ее замужъ*; на страницахъ 69—74 находится цѣнный этюдъ о бытовомъ основаніи пѣсеннаго выраженія „крыть лѣса алымъ бархатомъ“, какой мотивъ встрѣчается въ веснянкахъ, пѣсняхъ свадебныхъ и купальскихъ, въ былевой пѣснѣ о Ксеніи Борис. Годуновой, записанной Р. Джемсомъ въ 1619 г., наряду съ мотивомъ о потерѣ перстня въ морѣ въ пѣсняхъ великор., малор., серб., что говоритъ о глубокой древности этихъ мотивовъ; на с. 74—78 о *небесныхъ воротахъ и трехъ воротахъ* въ связи съ свадьбой; на 79—92 въ видѣ отступленія разборъ встрѣчающагося въ болг. и серб. пѣсняхъ мотива „*Вила строитъ юродъ, женитъ сына, выдаетъ дочь*“, который, по объясненію П., принадлежитъ къ величальнымъ пѣснямъ; на с. 93—99 объ ассоціаціи въ славянской народной поэзіи представленій *зоря, ключи, роса, медъ*; на с. 99—103 о томъ, что *зоря даетъ долю* (сомнительно); на с. 103—107 этюдъ: „*оттиранье небесныхъ воротъ и утробы матери при родахъ*“ (сближеніе маловѣроятное; факты, взятые изъ заговоровъ, очень шатки); на с. 107—11 *обращеніе къ зорѣ въ заговорахъ отъ разныхъ болѣзней* (интересный подборъ фактовъ), и на 111—126 рядъ выписокъ изъ пѣсенъ о близости представленій *росы* (медовой) и *косы* (дѣвства), о противоположеніи „*дивоцькой*“ и „*парубоцькой*“ красы и о *соколѣ*, какъ символѣ жениха.

На с. 124—125 находится замѣтка Потебни по вопросу о *литературныхъ заимствованіяхъ* въ пѣсняхъ. Нужно замѣтить, что Потебня не долюбивалъ теорію литературнаго заимствования, и сужденія его по этому поводу не всегда убѣдительны. Такъ, Потебня говоритъ, что мифологи, начиная съ Гримма и Вольфа, всегда признавали вліяніе церковнаго преданія, что, не устраняя теоріи заимствования, нужно опредѣлить ассимилирующую силу народа при помощи преждепознаннаго, что симпатіи къ той или другой теоріи, „становятся ли изслѣдователь на сторону вѣтра, или же на сторону лозъ, которыя онъ клонитъ“, зависятъ отчасти отъ свойства научныхъ данныхъ, частью отъ „пристрастій и отвращеній, навяз-

зывается впечатлѣніями всей жизни, принадлежностью къ извѣстному народу, литературному и ученому направленію и пр.“. Потебня несомнѣнно склонялся на сторону лозъ, не вѣрилъ въ большую силу внѣшнихъ литературныхъ давленій, признавалъ за народнымъ преданіемъ значительную устойчивость и допускалъ довольно высокую культуру въ праславянской и даже дославянской древности, когда сложилась символика народныхъ представленій. Признаніе церковнаго преданія мифологами положеніе спорное, въ нѣкоторыхъ ученыхъ, (напр., въ Шварцу) неприменимое. Потебня находилъ, что „прямолинейность объясненія въ смыслѣ литературнаго заимствованія столь же мало вынуждена свойствомъ данныхъ, какъ и противоположная, которая состояла бы въ признаніи устойчивости лишь за однимъ туземно-языческимъ преданіемъ“ (стр. 125). Мысль несомнѣнно вѣрная; но также вѣрно и то, что чрезвычайно трудно, да и прямо невозможно пройти между этими прямолинейностями такимъ образомъ, чтобы не уклониться въ ту или другую, и А. А. Потебня, при всей осторожности въ пользованіи фактами, при величайшей научной добросовѣстности, иногда слишкомъ склонялся на сторону туземно-языческаго преданія. Чтобы не ходить далеко за примѣрами, укажемъ на мифологическія толкованія колядокъ христіанскаго склада (65, 75—78); веснянки „церковь одмыкана. А хто въ тій церковци? золотее дитятко.—А що жъ воно робить? Золотого ножика держить.—А що жъ воно крає? Срібнее яблочко“ (на 64 стр.); свадебной пѣсни (точнѣе колядки) о томъ, какъ подъ воскресенье открылось небо и „та видно церкви и монастыри и святые престолы, а конецъ престола Маты Христова“ и пр. А. А. Потебня говоритъ при этомъ, что небо, рай представляются церковью. А не будетъ ли вѣрнѣе другое предположеніе (отъ лозъ къ вѣтру), что въ основѣ этихъ и сходныхъ пѣсень лежитъ прямое, непосредственное знакомство съ церковью и словесное воспроизведеніе главныхъ и обычныхъ изображеній, церковнаго потолка или купола въ видѣ неба со звѣздами, престола и пр.

Статья о малорус. весеннемъ хороводѣ „мосты“ (127—152) представляетъ развитіе замѣтки о мостахъ, какъ символѣ

любви, въ диссертациі „О нѣкоторыхъ символахъ“ 1860 г. и статьи „Переправа черезъ воду, какъ представленіе брака“ 1868 г. Игра и пѣсня „мосты“ взяты у Чубин. III 83. Игра изображаетъ сватовство и бракъ. По припѣву (ладо мое) и содержанію эта игра того же разряда, что и „просо“. Потѣбня приводитъ много вариантовъ пѣсни и игры „мосты“, малор., польск., словен., хорут. и др. Кромѣ того, приведено много малор. свадебныхъ пѣсень, въ которыхъ невѣста въ ожиданіи жениха моститъ мосты, кладетъ кладки. Отсюда эти образы переходятъ къ значенію ожиданія молодою своей родни и къ значенію родственной связи вообще. Потѣбня подробно развиваетъ ту мысль, что въ основаніи этого символизма лежитъ мифическое представленіе о солнцѣ, опускающемся въ море. Мифологическое толкованіе игры „мосты“ развито главнымъ образомъ въ ближайшей затѣмъ статьѣ объ игрѣ „вербовая дощечка“ (153—171), причемъ получается сочетаніе „дѣвица-верба“, „дѣвица-солнце“ и „солнце-верба“. Въ статьи „мосты“ и „вербовая дощечка“ вошли мотивы: „невѣста сама идетъ черезъ мостъ“; „женихъ переводитъ невѣсту черезъ мосты калиновые (калиновый мостъ—дѣвство) или черезъ кладку“ (при этомъ приведены гаданія о мостѣ и свадебный обрядъ перехода черезъ воду); „женихъ строить мостъ для невѣсты“; „собираніе разсыпаннаго (жемчуга и пр.) съ милымъ“; „милый и рассыпаетъ“; „соколъ (милый) просыпаетъ жемчугъ“; „соколъ похищаетъ просыпанный жемчугъ“. По этимъ мотивамъ сгруппировано множество пѣсень великор., серб., болг., польскихъ, преимущественно малорусскихъ.

Статьи о весеннихъ играхъ „въ иорюдуба“ и о веснянкахъ, въ которыхъ „дѣвица тонетъ“ (172—230), также построены на мифическомъ толкованіи и также заключаютъ въ себѣ массу пѣсень на мотивы: „дубрава горитъ и дѣвицы ее тушатъ“; „превращеніе утонувшей“ (тѣло въ рыбы, волоса въ траву и пр.); „о выростаніи дерева изъ утонувшей дѣвицы“; „превращеніе убитой или сгорѣвшей“. Исходными пунктами при объясненіи *иорюдуба* служатъ символическія объясненія: огонь—

любовь, горѣть—любить, жаръ—жаль (отъ любви и вообще), сырыя дрова—горе, гасить—утѣшать.

Въ концѣ сочиненія разсмотрѣно нѣсколько петровочныхъ и купальскихъ пѣсень, подходящихъ по размѣру и содержанію къ веснянкамъ, причемъ наибольшій интересъ представляетъ разборъ двухъ пѣсень: „Ой не стый, вербо, надъ водою“ (Чуб. III 205) и „Ой ты, ремезе, ремозеньку“ (Гол. IV 38). Объясненіе пѣсни о ремезѣ сопровождается превосходнымъ историко-литературнымъ и этнографическимъ комментариемъ (251—258). Не останавливаясь на этомъ экскурсѣ Потебни, подробное изложеніе котораго заняло бы слишкомъ много мѣста (мы уже пользовались ранѣе этимъ экскурсомъ въ „культурныхъ переживаніяхъ“ § 161), я въ массѣ фактическаго матеріала и сближеній выберу двѣ детали, важныхъ по существу и характерныхъ для автора, для обрисовки его нравственной личности. Для удобства пониманія передаю эти детали вкратцѣ, съ устраненіемъ мелочей, вариантовъ:

1) *Веснянка и купальская.*

Ой нестий, вербо, надъ водою,
Не пускай гниля по Дунаю:
Ой Дунай море розливае,
И день и нить прибывае
Та въ верби корень лыдынвае,
Изъ верху вершокъ усыхае.
Ой стань, вербо, на рыночку
У хрещатому барвиночку,
У запашному василечку...

Щедровка, впрямую, изъ веснянки.

Ой ты, ремезе, ремозеньку,
Та не вий гнизда на ледоньку,
Бо ся ледонько буде розвивати,
Твое гниздо цетопати.
Вий си гниздонько на лвороньку,
Явирь ся буде розвивати
Твое гниздонько покрывати.
Ой ты Васылю, Василеньку
Не ставь свитлоньки у тестенька...
Ставь си свитлоньку у батеньки и пр.

Эти пѣсенные образы, различные по происхожденію, сближены между собою, и въ народной словесности, и въ литературныхъ передѣлкахъ или подражаніяхъ у двухъ писателей малорусскаго происхожденія, Сковороды († 1794) и Капниста († 1824), съ весьма различными приуроченіями, у Сковороды въ пользу положенія, что „Господь гордымъ противится, смиреннымъ даетъ благодать“, у Капниста для выраженія недовольства „низкимъ предѣломъ“ въ жизни.

Стихотворение Г. С. Сковороды.

Ой ты птычка желтобока,
 Не клади гнизда висока;
 Клади на зеленой травѣ,
 На молоденькой муравѣ.
 Вотъ истребъ надъ головою
 Виситъ, хочетъ ухватить;
 Вашему жавать онъ кровью.
 Вотъ-вотъ ногти онъ остритъ

Стоитъ яворъ надъ горою,
 Все киваетъ головою.
 Буйныя вѣтры похваляютъ,
 Руки явору ломаютъ.
 А вербочки шумятъ низко,
 Волокутъ мене до сна;
 Тутъ течетъ поточокъ близко,
 Видно воду ажъ до дна.

На что жъ мнѣ замышляти,
 Что въ селѣ родила мати?
 Нехай у тѣхъ мозокъ рвется,
 Кто високо въ гору дмется;
 А я буду себѣ тихо
 Корататы мнѣй вѣкъ:
 Такъ минетъ мене все лихо,
 Щастливъ буду человекъ.

Стихотворение В. В. Кавииста.

Къ верху жаворонокъ вьется,
 Надъ горой летитъ соколъ,
 Выше облаковъ несется
 Къ солнцу дерзостный орелъ.
 Но летаетъ надъ землею
 Съ мягкой травки на цвѣтокъ
 Нѣжной пылью золотой
 Отягченный мотылекъ.

Такъ и мнѣ судьбою вѣчно
 Низкій положень предѣлъ:
 Въ урнѣ роковой, конечно,
 Жребій мой отяжелѣлъ.
 Случай какъ ни потрясаетъ
 Урну, все успѣха нѣтъ,
 Какъ жеэломъ въ ней не мѣшается
 Жребій мой на дно падетъ.

Такъ и бытъ! Пусть на вершинѣ
 Дубы гордые стоятъ;
 Вѣтры буйныя въ долинѣ
 Низкими лозамъ не вредятъ.
 Если жъ рокъ и тутъ осязается,
 Что осталось?—Терпѣть!
 Болѣ счастливый бьется,
 Чѣмъ несчастный умереть.

2) Вторая интересная деталь состоитъ въ объясненіи пѣсенъ „Ой кудро, кудро кудрявая“ (на с. 247) и пѣсни „Ой шли чумаки зъ Украины“ (на 267). Промежуточные матеріалы (отъ 247—266) опускаемъ. Объясненіе этихъ пѣсенъ бросаетъ свѣтъ, съ одной стороны, на высоко-моральное достоинство малор. народной поэзіи, съ другой—на философское къ ней отношеніе самого комментатора. А. А. Потебни, умѣвшаго открывать въ народной пѣснѣ глубокую мысль и доброе гуманное чувство. Громадная масса сырого фактическаго матеріала не поглотила всего вниманія Потебни и не обратила его въ сухого схоластика. За сухимъ матеріаломъ, самая сухость котораго обусловлена тщательностью научнаго анализа, вносящаго мелкое дробленіе пѣсенъ, за этимъ сухимъ матеріаломъ мѣстами выступаетъ гуманная личность автора, живое чувство симпатіи къ народу вообще, къ человѣку въ частности.

Ой кудро, кудро кудравая,
 Ой ты, вербице зеленая!
 Хто-жъ тобі, кудро, кудри мывавъ,
 Хтожъ-жъ тобі, вербо, корни пидмывъ?
 — Ой зывали мене темни луги.
 Темни луги, крути береги;
 Зывала кудрята темна ничка,
 Обмыла корни бистра ричка,
 Обмыла корни бистра вода...
 Ой я молода, якъ ягода,
 Непійду замивъ за годъ, за два,
 Та пііду замивъ ажъ п'ятого...
 За п'яниченку проклятого.
 Ой кажуть люде, що винъ нечъ,
 Ажъ що вечера зъ корчимъ иде.
 Та пропивъ коня вороного,

Иде до дому по другого,
 А я молода противъ его
 Несу рублика золотого
 Выкуплять коня вороного.
 „Ой якъ выкупивъ, люблю тебе.
 Якъ невкупивъ, убью тебе!“
 Ой не разъ, не два выкупляла,—
 Мени молодой одна шана:
 Зъ хаты виконцемъ утїкала,
 Въ вишневи садѣ ночувала
 Съ соловейкомъ розмовляла:
 Соловечко якъ техъ, такъ техъ!
 А я молода якъ охъ, такъ охъ!
 А зозуленька куку! куку!
 За що жъ я терплю таку муку?

„Какъ веснянка, говорить А. А. Потебня о приведенной прекрасной пѣснѣ, это—предчувствіе; какъ неприуроченная ко времени, это—сознаніе наступившей доли. Такая молодая и прекрасная и такая несчастная! Завила кудри дѣвичья воля (лугъ-берегъ—батько-матъ); подмыла корни горькая доля. Не-доля настїгла, какъ ни отеладывалось замужество, сколько ни тратилось замужемъ любви, смиренія, предупредительности. И за что? Характеристичный для малорусской пѣсни вопросъ безъ отвѣта“. Дальнѣйшее замѣчаніе Потебни по поводу этого вопроса отнесено къ другой пѣснѣ, заключающей въ себѣ та-кой же вопросъ, „Ой шли чумаки“, съ 5 строки:

Ой наведу я хмѣлю зеленого,
 Накладу я вогню жаренького,
 Та наварю пива п'яненъкого,
 Та позову сестру багатую,
 А вбога-небога сама прїйде;
 Посажу багату въ кінци стола,
 А вбогу-небогу край порога,
 Напою багату медомъ-виномъ,
 А вбогу-небогу гирнемъ пивомъ.
 Стала сестра сестру частувати,
 Стала сестра сестри вымышляти:
 „Сестро жъ моя, сестро убога?
 Коли бъ ты, сестро, така якъ я;

То бъ ты смїла де теперь я;
 Коли бъ ты, сестро, такъ робила,
 Ты бъ въ такихъ латахъ не ходила.
 Що я раненько уставаю,
 По два починки напрадаю,
 Та свои скрини наповняю,
 Та свои дѣти зодягаю“.
 —Сестро жъ моя, сестро багатая!
 Що я ранїй тебе уставаю.
 По три починки направаю,
 Та чужї скрини наповняю,
 Та чужї дѣти зодягаю!

„Здѣсь, говорить Потебня, какъ и въ построенной анало-гично съ этою пѣснею „Ой кудро“ обнаруживается стремле-

ніе возвыситься отъ созерцанія личной участи къ болѣе широкому весьма мрачному міросозерцанію. Личная доля ставится на мировую сцену, при обозрѣніи которой можно въ ряду причинъ и слѣдствій найти отвѣтъ на вопросъ „почему“, нѣтъ отвѣта на вопросъ „для чего“ и находится отрицательный отвѣтъ на вопросъ „за что“. Родственного воззрѣнія надо искать не въ христіанствѣ“. Далѣе у Потебни находится нѣсколько выписокъ изъ Книги Іова и Эккlesiаста, между прочимъ, слѣдующее: „И обратился я и видѣлъ подъ солнцемъ, что не проворнымъ достается успѣшный бѣгъ, не храбрымъ побѣда и не искуснымъ благорасположеніе; но время и случай для всѣхъ ихъ. Ибо человѣкъ не знаетъ своего времени. Какъ рыбы попадаютъ въ пагубную сѣть и какъ птицы въ силки, такъ сыны человѣческіе уловляются въ бѣдственное время, когда оно неожиданно находитъ на нихъ“.

Веснянки „просо“, „воротарь“, вербовая дощечка, „мосты“, дѣвица танецъ“ и др. разсмотрѣны по общности размѣра (4+3+3), (5+3) и (5+4); на основаніи этого размѣра съ веснянками сближено много другихъ пѣсень, свадебныхъ, петровочныхъ, купальскихъ, въ предположеніи, что нѣкоторыя изъ послѣднихъ вышли изъ круга веснянокъ. Все существенное въ группировкахъ матеріала дано, однако, фактическими мотивами пѣсень, въ особенности символикой веснянокъ. Размѣръ представляетъ весьма шаткую почву для классификаціи пѣсень, шаткую въ особенности потому, что стяженіе и растяженіе размѣра встрѣчаются въ пѣсняхъ весьма часто. Одинъ и тотъ же размѣръ можетъ служить самымъ разнообразнымъ пѣснямъ и напѣвамъ, и одинъ и тотъ же напѣвъ, какъ замѣтилъ уже г. Нейманъ въ рецензіи на I т. „Объясненій“, можетъ требовать разнородныхъ размѣровъ, оставаясь пріуроченнымъ къ одному содержанию, въ особенности въ бытовыхъ пѣсняхъ.

Вторая часть „Объясненій малор. пѣсенъ“—громадный томъ въ 800 страницъ—посвященъ колядкамъ и щедровкамъ, а въ связи съ ними и по поводу ихъ сдѣлано много цѣнныхъ сличеній и соображеній о пѣсняхъ свадебныхъ, царинныхъ, лазарскихъ, купальскихъ, зажиночныхъ, малорусскихъ думъ, великорусскихъ бы-

ливъ, сербскихъ и болгарскихъ юнацкихъ пѣсенъ. В. И. Ламанскій въ некрологѣ Потебни (въ 1 кн. Журн. Мин. Нар. Просв. 1892 г.) говоритъ: „Вообще этотъ обширный и капитальный трудъ заключаетъ въ себѣ обильный запасъ новыхъ наблюденій и важныхъ соображеній и потому надолго останется необходимою настольною книгою для всѣхъ занимающихся изученіемъ народной поэзіи, ея формъ и содержанія, религіозныхъ и бытовыхъ древностей, этнографіею русскою, общеславянскою и литовско-латышскою“.

Научное изученіе колядокъ представляетъ большой и разнообразный интересъ. Исслѣдователи прошлыхъ судебъ народной жизни, прошлаго народнаго быта останавливаются на различныхъ наслоеніяхъ въ колядкахъ: одни на религіозно-мифическихъ остаткахъ древняго язычества, другіе на христіанско-легендарныхъ элементахъ колядокъ. Исслѣдователя современнаго состоянія народной жизни естественно интересуется вопросъ, какую роль играетъ колядка въ бытовой жизни народа и въ его нравственныхъ понятіяхъ о добромъ и прекрасномъ. На изученіи колядокъ и щедривокъ отражались всѣ главныя измѣненія въ направленіи историко-литературныхъ работъ, главные успѣхи историческихъ и филологическихъ знаній. Съ развитіемъ научной разработки мифологіи, и къ объясненію колядокъ была приложена мифологическая теорія происхожденія повѣрій, сказаній и обрядовъ. Затѣмъ, когда въ наукѣ возобладала теорія заимствованія повѣрій, пѣсенъ и обрядовъ, въ цѣломъ или въ частяхъ, въ отдѣльныхъ подробностяхъ, теорія эта также была приложена къ объясненію колядокъ и, не объясняя ихъ вполнѣ, тѣмъ не менѣе во многомъ помогла опредѣлить ихъ внутренній составъ. Разсматривали колядки, какъ матеріалъ историческій, опредѣляющій отраженіе въ народной памяти и фантазіи нѣкоторыхъ частныхъ случаевъ древне-русской жизни. Были попытки выдѣленія изъ колядокъ житейскихъ бытовыхъ явленій крестьянской жизни, напримѣръ—почитанія и прославленія хлѣба. Во II кн. Кіевской Старины 1886 г. я представилъ уже историческій очеркъ изученія малорусскихъ колядокъ (труды Антоновича и Драгоманова, Н. П., Афанасьева, О. Миллера, Алек-

сандра Веселовскаго). и потому здѣсь не буду останавливаться на этой сторонѣ дѣла.

Во всѣхъ научныхъ изслѣдованіяхъ о колядкахъ говорится преимущественно о малорусскихъ волядкахъ. Такъ, въ главномъ явленіи литературы этого предмета, „Обзорѣ поэтическихъ мотивовъ колядокъ“ А. А. Потебни, разсмотрѣніе всякаго волядочнаго мотива начинается съ малорусскаго варіанта. Нѣкоторое исключеніе представляетъ лишь сравнительно-литературное изслѣдованіе о колядкахъ А. Н. Веселовскаго, гдѣ выдвинута на первое мѣсто румынская колядка, не въ силу, однако, какихъ-либо свойственныхъ ей преимуществъ, а въ силу прежде всего наклонности почтеннаго автора сводить рождественскіе обряды и пѣсни къ предполагаемому греко-римскому источнику, и затѣмъ въ силу того обстоятельства, что А. Н. Веселовскій въ данномъ случаѣ опирался преимущественно на румынскаго ученаго Теодореску. Особенное вниманіе ученыхъ къ малорусскимъ колядкамъ объясняется ихъ многочисленностью, полнотою и художественными достоинствами.

Прежде (до Потебни) колядка служила средствомъ, пособіемъ: изученіе колядокъ обусловливалось желаніемъ опредѣлить религіозно-миѣическое міросозерцаніе народа или отыскать въ современной жизни народа воспоминанія о давно прошедшихъ историческихъ лицахъ и событіяхъ, или, наконецъ, указать вліяніе на славянскіе народы греко-римской поэзіи и обрядовъ. Въ изслѣдованіи А. А. Потебни колядка поставлена цѣлью изученія, и уже различіе въ точкѣ зрѣнія на предметъ и въ отношеніи къ предмету изслѣдователя повело къ новымъ выводамъ и умозаключеніямъ, такъ сказать, углубившимъ и расширившимъ фарватеръ научнаго изученія колядокъ. Въ изслѣдованіи Потебни колядки и щедривки разложены на составные элементы, разобраны по мотивамъ и разобраны съ большой эрудиціей и съ образцовой научной строгостью въ обоснованіи выводовъ внимательно проверенными фактами.

Въ первой главѣ изслѣдованія говорится о размѣрѣхъ колядокъ и щедривокъ. За немногими исключеніями, отчасти объясняемыми смѣшеніемъ и взаимодѣйствіемъ поэтическихъ формъ,

стих малорусской колядки есть (5+5) съ припѣвомъ. Встрѣчаются небольшія уклоненія размѣра отъ нормы, или увеличеніе числа слоговъ до 6, или уменьшеніе до 4. По размѣру, при сходствѣ содержаніи, къ одному разряду съ малорусскими колядками относятся галицкія весеннія (царинныя), бѣлорусскія волочебныя, или великоднія и великорусскія „виноградья“, или колядки съ припѣвомъ „виноградѣ красно-зеленое“. Щедривкамъ преимущественно свойственъ размѣръ (4+4). Изрѣдка четырехсложная стопа замѣняется пяти и шестисложной. Размѣръ греческихъ колядокъ (8+7) не сходенъ съ славянскими, а размѣръ румынскихъ (5+5, 4+4, 6+6) указываетъ на связь ихъ съ славянскими.

Во второй главѣ говорится о времени колядованья и щедрованья. Малорусская колядка—рождественская величальная пѣсня, затѣмъ славленіе, самый обходъ съ такими пѣснями—примыкаетъ къ малорусскому-же тѣсному значенію слова коляда—вечеръ 24 декабря. Это значеніе древнѣе восточно-малорусскаго обычая начинать колядованье съ вечера перваго дня Рождества Христова. Гоголь („Ночь подъ Рождество“) могъ еще въ полтавской губерніи зазнать обычай начинать коляды съ „багатои кутѣ“, т. е. 24 декабря, существованіе коего подтверждается старинными сѣверными и южными и новыми свидѣтельствами, Стоглавомъ, царскими и патріаршими указами, густинскою лѣтописью, этнографическими статьями Купчанки, Шейна.

Изъ словъ, относящихся къ колядованію, въ этой главѣ объяснены—самое слово коляда въ разныхъ его значеніяхъ, малорусское слово ралець, встрѣчающееся въ старинныхъ царскихъ грамотахъ и нынѣ въ Галиціи, слово полазь, названія Усень, Овсень, Авсень, Таусень, Бауцень. Считаая названія Овсень, Таусень производными изъ пѣсеннаго произношенія Усеня: ой Усень, та Усень, А. А. Потебня за основную форму принимаетъ Усень и сближаетъ слово *усень* по корню съ литовскимъ *auszra*, латинскимъ *auroga*, санскритскимъ *usra*, *ushas* утренняя заря, утро, заря, какъ божество. Такое объясненіе Усеня представляетъ тотъ, такъ сказать, практическій интересъ, что разъясняетъ свойственное многимъ колядкамъ начало съ восхода солнца: „ой

рано, рано солнце сходило“, или съ однихъ словъ: „ой рано“, „ой раненько“.

Въ третьей главѣ излагается цѣль колядокъ и щедривокъ, согласно съ тѣмъ, какъ она опредѣлена въ самихъ пѣсняхъ, въ послѣсловіяхъ, или „поколядяхъ“. Цѣль эта—„димъ звеселити“. „Хотя иные поэтическіе мотивы колядокъ и щедривокъ, говоритъ А. А. Потебня, между прочимъ, взяты изъ христіанскихъ легендъ, первоначально ничего общаго съ величаньемъ не имѣютъ; но и они въ значительной степени подчинены главной цѣли этихъ пѣсенъ, именно величанью, возведенію лица, къ коему обращена пѣсня, къ идеальнымъ положеніямъ: къ значенію міровому, къ высокому общественному положенію, къ блеску богатства, мудрости, благочестія, удали, красоты... На всѣхъ ступеняхъ развитія потребность счастья, блеска, могущества требуетъ удовлетворенія хоть въ мечтѣ. Тѣмъ болѣе способно на время утолить эту жажду нѣчто столь объективное, какъ пѣсня. Даже нынѣшній культурный человѣкъ не могъ-бы подавить свѣтлой улыбки, если-бы ему и о немъ спѣли:

На коня садится, подъ нимъ конь бодрится;
Ой по лугу ѣдетъ—лугъ зеленѣетъ;

но несравненно важнѣе значеніе величальной пѣсни для людей прежнихъ. Чѣмъ далѣе въ старину, тѣмъ обычнѣе и крѣпче вѣра въ способность слова однимъ своимъ появленіемъ производить то, что имъ означено. На такой вѣрѣ основаны всѣ поздравленія и провѣщанія. Они и до нынѣ держатся не только одною инерціею, но и самой этой вѣрой“... Указавъ далѣе на различныя проявленія внесенія поэтического образа въ объясняемое и на важное значеніе въ жизни и въ поэзии заключенія по почину, т. е. наклонности человѣка настоящее, какъ начало ряда событій, считать образомъ будущаго, А. А. Потебня замѣчаетъ, что обрядныя величанья пережили время господства миѣческаго мышленія, сохранивъ лишь ту практичность, которая составляетъ неотъемлемое свойство поэзіи. „Вѣра въ непосредственную силу слова, какъ явленіе господствующее, могла остаться далеко позади, и тѣмъ не менѣе колядка могла остаться при практическомъ значеніи другаго рода, какъ пожеланіе, какъ

попытка водворить „въ челоуѣцѣхъ благоволеніе“. Отсюда естественно вытекаетъ, что колядки изображаютъ свѣтлую, желанную сторону жизни, и колядники—„гости любви, угодные“.

Въ той-же главѣ находятся спеціальныя замѣтки по детальнымъ вопросамъ, о сочетаніи понятій и словъ „свѣтъ, зелень, веселье, слава“ въ приложеніи къ колядкамъ, о значеніи словъ чары и ворожба, о частныхъ случаяхъ безсилія мысли разграничить воспріятіе, съ одной стороны, и его пониманіе—съ другой, о припѣвѣ „ой лелю“ и родственныхъ съ нимъ литовскихъ и румынскихъ припѣвахъ.

Въ IV главѣ, начальной въ разсмотрѣніи мотивовъ, рѣчь идетъ о мотивѣ: колядники будятъ господаря и сказываютъ ему радость на дворѣ. Въ однѣхъ колядкахъ мотивъ этотъ изложенъ ясно и опредѣленно, въ другихъ онъ затемнился; обращенія „чи чуешь“, „встань гори“ и проч. теряютъ связь съ дальнѣйшимъ содержаніемъ колядокъ и становятся припѣвомъ, какъ-бы формальнымъ опредѣленіемъ категоріи этихъ пѣсенъ. Особенно подробно разобрано встрѣчающееся въ началѣ болгарскихъ пѣсенъ выраженіе „Станенине“, съ разъясненіемъ его происхожденія изъ „въ(з)стани нынѣ“. При разсмотрѣніи означеннаго мотива приняты во вниманіе тѣ случаи, когда господаря будитъ „ластивка“, „зозуля“, „соловей“.

Въ V главѣ разсмотрѣнъ мотивъ: „зоря (утренняя звѣзда) зоветъ, связываетъ вѣсть, радость“, въ зависимости и въ связи съ народно-поэтическими представленіями мѣсяца и звѣзды денницы, ихъ видимой близости и видимаго удаленія, какъ любовнаго свиданія и брака; ссоры и разлуки.

Въ VI главѣ рѣчь идетъ о мотивѣ „Три радости: Богъ, царь или панъ зовутъ, дарятъ“, насколько проявляется этотъ мотивъ въ колядкахъ, волочебныхъ пѣсняхъ и свадебныхъ величаньяхъ. Между прочимъ здѣсь высказано замѣчаніе, что баллада Мицкевича „Будрысь и его три сына“ въ общемъ представляетъ величальный мотивъ: „съ трехъ дорогъ три корысти“, причемъ дорога понята въ тѣсномъ смыслѣ, какъ путь, военный походъ.

Въ VII главѣ разсмотрѣно величаніе воловъ, сохи, плуга, оранья и сѣянья. Величаніе этихъ предметовъ и дѣйствій есть

величаніе хозяина, его радость. Съ величаньемъ плуга связаны различные обряды, обходъ съ плугомъ, символическое паханіе и т. п., а также различные поэтическія сказанія, въ родѣ скинскаго сказанія о Таргитаусѣ и трехъ его сыновьяхъ.

Въ VIII главѣ, съ связи съ предыдущимъ мотивомъ, разсмотрѣнъ мотивъ „Богъ оретъ, святые помогаютъ“, въ результатъ котораго урожай, сборъ хлѣба; въ концѣ главы приведены нѣкоторые относящіеся сюда апокрифическія сказанія.

Въ IX главѣ говорится о мотивѣ: „сѣяніе, вѣяніе золота, серебра“, съ ссылкой на латышскія пѣсни, гдѣ солнце сѣтъ чистое серебро. По этому мотиву царинныя пѣсни (у Лемковъ) сближаются съ колядками, причемъ самый образъ „засѣванія золотомъ“ имѣетъ прямое отношеніе къ урожаю. Видоизмѣненіемъ мотива сѣянія золота и серебра представляется мотивъ объ ораніи копьемъ или мечемъ и сѣяніи стрѣлами, мотивъ, восходящій по времени къ „Слову о Полку Игоревѣ“.

Въ X главѣ говорится о мотивѣ: „Господь обходитъ дворъ величаемаго, считаетъ скотъ, мѣряетъ деньги“ и пр.

Въ XI главѣ мотивъ: „Господь со святыми или святые обходятъ хозяйское поле“.

Въ XII главѣ мотивъ: „Господарь готовится встрѣчать, угощать годовыхъ гостей, колядниковъ, Бога или святыхъ“. Въ этой главѣ, между прочимъ, указано на сближеніе въ колядкахъ гостя и Бога, Бога и Доли и указано на значеніе словъ „молить“ въ смыслѣ приносить въ жертву, зарѣзать, и „молитва“, въ смыслѣ каши, кутыи, жертвеннаго блюда. „Такія черты колядокъ, какъ обходы Бога и святыхъ, умноженіе ими добра, приглашеніе ихъ въ домъ и угощеніе, изображеніе урожая, ведутъ къ сближенію колядокъ съ обжиночными пѣснями“,—говоритъ Потебня и рассматриваетъ при этомъ обряды съ снопомъ „дѣдомъ“ и съ хлѣбомъ „крачуномъ“. Особенный интересъ представляетъ новое объясненіе встрѣчающагося въ бѣлорусскихъ обжиночныхъ и въ малорусскихъ свадебныхъ пѣсняхъ слова „рай“. Принимая во вниманіе сходство свадебныхъ пѣсенъ съ обжиночными по размѣру и содержанію, А. А. Потебня допускаетъ переходъ свадебныхъ пѣсенъ въ до-

жиночныя и тожественность нѣкоторыхъ встрѣчающихся въ нихъ образовъ и выражений, въ частности рая, причемъ слово „рай“ въ свадебныхъ пѣсняхъ служитъ эпитетомъ коровая, а въ обжиночныхъ пѣсняхъ—эпитетомъ жатвеннаго вѣнка или снопа. Происхожденіе-же самаго эпитета „рай“ объяснено изъ свадебныхъ пѣсенъ, гдѣ коровой посланъ отъ Бога, „зъ раю“, и изъ свадебнаго-же наименованія обряднаго деревца „гильца или вильца“ райскимъ деревцомъ, рай-деревцомъ или только рай. Выходить въ данномъ случаѣ, что существительное атрибутивное, вытѣснивъ свое опредѣляемое, стало на его мѣсто.

Въ XIII главѣ разобранъ мотивъ: „Обходъ съ козю“, въ связи съ относящимися сюда святочными обрядами и въ связи съ дожиночнымъ завиваніемъ бороды (Волосу, Ильѣ, Спасу). И пѣсни, и обряды, сюда относящіеся, представляютъ остатокъ вѣрованія, что душа нивы, сѣножати и растенія вообще есть „козло“ или козообразное существо (какъ и Фавнъ, Сильванъ), преслѣдуемое жнецами и скрывающееся въ послѣдній несжатый пучъ колосевъ или послѣдній снопъ.

Въ XIV главѣ рассмотрѣнъ мотивъ: „солнце, мѣсяцъ и дождь, или два святые и Богъ спорять о силѣ“, въ связи съ подобными сказочными мотивами, причемъ указано на связь мѣсяца съ морозомъ въ пѣсняхъ, повѣрьяхъ и загадкахъ. Далѣе разобранъ мотивъ: „три овчара или одинъ овчаръ съ тремя трубами“, съ указаніемъ, что въ колядкахъ съ этимъ мотивомъ заключена апофеоза овчара и его трубы, причемъ до-христіанскіе образы небесныхъ музыкантовъ и пастуховъ, каковы, между прочимъ, Панъ, Аполлонъ, Гандарвы, замѣнены Богомъ и святыми—Николаемъ, Юріемъ и др.

Въ XV главѣ разобранъ мотивъ: „чудесное дерево; съ него три корысти“, съ указаніемъ, между прочимъ, на моравскій обычай носить во время колядованія „счастье“—березовую или хвойную вѣтку, украшенную яблоками и кусочками сукна. „Отождествленіе чудеснаго дерева (колядокъ), говоритъ А. А. Потебня, съ вѣтвистыми облаками не только не противорѣчитъ земному происхожденію этого образа, но прямо предполагаетъ его. Человѣкъ, заключая отъ близкаго и извѣстнаго къ дале-

кому и неизвѣстному, переносить на небо свою земную обстановку и затѣмъ, когда этимъ она измѣнена, освящена и возвеличена, приписываетъ ей, въ ея земномъ видѣ, свойства, полученные ею на небѣ. Такъ устанавливается идеальная связь мірозданія... Трудность изслѣдованія заключается между прочимъ въ опредѣленіи того, на какой точкѣ своего пути отъ близкаго къ далекому и обратно мысль захватила тѣ или другіе признаки". При разсмотрѣніи коляднаго мотива о чудесномъ деревѣ подробно разобраны многія сюда относящіеся пѣсенныя детали: „птица на верху дерева, кипарисное дерево, гусли, райское дерево плыветъ, дерево везутъ". Указывая на основное религиозно-миѣническое происхожденіе обрядовъ и пѣсенъ разсчитываемаго мотива, Потебня выдѣляетъ возможные апокрифическіе элементы, заимствованные изъ „Бесѣды Іерусалимской" и изъ „Сказанія о крестномъ деревѣ".

Въ XVI главѣ разсмотрѣнъ мотивъ: „орелъ или соколъ сидитъ на деревѣ и говоритъ съ рыбой; орелъ перо ронилъ".

Въ XVII главѣ—мотивъ: „три сокола; добыча ихъ (перепелъ, рыба и проч.)—пану корысть". Обобщеніемъ добычи соколовъ служитъ то, что они приносятъ господину радость, „здравіе и веселіе".

Въ XVIII главѣ—мотивъ: „соколъ, хортъ и конь"; соколъ несетъ рыбу, хортъ бунцу, конь ведетъ стадо—все на радость пану, домохозяину.

Въ XIX главѣ—мотивъ: „соколъ или орелъ переноситъ невѣсту черезъ воду. Соколъ—сватъ". Въ этой главѣ находятся замѣтки о присутствіи разсчитываемаго мотива въ былинахъ о Михаилѣ Казарянинѣ, указаніе возможнаго происхожденія слова Казарянинъ отъ личнаго имени Козаринъ и разложеніе былины о Казарянинѣ на составныя части (описаніе коня, полонянка, кровосмѣшеніе и проч.). Остановливаясь на запѣвѣ: соколъ видитъ то-то, запѣвѣ, обусловленномъ стремленіемъ пѣвцовъ къ конкретности образа, А. А. Потебня разбираетъ малорусскую думу объ Олексіи Поповичѣ, причѣмъ разсчитываетъ сначала запѣвъ ея: „на Черномъ морѣ, на камнѣ сидитъ соколъ и поглядываетъ на море", гдѣ начинается буря, затѣмъ,

„въ видѣ отступленія“, останавливается на нѣкоторыхъ другихъ чертахъ думы, на обычномъ дѣленіи идеальнаго поля зрѣнія на три части (судна козацкія буря разбила на три части и разнесла на три стороны) и выкупѣ головою. Не находя повода производить малорусскаго Алексѣя Поповича отъ былиннаго Алеши Поповича, А. А. Потебня находитъ возможнымъ происхожденіе основныхъ мотивовъ думы изъ пѣсенъ южныхъ славянъ, причемъ вниманію читателя предлагается замѣчательная болгарская пѣсня про Станковича Дуку (изъ сборника Миладиновыхъ, стр. 65), гдѣ изъ стихій малорусской думы находятъ: буря на морѣ, исповѣдь грѣшника, главный его грѣхъ противъ матери и сестры и поздравленіе слушателямъ.

Въ XX главѣ разсмотрѣны мотивы объ оленѣ и турѣ: лань указываетъ охотнику невѣсту; олень обѣщаетъ стать въ пригодѣ; олень или туръ N—у корысть; на рогахъ оленя величаемая дѣвица или молодецъ. Въ изображеніи охоты „за чернымъ туромъ“ въ малорусскихъ колядкахъ А. А. Потебня усматриваетъ древнія бытовые черты, напоминающія охоты Владиміра Мономаха, причемъ тѣ малорусскія колядки, въ которыхъ говорится, что „газдыня“ посылаетъ слугъ поймать въ шелковыя сѣти „дивнаго звиря тура--олена“, относятъ ко времени гораздо раньше конца XVI ст., когда туръ, большой дикій быкъ, черный, съ свѣтлою полосой вдоль спины, былъ еще обычной дичью.

Въ XXI главѣ: „Куня въ дереви, дивка въ тереми“. По поводу этого колядочнаго мотива приведены свадебныя пѣсни и приказки съ кунницей, въ особенности обычныя при сватовствѣ. Мимоходомъ дано объясненіе пѣсеннымъ „Болоховцамъ—ловцамъ“ (переходъ отъ собственнаго въ нарицательному). Потебня опредѣляетъ по пѣсеннымъ выраженіямъ, какъ изъ образовъ охоты, ловли взяты представленія ума и т. п. мѣткостью (стрѣлы), быстротою (въ преслѣдованіи звѣря). При этомъ рядъ примѣровъ значеній словъ хитрый, сочити—suchen—искать по слѣду. Замѣтки объ охотничьихъ первоначально выраженіяхъ „по горячимъ слѣдамъ“, „и слѣдъ простылъ“. Цѣнная историко-юридическія замѣтки о „сокъ, отсочить“ въ Русской

правдѣ, Судебникѣ Казимира Ягеловича и др. памятникахъ. Опредѣленіе въ былинахъ объ Иванѣ Годиновичѣ мотивовъ: охота—сватанье, звѣрь—сватъ. Разборъ частнаго пѣсеннаго мотива: куницу привозять тестю. По мнѣнію Потебни свадебная куница ведетъ начало не отъ куна, мн. куны въ смыслѣ разнѣнной цѣнности, а отъ спеціального значенія куница, шкурка *mustelae*, какъ плата тестю и всему роду.

Въ главѣ XXII находятся аналогичныя съ XIX и XX мотивы, болѣе свадебныя, чѣмъ колядочныя, о змѣѣ сватѣ, причемъ подробно рассмотрѣнъ былинный эпизодъ о купаньи Добрыни Никитича. Сюда же отнесенъ пѣсенный образъ о „переплывѣ рѣки (Дуная, моря)“ и сродныя съ нимъ „перескочить“, „перейти“, „брестъ“, „плыть“, которые имѣютъ отношеніе къ любви и браку. Эта богатая фактами глава составляетъ развитіе положеній, высказанныхъ въ предыдущихъ трудахъ Потебни.

Въ XXIII гл. рассмотрѣнъ встрѣчающійся въ сербскихъ и болгарскихъ пѣсняхъ мотивъ, какъ юнакъ поймалъ вилу, мотивъ величальный и свадебный.

Въ XXIV гл. величальный мотивъ о семистахъ молодцахъ, помогающихъ добыть невѣсту. Услуга ихъ сходна съ услугою сокола, переносящаго невѣсту, и змѣи (въ XXII гл.). Краткія замѣтки о пѣсенныхъ „Блудцахъ“ (напоминаютъ Бродниковъ) и о связи орла и оранія въ пѣсняхъ (созвучіе).

Въ XXV гл. указано нѣсколько пѣсень на мотивъ: „молодецъ ѣдетъ въ горы или за горы по дѣвицу“, и

Въ XXVI гл. указаніе въ одной пѣснѣ добавочнаго мотива о посольствѣ впередъ пословъ къ матери, что-бы она приготовила пива и меду.

Въ XXVII гл. разобраны колядки и свадебныя пѣсни на тотъ мотивъ, что сама невѣста ѣдетъ къ жениху запросто, или тучей и дождемъ, или зорею, росою.

Въ XXVIII гл. мотивъ: „дѣвица въ деревѣ“; въ сербской пѣснѣ дѣвица вышла изъ-подъ коры сосны и засіяла, какъ солнце. Замѣтка о вилахъ—древесныхъ нимфахъ и о названіи самовила (вила—*дрѡѡс*, самовила—*ѡмѡ-дрѡѡс*).

Въ XXIX гл. рассмотрѣны пѣсни на мотивъ: дѣвица не ровня молодцу; у нея знатная (небесная) родня; пѣсни о молодцѣ съ знатной родней; мифологическія основанія этихъ пѣсенъ—солнце мать, мѣсяцъ отецъ, звѣзды—сестрицы.

Въ главахъ XXX—XLVII сгруппированы пѣсни на мотивы: дѣвица въ плѣну; дѣвица вѣни пасла и погубила (=вышла замужъ); дѣвица „лѣтъ зоря“; дѣвица мостить мостъ милому; перевозъ черезъ рѣку (молодецъ перевозить дѣвицу; дѣвица перевозить); золотая ряса (украшеніе) или роса; садъ—виноградъ, яблоки и пр. (дѣвица собираетъ съ милымъ), дѣвица стережетъ огонь; „троякій напій“; „дивча шиньарка“; три свата; дѣвица танецъ (срав. т. I Объясненій 190 и сл.); дѣвица въ лѣсу заблудилась; дѣвица ведетъ танецъ; дѣвица сгубила перстенъ; паванный вѣнокъ; вѣтеръ уноситъ вѣнокъ; три рыболова, молодецъ, доставая вѣнокъ, тонетъ. Изъ отдѣльныхъ замѣтокъ, вошедшихъ въ эти главы, значительный интересъ представляютъ замѣтки о терновомъ огнѣ (стр. 434—437), о значеніяхъ рясы, росы, золотой коры (465—468), о значеніи слова грабоваты (497) и о мифическомъ значеніи пѣсенъ о сожженіи дѣвицы (506—523).

Въ XLVIII гл. разобраны пѣсни—загадки (что растетъ безъ корня? горитъ безъ пламени? цвѣтетъ безъ синецвѣта? и т. п. съ отвѣтами: камень, золото, папоротникъ и др.). Потѣбня останавливается на характерныхъ свойствахъ пѣсенъ—загадокъ. Къ этой главѣ примыкаетъ небольшая XLIX глава о мотивѣ „Диво дивное“ и болѣе обширная L—о неисполнимыхъ задачахъ (соткать полотно безъ берда, выорать поле безъ плуга, вымыть безъ воды, мыла и валька, построить мостъ изъ одной вѣтки, сосчитать звѣзды и др.). Въ концѣ L главы находится интересный этюдъ о повѣсти о Петрѣ и Февроніи въ связи съ мнѣніями Ѳ. И. Буслаева и А. Н. Веселовскаго, съ указаніемъ на одну весьма сходную индійскую сказку.

Въ главахъ LI—LXXI сгруппированы и рассмотрѣны пѣсни на мотивы: золотыя ворота; дворъ на столбахъ; мѣсяцъ, солнце и звѣзды въ терему (и построеніе церкви); молодецъ въ чолнѣ; рада (муживъ громада) рѣшаетъ плыть на службу къ доброму пану; молодецъ добываетъ городъ, причемъ горо-

жане откупаются золотомъ, серебромъ, конемъ, дѣвицей (замѣтки о словахъ хоробръ, поляница); молодецъ за выслугу получаетъ скотъ или саблю, коня, дѣвицу; молодецъ выигрываетъ коня и дѣвицу; молодецъ играетъ и поетъ (въ былинахъ и свад. пѣсняхъ); дѣвица вышиваетъ три ширинки; молодецъ хвалится конемъ, стрѣлою, лукомъ; похвала коню; молодецъ съ конемъ говоритъ; конь чуетъ бѣду; мать (или тесть) узнаютъ N по коню, по платью (величальный мотивъ, встрѣчающійся, между прочимъ, въ былинѣ про Ивана Гостинаго сына); вдова отправляетъ сына на войну; вдовина дочь отправляется на войну, поединокъ съ турскимъ царемъ (замѣчаніе о пѣсенномъ „стеречи бродовъ“); отраженіе набѣга и отбитый полонъ; умная жена, вдова (прославленіе); N суды судить; переборъ (N перебираетъ конями, дѣвицами—величальная пѣсня). При разсмотрѣніи этихъ мотивовъ Потебня ограничивается группировкой пѣсенныхъ данныхъ.

LXXII—LXXIV главы посвящены тремъ мотивамъ: девять сыновъ разбойниковъ убиваютъ зятя и входятъ въ кровосмѣшеніе съ сестрой; мать проклинаетъ сына; смерть молодца и горе матери, сестры, милой. Эти мотивы составляютъ исключеніе по печальному своему содержанію. Колядка изображаетъ обыкновенно радостную, желанную сторону жизни. Въ этихъ исключительныхъ мотивахъ пѣсня дѣлаетъ, что можетъ, для смягченія непоправимаго зла, вѣчной разлуки.

Послѣднія LXXV—LXXXVIII главы посвящены христіанско-апокрифическимъ мотивамъ колядокъ: начало свѣта; „чому не такъ е, якъ було здавна?“; Рождество и преслѣдованіе Христа жидами; Богородица съ Младенцомъ спасается отъ жидовъ при помощи чуда (быстро созрѣвшей пшеницы); рожденіе и наименованіе Христа; вдова ищетъ сына; Пречистая ищетъ Сына; N ищетъ дороги въ рай; обрѣтеніе честнаго креста; три гроба; воскресеніе; ожившій пѣтухъ; установленіе постовъ; мученіе Христа; грѣхъ ивы, осины; изъ крови—вино, изъ тѣла—церковь; рѣка изъ крови, росы, слезы; купанье Христа; Его споръ съ Петромъ; Пречистая (или Богъ) отмыкаетъ пекло и выпускаетъ грѣшныя души, кромя одной; св. Петръ и его мать

въ пеклѣ; разлука души съ тѣломъ; грѣшная душа. Всѣ эти мотивы разсмотрѣны кратко.

Изслѣдованіе Потебни о малорусскихъ пѣсняхъ затрогиваетъ массу народно-поэтическихъ мотивовъ. Какъ ни обширно это сочиненіе, нѣкоторые его отдѣлы, нѣкоторыя частныя замѣчанія Потебни могутъ быть снабжены дополненіями, особенно съ привлеченіемъ къ дѣлу сказокъ, апокрифовъ и легендъ. Въ настоящее время можно уже указать на многія мелкія статьи и обширныя изслѣдованія, вышедшія послѣ 1887 г. и восполняющія отчасти капитальный трудъ Потебни. Здѣсь не можетъ быть и рѣчи о какихъ-либо упущеніяхъ со стороны Потебни. Собрать и сгруппировать такую массу пѣсенъ, какую представилъ Потебня—это такой грандіозный трудъ, который могъ явиться только результатомъ многолѣтней добросовѣстной научной дѣятельности при громадной эрудиціи, при необыкновенной, почти феноменальной памяти. Не въ упущеніяхъ дѣло, а въ ростѣ науки. Фольклоръ, весьма быстро развивающійся, вноситъ почти ежедневно такую массу новыхъ матеріаловъ, что было бы странно, если бы теперь, 5 лѣтъ спустя по выходѣ „Объясненій“, нечего было сказать въ дополненіе къ нимъ. Ограничиваемся здѣсь нѣсколькими указаніями: Въ I т. „Объясненій“ на стр. 23 въ примѣч. Потебня упоминаетъ о радостномъ восклицаніи въ латышскихъ купальскихъ пѣсняхъ *ligo*. По поводу этой случайной замѣтки Потебни г. *Вольтергъ* въ VII т. „*Archiv fur slav. Philologie*“ помѣстилъ интересную статью „*Was ist ligo?*“ Замѣчанія Потебни объ Усенѣ (II, стр. 35—45) могутъ быть еще болѣе подкрѣплены „Матеріалами для этнографіи латышскаго племени“ г. *Вольтера*, вышедшими въ 1890 г. Статьи о пѣсняхъ съ загадками и неразрѣшимыми задачами (II гл. XLVIII и L) могутъ быть расширены многими сказочными мотивами въ сборникахъ *Манжуръ* (стр. 40—41), *Караджича* (148), *Zbìdòr wiadomoŝci* XII 50, *Cosquin* № 32 и др. Въ особенности много дополненій можно сдѣлать въ послѣднимъ 14 главамъ (LXXV—LXXXVIII), посвященнымъ христіанскимъ мотивамъ колядокъ. Такъ, укажемъ здѣсь на прекрасное изслѣдованіе г. *Батюшкова* „Споръ души съ тѣломъ“

(1891 г.), обширную статью г. Драгоманова „Славянскіѣ сказанія за пожертвование собственно дѣте“ (въ Сборникѣ за народни умотворенія I—II), громадное изслѣдованіе американскаго ученаго Child'a „The english and scotish popular ballads“ въ 7 томахъ (1882—1890 г.); въ I т. подъ § 22 собраны западно-европейскіе варианты сказанія объ ожившемъ пѣтухѣ¹⁾. Вышли эти сочиненія, по изданіи колядокъ, вышли тогда, когда Потебня лежалъ на смертномъ одрѣ, и сколько бы ни вышло въ ближайшіе годы сочиненій на темы, затронутыя Потебнею въ „Объясненіяхъ“, этотъ трудъ долго еще будетъ висѣть въ видѣ грандіознаго созданія русской науки, образцоваго въ смыслѣ научной добросовѣстности, трудолюбія и эрудиціи.

Оставляя въ сторонѣ прекрасную статью Потебни о значеніяхъ множественнаго числа (въ Филолог. Запискахъ и отдѣльно) и небольшое предисловіе къ стариннымъ малорусскимъ лѣчебникамъ въ Киев. Старинѣ, какъ статьи, неимѣющія прямого отношенія къ этнографіи, останавлиюсь еще на послѣднемъ небольшомъ этнографическомъ трудѣ Потебни — „*Этимологическихъ замѣткахъ*“ въ III вып. Живой Старины 1891 г. (стр. 117—128). Въ статьѣ говорится о словахъ: багачъ, багачья; Бѣлая Русь; буртальникъ, волоть, подоприсвѣтъ, ягуны, ярчукъ, и о сказочныхъ мотивахъ и повѣрьяхъ о кобылѣй головѣ, бычкѣ-дристункѣ, и русалкахъ и петрушкѣ. Къ малорусской этнографіи относятся замѣтки:

Багачья—горячіе уголья; въ малор. въ значеніи богатства это слово („кажется“) утратилось, но сохранилось въ бѣлорусскомъ; сближеніе жара (горячихъ угольевъ) съ золотомъ. Выписки изъ малор. актовъ о названіи огня богачомъ. Параллель изъ Ригъ-Веды.

Бѣлая Русь—объясненія слова бѣлая въ значеніи вольная.

Бычкѣ-дристункѣ малор. сказокъ; указаніе на такого же бычка въ Естест. Исторіи Плинія.

Волоть, велеть производится изъ волотръ и сопоставляется съ санск. Вритра.

¹⁾ Легенда объ ожившемъ пѣтухѣ, зап. въ Олонец. губ., нап. въ IV т. Этногр. Обзор. 1891 г. стр. 197. — Прим. Н. С.

Кобыля олова, какъ остатокъ стариннаго обряда освященія и укрѣпленія межи.

Русалки не любятъ петрушки; указано сходное повѣрье у Плинія.

Яуны отъ яго (какъ чакавцы, штовавцы).

Ярчукъ—марчувъ, песь, рожденный „въ Марцю“ (въ мартѣ), вѣроятно, въ какіе-либо задушные дни.

По поводу двухъ толкованій Потебни (Соловей на дубахъ и Бѣлая Русь) редакторъ Ж. Старинны *В. И. Ламанскій* въ той же III кн. помѣстилъ двѣ обширныхъ статьи: 1) Прусскіе нѣмцы и суданскіе габеры въ Кимре — „на дубахъ“ и 2) Бѣлая Русь. Въ послѣдней статьѣ, весьма богатой интересными фактами, находятся, между прочимъ, замѣчанія о названіи Малая Русь. Проф. *А. И. Смирновъ* въ III кн. Русскаго Филол. Вѣст. 1891 г. высказалъ нѣсколько критическихъ замѣчаній на замѣтку Потебни о волотѣ, считая ее маловѣроятной.

Этими трудами исчерпывается дѣятельность Потебни, какъ этнографа. Въ бумагахъ его, сколько мнѣ извѣстно, не осталось статей по этнографіи. Въ лекціяхъ ничего не могло сохраниться, по той причинѣ, что Потебня, кажется, никогда не читалъ лекцій этнографическаго содержанія, въ родѣ перечисленныхъ здѣсь трудовъ. Лекціи университетскія за мою память (съ 1870 г.) были посвящены специально русской грамматикѣ и чтенію древнихъ русскихъ литературныхъ памятниковъ (по Христоматіи Буслаева); въ послѣдніе годы Потебня читалъ еще лекціи по теоріи поэзіи, и этотъ курсъ былъ для студентовъ болѣе понятенъ и болѣе ихъ интересовалъ, чѣмъ специально филологическія лекціи. При объясненіи Слова о Полку Игоревѣ Потебня указывалъ на пѣсни народныхъ, но далеко не въ такой полнотѣ, какъ дѣлаетъ это онъ въ своемъ печатномъ трудѣ о Словѣ. Кромѣ университетскихъ лекцій, Потебня одно время читалъ еще лекціи у себя на дому небольшому кружку дамъ, но, сколько мнѣ извѣстно, эти лекціи посвящены были исключительно нѣкоторымъ отдѣламъ теоріи поэзіи (о баснѣ, пословицѣ и пр.). Потебня очень рѣдко читалъ публичныя лекціи. За 20 лѣтъ моего знакомства съ По-

тебней я могу припомнить только пять такихъ лекцій. 18 ноября 1878 г. прочитана была лекція о Г. О. Квиткѣ, по случаю столѣтія со дня рожденія этого писателя. Лекція дала сбору 200 руб., которые пошли на изданіе сочиненій Квитки (въ счетъ 2812 р. 20 к. пожертвованій). Затѣмъ, были еще лекціи о Достоевскомъ (по его кончинѣ, какъ поминки) и о Гомерѣ (точного заглавія не припомню). Ни одна изъ этихъ лекцій не напечатана, и въ бумагахъ Потебни не сохранилось никакихъ записей. О лекціи П. о Квиткѣ была подробная корреспонденція въ кievской газетѣ „Трудъ“.

Потебня неоднократно высказывалъ мнѣніе, что въ русской наукѣ и литературѣ много скрывается такихъ силъ, которыми, по разнымъ причинамъ, общество не воспользовалось, и самъ Потебня несомнѣнно былъ такой силой; многое онъ могъ бы сказать, многое освѣтить, многихъ просвѣтить, при другихъ условіяхъ нашей общественности. Правда, самъ Потебня былъ очень скромнень, сдержанъ, избѣгалъ популярности; но никто и ничто въ нашей глухой провинціальной жизни и не вызывало его къ широкой общественной дѣятельности; напротивъ, обстоятельства такъ складывались, что кабинетное уединеніе и суровое аскетическое отношеніе въ окружающему міру были для Потебни единственно возможнымъ существованіемъ, и только въ чистой области науки могли раскрываться прекрасныя стороны его глубоко-человѣчной души, чувство справедливости, желаніе правды, исканіе истины и добра.

Одинъ изъ учениковъ Потебни г. Горнфельдъ такъ закончилъ свою прекрасную статью о лекціяхъ Потебни въ 335 № „Харьк. Вѣд.“ 1891 г.¹⁾: „Предо мною лежитъ его портретъ. Не знаю, какъ для другихъ, для меня это лицо полно необычайной красоты. Этотъ громадный, сильный лобъ, эта тонкая задумчивая улыбка, эта добрая складка рта и пылливый властный взглядъ, это „нездѣшнее“ спокойствіе—печать высшаго напряженія духа въ этомъ слабомъ старческомъ тѣлѣ. И это слабое тѣло еще усиливало впечатлѣніе этой исключительной

¹⁾ Перепечатана въ „Кievской Старинѣ“ 1892 г. № 2.

жизни духа, такъ часто напоминая слова Гегеля о Гете: „Какъ одежда восточнаго жителя едва держится на его станѣ и готова упасть съ плечъ, такъ и тутъ вы видите, что тѣло готово отпасть, а духъ воспринять во всей славѣ и спокойствіи“. И оно отпало это слабое тѣло... Тяжело подумать, какъ много унесъ этотъ человѣкъ въ могилу, какъ много невысказаннаго, недоговореннаго ушло вмѣстѣ съ нимъ. Тяжело людямъ науки терять такого мыслителя; но намъ, имѣвшимъ счастье духовнаго общенія съ нимъ въ трудныя минуты безвременья, еще тяжелѣе потерять человѣка, который зналъ и умѣлъ учить, „чѣмъ люди живы“.

П. В. Ивановъ.

Въ новѣйшей малорусской этнографіи Петръ Васильевичъ Ивановъ занимаетъ видное мѣсто. Его этнографическіе сборники отличаются полнотой содержанія и ясной системой распредѣленія матеріала. Біографическихъ данныхъ о г. Ивановѣ у насъ нѣтъ, и дѣло г. Иванова, если онъ, по скромности, нигдѣ не далъ хотя бы краткихъ автобіографическихъ сообщеній. Исследователю современной малорусской этнографіи нужно, однако, опредѣлить тѣ стороны въ личной обстановкѣ и дѣятельности нашего этнографа-собираателя, которыя объясняютъ своеобразный характеръ его этнографическихъ трудовъ. Нужно знать, напримѣръ, чѣмъ обусловлено то характерное обстоятельство, что г. Ивановъ ограничивается предѣлами одного уѣзда Харьковской губерніи и въ этихъ скромныхъ предѣлахъ опирается на многихъ полезныхъ сотрудниковъ изъ мѣстной среды, преимущественно, изъ народныхъ учителей и учительницъ. Дѣло въ томъ, что г. Ивановъ былъ инспекторомъ народныхъ училищъ и по выходѣ въ отставку, поселился на мѣстѣ своей прежней служебной дѣятельности въ г. Купянскѣ (въ 116 в. отъ г. Харькова) и сохранилъ связи со своими прежними сослуживцами—учителями и учительницами народныхъ школъ. Г. Ивановъ возбудилъ въ нихъ интересъ къ этнографическимъ работамъ, снабдилъ ихъ программами и сдѣлался средоточіемъ, объединителемъ и орга-

низаторомъ ихъ этнографической дѣятельности. На этнографическое поприще г. Ивановъ вступилъ недавно, въ 80-хъ годахъ. Ранѣе онъ былъ извѣстенъ своими трудами по изученію мѣстной фауны; сочиненія его по этой части печатались въ изданіяхъ харьковскаго общества естествоиспытателей.

Этнографическія изслѣдованія г. Иванова представляются весьма любопытными въ томъ отношеніи, что они являются, такъ сказать, результатомъ цѣлой школы мѣстныхъ этнографовъ; на нихъ лежитъ печать коллективнаго труда многихъ почтенныхъ дѣятелей, близко стоящихъ къ народу. Какъ важна такая общественная организація этнографическихъ изученій, краснорѣчивымъ доказательствомъ служатъ превосходные сборники г. Иванова. За четыре, пять лѣтъ г. Ивановъ далъ массу новаго, оригинальнаго и цѣннаго матеріала.

Если не ошибаюсь, первой этнографической замѣткой г. Иванова была „*Вирша на Рождество Христово*“ въ XI кн. Кіев. Старины 1882 г.—текстъ вирши, записанный бывшимъ учителемъ купянскаго духовнаго училища Лавровскимъ и маленькій къ ней комментарий г. Иванова. Вирша—бурсацкое произведеніе и къ народной поэзіи не имѣетъ никакого отношенія. Она относится къ юмористическимъ схоластическимъ виршамъ объ Адамѣ и Евѣ. Въ IV кн. „Кіев. Старины“ 1892 г. П. И. Житецкій подвергъ научному анализу эту и другія родственныя ей вирши объ Адамѣ и Евѣ.

Въ XII кн. „Кіев. Старины“ 1885 г. П. В. Ивановъ помѣстилъ небольшую статью „*Знахарство, шептанье и заговоры въ старобѣльскомъ и купянскомъ уѣздахъ харьковской губерніи*“. Это сборникъ заговоровъ и шептаній съ интересными пояснительными бытовыми комментаріями. Въ краткомъ предисловіи г. Ивановъ говорить: „Живя долгое время въ одной и той же мѣстности и находясь въ частыхъ сношеніяхъ съ народомъ въ районѣ двухъ уѣздовъ харьковской губерніи, купянскаго и старобѣльскаго, я, съ помощью близкихъ мнѣ лицъ, успѣлъ собрать массу этнографическаго матеріала и въ томъ числѣ до 150 шептаній и заговоровъ, изъ которыхъ болѣе половины неизвѣстны въ печати, а остальные являются болѣе или менѣе

цѣнными вариантами"... Для образца и помѣщено около двухъ десятковъ заговоровъ и шептаній, именно, шептанія надъ водой, отъ сглазу и разныхъ болѣзней. Сборникъ этотъ составляетъ полезное дополненіе къ сборнику „Малорусскихъ заклинаній“ П. С. Ефименка. Литература заговоровъ весьма обширна, если считать не изслѣдованія, какихъ почти нѣтъ (Крушевскій, О. Миллеръ), а сборники, какихъ много (главные Майкова, Романова и Ефименка). На литературѣ предмета здѣсь не останавливаюсь, и отсылаю интересующихся этимъ дѣломъ къ моему библиографическому указателю заговоровъ, изданному въ 1892 г.

Въ 1890 г. П. В. Ивановъ представилъ свой *сборникъ заговоровъ* въ этнографическій отдѣлъ Географическаго Общества. Извѣстный этнографъ П. В. Шеннъ, рассматривавшій сборникъ г. Иванова, въ своемъ о немъ отзывѣ, между прочимъ, говоритъ: „Сборничекъ г. Иванова состоитъ изъ весьма дѣльнаго введенія и 122 заговоровъ и шептаній. Введеніе и первые 10 заговоровъ были уже напечатаны въ *Кіевской Старинѣ*... заговоры и шептанія можно раздѣлить на слѣдующія рубрики: 1) противъ разныхъ болѣзней у людей и домашняго скота, 2) обереги отъ воровъ, клеветы, змѣи, таракановъ и пр. и 3) на разные случаи, чтобы быть въ почетѣ, передъ судомъ и т. п. Къ заговорамъ присоединенъ весьма интересный свадебный оберегъ съ обстоятельнымъ при немъ изложеніемъ фактическихъ данныхъ... Многимъ заговорамъ предшествуетъ описаніе обстановки, условій или реальныхъ средствъ; заговоръ примѣняется къ больному или случаю и т. п. По своему содержанію заговоры, записанные г. Ивановымъ и его сотрудниками, отличаются двоевѣрнымъ характеромъ... Въ сборникѣ и помимо этого найдется много любопытнаго для изслѣдователей народнаго быта и старины...“ Въ заключеніе своей рецензіи г. Шеннъ признаетъ сборникъ г. И. „цѣннымъ вкладомъ въ этнографическую науку“ и находитъ, что „трудъ этотъ вполне заслуживаетъ, чтобы его напечатали цѣликомъ“. Этнографическое отдѣленіе опредѣлило имѣть въ виду этотъ сборникъ для изданія и наградить г. Иванова серебряной медалью (*Живая Старина* 1891 III).

Въ VI кн. Киевской Старины 1886 г. П. В. Ивановъ помѣстилъ статью „*Кое-что о вовкулакахъ и по поводу ихъ*“. Авторъ знакомъ съ сборниками Аванасьева, Чубинскаго и Драгоманова и сообщенія его представляются дополненіями. Въ статьѣ приведено три свадебныхъ оберега и нѣсколько способовъ возвращенія вовкулакамъ человѣческаго вида. Далѣе, приведены народные рассказы, чѣмъ питаются вовкулаки. Статья небольшая, но полезная при довольно скудной и крайне разбросанной литературѣ о вовкулакахъ. Главные сборники и статьи о вовкулакахъ указаны мной въ „Культурныхъ переживаніяхъ“ § 121 и подробнѣе въ разныхъ мѣстахъ библиографическаго указателя статей о колдунахъ и вѣдмахъ (1891 г.).

На ярославскомъ археологическомъ съѣздѣ 1887 г. покойный проф. О. Θ. Миллеръ доложилъ и разобралъ докладъ П. В. Иванова „*Краткій очеркъ воззрѣній крестьянскаго населенія купянскаго уѣзда харьковской губерніи на душу и на загробную жизнь, составленный по словамъ стариковъ и старухъ*“. Этотъ докладъ, сколько мнѣ извѣстно, не вошелъ въ изданные томы трудовъ седьмаго археологическаго съѣзда, и о содержаніи его мы можемъ судить по протоколу засѣданія 13 августа, когда этотъ докладъ былъ прочитанъ. Похваливъ г. Иванова за его начитанность въ избранномъ вопросѣ и за умѣніе записывать народныя сказанія, Миллеръ сказалъ нѣсколько словъ вообще о народныхъ воззрѣніяхъ на загробную жизнь, какъ они выражаются въ произведеніяхъ устной народной словесности, и затѣмъ перешелъ къ изложенію воззрѣній купянскихъ крестьянъ, нерѣдко весьма оригинальныхъ и доселѣ не отмѣченныхъ въ другихъ мѣстахъ Россіи. Онъ выяснилъ представленіе души въ образѣ крылатаго существа (пчелы) или въ видѣ пара. Такой образъ душа имѣетъ, пока не вселится въ тѣлесную оболочку. Войдя въ тѣло, душа растетъ вмѣстѣ съ нимъ, питаясь паромъ отъ той пищи, какою питается человѣкъ. Хотя душа живетъ въ тѣсной связи съ тѣломъ, ѣсть, пьетъ, чувствуетъ жаръ, холодъ, наслаждается и страдаетъ, однако, при потерѣ какой-либо части тѣла, человѣкъ не теряетъ соотвѣтствующей части души. Родившійся съ ка-

кими-нибудь физическими недостатками имѣть и душу не вполне совершенную. Впрочемъ, въ будущей жизни, по мнѣнію крестьянъ, всѣ органическіе недостатки будутъ восполнены. Одни представляютъ себѣ душу существомъ, проникающимъ и наполняющимъ все тѣло; другіе считаютъ мѣстопробываніемъ ея грудь, третьи—утробу; иные представляютъ ея мѣсто въ горлѣ и, наконецъ, подъ правой рукой. У разбойниковъ и вѣдьмъ души нѣтъ: душа изъ нихъ вышла и ими овладѣлъ злой духъ. Родившіеся мертвыми или умершіе некрещеными младенцы превращаются въ русалокъ („лоскотовки“), представляемыхъ то въ человѣческомъ, то въ животномъ образѣ. Некрещенные младенцы принимаются Богомъ въ особый для нихъ назначенный рай, но отдѣльно отъ душъ дѣтей, умершихъ крещеными и живущихъ съ ангелами. Умиравшаго кладутъ на землю, на которой умирать легче. Умершаго кладутъ на лавку, въ головахъ зажигаютъ свѣчу; на стѣнѣ вѣшаютъ рушникъ; на окно ставятъ воду или медъ. При смерти вѣдьмы дѣлаютъ отверстие въ потолокъ для выхода души. Въ гробъ кладутъ деньги для покупки мѣста на томъ свѣтѣ; въ могилу ставятъ бутылку съ водкой; ленту, которой были связаны ноги покойника, берегутъ какъ лѣчебное средство. На томъ свѣтѣ живутъ мужчины съ мужчинами, женщины съ женщинами, а по мнѣнію другихъ, попарно. До 40 дней душа покойника посѣщаетъ домъ; затѣмъ надъ ней совершается судъ, и она получаетъ опредѣленное мѣстопробываніе. На поминальные обѣды душа является и послѣ 40 дней. Душа скупца на томъ свѣтѣ алчетъ и жаждетъ, а души праведниковъ имѣютъ во всемъ изобиліе. Есть адъ вѣчный, есть и временный, онъ подъ землею; въ немъ мракъ; души грѣшниковъ питаются въ немъ пепломъ. Рай—зеленый садъ, по которому течетъ рѣка. На томъ свѣтѣ мужъ не узнаетъ жены и наоборотъ, а родичей и знакомыхъ душа узнаетъ. Отецъ и мать не узнаютъ своихъ дѣтей, а крестные узнаютъ. Тамъ души не разговариваютъ между собою. Г. Ивановъ приводитъ рассказы „замиравшихъ“ старухъ о загробномъ мірѣ, рассказы крестьянъ о явленіи мертвецовъ и нѣсколько плачей.

Изложивъ передъ слушателями на сѣздѣ всѣ сообщенія г. Иванова, Миллеръ взвѣсилъ ихъ относительныя научныя достоинства, указавъ, что въ нихъ встрѣчается новаго и, сопоставивъ это новое съ прежними сообщеніями, призналъ собранныя г. Ивановымъ матеріалы въ высшей степени любопытными и важными для характеристики южно-русскаго крестьянства. (*Отчеты о засѣд. сѣзда*).

Въ отчетѣ о рефератѣ Миллера не указано, какія онъ упоминалъ „прежнія сообщенія“. Можно догадываться, что были указанія на труды Котляревскаго, Аванасьева и Барсова. Малорусская похоронная причеть только въ новѣйшее время стала обращать на себя вниманіе этнографовъ. Въ видѣ полезныхъ дополненій къ статьямъ П. В. Иванова о душѣ (1887 г.), о вѣдмахъ (1891) и о долѣ (1892 г.), гдѣ также разбросано много замѣтокъ и матеріаловъ относительно малорусскихъ народныхъ повѣрій о душѣ, могутъ еще служить замѣтки:

С. Брайловскаго, о похоронныхъ причитаніяхъ южнорусскаго края, въ „Русск. Филол. Вѣстникѣ“ 1884, т. XII.

С. Брайловскаго, „Малорусская похоронная причеть и мифическое ея значеніе въ Кіевской Старинѣ 1885, IX, 74—84.

М. К. Васильева, О малорусскихъ похоронныхъ обрядахъ въ Кіевск. Стар. 1889, VI, 635 и въ Кіевск. Стар. 1890, VIII, 317—322.

Ziemba, Zwyczaj pogrzebowe w okolicach Uszycu na Podolu, w Zbiór Wiadomości 1888, XII, 227—230.

Хр. Ящуржинскаго, Малорусскія причитанія надъ умершими, въ Кіевской Старинѣ 1888, I, 11—16.

Хр. Ящуржинскаго, Остатки языческихъ обрядовъ, сохранившіеся въ малорусскомъ погребеніи, въ Кіев. Стар. 1890, I, 130—132.

Сравнительно болѣе подробная статья г. Брайловскаго въ Кіевской Старинѣ не свободна отъ поспѣшныхъ мифологическихъ выводовъ. Такъ, на основаніи одного только выраженія „зашло мое сонечко красное“ г. Б. говоритъ о мифическомъ отождествленіи жизни человѣка съ солнцемъ. Можетъ быть, когда нибудь и было такое отождествленіе, но въ малорусской причети

оно не оставило слѣдовъ, и опровергаемое авторомъ мнѣніе Чубинскаго о бѣдности фактическаго содержанія въ малорусской причети сохраняетъ вполне свое значеніе. Напрасно также сдѣланъ Чубинскому упрекъ (на стр. 74) въ недостаткѣ „спеціальной подготовки“. Заслуги Чубинскаго, какъ изслѣдователя, заслонены его громадными заслугами, какъ собирателя.

Въ Харьковскомъ Сборникѣ 1888 г. (приложеніе къ Харьковскому календарю) г. Ивановъ напечаталъ небольшую статью (19 стр.) „Народныя представленія и вѣрованія, относящіяся къ внѣшнему міру“—матеріалы для характеристики міросозерцанія крестьянскаго населенія Купянскаго уѣзда. Въ небольшомъ введеніи г. Ивановъ различаетъ въ народныхъ обычаяхъ, вѣрованіяхъ и сказаніяхъ двѣ стороны, оригинальную и заимствованную, причемъ высказываетъ слѣдующее основательное замѣчаніе: „при собираніи и изученіи этнографическихъ данныхъ, прежде чѣмъ обращаться къ далекимъ сближеніямъ и сравненіямъ, необходимо прочно установиться на родной почвѣ тщательнымъ изслѣдованіемъ мѣстнаго матеріала. Затѣмъ, кромѣ записыванія изъ устъ народа сказаній его и объясненій бытовыхъ подробностей, необходимо извлечь изъ напечатанныхъ уже памятниковъ древней письменности соотвѣтствующій матеріалъ. Онъ можетъ послужить къ болѣе правильному освѣщенію существующихъ народныхъ обычаевъ и міросозерцанія народа, вообще указаніемъ тѣхъ измѣненій въ нихъ, какія внесены на глазахъ исторіи въ бытовую жизнь народа временемъ и измѣнившимися условіями гражданственности.... Встрѣчаясь при изслѣдованіи народнаго міросозерцанія съ нелѣпыми и бессмысленными взглядами и понятіями, не должно относиться къ нимъ съ пренебреженіемъ, а слѣдуетъ, подобно естествоиспытателю, внимательно выслушивать, точно записывать и всесторонне изучать, потому что въ кажущейся нелѣпости могутъ иногда скрываться драгоцѣнныя для характеристики народнаго быта черты изъ первобытной культуры или фактъ, могущій содѣйствовать разрѣшенію одного изъ вопросовъ о древнихъ международныхъ сношеніяхъ“.

Замѣчаніе г. Иванова о необходимости извлеченія изъ старинныхъ памятниковъ письменности этнографическаго матеріала заслуживаетъ полнаго вниманія, особенно въ приложеніи въ старинной украинской письменности, почти не затронутой съ этой стороны. Я раза два—три предпринималъ съ такой цѣлью экскурсіи въ южнорусскую схоластическую литературу. Такъ, изъ „Лицоса“ Петра Могилы мной извлечены кое-какія черты о свадебныхъ обычаяхъ и бракосочетаніи первой половины XVII в. (напеч. въ Киев. Старинѣ 1883, XI, 510—514), изъ сочиненія Петра Могилы, Іоанникія Галатовскаго и Лазаря Барановича извлечено около двухъ десятковъ пословицъ (напеч. въ VIII кн. Киевской Старины 1887 г.) и затѣмъ изъ старинныхъ актовъ кое-что извлечено о принесеніи разныхъ предметовъ въ церковь (въ Культ. переживаніяхъ § 2). Но предметъ этотъ настолько интересенъ, что заслуживаетъ полнаго вниманія и цѣльной монографии. Несомнѣнно, что кое-что любопытное въ бытовомъ отношеніи можно извлечь изъ старинныхъ южнорусскихъ актовъ, напр., клятвы въ духовныхъ, названія одежды и жилищъ, религіозныя легенды и т. п. Не слѣдуетъ, однако, возлагать преувеличенныхъ надеждъ на старинную украинскую письменность. Большой поживы она не можетъ дать, наприм., такой поживы, какую чешскій ученый Зибртъ въ послѣднее время извлекъ изъ памятниковъ старинной чешской литературы, обильной многими любопытными въ фольклорномъ отношеніи проповѣдями.

Г. Ивановъ представляетъ въ своей статьѣ сводъ мѣстныхъ повѣрій о небѣ, землѣ, громѣ, молніи, вѣтрѣ, о разныхъ животныхъ, птицахъ и растеніяхъ. Въ южнорусской этнографической литературѣ такого рода свѣдѣнія были ранѣе въ значительномъ числѣ подобраны въ сборникахъ Чубинскаго и Драгоманова, въ польской литературѣ — въ сборникахъ Густавича, Сяркоvsкаго и друг. Въ сборникѣ г. Иванова мало новаго. Значеніе этого сборника опредѣляется не обиліемъ и новизной записей, а мѣстной группировкой ихъ, на что указываетъ самъ собиратель. „Въ извѣстныхъ сборникахъ Чубинскаго и Драгоманова, говоритъ г. И., приведено весьма много подобнаго же матеріала, но, стекаясь съ огромнаго района, этотъ матеріалъ слишкомъ, такъ

сказать, расплывлется по обширному пространству, не даетъ поэтому яснаго представленія о міровоззрѣніи малоросса опредѣленной мѣстности“. Сблизивъ границы изслѣдованія матеріаломъ, собраннымъ въ двухъ—трехъ селахъ, г. И. даетъ довольно ясную картину міросозерцанія крестьянъ этихъ селъ.

Въ сборникѣ г. И. есть любопытныя мелочи. Было бы долго перечислять ихъ здѣсь и опредѣлять ихъ научное значеніе. Ограничиваюсь двумя, тремя: „Солнце на гору зайцемъ бѣжитъ, а спускается тройкой коней“ — характерное во многихъ отношеніяхъ повѣрье, близкое къ литовскимъ повѣрьямъ о близости зайца къ солнцу, о чемъ подробно смотр. въ ст. *Н. Сумцова* „Заяцъ въ народной словесности“. Легенды о царѣ Папаримѣ — оригинальный вариантъ апокрифа объ избіеніи младенцевъ. Эта легенда вызвала специальное изслѣдованіе *г. Драгоманова* о сказаніяхъ на мотивъ о пожертвованіи своего ребенка въ „Сборникѣ за народни умотворенія“ 1890 г. Повѣрья о созданіи земли и горъ, отмѣченныя въ сборникѣ г. Иванова, представляютъ варианты космогоническаго сказанія, подробно разобраннаго въ послѣднее время акад. *А. Н. Веселовскимъ* въ цѣломъ рядѣ статей. Весьма интересно, между прочимъ, сказаніе о Донѣ Ивановичѣ и Донцѣ Ивановичѣ, относящееся къ мало разработанному въ наукѣ циклу сказаній и пѣсенъ о южнорусскихъ рѣкахъ.

Въ „Харьковскомъ Сборникѣ“ 1889 г. *П. В. Ивановъ* помѣстилъ обширную статью „Народные обычаи, повѣрья, примѣты, пословицы и загадки, относящіеся къ малорусской хатѣ“ (30 страницъ). Несомнѣнно, это самый подробный, вообще лучший изъ существующихъ сборникъ повѣрій, связанныхъ съ хатой. Собранные въ статьѣ матеріалы записаны въ Купянскомъ уѣздѣ г. Ивановымъ и сотрудниками его, учителями и учителями сельскихъ училищъ. Въ началѣ статьи г. И. говоритъ о семейныхъ раздѣлахъ у малоруссовъ и объ участіи въ нихъ женщинъ, о выборѣ мѣста для хаты, гаданіяхъ „закладчинъ“ и обхожденіи съ плотниками, обрядномъ подниманіи сволокъ („сволокочинъ“), о плотникахъ—знахаряхъ, о „клинцованіи“ (вбиваніи клинчиковъ и обмазкѣ глиной) и побѣлѣ хаты и о пе-

переходѣ въ новую хату. Далѣе идетъ весьма обстоятельный обзоръ частей хаты: печи, двери, порога, окна, и обзоръ повѣрій, относящихся къ мебели и посудѣ. Въ заключеніе приведено сто загадокъ, относящихся къ хатѣ и хозяйству малоросса. Въ статью вошло нѣсколько легендарныхъ разсказовъ, какъ Богъ научилъ людей строить хату, а ап. Петръ кузнечному ремеслу. Особенно много интересныхъ повѣрій о печкѣ, повѣрій, отчетливо отражающихъ въ себѣ древній культъ огня. При этомъ отмѣченъ рядъ лѣченій болѣзней—съ помощью печи. Въ числѣ загадокъ попадаются новыя или варианты извѣстныхъ, интересные по мифологической основѣ, напр., „поле немиряне, вивци нещитани, пастухъ рогатый“ (звѣзды и луна). Эта загадка легла въ основу прекраснаго стихотворенія В. А. Жуковского.

На пажити необозримой,
Не убавляясь никогда,
Скитаются несчастливныя
Серебруныя стада.
Въ рожокъ серебряный играетъ
Пастухъ приставленный къ стадамъ;
Онъ ихъ въ златую дверь выпускаетъ
И счетъ ведетъ имъ по ночамъ.

И надочета имъ не знала,
Пасеть онъ ихъ давно, давно.
Стада поитъ вода живая
И умирать имъ не дано.
Они одной дорогой бродятъ
Подъ стражей пастырской руки.
И юности ихъ тамъ находятъ,
Гдѣ находили старики.

Въ статьѣ г. Иванова нѣтъ внѣшняго описанія хаты, и въ этомъ отношеніи нужно обращаться къ 7 тому „Трудовъ“ Чубинскаго, а при широкихъ изученіяхъ и къ нѣкоторымъ другимъ сборникамъ, напр., къ I т. „Рокисіе“ Кольберга, къ изданному херсонскимъ земствомъ описанію с. Покровскаго (Балай-тожъ) и др. Литература о хатѣ невелика и разбросана по разнымъ изданіямъ, большею частью малоизвѣстнымъ и малодоступнымъ. Особенно мало рисунковъ.

Малорусская хата не подвергалась историческому и сравнительно этнографическому изученіямъ. Если не ошибаюсь, мои замѣтки „Къ исторіи хаты“, Надписи на сволокахъ“, „засовка“, „Печь и огонь, какъ талисманы“—замѣтки, вошедшія въ „Культурныя переживанія“, представляютъ пока единственными попытками такого рода изученія хаты. Предметъ этотъ, однако, настолько интересенъ во многихъ отношеніяхъ, что заслуживаетъ спеціальной монографіи, въ которой были-бы собраны,

проверены и разобраны факты филологическіе, историческіе и сравнительно-этнографическіе, которые въ совокупности объяснили-бы, въ какой послѣдовательности и подъ какими вліяніями сложился типъ крестьянской малорусской хаты. Для такой работы матеріалъ и пособія подготовлены западно-европейскимъ фольклоромъ, давшимъ въ послѣднее время цѣлый рядъ статей и замѣтокъ объ устройствѣ жилищъ. Иностранная литература указана извѣстнымъ чешскимъ ученымъ г. *Зибромъ* въ 4 № „*Česky lid*“ 1892 г. (сочиненія Мейцена, Лася и Геннинга по исторіи нѣмецкаго дома, Гейкеля—о домѣ финновъ и черемисовъ, Беценбергера—о литовскомъ, Карловича—о польскомъ и др.). О польскихъ и литовскихъ хатахъ много замѣтокъ въ журналѣ „*Wisła*“ за послѣдніе два—три года, о французскихъ—въ журналѣ *Revue des traditions populaires*. На сочиненіе г. *Тихова* о болгарскомъ домѣ мы уже указывали при обзорѣ сочиненія А. А. Потебни „Къ исторіи звуковъ“.

Возвращаясь къ статьѣ г. Иванова о повѣрьяхъ, связанныхъ съ хатой, мы должны замѣтить, что въ этой спеціальной области, т. е. относительно повѣрій, этотъ трудъ г. Иванова отличается полнотой содержанія и представляетъ цѣннымъ вкладомъ въ этнографію.

Въ томъ-же 1889 году П. В. Ивановъ помѣстилъ въ III кн. Этнографическаго Обзорѣнія статью „*Сила родительскаго проклятiя по народнымъ разсказамъ Куянского уѣзда Харьковской губ.*“ (41—53). Въ статьѣ приведено 11 народныхъ разсказовъ о силѣ родительскаго проклятiя. Проклятый быстро чахнетъ и умираетъ, или превращается въ дерево, или въ животное (волка); П. А. *Янчукъ* въ примѣчаніи къ статьѣ г. И. останавливается на двухъ мотивахъ о дѣвчѣ—тополѣ и о томъ, что проклятаго сына земля не принимаетъ. При разсмотрѣніи перваго мотива г. Я. указываетъ на тѣ повѣрья о превращеніяхъ въ растенія, которые нашли мѣсто въ „*Метаморфозахъ*“ Овидія. О превращеніяхъ въ растенія см. еще замѣтку Н. Сумцова въ III кн. Этнограф. Обзорѣнія 1889 г. (о розмай-зильѣ) и обширное сочиненіе г. *Мандельштама* „Опытъ объясненія обычаевъ“ (1882 г.). Г. *Янчукъ*

повѣрять о томъ, что земля не принимаетъ проклятаго родителями, сближаетъ съ польскимъ сказаніемъ, что дитя, осмѣлившееся поднять руку на родную мать по смерти выставляло изъ могилы руку, пока мать, по совѣту священника, не выскла розгою виновную руку. Розга, воткнутая въ землю, выросла въ большое дерево, причемъ все сказаніе приурочено было къ одной плакучей березѣ подъ Грыжиной близъ Косцяны въ Познани. Интересная статья г. *Карловича* объ этомъ сказаніи напечатана въ „Вислѣ“ 1888 г. Можетъ быть, это сказаніе проникло къ полякамъ отъ нѣмцевъ, у которыхъ сказаніе о рукѣ изъ могилы весьма популярно (*Ziebrecht, Zur Volkskunde, 343; Krause, Zeitschr. f. Ethnol. 1883 стр. 83, Decke, Lübsche Sagen § 153*).

Помимо частныхъ мотивовъ, заслуживаетъ вниманія общая мысль, проникающая всѣ рассказы, мысль о высокомъ значеніи родительской власти, въ особенности материнской молитвы или проклятiя. Въ народныхъ сказаніяхъ, сообщенныхъ г. И., отражается, очевидно, та-же мысль, которая ранѣе, въ періодъ расцвѣта народнаго поэтическаго творчества, выразилась въ превосходныхъ думaxъ объ Алексѣѣ Поповичѣ и бурѣ на Черномъ морѣ, о вдовѣ и трехъ ея сыновьяхъ, объ Ивасѣ Вдовыченкѣ (или Коновченкѣ)—это въ южной Руси, а въ Руси сѣверо-восточной—въ былинахъ объ отъѣздѣ Ильи Муромца, въ особенности характерно въ Повѣсти о Горѣ—Злосчастіи, безымянный герой которой наказуется за то, что не послушалъ наставленій родителей, ни добрыхъ людей, какъ Коновченко наказуется за то, что не послушалъ совѣтовъ ни матери, ни полковника. Этотъ народно-поэтический мотивъ былъ такъ силенъ, что наложилъ свою руку и на старинныя литературныя памятники, на Повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ неизвѣстнаго автора и на современную ей духовную драму Симеона Полоцкаго о блудномъ сынѣ.

Въ 1890 г. П. В. Ивановъ помѣстилъ въ харьковскомъ сборникѣ—сборникѣ *народныхъ рассказовъ о кладахъ* (48 страницъ), записанныхъ сельскими учителями и учительницами въ Купянскомъ уѣздѣ. Малороссія—классическая страна кладовъ;

здѣсь дѣйствительно ихъ много и въ особенности много народныхъ рассказовъ о кладахъ. Эта любопытная область фольклора, гдѣ *wahrheit* и *Dichtung* переплелись между собой весьма тѣсно, впервые подробно разсмотрѣна г. Ивановымъ. До собранія г. Иванова было нѣсколько сообщеній у Чубинскаго, Рупиковскаго, Кольберга, Я. Новицкаго, Драгоманова (14 рассказовъ), Киев. Старинѣ, въ разныхъ газетахъ (напр. Харьк. Вѣд. 1887, № 146) и въ разныхъ провинціальныхъ этнографически-статистическихъ изданіяхъ (напр., въ Опис. Черниг. епархіи Филарета V, 218). Г. Ивановъ даетъ 75 рассказовъ, записанныхъ непосредственно изъ народныхъ устъ, причемъ рассказы эти распределены по ясной системѣ, вслѣдствіе чего этотъ трудъ г. И. заслуживаетъ вниманія не только любителей фольклора, но и вообще изслѣдователей мѣстной старины. Въ рассказахъ обнаруживается страсть малоруссовъ къ кладоискательству, раскрываются мѣстныя бытовые особенности, историческія воспоминанія и кое-какія міѳологическія черты.

Въ началѣ статьи г. И. говоритъ, что повѣрья и рассказы о кладахъ могутъ послужить основаніемъ для разнородныхъ соображеній, выводовъ и сближеній. Въ нихъ можно отмѣтить черты локализаціи небесныхъ явленій, вѣры въ силу человеческого слова, анимизма и демонологіи. При этомъ г. И. доказываетъ мнѣніе, что нѣкоторые повѣрья и сказки о кладахъ могли возникнуть подъ вліяніемъ изображеній на старинныхъ монетахъ на творческую фантазію народа. Такъ, на лицевой сторонѣ древнихъ киевскихъ монетъ находится изображеніе сидящаго старика, отъ шеи и отъ рукъ котораго идутъ ряды колець, принимаемыхъ нѣкоторыми нумизматами за украшающіе одежду жемчужные шнуры; они легко могли быть приняты за цѣпи, которыми прикованъ къ сидѣнію старикъ, и вызвать повѣрье, что это серебро старика, прикованнаго и стерегущаго кладъ. На другихъ древнихъ монетахъ княжескаго періода встрѣчаются изображенія разныхъ четвероногихъ животныхъ и птицъ, которыя также могли потомъ считаться охранителями кладовъ.

Обращаясь къ народнымъ рассказамъ, г. Ивановъ группируетъ ихъ въ такомъ порядкѣ:

1) Разказы о томъ, кто зарывалъ клады и какими обрядами сопровождалось зарываніе ихъ. Зарывали разбойники, или татары, или турки, съ заклѣтіями. •

2) Когда и въ какомъ видѣ выходятъ изъ земли клады. Выходятъ весной или подъ большіе праздники, они являются людямъ или въ видѣ дряхлаго старика, или въ видѣ животнаго. Въ видѣ старика кладъ является въ 7 разказахъ, причемъ въ однихъ случаяхъ старикъ служитъ прямымъ олицетвореніемъ клада, въ другихъ—даетъ деньги или совѣтъ, какъ вырыть кладъ. Въ 5 разказахъ кладъ является въ видѣ коня, въ 2—собаки, 2—быка, 2—барана, 2—свиньи, 4—пѣтуха, 10—квочки. Нѣсколько разказовъ о свѣчѣ надъ кладомъ, о томъ, что его можно взять только по назначенію, съ молитвою. Описаніе приемовъ, какъ взять кладъ. Перечень 12-ти страховъ, какими черти пугаютъ людей, намѣреющихся сорвать цвѣтъ папоротника. Отмѣчено нѣсколько случаевъ упорнаго исканія клада. Приведены народныя указанія на мѣста нетронутыхъ кладовъ.

Нѣкоторые разказы вызываютъ частныя сравненія, напр., разказъ о томъ, какъ мужикъ для полученія заклѣтаго клада долженъ былъ вспахать поле двумя пѣтухами.

Во II т. Сборника Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества (1890 г.) П. В. Ивановъ помѣстилъ „*Игры крестьянскихъ дѣтей въ Кулянскомъ уѣздѣ*“. Въ ряду другихъ сборниковъ малорусскихъ дѣтскихъ игръ сборникъ г. Иванова выдается по полнотѣ и подробности въ описаніи игръ. Всѣхъ игръ 95, именно: 15 игръ съ палками, 10 съ мячемъ, 4 съ ножичкомъ, 8 съ дощечками, камышками или косточками, 3 съ жгутомъ, 4 въ куплю-продажу, 21 съ ловлею (прятки, жмурки), 4 въ адъ и въ рай, 6 игръ съ гонкою и 13 игръ съ переговорами и припѣвками. Г. Ивановъ исключилъ воспроизводительныя игры, т. е. игры, въ которыхъ дѣти подражаютъ взрослымъ. Это исключеніе представляется неправильнымъ. На подражательныхъ играхъ можно прослѣдить, какія бытовыя и общественныя явленія въ настоящее время дѣйствуютъ на умъ и воображеніе дѣтей, что вноситъ школа.

Г. Ивановъ ограничивается замѣчаніемъ, что дѣвочки воспроизводятъ обыкновенно занятія и слова матерей, мальчики-отцовъ; иногда они воспроизводитъ явленія общественной жизни, судъ и расправу, церковныя процессіи. По наблюденіямъ г. И. для взрослой деревенской молодежи игры на воздухѣ потеряли свою привлекательность. Подъ описаніемъ каждой игры указано мѣсто, гдѣ она записана. Употребляемые при играхъ термины, приговоры занесены въ текстъ буквально. Собиратель пользовался для сравненій сборниками Сахарова, Терещенка и Чубинскаго. Указываю здѣсь литературу предмета.

1) *Сахаровъ*, Сказанія русскаго народа, 1837; во 2 части помѣщено 62 игры.

2) *Терещенко*, Бытъ русскаго народа, 1848, въ IV томѣ масса игръ—223, въ томъ числѣ собственно дѣтскихъ 27.

3) *Чубинскій*, Труды этногр.-стат. экспед. въ зап.-рус. край, т. III (1872 г.) 58 игръ и въ IV (1877) 28, всего 86.

4) *Сементовскій* въ Маякѣ 1843 г. XI, дѣлаетъ обзоръ слѣдующихъ дѣтскихъ игръ въ полтавской и черниговской губерніяхъ: король, перепелка, галка, щитка, укравъ рипки, дробушка, воронъ (подробное описаніе); упоминаются игры въ хрепчикъ, гуси, довголаза, горидубъ и шесть игръ въ мячъ (въ гилку, стѣнку, ваши, свинку, горобця и городка).

5) *Срезневскій* въ Маякѣ 1843, XI, подробно описалъ игру въ короля; упоминаются кривой танецъ, кострубоньки и нѣкот. др.

6) *Метлинскій* въ Маякѣ 1843, XI, упоминаетъ объ игрѣ въ крашанки или на-вбитки.

7) *Максимовичъ*, Дни и мѣсяцы украинскаго селянина (напеч. въ Русской Бесѣдѣ 1856 г., потомъ во 2 т. Собр. соч. 1877 г.). Здѣсь приведены слѣдующія дѣтскія и дѣвическія игры, съ превосходными историческими и бытовыми комментаріями: 1) дзвонцы (съ приказкой о татарахъ), 2) танцы, или ворогоды, круговые и ключевые, 3) перепелка, 4) заюшка, 5) выступецъ (съ историческимъ именемъ Вишневецкаго), 6) просо сѣять, 7) шумъ (эта игра связана съ Днѣпромъ), 8) дѣтская приказка при купаньѣ въ рѣкѣ, 9) завиваніе вѣнковъ (троицкое), 10) сухой дубъ, 11) дробушки (игра эта связана

съ русалками) и 12) кострубонько, (стр. 471, 474—479, 496, 505—509, 514, 521). Игры, запис. Максимовичемъ, относятся къ Киевской губерніи, къ Наднѣпровью.

8) *Шейковскій*, бытъ Подолянъ 1860 (вып. I). Здѣсь приведено нѣсколько весеннихъ игръ и пѣсенъ, съ приложеніемъ мало идущихъ къ дѣлу замѣчаній о міросозерцаніи древняго человека.

9) *Свидницкій*, въ статьѣ „Великдень у подолянъ, зап. въ окт. и нояб. книжкахъ „Основы“ 1861 г., подробно описываетъ слѣдующія парубочкія игры: 1) шила быты, 2) кашу варыты, или въ коня граты, 3) харлай, 4) довга лоза (парубочкій и дѣвичій варианты игры), 5) чортъ, 6) дзвонця (то же, что „вежа“ Лозинскаго), 7) игры въ мячъ, 8) въ просо, 9) въ дзвена, 10) въ баштана, 11) въ нимця, 12) жмурки, или пжмурки (подробное описаніе), 13) кривой танецъ, 14) горошокъ, 15) зайнька, 16) шумъ, 17) жельманъ (весьма подробное описаніе), 18) кострубонько, 19) колодій. Въ этнографическомъ отношеніи статья Свидницкаго (особенно сдѣланное имъ описаніе дѣтскихъ и парубочкихъ игръ) представляется весьма цѣнной.

10) *Лозинскій* въ „Зорѣ Галицкой“ 1860 г. (львовское изданіе) описалъ слѣдующія весеннія (великодныя) игры галицко-русскихъ крестьянскихъ молодыхъ людей и дѣтей: 1) мала купа, 2) вежа (становятся другъ на друга), 3) проба писанокъ, 4) млынокъ, 5) качало, 6) проба ланцюха, 7) гусакъ, 8) кручокъ, 9) воробчикъ, 10) мышка, 11) колесо, 12) дѣдъ, 13) чадо, 14) впустъ до раю, 15) галя. Кромѣ того, приложено 5 игорныхъ пѣсенъ, изъ коихъ одна относится къ игрѣ въ кострубоньку.

11) *Миркевичъ*, Обычаи и повѣрья малороссіянъ, 1860 г. На стр. 70—77 описаны игры: 1) воронъ, 2) перепелка, 3) король, 4) дурне колесо, или укравъ рипки, 5) дробушка, 6) галка, 7) щитка, 8) просо, 9) макъ, 10) деръ-деръ, и затѣмъ упоминаются горѣлки, бабки и кулачный бой. Описаніе помянутыхъ игръ почти дословно взято у Сементовскаго (изъ Маяка 1843 г.).

12) *Лисенко*, Молодожи, 1875 (Кіевъ). Здѣсь приведено нѣсколько игръ и приложены мелодіи веснянокъ и игорныхъ пѣсенъ.

13) *Bykowski* во 2 т. „Zbiór wiadom. do autrop. krajow.“. 1878 г. описалъ весеннюю дѣвичью игру „кусть“ въ окрестностяхъ Пинска, причемъ привелъ 12-сопровождающихъ эту игру пѣсенъ. По языку пѣсни вполне малорусскія. Объ игрѣ въ „кусть“ говорится, между прочимъ, въ соч. г. Мандельштама. „Опытъ объяс. обыч.“ с. 228.

14) *Moszynska*, Куражло, w Zbiór wiadom. do autrop. krajow. 1881. V. Здѣсь описаны: 1) вязаніе колодокъ (съ пѣснями), 2) володарь, 3) кривой танецъ, 4) шумъ, 5) макъ, 6) зайчикъ, 7) нелюбчикъ, 8) царенко, 9) ввась, 10) краска, 11) пизмурокъ, 12) бжолы, 13) блохи, 14) жукъ, 15) мышка, 16) жинка, 17) грибъ, 18) шулякъ, 19) гуси, 20) реготунъ, 21) хрещикъ, 22) карапусныця, 23) силь, 24) довга лоза, 25) верниголова, 26) коромысло и 27) шука. При многихъ описаніяхъ приведены игорныя пѣсни. Всѣ игры записаны въ окрестностяхъ Бѣлой Церкви кiev. губ.

15) *Kolberg*, Pokucie I 1882. Въ отдѣлѣ „Zabawy na Welykden“ находятся описанія дѣвичьихъ игръ: 1) воробей, 2) огирокъ, 3) вербовая доска, 4) жукъ, 5) мужъ и жинка, 6) ко-струбъ, 7) дидъ и баба, 8) рынокъ, 9) перепелочка, 10) дивороюваты, 11) жельманъ, 12) жинка, 13) воротарь, 14) журыло, 15) крутый ридъ, 16) горщикъ, 17) сосненька, 18) ворота, 19) грушка, 20) сваты, 21) бильце, 22) билоданчикъ, и парубоцкія: 23) деркачъ, 24) дзвинъ, 25) хвистъ, 26) котъ, 27) лозы, 28) лубокъ, 29) перескички, 30) пынки, 31) шекало, 32) крамарь, 33) монастырь, 34) згряя, 35) Богъ и дидко, 36) дидъ, 37) шипорни, 38) плазъ, 39) вакъ и копецъ. Дѣвичьи игры сопровождаются пѣснями, къ которымъ приложены ноты. Игры №№ 1, 2, 3, 4, 9, 11, 13, 18, 23 приводятся въ нѣсколькихъ вариантахъ, такъ что всѣхъ №№ у Кольберга считается не 38, а съ вариантами 62. Описаніе игръ сдѣлано съ свойственной Кольбергу точностью.

16) *Потебня*, Объясненіе малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ, 1883 г. Здѣсь находятся обширныя и въ высокой степени цѣнныя въ научномъ отношеніи изслѣдованія слѣдующихъ весеннихъ игръ и пѣсенъ: 1) сѣянье проса, 2) во-

рота, 3) воротарь, 4) мосты, 5) вербовая дощечка и 6) горю-дубъ.

17) *Szablewska*—подробное описаніе игры „Кривой танецъ“ подъ Збаражемъ, въ *Żbiór wiadom. do antrop. krajow.* 1883. VII.

18) *Сборникъ* матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, изд. Управленія Кавказскаго учебнаго округа, т. V. 1886 г. Здѣсь описаны дѣтскія игры и забавы въ Кубанской и Терской областяхъ. Описаніе составлено учителями станичныхъ и городскихъ училищъ, по приглашенію Окружнаго начальства и по иниціативѣ д—ра Е. А. Покровскаго. Этотъ сборникъ дѣтскихъ игръ почти всецѣло вошелъ въ вышедшій вскорѣ сборникъ г. Покровскаго.

19) *Покровскій*, Дѣтскія игры, преимущественно русскія (съ 105 рисунками), 1887 г. Въ этомъ громадномъ и цѣнномъ сборникѣ дѣтскихъ игръ встрѣчаются изрѣдка и малорусскія. Огромное большинство—игры великорусскія; затѣмъ есть игры вотяцкія, калмыцкія, грузинскія. Въ обширномъ „введеніи“ г. Покровскій говоритъ объ историческомъ, этнографическомъ и педагогическомъ значеніяхъ дѣтскихъ игръ. Пѣсни исключены, поговорокъ почти совсѣмъ нѣтъ; отдѣльныхъ техническихъ словъ въ сборникѣ г. Покровскаго весьма мало.

20) *Исаевичъ* собралъ въ окрестностяхъ г. Переяслава значительное число дѣтскихъ игръ, которыя напечатаны были съ предисловіемъ г. Горленка въ іюньской книжкѣ „Кіевской Старины“ 1887 г. Здѣсь находимъ: 1) Игры въ мячъ: а) высокій дубъ, или горе-дубъ, б) гилка простая, в) гилка сложная, г) гилка матковая, или матка, д) чортючка, е) каша, ж) яйца пички (великорус. лмки), з) баранъ, и) стинка № 1, і) стинка № 2; 2) Игры въ карты: а) пьяницы, б) свиня, в) видьма, г) визъ, д) дурень, е) неvirный дурень, ж) хвалька, з) цыганъ, и) сыжъ, і) хвиль, к) шистъ, л) хлюсть, м) нисъ, н) скубки, о) джгутъ, п) манахвейка, р) лава; 3) игры въ палки и кости: а) даровище, б) швайка, в) швайка съ цуркою, г) цурка, д) булка или бурда, е) школубъ или генъ-генъ, ж) тыкало, з) голый у голого, и) шапучка, і) шалахва, к) шкареберть, л) шкандыбки, м) шуль, н) скракли, о) палочки, короли, п) пади (бабви); 4) Игры „Зборная дружина:“ а) коромысло, б) рика, в)

таранъ, г) шуба, д) перевозить бабу, е) пукалка, ж) сивавка, з) плести лову, и) довга лоза, і) сухій вовкъ, к) мала куча, л) тисна баба, или давить олію, м) куца баба, или ци-ци баба, н) кваць, о) горилки, п) кони, р) ковзалка, репалка с) спускалка, т) крутилка, у) гуси, ф) воронъ, х) котики, ц) сучка, ч) кулачки. Итого въ короткихъ чертахъ описано 10 игръ въ мячь, 17 игръ въ карты, 16 игръ въ палки и кости и 24 игры „Зборной дружины“, итого 67 игръ; игры въ карты составляютъ любопытную новинку въ малорусской этнографіи. Пѣсни и поговорки опущены. „Мнѣ едва ли удалось записать и четвертую часть игръ, обращающихся въ названной мѣстности“ (т. е. переславскомъ уѣздѣ), замѣчаетъ г. Исаевичъ въ концѣ своего сборника.

21) *Kopernicki* въ *Zbiór wiadom. do antrop. krajow.* XI 1887 г., въ этнографическомъ описаніи Волыни приводитъ весеннія игры: 1) жена, 2) зайчикъ, 3) нелюбъ и милый и 4) кривой танецъ и затѣмъ дѣтскія игры: 1) горобецъ, 2) рожа, 3) гуси, 4) деревце, 5) прижмурки и 6) основа.

22) *Сумцовъ*, въ сент. кн. „Кіевской Старины“ 1889 г. помѣстилъ краткія замѣтки о слѣд. играхъ: 1) водить тополю, 2) король, 3) вугиклы, 4) воротарь, 5) кострубонько, 6) кулачки и 7) пади (бабки).

23) *Иксъ*, *Zabawy, gry i tance ludowe w okolicy Międzyzgesa podlasnego*, въ *Wisła* 1889; между прочимъ описаны малорусскія игры въ гуль (бѣгъ парубковъ въ перегонку), ката и щура, крука, войну и кругъ съ Полянкой (Пелагеей?).

24) *Wanke (Anna)*, *Halahicki*, въ *Zbiór Wiadomosci* 1889. XIII; 14 игръ парней и дѣвушекъ: мала купа, вѣжа, млынокъ, качало, проба ланцуха, гусакъ и кручокъ (парубочкія); воробчикъ, мышки, колесо, дидъ, чадо, впусти до раю и галя (дѣвичья). Подробное изложеніе содержанія этихъ игръ сдѣлано въ I кн. „Живой Старины“ 1892 г.

Для широкихъ сравненій могутъ быть привлечены великорусскія дѣтскія игры въ статьѣ г. Хрущова въ „Извѣст. Геогр. Общ.“ 1885, въ сборникѣ г. Покровскаго 1887 г., въ сборникѣ г. Тиханова въ „Матер. для изуч. крест. быта“ 1889, сербскія

въ „Животерба селяка“ Миличевича III 1877 (30 игръ), болгарскія въ Сборникѣ за народ. умотв. I 1889 (14 игръ) польскія въ „Lud“ Кольберга, томы 2, 3, 5, 9, въ ст. Петрова во 2 т. „Sbiór wiadom. do antrop. krajow“, въ старинномъ соч. Голембіовскаго „Gry i zabawky“; для болѣе широкихъ сравненій драгоцѣнный матеріалъ даютъ Либрехтъ въ соч. *Zur Volkskunde*, Тэйлоръ въ соч. „Первобытная культура“, особенно Плоссъ въ соч. „Das Kind in Brauch und Sitte der Völker“ 1884 г. и Роланъ въ соч. „Rimes et jeux de l'enfance“ и затѣмъ французскіе сборники Тарбе, Бюжо, Пюимегра, Арбо, сборники италианскихъ дѣтскихъ игръ Анджелети, Форнари, Дальмедичо; еврейскія дѣтскія игры въ *Этногр. Обзор.* 1891 II.

О дѣтскихъ присказкахъ и поговоркахъ игорныхъ см. обильные матеріалы въ *Wisła* 1888 и 1889 годовъ (328, 660 и др.).

Научное значеніе дѣтскихъ игръ, собранныхъ г. Ивановымъ, съ трудомъ поддается общему опредѣленію. При изученіи тѣхъ или другихъ сторонъ фольклора можно пользоваться съ успѣхомъ этимъ сборникомъ. Я позволю при этомъ указать на свои статьи о воронѣ и зайцѣ (въ *Этнограф. Обзор.*), въ которыхъ нашли мѣста двѣ, какъ я думаю, весьма древнія игры, взятые изъ сборника г. Иванова. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ играхъ можно усмотрѣть остатки древняго почитанія силъ и явленій природы (дѣтскія приказки о дождѣ, обращенія къ божьей коровкѣ, или солнышку), можно подмѣтить слабыя историческія воспоминанія (набѣги татаръ), или историко-бытовыя культурныя переживанія (лука самострѣлъ, кулачки).

Въ III т. Сборника Харьк. Историко-Филол. Общества (1891 г.) г. Ивановъ помѣстилъ обширный *сборникъ народныхъ разсказовъ о вѣдьмахъ и утыряхъ*. Изъ краткаго предисловія г. И. видно, что сборникъ составлялся въ теченіе 14 лѣтъ изъ матеріаловъ, доставленныхъ учителями и учительницами сельскихъ училищъ. Въ началѣ сборника приведены общія народныя понятія о вѣдовствѣ; затѣмъ слѣдуютъ 14 пріемовъ опредѣленія вѣдьмъ, раздѣленіе ихъ на родимыхъ и робленыхъ, о полетахъ ихъ на шабашъ, оберегахъ коровъ (нѣсколько разсказовъ о собакахъ ярчукѣ), много разсказовъ объ оборотничествѣ вѣдьмъ чаще

всего въ бѣлую собаку, иногда въ свинью, клубокъ, кошку, колесо, муху, яблоко.—Далѣе слѣдуютъ разсказы о томъ, какъ вѣдьмы обращали людей въ животныхъ, производили засуху, о смерти и посмертныхъ явленіяхъ вѣдьмы. Сборникъ оканчивается немногими разсказами объ упыряхъ. Наиболѣе обширный и цѣнный отдѣлъ—сказки о превращеніяхъ. Многія сказки въ этомъ сборникѣ г. Иванова представляютъ историко-литературный интересъ, напр.: сказка о злой женѣ и ея мужѣ, весьма сходная съ сказкой „Диковина“ въ сборникѣ Манжуры, подробно разсмотрѣнной нами въ другомъ мѣстѣ, сказка о ѣздѣ парубка на вѣдьмѣ, смерти ея и чтеніи надъ ней въ церкви псалтыри—сказки типа Гоголевскаго Вія, уже разсмотрѣнной нами въ мартовской Кн. Кіев. Старини 1892 г., цѣлый рядъ сказокъ на тему „Гусара“ А. С. Пушкина и др.

Литература предмета весьма обширна. Въ томъ же III т. Сборника я помѣстилъ библіографическій указатель сочиненій о вѣдьмахъ и упыряхъ въ 408 №№ (204 соч. на русскомъ языкѣ, 83—нѣмецкомъ, 58—французскомъ, 33 польскомъ, 11 италіанскомъ, по 6 на англійскомъ и чешскомъ, 4 болгарскомъ, 2 сербскомъ и 1 на латинскомъ). Нѣтъ надобности здѣсь пояснять, что эта библіографія далеко не исчерпываетъ предмета, чрезвычайно сложнаго и обширнаго. Отсылая интересующихся фольклоромъ къ этому указателю, я отмѣчу здѣсь, что о малорусскомъ колдовствѣ съ наибольшей подробностью, не считая г. Иванова, говорятъ Кольбергъ въ III т. „Rokucie“ Антоновичъ въ I т. „Трудовъ“ Чубинскаго, Драгомановъ въ Малор. нар. преданіяхъ, Чубинскій въ I т. „Трудовъ“, Ефименко въ Кіев. Стар. 1883 VI и XI, Кулишъ во II т. „Записокъ о юж. Руси“, Подберескій въ IV т. „Zbiór Wiadomości“, Рокоссовская въ XIII т. „Zbiór Wiadomości“, Руликовскій (ibid. т. III) и Сумцовъ въ „Культурныхъ переживаніяхъ“.

Какъ минимальное условіе при изданіи новыхъ матеріаловъ о малорусскихъ вѣдьмахъ и упыряхъ, можно поставить предварительное сличеніе ихъ, по крайней мѣрѣ, съ двумя наиболѣе подробными сборниками Иванова и Кольберга.

Однимъ изъ лучшихъ трудовъ г. И. представляется рядъ его статей въ 2 и 4 кн. Этнограф. Обзор. 1890 г. и во 2 кн. 1891 г. подъ заглавіемъ „Изъ области малорусскихъ народныхъ легендъ“. Это сборникъ и въ то же время изслѣдованіе. И по содержанію и по приёмамъ изложенія трудъ интересный, одинаково полезный и для этнографа и для изслѣдователя народной словесности, въ особенности по вопросахъ о воздѣйствіи на нее апокрифической литературы. Въ Россіи есть только одинъ сборникъ легендъ Аванасьева, да и тотъ попалъ въ *index librorum prohibitorum* и составляетъ нынѣ библиографическую рѣдкость. И въ настоящемъ случаѣ я не имѣю его подъ руками и сужу о его содержаніи только по обширной рецензіи А. Н. Пыпина въ „Современникѣ“. „Цѣнность всякаго человѣческаго произведенія, говоритъ г. Ивановъ, опредѣляется не только стоимостью матеріала и изяществомъ отдѣлки его, но также и тѣмъ, насколько отражается въ немъ характеръ времени и народного быта, насколько оно характерно вообще для своей эпохи и своего народа. Даже въ томъ скудномъ по количеству матеріалѣ, какой собранъ нами въ купянскомъ уѣздѣ, мы находимъ въ обрисовкѣ личности ап. Петра яркія черты, характеризующія малоросса такимъ, какимъ онъ выступаетъ передъ нами въ своемъ прошломъ и какимъ остается отчасти и теперь, не смотря на измѣнившіяся условія гражданственности. Сильно развитое чувство личности, протестующее противъ фатализма, стремленіе къ общественной справедливости, вызывающее неустанное исканіе правды на землѣ, личная инициатива въ возбужденіи и рѣшеніи вопросовъ какъ нравственныхъ, такъ равно и общественныхъ, братская любовь къ людямъ, исключаящая, однако, всякую мистическую темноту, смотрящая прямо на людскіе недостатки,— вотъ важнѣйшія нравственныя черты, отмѣчаемыя въ этихъ легендахъ“. (Этногр. Обзор. 1891, II, 110).

„Нравоучительный элементъ легендъ, замѣчаетъ г. Ивановъ въ другомъ мѣстѣ своей статьи, раскрываетъ передъ нами идеаль не только той среды, гдѣ легенда получила свое начало, но и того общества, гдѣ она пользуется наибольшимъ распространеніемъ, такъ какъ самый фактъ сохраненія и распространенія ея въ

томъ или иномъ мѣстѣ ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что она соотвѣтствуетъ извѣстному настроенію народа, удовлетворяетъ духовнымъ потребностямъ его“.

Всѣ эти замѣчанія, въ сущности основательныя и справедливыя, могутъ быть односторонне понятыми, если относить ихъ исключительно къ малороссамъ. Точно такія же легенды, какія встрѣчаются среди малороссовъ, съ чертами стремленія къ общественной справедливости, исканія правды на землѣ, съ чертами любви къ людямъ, встрѣчаются и у другихъ культурныхъ народовъ, напр., французовъ; въ области легендъ національныя особенности народа несомнѣнно проявляются, но сравнительно въ немногихъ легендахъ; любопытно, что въ легендахъ вполнѣ отсутствуетъ какое-либо вліяніе вѣроисповѣдныхъ различій народовъ.

Отмѣчаемъ вкратцѣ содержаніе легендъ, нашедшихъ мѣсто въ статьѣ г. Иванова, съ указаніемъ на нѣкоторыя однородныя явленія въ словесности другихъ народовъ.

Въ началѣ статьи (1890, II, 143—144) г. Ивановъ дѣлаетъ цѣнное замѣчаніе, что въ нѣкоторыхъ народныхъ легендахъ и повѣрьяхъ ап. Петръ является подъ именемъ *св. Поньдилка* въ положеніи райскаго привратника или проводника душъ черезъ огненную рѣку. Г. Ивановъ привлекъ къ сравненію апокрифъ о хожденіи Богородицы по мукамъ. Вѣрованіе въ св. Поньдилка стоитъ въ связи съ обычаемъ „понедилкованія“—поста замужнихъ женщинъ по понедѣльникамъ. Объ этомъ обычаѣ была замѣтка г. *Василенька* въ 1 кн. „Кіевской Старины“ 1887 г. и небольшое, но цѣнное изслѣдованіе *Чернышова* въ 4 кн. „Кіев. Стар.“ 1887 г. Чернышовъ возводитъ начало обычая въ глубокую древность, въ эпоху устроенія брачныхъ отношеній по типу моногамическому, когда обычай этотъ могъ имѣть значеніе брака „на три четверти“, т. е., нѣкотораго нарушенія супружескаго цѣломудрія женщины въ пользу тѣхъ мужчинъ, съ которыми она ранѣе жила. Это объясненіе обычая, хотя и обставленное широкими историко-культурными комментаріями, представляется сомнительнымъ. Сообщение г. Иванова о Поньдилкѣ бросаетъ на обычай понедилкованія новый свѣтъ, и даетъ

миѣ поводъ высказать предположеніе, что въ обычаѣ понедилкованія отразилось сильное вліаніе на народную мысль такихъ апокрифовъ, какъ „Хожденіе Богородицы по мукамъ“ и „Павлово Видѣніе“, въ частности легендъ объ ап. Петрѣ.

Легенда о св. Петрѣ и злой женѣ представляетъ варіантъ легенды, напечатанной въ „Малор. нар. преданіяхъ“ Драгоманова подъ № 27. Содержаніе легенды въ короткихъ словахъ состоитъ въ томъ, что было одно время, когда женщины верховодили въ семьѣ, по желанію ап. Петра, и въ это время одна злая женщина, нанося побои мужу, прибила и странника—ап. Петра, ночевавшаго въ ея домѣ. Г. Ивановъ усматриваетъ въ этой легендѣ отзвукъ существовавшаго нѣкогда главенства женщинъ. Вѣроятноѣ будетъ предположеніе о простой шуткѣ. Подобнаго рода легенды встрѣчаются у другихъ народовъ. Въ польской легендѣ Спаситель и ап. Петръ заночевали въ корчмѣ, когда была тамъ свадьба. Парубки разбудили ап. Петра, спавшаго на кровати съ краю, и заставили его танцовать. Послѣ танцевъ усталый ап. Петръ легъ къ стѣнѣ, чтобы его не беспокоили. Парубки сказали: „Давайте заставимъ танцовать и другого странника, что спитъ у стѣны, и, не обращая вниманія на протесты ап. Петра, снова заставили его танцовать, а Спаситель все время спокойно почивалъ (Wista 1891, 625). Эта польская легенда совпадаетъ съ малорусскими по нѣкоторымъ мотивамъ. Съ малорусской легендой тождественна бѣлорусская о томъ, что у женщинъ была отнята власть за грубое обращеніе съ ап. Петромъ одной злой женщины, въ Смолен. Этногр. Сборникѣ Добровольскаго подъ № 62, и польская сказка въ *Przegląd Akademicki* 1881, II, 146.

Легенды о богатомъ и бѣдномъ, какъ богатый отказалъ Спасителю въ ночлегѣ, или отказался въ дорогѣ подвезти усталого Спасителя, а бѣдный принялъ, и у бѣднаго же, по волѣ Господа, волки съѣли единственную корову. Ап. Петръ негодуетъ на несправедливость Спасителя. Спаситель сказалъ, что съ этой коровы должна была начаться моровая язва. Легенды такого содержанія весьма популярны. У г. Иванова приведено двѣ такихъ легенды, причемъ во второй встрѣчается нѣсколько вставныхъ мотивовъ, именно мотивъ о своеобразномъ наймѣ бѣднаго

въ работники („за великодный обидъ“), оригинальный мотивъ о побратимствѣ бѣдняка съ ангеломъ, который передавалъ своему побратиму рѣчи Спасителя и ап. Петра. Въ сходной легендѣ, вкратцѣ сообщенной г. Ивановымъ, работнику вмѣсто ангела помогаетъ смерть, ставшая ему названной сестрой послѣ того, какъ онъ далъ ей разговѣться пасхой, полученной имъ вмѣсто платы за цѣлый годъ работы. Четыре легенды разбираемаго мотива напечатаны въ „Малор. нар. преданіяхъ“ Драгоманова, 110—120.

Легенда о краткой, но искренней молитвѣ представляетъ вариантъ двухъ легендъ о томъ, какъ святые молились въ старину, изданныхъ въ „Малор. нар. преданіяхъ“ Драгоманова, стр. 141—142, изъ которыхъ одна записана г. Мурашкомъ въ черниг. губ., другая г. Манжурой въ екатериносл. губ. Свою всѣ три легенды: св. ап. Петръ (у г. Ив.), дѣдъ или просто человекъ (въ друг. вариантахъ) замѣтилъ, что какой-то человекъ (у Манжуры голый) перепрыгиваетъ черезъ пенекъ съ одной стороны на другую и обратно, приговаривая: „Оце тоби, Господи, а се мини, Господи!“ Ап. Петръ обучаетъ его молитвамъ. Станный богомолецъ съ трудомъ ихъ усваиваетъ. Когда ап. Петръ удалился, богомолецъ забылъ молитвы, побѣждалъ за нимъ, чтобы подучиться, нагналъ его при переходѣ черезъ рѣку и пошелъ по водѣ, какъ по суху. Увидѣвъ это, ап. Петръ сказалъ пустыннику: „молись, какъ молился“, и поклонился ему. Въ вариантѣ г. Манжуры приведена мораль легенды: „молись по своему та одъ сердца“. Г. Ивановъ замѣчаетъ, что „настоящая легенда представляетъ лучшее объясненіе, почему расколъ старообрядчества не имѣлъ успѣха въ Малороссіи“. Подъ этимъ замѣчаніемъ почтеннаго этнографа скрывается практическій выводъ болѣе широкій, чѣмъ позволяютъ сравнительно-литературные факты. Эта прекрасная и поучительная легенда не чужда и великоруссамъ, не смотря на развитіе среди нихъ раскола старообрядчества. Графъ Л. Н. Толстой передалъ великорусскій вариантъ этой легенды въ рассказѣ о трехъ старцахъ, только и знавшихъ, что восклицать: „трое Васъ, трое насъ, помилуй насъ!“ Прѣзжавшій случайно архіерей научилъ ихъ молитвамъ,

которые были ими усвоены съ большимъ трудомъ. Забывъ нѣсколько словъ изъ молитвы, старцы побѣждали за архіереємъ по морю, какъ по-суху.

Основная мысль русскихъ легендъ о краткой молитвѣ разрабатывается также въ легендарной словесности западно-европейскихъ народовъ. Такъ, существуетъ граціозная французская легенда (изъ Нижней Бретани) слѣдующаго содержания: Одна молодая дѣвица (Францеа Арбайль) потеряла отца и мать. Она жила въ бѣдной хижинѣ подъ соломенной крышей, и все ея имущество состояло изъ кошки, цыпленка и прялки. При всемъ томъ она была всегда въ хорошемъ расположеніи духа, по праздникамъ утромъ ходила въ церковь, вечеромъ участвовала въ хороводахъ и пѣла. Родители ея были люди порочные и не выучили ее молитвамъ. Она не знала даже молитвы „Отче нашъ“ (*ni Pater, ni Noster, comme on dit*). Однако она ежедневно утромъ и вечеромъ произносила слѣдующую молитву собственнаго сочиненія: „Да благословитъ Богъ мой домъ и мой очагъ, и да будетъ пресв. Богородица охранительницей моего ложа, а апостолы охранителями моего порога“. Въ селѣ стали замѣчать, что по ночамъ у хижины дѣвицы бываетъ много мужчинъ. Про дѣвушку пошли дурные слухи. Мѣстный священникъ даже сдѣлалъ ей внушеніе относительно соблюденія нравственности. Дѣвушка не признавала за собой никакой вины. Когда, однажды, священникъ ночью пошелъ посмотрѣть, что за люди собираются на ея дворѣ, то увидѣлъ, что 12 апостоловъ стояли на охранѣ ея дома. Мораль же: краткая, но искренняя молитва пріятнѣе Богу, чѣмъ большія молитвы, не отъ сердца сказанныя (*Luzel, Légendes chrétiennes de la Basse-Bretagne, I, 144—147*).

Легенда о томъ, какъ Христосъ съ апостоламъ Петромъ пошелъ пахать (Этн. Об. 1890, IV, 72—74) удачно сопоставлена съ колыдками о паханіи поля Христомъ и ап. Петромъ. Н. А. Янчукъ въ подстрочномъ примѣчаніи (на стр. 73) указалъ много изслѣдованій и сборниковъ матеріаловъ, заключающихъ въ себѣ эту легенду.

Легенда о томъ, какъ ап. Петръ пожелалъ, чтобы скупцы подавилися хмѣломъ, нашедшая мѣсто въ сборникѣ г. Ив., встрѣ-

чается также, какъ указалъ г. Янчукъ на 78 стр., въ сборникахъ великорусскихъ легендъ Аѳанасьева, Садовникова и Иванецкаго. Въ сходной французской сказкѣ ап. Петръ скрылъ отъ Христа кусокъ хлѣба. Христосъ, поддерживая разговоръ, не даетъ ап. Петру времени съѣсть хлѣбъ. (*Luzel, Légendes chrétiennes, I, 17*).

Легенда о стоколосѣ тождественна съ ранѣе напечатанными у Чубинскаго I. 84, 154 и Драгоманова, 14. Объ этой легендѣ см. въ ст. *Н. Сумцова „Отголоски христіанскихъ преданій въ монгольскихъ сказкахъ“* стр. 11—12 и статьяхъ *А. Ивановскаго* и *В. Каллаша* въ VII вѣ. Этногр. Обзор. 263—265.

Легенда о наиражденіи добрыхъ и наказаніи злыхъ представляетъ, какъ указалъ уже г. Янчукъ, вариантъ легендъ въ сборникахъ Аѳанасьева и Драгоманова. Эта легенда интересна по символической картинѣ ада и рая (криница съ жабами и криница съ чистой водой), возникшей, быть можетъ, подъ вліяніемъ апокрифическаго Видѣнія ап. Павла или другихъ родственныхъ ему апокрифовъ о загробномъ мірѣ. Эта легенда стоитъ въ связи съ разобранный выше легендой о богатомъ и бѣдномъ. Сходныя легенды у Драгоманова, 110—120.

Легенда о Маркѣ богатомъ приведена въ сборникѣ г. Иванова въ двухъ вариантахъ. Г. Янчукъ указалъ въ примѣчаніи на варианты въ сборникахъ сказокъ Аѳанасьева, Чубинскаго, Драгоманова и Романова. Марко богатый проситъ къ себѣ въ гости Христа и ап. Петра. Когда они пришли въ видѣ нищихъ, Марко не узналъ ихъ и отослалъ къ бѣдной вдовѣ. Господь сказалъ, что къ сыну бѣдной вдовы перейдетъ все состояніе Марка. Маркъ покупаетъ ребенка и бросаетъ его въ лѣсу на снѣгъ; но ребенокъ былъ спасенъ проезжими купцами. Когда онъ выросъ, Маркъ взялъ его къ себѣ въ работники и отправилъ къ женѣ съ письмомъ, въ которомъ находился приказъ убить его; но старикъ (ап. Петръ) переписалъ на дорогѣ письмо, и жена выдала за молодаго человѣка дочь Марка. Наконецъ, Марко посылаетъ зятя на заводъ, гдѣ жили черти, и приказываетъ чертамъ разорвать перваго пришедшаго. Зятя удержала молодая жена, и когда Марко пошелъ на заводъ, то вы-

шелъ первый и былъ разорванъ чертами. Въ варіантѣ Марко бросаетъ ребенка въ море два раза; первый разъ его спасли рыбаки, во второй монахи.

Сказки о Маркѣ богатомъ встрѣчаются у многихъ народовъ подъ другими только заглавіями и большею частью съ замѣной Марка дьяволомъ. Такъ, извѣстна французская сказка такого содержанія „Le fils du diable“ (*Cosquin*, I, 158—165), французская легенда „Saint Etienne“ (ib. II, 231—233), сказка индійская (*Минаевъ*, § 46), греческая (*Hahn*, № 68), чешская, вестфальская, венеціанская, занзибарская (*Cosquin*, II, 233) Обыкновенно сказки начинаются съ того, что дьяволъ (=Марку) покупаетъ ребенка, и послѣдній дѣлается силачемъ, нигдѣ не можетъ ужиться и разгоняетъ самихъ чертей въ аду. Въ малорусской сказкѣ Марко посылаетъ зятя на заводъ, чтобы его разорвали черти; во французской—хозяинъ мельницы посылаетъ работника на мельницу, гдѣ было 12 чертей; черти разбѣжались отъ страху, и работникъ притащилъ домой мельницу. Сказки о Маркѣ проклятомъ (или богатомъ) переплетаются со сказками о необыкновенномъ наймѣ силача работника.

Легенда о врачѣ и смерти въ сборникѣ г. Иванова связана съ именемъ ап. Петра. Бѣдный крестьянинъ накормилъ ап. Петра и получилъ отъ него такое зелье, что сталъ видѣть смерть у кровати больныхъ и предохранять отъ нея, переворачивая больныхъ головой туда, гдѣ были ноги. Такъ онъ спасъ отъ смерти многихъ больныхъ и нажилъ большія деньги; но въ концѣ концовъ самъ умеръ. Эта легенда встрѣчается у многихъ народовъ, большею частью безъ ап. Петра. Такъ, намъ извѣстны сходныя сказки: великорусская (*Садовниковъ* §§ 88, 92, 104), сербская (*Караджичъ* 145), польская (*Ciszewski* въ IX т. *Zbiór wiadomości*), ново-греческая (*Carnoy et Nicolaidés*, 144, 172), монгольская (*Потанинъ* IV, 498). Къ этому циклу сказокъ тѣсно примыкаютъ сказки и легенды о томъ, какъ Богъ старику или старухѣ возвратилъ молодость (сварилъ въ горячей водѣ или въ кузницѣ выбилъ на наковальнѣ молотомъ); таковы французскія легенды у *Luzel* I, 34, 39 и *Cosquin* 30, ново-греческая у *Nicolaidés* 61, индійская у *Минаева* § 42, цѣлый

рядъ великорусскихъ и малорусскихъ. Слабый малорусскій варіантъ у Чубинскаго II, 355. Полный варіантъ у Драгоманова 403—406.

Легенды объ ап. Петръ и волкахъ, въ которыхъ ап. Петръ распоряжается волками и назначаетъ, что имъ ѣсть. У г. Иванова приведено двѣ такихъ легенды. Эти легенды или относятся къ Юрію, и имя ап. Петра представляется случайной замѣной, или представляются искаженіемъ одного мотива легенды о богатомъ и бѣдномъ, гдѣ также фигурируетъ волкъ.

Легенда о возникновеніи лжи (или о цыганахъ). Цыганъ просилъ ап. Петра спросить у Бога, какъ жить цыганамъ. Богъ сказалъ: „що знавъ, кажы, не знаю; що чувъ, кажы, не чувъ; що бачывъ, кажы, не бачывъ; що бравъ, кажы, не бравъ“. Легенда записана въ сл. Радьковскіе Пески купян. уѣзда. Г. Ивановъ склоненъ усмотрѣть въ этой легендѣ мнѣніе малороссовъ о цыганахъ, какъ народѣ лживомъ. Это мнѣніе не исключительно малорусское и не характерно для малороссовъ. Во французской легендѣ у Христа и ап. Петра была корова, которая производила часто траву въ сосѣдскихъ поляхъ, такъ что Христосъ послалъ ап. Петра на базаръ продать корову. Цѣна назначена была небольшая, и покупатели находились; но ап. Петръ всякому покупателю сообщалъ, что корова поровистая, и никто ее потому не купилъ. Когда корова была приведена домой, Христосъ выбранилъ ап. Петра и сказалъ, что въ этой странѣ нельзя продать коровы, не скрывъ отъ покупателей ея недостатки (*Luzel*, I, 15—16). Бѣлорусская сказка о томъ „якъ Микола и Петръ лошадей на Украинѣ закупляли“ (*Добровольскій* I, 290) заключаетъ въ себѣ также мотивы воровства и лжи въ другой литературной обработкѣ.

Легенды о солдатѣ, съѣвшемъ сердце овцы, приведены въ сборникѣ г. Иванова въ трехъ варіантахъ. Въ двухъ варіантахъ солдатъ, а въ третьемъ священникъ присоединился въ дорогѣ ко Христу и ап. Петру. Спаситель поручилъ солдату зажарить на ужинъ овцу (въ вар. козу), но не ѣсть у нея сердца. Солдатъ овцу зажарилъ и сердце съѣлъ. На вопросъ Спасителя, гдѣ дѣлось сердце овцы, солдатъ отвѣтилъ, что у

ней не было сердца. Вскорѣ Спаситель съ ап. Петромъ и солдатамъ проходили черезъ рѣку, и солдатъ сталъ тонуть. Спаситель нѣсколько разъ спрашивалъ у него, не онъ ли съѣлъ у овцы сердце, но солдатъ отвѣчалъ отрицательно и все болѣе и болѣе погружался въ воду. Спаситель извлекъ его изъ воды. Вскорѣ Христосъ нашелъ мѣшокъ съ деньгами и раздѣлялъ деньги на 4 части, сказавъ, что двѣ части получить съѣвшій сердце. Тогда хитрый солдатъ признался съ цѣлью получить двѣ части. Въ третьемъ вариантѣ священникъ похищаетъ у Спасителя просфору. Во второмъ вариантѣ г. Иванова находится посторонній мотивъ о лѣченіи дочери богатаго человѣка; въ первомъ вариантѣ также особый мотивъ о томъ, какъ Христосъ смолотилъ у одного крестьянина хлѣбъ, спаливъ его соломѣ, а хитрый солдатъ, подражая Спасителю, спалилъ весь хлѣбъ и заплатилъ за свое корыстолюбіе.

Эта легенда принадлежитъ къ числу весьма распространенныхъ. Г. Янчукъ указалъ на варианты въ сборникахъ Аванасьева, Чубинскаго и Драгоманова. Добавимъ еще слѣдующія указанія: Встрѣчается нѣсколько французскихъ сказокъ на эту тему; крестьянинъ съѣдаетъ печенку барана въ сказкѣ *Le foie de mouton* у *Cosquin'a* № 30 или сердце ягненка въ сказкѣ *Porrant* у *Luzel* № VIII; въ обѣихъ французскихъ сказкахъ находится мотивъ о возвращеніи молодости или лѣченіи болѣзней Христомъ и солдатомъ. Къ этимъ французскимъ сказкамъ ближе стоитъ второй вариантъ г. Иванова. Съ первымъ вариантомъ (объ утопавшемъ солдатѣ) весьма сходна польская сказка изъ-подъ Кракова, въ которой роль солдата играетъ жидъ, укравшій сыръ (*Wiśła* 1891, 626). Въ польской сказкѣ нѣтъ мотивовъ о лѣченіи и чудесной молотбѣ. Въ испанскихъ сказкахъ солдатъ или крестьянинъ получаетъ отъ Христа наказаніе за такую же провинность; въ швабской и гессенской сказкахъ отъ ап. Петра; въ сказкахъ италіанскихъ выступаетъ таинственный старикъ. Эта легенда встрѣчается у старинныхъ писателей, напр., у Монтана (1551 г.). Въ италіанской новеллѣ XIII в. о Богѣ и жонглерѣ, послѣдній съѣдаетъ козлиныя почки. Въ одной персидской поэмѣ XIII ст. христіанскаго

происхожденія повторяется тотъ же эпизодъ о похищеніи хлѣба (*Cosquin I*, 285—288). Одинъ варіантъ этой легенды проникъ и въ *Gesta Romanorum*, гдѣ поваръ, съѣвшій сердце кабана, увѣряетъ попомъ короля, что кабанъ былъ безъ сердца.

Эпизодъ о чудесной молотѣ, извѣстный по русскимъ сказкамъ въ сборникахъ Афанасьева, Драгоманова и Иванова, встрѣчается также въ западно-европейскихъ сказкахъ, напр., во французскихъ въ *Légendes chrétiennes Luzel I*, № 6 и въ *Contes populaires de la Haute Bretagne Sebillot* (пересказана вратцѣ у Люзеля).

Сказаніе о томъ, почему на хохлѣ чортова голова въ сборникѣ г. Иванова вставлено въ число малорусскихъ народныхъ легендъ. Эта легенда, повидимому, зашла въ Малороссію изъ Великороссіи, какъ насмѣшка надъ малоруссами, и въ Малороссіи удержалась, какъ объясненіе происхожденія браннаго выраженія „чортова голова“. Содержаніе легенды состоитъ въ томъ, что однажды чортъ бился съ хохломъ; ап. Петръ въ гнѣвъ снялъ имъ головы. Господь приказалъ понадѣвать имъ головы, и ап. Петръ по ошибкѣ чорту надѣлъ голову хохла, а голову чорта на хохла. Г. Янчукъ въ примѣчаніи на стр. 92 указалъ на аналогичный чешскій рассказъ, съ тѣмъ отличіемъ, что здѣсь роль хохла играетъ баба (*Roubovana baba*). Аналогичная бѣлорусская сказка „якъ Никола бабу разымалъ у драки съ чортомъ“ напечатана въ Смоленскомъ Этнографическомъ сборникѣ г. Добролюбова стр. 288. Сказка эта почти дословно сходна съ чешской и малорусской. Такимъ образомъ, мы имѣемъ здѣсь насмѣшку надъ женщиной въ рендантъ къ стариннымъ поученіямъ о злыхъ женахъ, и затѣмъ мѣстную передѣлку ея въ насмѣшку надъ малороссами.

Два сказанія о происхожденіи великоруссовъ и малоруссовъ построены на апокрифахъ о сотвореніи человѣка и также получили ироническое значеніе. Ап. Петръ лѣпилъ малоруссовъ изъ пшеничнаго тѣста, а ап. Павелъ великоруссовъ изъ желтой глины („отымъ вони и руды“). Собака съѣла пшеничныхъ хохловъ и об.....а глиняныхъ великоруссовъ. Когда Петръ погнался за собакой и ударилъ ее на ярку палкой, то тамъ появился

хуторокъ, а въ лободѣ, гдѣ лежала собака, появилась цѣлая слобода. Въ другомъ разсказѣ свадебные поѣзжаны посмѣялись надъ Господомъ и Петромъ и были за то обращены—одни въ вѣчныхъ хлѣборобовъ малороссовъ, другіе въ вѣчныхъ лапотниковъ великороссовъ и третьи въ медвѣдей. Насмѣшки, очевидно, обоюдоострыя, но такъ какъ малороссамъ отдается въ этихъ разсказахъ нѣкоторое предпочтеніе, то, можно думать, что и разсказы сами возникли въ Малороссіи. Кое-какія сходныя черты въ другихъ разсказахъ указаны въ Этногр. Обзор. 1890, IV, 94 въ подстрочномъ примѣчаніи.

Въ сказаніи о происхожденіи малороссовъ отъ собаки, можетъ быть, скрывается глубоко-древняя черта—тотемизмъ. См. по этому поводу статью А. А. Потебни „Слѣпородъ“ и пр. въ „Къ ист. звуковъ“ III, 68—83 и мою замѣтку объ этой статьѣ на одной изъ предыдущихъ страницъ.

Малорусскія легенды, нашедшія мѣсто въ 3-й части статьи г. Иванова (во 2 кн. Этногр. Обзорѣнія 1891 г.), художественны и оригинальны. Вообще, это лучшія страницы этнографической дѣятельности г. Иванова. Въ этихъ легендахъ, большею частью связанныхъ съ двумя растеніями украинской флоры, съ дикимъ цикоріемъ (Петривъ батигъ, *Cichorium intybus*) и васильками (*Oscum basilicum*), чувствуется свѣжее дуновение народной жизни, поэтическое созерцаніе природы, мѣстами пробиваются черты широкаго гуманизма.

Въ началѣ 3 главы приведенъ одинъ заговоръ, начинающійся словами: „ишовъ судья, за нимъ пырсудья“. Г. Ивановъ остроумно замѣтилъ, что въ этомъ заговорѣ (отъ перелоговъ) и др. подобныхъ названіе *пересудья* относится къ ап. Петру.

Г. Ивановъ сообщаетъ три легенды о растеніи Петровъ батигъ (дикій цикорій). Въ одной легендѣ ап. Петръ отгонялъ этимъ растеніемъ дѣтей, пристававшихъ въ дорогѣ къ Спасителю. Въ другой—сгонялъ имъ съ жита жуковъ. Въ третьей легендѣ ап. Петръ употребилъ дикій цикорій вмѣсто батога, когда пасъ овецъ. Далѣе у г. Иванова слѣдуетъ легенда о томъ, что нѣкогда овцы дровичились, а рогатый скотъ не страдалъ отъ слѣпней, и ап. Петръ, обидѣвшись на пастуха рогатаго скота,

который (пастухъ) не далъ ап. Петру воды, сдѣлалъ такъ, что слѣпцы оставили овецъ и стали кусать скотину.

Слѣдующая затѣмъ легенда повѣствуетъ объ установленіи ап. Петромъ поста по просьбѣ женщинъ, недовольныхъ тѣмъ, что мужики поѣдали всѣ ихъ молочные запасы.

Слѣдующая далѣе легенда представляетъ варіантъ сказанія о Долѣ: По волѣ Спасителя красивая и трудолюбивая дѣвушка достается въ жены лѣнивому парню. Близкая сказка въ сборникѣ Аванасьева (III, 425) указана самимъ г. Ивановымъ. Варіанты легенды у Драгоманова 123 и въ сборникѣ разсказовъ о Долѣ г. Иванова 1892 г.

Далѣе приведена легенда о томъ, что ап. Петръ допускаетъ въ рай людей различнаго вѣроисповѣданія, если они умерли согласно съ требованіями своей религіи, такъ какъ, по морали легенды, всѣ люди дѣти одного Бога. Г. Ивановъ приводитъ народный варіантъ этой легенды и передачу ея интеллигентнымъ лицомъ въ видѣ историческаго анекдота, связаннаго съ именемъ Фридриха Великаго. Легенда имѣетъ нѣмецкую основу. Она возникла, повидимому, внѣ Малороссіи; характерно, однако, для нравственной личности малороссіянъ, что она ими усвоена и сохранена. Проникающая легенду идея о вѣротерпимости, очевидно, пришлась малоруссамъ по сердцу.

Г. Ивановъ привелъ 4 народныхъ разсказа о *василькахъ*, а въ XII кн. Этн. Об. (1892 г.) добавилъ еще одинъ разсказъ. Во всѣхъ разсказахъ обнаруживается дѣйствіе народной этимологіи: цвѣтокъ связанъ съ именемъ Василія; въ одномъ разсказѣ цвѣтокъ получилъ названіе отъ имени Василька, который посадилъ „пахучее зиле“ на мѣстѣ, гдѣ былъ закопанъ крестъ Господень, въ другомъ (Этн. Об. 1892, I, 192) отъ имени дѣда Василька названъ его внучкой, по случайной звуковой ошибкѣ, въ третьемъ отъ имени св. Василія Великаго, будто бы любившаго эти цвѣты, въ четвертомъ отъ имени Василія Блаженнаго, тѣло котораго будто нашли на кладбищѣ въ пахучей травѣ (василькахъ) и въ пятomъ отъ имени мальчика Василька, превратившагося въ это растеніе. Съ первой малорусской легендой (объ обрѣтеніи креста) весьма сходна болгарская духовная пѣсня

(указана II. В. Ив.). При изложеніи 4-ой легенды (о Васи́ліи Блаженномъ) г. Ив. попутно сообщаетъ преданіе, какъ Васи́лій Блаженный выплеснулъ въ Москвѣ въ окно вино, поднесенное ему царемъ, и затушилъ горѣвшій въ Іерусалимѣ монастырь. Въ историко-литературномъ отношеніи интересенъ рассказъ подъ литерой г (о превращеніи мальчика въ растеніе). Главное содержаніе состоитъ въ томъ, что водяной ужъ женился на дочери лѣсника красавицѣ Машѣ. Это варіантъ чрезвычайно сложнаго цикла сказаній на классическую тему объ Амурѣ и Психеѣ. Варіанты Кулиша и Эрленвейна указаны г. Ивановымъ. Предполагая со временемъ посвятить этимъ сказаніямъ особую монографію, я теперь не останавливаюсь на нихъ.

Въ концѣ статьи приведено *два* сказки на мотивъ сказки о золотой рыбкѣ, весьма извѣстной въ обработкѣ Пушкина. Въ одной сказкѣ липа даетъ мужику разные блага, за то, что онъ не срубилъ ее („стала въ пригоди“ по малорусскому выраженію), огородила дворъ, старуху жену обратила въ молодую и красивую, поставила его старшиной, становымъ, исправникомъ и, наконецъ, губернаторомъ. Но мужикъ и тѣмъ не удовольствовался и захотѣлъ быть царемъ. Тогда липа обратила его въ медвѣдя, а жену его въ медвѣдицу. Въ другой сказкѣ, болѣе близкой къ Пушкинской, роль золотой рыбки или липы играетъ таинственный кумъ; онъ даетъ бѣдному мужику пшеницы, денегъ, ставитъ его „начальникомъ“, потомъ царемъ и даже богомъ, но съ условіемъ молчать, что бы онъ не увидѣлъ внизу. Мужикъ, замѣтивъ, что братъ утащилъ у брата пшеницу, выбранилъ его, нарушилъ такимъ образомъ обѣщаніе, и былъ обращенъ въ медвѣдя, жена его обратилась въ медвѣдицу, а дѣти въ медвѣжатъ. Здѣсь всѣ требованія идутъ отъ жены мужика, какъ въ сказкѣ Пушкина.

Въ обѣихъ сказкахъ люди обращаются въ медвѣдя. Г. Ивановъ замѣчаетъ при этомъ, что въ купянскомъ уѣздѣ кромѣ того извѣстенъ общераспространенный рассказъ о происхожденіи медвѣди изъ человѣка, желавшаго испугать Христа и ап. Петра, когда они проходили по мосту. Оборотничество въ медвѣди встрѣчается часто въ повѣрьяхъ и сказкахъ малоруссовъ

и друг. народовъ. Я нашелъ его въ III т. „*Pokucie*“ *Кольбера*, въ I т. Смолен. Этногр. Сборника *Добровольскаго* (288, 640), у *Чубинскаго* I, 51, *Драгоманова* 5, *Zbiór wiadomości* II, 165, *Этногр. Обзор.* 1890, III, 143; IV, 94, 262; 1891, II, 129, *Сборн. матер. для изученія Кавказа* IX, ч. 2, 107, *Живой Старинѣ* II, 158, въ *Faune populaire* *Ролана*, у *Вережанина* (о вотякахъ, 70), въ „Очеркахъ сѣв. зап. Монголіи“ *Потанина*, въ статьяхъ о культѣ медвѣдя г. *Ядринцева* и г. *Гондати*. Имѣемъ ли мы въ малорусскихъ сказаніяхъ о превращеніи человѣка въ медвѣдя остатокъ культа медвѣдя или странствующій литературный мотивъ, основанный на инородномъ культѣ или возникшій въ видѣ объясненія характерной ступни медвѣдя, напоминающей ступню человѣка, отвѣтить на эти вопросы затруднительно, и я лично болѣе склоняюсь на сторону послѣдняго предположенія.

Для опредѣленія содержательности и научнаго значенія составленнаго г. Ивановымъ сборника легендъ нужно принять во вниманіе, что этотъ отдѣлъ народной словесности по разнымъ причинамъ былъ въ забросѣ. Не считая отдѣльных легендъ, вошедшихъ въ сборники *Аванасьева* и *Чубинскаго*, только въ „Малор. нар. пред.“ (1876) собрано ихъ значительное число, именно 10 №№. Сравнивая легенды, вошедшія въ этотъ сборникъ, съ легендами въ сборникѣ г. Иванова, нельзя не отдать послѣднему сборнику прямого предпочтенія; здѣсь и легенды гораздо болѣе, и распредѣлены онѣ въ извѣстномъ порядкѣ. Изъ „Малор. пред.“ при сборникѣ г. Иванова можно выдѣлить по оригинальности не болѣе 2 или 3 легенды, именно подъ № 22 (о нахожденіи подковы), № 23 (о пьяницѣ) и № 25 (о беззаботномъ человѣкѣ). Легенда подъ № 24 (какъ Богъ научилъ прясть жену мужика) представляетъ варіантъ нѣскольکو грубыхъ сказокъ въ сборникахъ *Рудченка* II, № 66 и *Манжуры* (стр. 100).

Въ 4 томѣ Сборника Харьк. истор.-фил. общ. напечатана статья *П. В. Иванова* „Народные рассказы о Долѣ“. Народныя представленія о Долѣ и Недолѣ, Горѣ, Злостіи, Сретѣ давно уже стали предметомъ научнаго изслѣдованія, и въ настоящее время существуетъ значительная научная литература о Долѣ и

сродныхъ съ нею существахъ или сродныхъ олицетвореніяхъ: сюда относятся обширныя статьи Боровиковскаго (въ IV кн. „Чтеній Моск. Общ. Ист. и Древн.“ 1867 г. и отдѣльно), Аванасьева (въ Поэт. воззр. т. III, гл. XXV), Потебни во 2 т. „Древностей“ Моск. Арх. Общ.), Крауса, Веселовскаго (въ „Розысканіяхъ“ вып. V; гл. XIII и въ Этногр. Обзор. 1891 № 2), Васильева (въ 1 т. Этн. Об. 1890 г.) и Довнаръ-Запольскаго (во 2 кн. Этн. Об. 1891 г.). Трудъ г. Иванова представляется по счету восьмымъ, въ ряду другихъ изслѣдованій о Долѣ и естественно возникаютъ вопросы, что онъ вноситъ новаго въ литературу предмета? чѣмъ обусловлено помѣщеніе его въ изданіи научнаго общества? Близкое знакомство съ содержаніемъ статьи г. Иванова побуждаетъ насъ поставить ее въ рядъ лучшихъ изслѣдованій о Долѣ, по богатству собраннаго матеріала, по новизнѣ и оригинальности многихъ его деталей. Какъ всѣ предыдущіе труды г. Иванова по малорусской этнографіи (о легендахъ, дѣтскихъ играхъ, вѣдьмахъ), и статья „Народные рассказы о Долѣ“ представляетъ собственно собраніе матеріаловъ, извлеченныхъ непосредственно изъ народныхъ устъ. Матеріалы эти разнообразны, обширны и, главное, такъ удачно распределены, что ясно обрисовываются нѣкоторыя характерныя черты народнаго міросозерцанія, и статья, сохраняя характеръ сборника сырыхъ матеріаловъ, получаетъ значеніе научнаго изслѣдованія, составленнаго по первоисточникамъ. Изслѣдованіе г. Иванова распадается на три главы: въ первой главѣ авторъ группируетъ народныя повѣрія и сказки о прирожденной Долѣ. Въ основаніи сказокъ и повѣрій, вошедшихъ въ эту главу, лежитъ древнее повѣрье о Долѣ, какъ душѣ предка. Во 2 главу вошли сказки и повѣрья о Долѣ ангелѣ. Въ 3 главу—сказки и повѣрья о Долѣ какъ душѣ человѣка, или его двойникѣ; къ статьѣ приложено 16 сказокъ о Долѣ, записанныхъ въ разныхъ селахъ купянскаго уѣзда народными учителями и учительницами.

Г. Иванову, работающему въ глухомъ городкѣ, остались неизвѣстными наиболѣе крупныя и цѣнныя изслѣдованія о Долѣ Боровиковскаго, Потебни, Крауса и Веселовскаго. Г. Ивановъ,

не выхода из малорусских этнографических материалов, добытых на мѣстѣ, самостоятельно пришелъ въ нѣкоторымъ выводамъ, сдѣланнымъ А. Н. Веселовскимъ по фактамъ западно-европейскаго фольклора. Совпаденіе выводовъ говоритъ въ пользу ихъ основательности. Исслѣдованія А. Н. Веселовскаго о Долѣ составляютъ несомнѣнно самый цѣнный вкладъ въ научную литературу предмета, и если мы станемъ смотрѣть на статью г. Иванова съ высоты этихъ трудовъ, то и въ такомъ случаѣ мы должны признать въ ней полезное научное пособие: въ однихъ случаяхъ трудъ г. Иванова дополняетъ исслѣдованія г. Веселовскаго характерными этнографическими фактами, въ другихъ вноситъ новые элементы, освѣщающіе предметъ исслѣдованія съ незатронутыхъ ранѣе точекъ зрѣнія. Такъ, г. Веселовскій въ 1 гл. своей статьи о долѣ высказываетъ мнѣніе, что понятіе о долѣ выработалось впервые въ отношеніяхъ рода въ связи съ культомъ предковъ (стр. 177), и это мнѣніе находитъ подкрѣпленіе въ статьѣ г. Иванова, въ первой главѣ, гдѣ собрано много характерныхъ народныхъ повѣрій и сказокъ о прирожденной долѣ и долѣ—душѣ предковъ. Фактическія доказательства, приведенныя у г. Веселовскаго, сравнительно съ данными г. Иванова, скудны и блѣдны, не смотря на то, что ученый авторъ искалъ опоры въ фольклорѣ греческомъ и вотяцкомъ. У г. Иванова чрезвычайно рельефно выступаетъ замѣчательно архаичное народное повѣрье о доляхъ умершихъ съ разграниченіемъ ихъ даже по степени родства, что вводитъ исслѣдователя въ глубь древнѣйшаго родового быта. Четвертая глава исслѣдованія г. Веселовскаго, гдѣ рѣчь идетъ о литературно-христіанскихъ элементахъ въ народныхъ представленіяхъ о Долѣ, можетъ быть дополнена нѣкоторыми народными сказками и повѣрьями, отмѣченными у г. Иванова во 2 главѣ его статьи о Долѣ. Вообще сказки, собранныя у г. Иванова, какъ тѣ 16, которыя помѣщены въ концѣ статьи, такъ и вошедшія въ самый текстъ, заключаютъ въ себѣ много любопытныхъ въ этнографическомъ отношеніи подробностей. Въ сказкахъ подробно разработаны мотивы о томъ, когда можно увидѣть Долю, какъ подчинить ее. Заслуживаютъ вниманія также сказки объ оборотничествѣ Доли, впервые являющіяся въ печати въ полнотѣ и обилии.

Въ статьѣ г. Иванова встрѣчаются интересные детали. Трудно, напр., было думать, что въ народной словесности можетъ оказаться рассказъ или повѣрье на мотивъ лермонтовскаго „Ангела“:

Онъ душу младую въ объятіяхъ несть
 Для міра печали и слёзъ,
 И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
 Остался безъ словъ, но живой.
 И долго на свѣтѣ томилась она
 Желаніемъ чуднымъ полна,
 • И звуковъ небесъ замѣнить не могли
 Ей скучныя пѣсни земли.

Въ сборникѣ г. Иванова находится такое повѣрье о долѣ ангелѣ: когда младенецъ еще находится въ утробѣ матери, то его ангелъ хранитель питаетъ его и учитъ всему, что онъ долженъ знать для своей земной жизни. Въ моментъ выхода младенца изъ утробы матери на свѣтъ ангелъ ударяетъ пальцемъ по верхней губѣ младенца, отчего образуется на ней на всю жизнь углубленная дорожка, а младенецъ въ ту же минуту забываетъ все сообщенное ему ангеломъ. Потомъ въ дальнѣйшей жизни человѣка всѣ сообщенныя ему ангеломъ свѣдѣнія постепенно восстанавливаются въ памяти его, если человѣкъ будетъ упражняться въ размышленіяхъ и самонаблюденіяхъ. И тогда изъ такого человѣка выходитъ разумный, великій мужъ; въ противномъ же случаѣ, если человѣкъ ведетъ разсѣянную жизнь и плохо припоминаетъ ангельское ученіе, то и бываетъ малоспособный и съ большими нравственными недостатками (сл. Кабанья. Сообщ. учитель П. Марусовъ).

Д о п о л н е н і я.

1) *Біографія П. В. Иванова*. П. В. Ивановъ родился въ 1837 г. въ г. Чугуевѣ (харьков. губ.). По окончаніи курса въ харьковской губернской (нынѣ 1-й) гимназіи въ 1856 г., служилъ вольноопредѣляющимся въ крымскомъ пѣхотномъ полку на Кавказѣ. Съ 1862 г. былъ учителемъ и смотрителемъ уѣзднаго училища въ г. Купянскѣ, а съ 1877 г. инспекторомъ народныхъ

училищъ. Въ 1884 г. вышелъ, по болѣзни, въ отставку. Съ 1871 г. состоитъ дѣйствительнымъ членомъ Общества испытателей природы при харьков. университетѣ и съ 1884 г. членомъ Историко-филологическаго общества при харьков. университетѣ. Не считая этнографическихъ изслѣдованій, въ „Трудахъ“ Общества испытателей природы помѣщены слѣдующія статьи г. Иванова: 1) 1871, IV, Перечень вида клоповъ (*Hemiptera heteroptera*) въ окрестностяхъ г. Купянска; 2) 1872, VI, Перечень перепончатокрылыхъ (*Hymenoptera monotrocha*) въ окрестн. г. Купянска; 3) 1874, VIII, Списокъ тентрединидъ въ окр. г. Купянска; 4) 1876, X, Описаніе стрекозъ въ окр. г. Купянска; 5) 1881, XV, Списокъ насѣкомыхъ, причиняющихъ въ окрестностяхъ г. Купянска вредъ хлѣбамъ; 6) 1885, XIX, Списокъ кобылокъ (*cicadina*) въ окрестн. г. Купянска и 7) 1888, XXI, Списокъ прямокрылыхъ (*orthoptera*) въ окрестностяхъ Купянска.

2) *Сотрудники П. В. Иванова.* Г. Ивановъ внесъ въ науку народовѣдѣнія массу новаго матеріала и занялъ видное мѣсто среди этнографовъ-собираателей. Крупные результаты достигнуты г. Ивановымъ при ближайшемъ участіи многихъ сотрудниковъ, составившихъ какъ бы мѣстную школу народоизученія. Самъ г. И. высоко цѣнитъ это участіе и вездѣ указываетъ на него. И мы, заканчивая свой обзоръ этнографическихъ трудовъ г. И., считаемъ своимъ долгомъ перечислить здѣсь сотрудниковъ его. Въ сборникѣ дѣтскихъ крестьянскихъ игръ (1890 г.) г. И. выражаетъ благодарность слѣдующимъ лицамъ, доставившимъ ему матеріалы, учителямъ и учительницамъ народныхъ школъ: Х. Г. Сильченковой, А. А. Склобинской, А. А. Склобинской 2-й, В. Н. Свѣтъ, М. Е. Аксененковой, А. А. Ковалевской, Е. П. Гингазовой, В. И. Шовчениной, А. В. Венедиктову, М. Д. Скубаку, А. В. Бабакову, А. Д. Панкратьеву, г. Марусову и Г. Е. Коломійцеву. Въ другихъ сборникахъ г. И. упоминаются еще М. Нетреба, Д. Калининъ, Г. Близно; затѣмъ встрѣчаются записи крестьянъ Бувальца, Рудича, Сухоносова и друг. Здѣсь мы знакомимся съ цѣлой группой мѣстныхъ дѣятелей этнографовъ, почтенныхъ тружениковъ просвѣщенія, работающихъ на двѣ стороны—вверхъ—для людей науки и внизъ—для простаго

народа—явленіе исключительное въ нашей провинціальной жизни, отрадное и поучительное.

Изъ сотрудниковъ г. Иванова самостоятельно выступали въ печати:

В. Н. Свѣтъ въ 1 кн. Этногр. Обзорѣнія 1889 г. небольшая статья о черничкахъ (92—101) въ малорусскомъ селѣ Тарасовкѣ купян. у. харьков. губер. Чернички—дѣвушки, давшія обѣтъ безбрачной жизни. Г-жа Свѣтъ говоритъ о черничкахъ, живущихъ въ одиночку и общинами. Статья содержательная и прекрасно изложена.

М. Д. Скубакъ въ „Харьковскомъ Сборникѣ“ 1890 г. (49—56) помѣстилъ статью „Одежда крестьянъ сел. Араповки купянского уѣзда“—описаніе одежды, опредѣленіе стоимости ея и сборничекъ повѣрій и примѣтъ, связанныхъ съ одеждой.

И. И. Манжура.

Записи Ивана Ивановича Манжуры часто встрѣчаются въ лучшихъ этнографическихъ изданіяхъ, сборникахъ и изслѣдованіяхъ 70-хъ и 80-хъ годовъ. Г. Манжура собиралъ великорусскій и малорусскій этнографическій матеріалъ; но такъ какъ районъ его экскурсій губерніи екатеринославская и харьковская, въ которыхъ великорусское населеніе встрѣчается лишь мѣстами, спорадически, то и собранные г. Манжурой матеріалы почти исключительно малорусскіе. Около 200 лл. великорусскихъ пѣсенъ, записанныхъ въ екатеринославской губерніи, переданы г. Манжурой извѣстному этнографу П. В. Шеину. Въ „Русской Старинѣ“ г. Манжура напечаталъ три великорусскія историческія пѣсни: „Осада Смоленска“, „Взятіе Хотина (Кистрина?)“ и „Новороссія“. Большая часть малорусскихъ этнографическихъ матеріаловъ поступила въ 70-хъ годахъ въ Юго-Западный отдѣлъ Географическаго Общества и, по закрытіи отдѣла, была издана отчасти въ „Малор. народ. преданія и рассказы“, отчасти въ „Политич. писняхъ украинскаго народа“. Въ 80-хъ годахъ большой матеріалъ (пѣсни и сказки) поступилъ въ харьковское историко-филологическое общество, которое издало главную

часть—сказки, анекдоты и пр. и готовить къ изданію сборникъ пѣсенъ. Кромѣ того, небольшіе матеріалы были напечатаны г. Манжурой въ „Кіевской Старинѣ“, „Этнограф. Обзорѣніи“, „Живой Старинѣ“, „Степи“ и „Екатеринославскомъ Юбилейномъ Листѣ“. Въ общей сложности матеріалы, собранные г. Манжурой, составляютъ весьма цѣнный вкладъ въ науку. Научное значеніе этого матеріала опредѣляется не только его количествомъ, но прекрасными внутренними свойствами, точностью записей и сохраненіемъ мелкихъ фактическихъ деталей.

Достоинства этнографическихъ записей г. Манжуры обусловлены прекраснымъ знаніемъ народной рѣчи и пониманіемъ художественныхъ красотъ ея, что въ частности ярко сказалось въ небольшомъ сборникѣ оригинальныхъ стихотвореній г. Манжуры „Степовы спивы та думы“. А. А. Потебня высоко ставилъ г. Манжуру какъ этнографа и какъ поэта. Онъ редактировалъ его сборникъ сказокъ при печатаніи ихъ во II томѣ „Сборника харьк. историко филол. общества“ и издалъ „Степовы думы“. Въ прошломъ (1891 г.) году Общество любителей естеств., антроп. и этнографіи при московскомъ университетѣ избрало г. Манжуру въ дѣйствительные члены во вниманіе къ его заслугамъ по собиранію этнографическихъ матеріаловъ. О новѣйшемъ трудѣ г. Манжуры, сборникѣ сказокъ, изданномъ Ист.-филол. обществомъ, были одобрительные отзывы въ „Этнограф. Обзорѣніи“, „Wislá“ и „Revue des traditions populaires“.

Въ Ш т. „Исторіи рус. этногр.“ г. Пыпина на стр. 410 находится краткая замѣтка о небольшихъ статьяхъ г. Манжуры въ „Кіевской Старинѣ“. Мы изложимъ сначала біографію г. Манжуры, затѣмъ остановимся на изданныхъ имъ пѣсняхъ и мелкихъ повѣрьяхъ и, наконецъ, разберемъ по возможности подробно его сборникъ сказокъ.

Біографическій очеркъ составленъ нами по свѣдѣніямъ, отчасти полученнымъ отъ г. Манжуры, отчасти извлеченнымъ изъ его стихотвореній въ „Степовыхъ спивахъ“. И. И. Манжура—мой товарищъ по гимназій; но мы рано пошли разными путями, и своихъ скудныхъ воспоминаній я сюда не вношу.

И. И. Манжура родился въ Харьковѣ въ 1851 г. Семейная обстановка не благопріятствовала успѣшному ходу его развитія.

Отъ отца И. И. Манжура унаслѣдовалъ болѣзненное состояніе, лишившее его на всю жизнь обезпеченнаго положенія и житейскаго довольства. Въ стихотвореніяхъ „Старый музыка“, „Босаядка писня“ и въ особенности въ стихотвореніи „Незвычайный“ ярко просвѣчиваютъ автобіографическія черты. Первоначальное образованіе г. Манжура получилъ во 2 харьковской гимназій. Увольнившись изъ 5 класса, онъ поступилъ въ ветеринарный институтъ, но вскорѣ оставилъ институтъ и въ 1870—1871 годахъ поселился у своего товарища по гимназій И. А. С. въ его имѣніи въ екатеринославской губ. Съ этого времени, первоначально при содѣйствіи г. С., начались этнографическія экскурсіи г. Манжуры по екатеринославской и харьковской губерніямъ. Г. Манжура вошелъ въ самую глубь народной жизни, проживалъ въ крестьянскихъ хатахъ и на пасѣкахъ и посредствомъ самаго тѣснаго сближенія съ народомъ приобрѣлъ то тонкое и обстоятельное знаніе его жизни, рѣчи, внѣшняго быта, которое обнаруживается въ его этнографическихъ записяхъ и степовыхъ думахъ. Въ концѣ 70-хъ годовъ г. М. приобрѣлъ сравнительно большую осѣдность и проживаетъ большею частью въ Екатеринославѣ. Живаго общенія съ народомъ (въ смыслѣ изученія его) г. Манжура не прерывалъ, и нынѣ, при крайне неблагоприятныхъ условіяхъ личной жизни, онъ все еще продолжаетъ свои записи, какъ можно убѣдиться изъ его этнографическихъ замѣтокъ въ „Кіев. Старинѣ“, „Этногр. Обзор.“ и „Живой Старинѣ“ прошлаго и текущаго года.

Этнографическіе матеріалы г. Манжуры распадаются на прозаическіе и пѣсенные. Въ особенности обширнымъ и важнымъ оказывается отдѣлъ прозаическій.

Извѣстный сборникъ „Малор. нар. преданія и рассказы“ (1876 г.), послужившій драгоцѣннымъ пособіемъ для многихъ ученыхъ, заключаетъ много записей г. Манжуры. По признанію редактора этого сборника *г. Драгоманова* отъ г. Манжуры поступило „особенно много и все превосходнаго качества“. Такую же оцѣнку сборникъ этотъ встрѣтилъ у *Костомарова* въ „Рус. Стар.“ 1877 и *Ар. Веселовскаго* въ „Древ. и Нов. Россіи“ 1877 г. Г. Манжурой сообщены апокрифическіе рассказы (о

сотвореніи міра, хожденіи Христа и ап. Петра, Андреѣ Первозванномъ), рассказы о птицахъ (ласточкѣ, сойкѣ, аистѣ) и насѣкомыхъ (комарѣ и оводѣ), извѣстная легенда о стоколосѣ, нѣсколько заговоровъ, много рассказовъ о чертахъ, вѣдьмахъ и упыряхъ, рядъ шутливыхъ сказокъ и анекдотовъ о цыганахъ, великоруссахъ, солдатахъ, нѣсколько историческихъ рассказовъ о Мазепѣ и Паліѣ, о гайдамакахъ, нѣсколько обширныхъ сказокъ, изъ коихъ однѣ миѳическія (поповна въ лѣсу), другія повѣствовательныя (объ умной жепѣ) и нѣсколько загадокъ.

Мелкіе народные рассказы изъ записей Манжуры разбросаны въ „Кіев. Стар.“, „Степи“, „Этногр. Об.“ и „Жив Стар.“. Отмѣчаемъ здѣсь ихъ вкратцѣ, сначала прозаическіе, а потомъ въ концѣ статьи сдѣлаемъ оцѣнку нѣкоторыхъ пѣсень.

Въ „Кіев. Стар.“ 1888, VIII, 50—53 и въ „Живой Стар.“ 1892, I, 80 напечатаны г. Манжурой нѣсколько малорусскихъ рассказовъ о *богатыряхъ* и богатырскихъ коняхъ. Въ „Кіев. Стар.“ г. Манжура сопоставляетъ великорусскихъ и малорусскихъ богатырей и отмѣчаетъ нѣкоторыя черты сходства: малорусскіе лыцари, подобно былиннымъ богатырямъ, исчезаютъ гдѣ-то въ каменной горѣ.

Въ „Кіев. Стар.“ 1889, IX, 763—765, находится замѣчательная малорусская легенда о *Петровомъ батогѣ* съ превосходнымъ комментариемъ г. Манжуры, обнаруживающимъ отличное знакомство автора съ степной новороссійской природой, народнымъ міросозерцаніемъ и бытомъ. Варіанты этой легенды отмѣчены нами при обзорѣ статей П. В. Иванова. Этими легендами народъ объясняетъ названіе цвѣтка дикаго цикорія Петровымъ батогомъ и появленіе въ сухое время при восточномъ вѣтрѣ такъ называемой „юги“ (св. Петро вивци гоне). Мы не находили подобныхъ легендъ у другихъ народовъ и склонны къ предположенію, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ оригинальную малорусскую степную пастушескую легенду, приуроченную къ великому циклу легендъ о хожденіи по землѣ Спасителя и ап. Петра. Искаженіемъ малорусской легенды о происхожденіи юги можно считать бѣлорусскую сказку о томъ, „якъ Микола и Петръ лошадей на Украинѣ закупляли“. Въ

этой грубой сказкѣ трудно узнать мягкую и поэтическую украинскую легенду (см. Смоленск. этногр. сборн. *Добровольскаго*, I, 290).

Въ „Кіев. Стар.“ 1890, I, 124 — 125 находится цѣнная замѣтка г. Манжуры къ вопросу о *кумовствѣ*, гдѣ опредѣляются степени родства по кумовству, признаваемые народомъ (кумы кыканные, стричанные и одкупные).

Въ „Кіевск. Стар.“ 1890, IV, 161 — 162 замѣтка о по-вѣрѣяхъ малороссовъ *объ ужѣ, сосущемъ корову*; въ „Кіев. Ст.“ 1890, X, 151 маленькая замѣтка о *полюзѣ*; въ „Живой Старинѣ“ 1892, II, 78—79 три разсказа *объ упыряхъ* — варианты извѣстныхъ въ печати. Въ прекратившихся провинціальныхъ изданіяхъ „Степи“ (1885—1886) и „Екатеринославскомъ Юбилейномъ Листѣ“ (1887) находится нѣсколько мелкихъ этнографическихъ замѣтокъ г. Манжуры, напр. въ 51 № „Степи“ 1886 статейка о *Купалѣ*.

Главный этнографическій трудъ г. Манжуры „Сказки, пословицы и т. п., зап. въ екатеринославской и харьковской губерніяхъ“ напечатанъ въ III т. Сборника харьк. историко-филол. общества (1890 г.); въ оттискахъ (200 экземпляровъ) 194 стр. Въ началѣ сборника находится 11 сказокъ животнаго эпоса со многими бродячими литературными мотивами. Остановимся для примѣра на двухъ сказкахъ этого рода, „Довгомудыѣ“ и „Якъ пивныѣ до моря воды ходыѣ“.

Сказка „Довгомудыѣ“ (№ 1) слѣдующаго содержанія: Жили дѣдъ и баба. Всѣ куры ихъ были передавлены хоремъ. Дѣдъ рѣшилъ убить хоря. По дорогѣ ему въ товарищи и помощники поступаютъ кизякъ, лычко, кіекъ, жолудъ, ракъ и пѣтухъ. Они вошли въ хату хоря, не застали его дома и попрятались: жолудъ въ печь, кизякъ за порогомъ, лычко подъ порогомъ, кіекъ на чердакѣ, ракъ въ помойномъ ведрѣ, пѣтухъ на жердочкѣ и дѣдъ на печкѣ. Когда прибѣжалъ хорь, то жолудъ треснулъ въ печкѣ и перепугавшійся хорь бросился къ ведру, гдѣ его ущипнулъ ракъ; хорь соскочилъ на жердь, гдѣ его клюнулъ пѣтухъ, бросился къ порогу, споткнулся о кизякъ, запутался въ лычкѣ и былъ убитъ кійкомъ, упавшимъ съ чердака. Дѣдъ снялъ съ хоря шкуру и ушелъ домой.

Сходная великорусская сказка „Баринъ, пѣтухъ и жорновы“ записана въ самарской губерніи. Въ этой сказкѣ пѣтухъ отыскиваетъ у барина свои жорновы; ему помогаютъ лиса, волкъ, медвѣдь, огонь, вода, которые наносятъ барину вредъ по желанію пѣтуха (*Садовниковъ*, Сказки и пред. самар. края, 169).

Есть весьма сходныя польскія сказки. Такъ, въ одной сказкѣ изъ подъ Кракова дѣйствующими лицами являются конь, волъ, пѣтухъ, котъ и ракъ. Въ другой сказкѣ, записанной у карпатскихъ горцевъ, къ бѣдному мужику присоединяются игла, ракъ, утка, пѣтухъ, свинья, волъ и конь. Они вошли въ одномъ лѣсу въ заклтый домъ, гдѣ жили демоны. Конь сталъ въ конюшнѣ, волъ въ сараѣ, пѣтухъ взлетѣлъ на крышу, свинья помѣстилась въ хлѣвѣ, утка подъ печью, ракъ—въ ведрѣ и игла на скамьѣ. Когда пришелъ чортъ и сѣлъ на скамью, игла его уколола; онъ къ водѣ—ракъ ущипнулъ, жолудъ лопается и выбиваетъ у чорта глазъ, волъ бьетъ его рогами, конь—копытами и т. д. Чортъ убѣжалъ въ адъ, гдѣ говорилъ, что его уколола игла, а когда онъ хотѣлъ помочить больное мѣсто, кузнецъ (ракъ) ущипнулъ, изъ печи выстрѣлили (жолудъ), въ сараѣ ударили вилами (*Zawiliński, Z powiesci i piesni* № 5).

Во французской сказкѣ, записанный въ Лотарингіи, кошка беретъ себѣ въ товарищи пѣтуха, собаку, барана, козла и осла. Въ лѣсу они находятъ домъ воровъ. Воры были перепуганы и разбѣжались, причемъ одного изъ нихъ, который хотѣлъ зажечь свѣчу, кошка опарапала, пѣтухъ клонулъ и т. д. Сходныя сказки записаны въ Вестфалии, въ Швейцаріи, у австрійскихъ нѣмцевъ, чеховъ, норвежцевъ, шотландцевъ, ирландцевъ, въ Сициліи и Тосканѣ, въ Испаніи, въ Португаліи и на отдаленномъ востокѣ, въ Японіи и на о. Целебесѣ. Товарищи въ однихъ сказкахъ разгоняютъ демоновъ, въ другихъ воровъ, въ третьихъ волковъ. Въ большинствѣ сказокъ этого разряда товарищество составляютъ одни звѣри, и лишь въ немногихъ являются люди или неодушевленные предметы. Къ польской сказкѣ близко подходитъ нѣмецкая (у Гримма № 41), въ которой также является игла. Подобная сказка находится въ „*Fraschmeuseler*“ Ролленгагена, нѣмецкой поэмѣ 1595 г.

(*Cosquin, Contes popul.* II, п. 45). Очень любопытный японскій варіантъ этой сказки въ русскомъ переводѣ напечатанъ въ газетѣ „*День*“ 1891, № 1270 и въ „*Москов. Вѣдом.*“ 1891 № 332.

Сказка „Якъ пивныкъ до моря воды ходивъ“ имѣетъ столь же много родственныхъ въ словесности другихъ народовъ. Содержаніе сказки состоитъ въ слѣдующемъ: Были дѣдъ и баба, а у нихъ пѣтушокъ и курочка. Курочка подавилась зерномъ, и пѣтушокъ побѣждалъ къ морю просить воды. Море потребовало за воду воловьего рога, пѣтушокъ обратился съ просьбой къ волу; но волъ за рогъ потребовалъ дубоваго жолудя, дубъ—липоваго листа, липа—дѣвичьяго вѣнка. Дѣвушки сплели вѣнокъ; липа за вѣнокъ дала листъ и т. д., и когда пѣтушокъ раздобылъ наконецъ воды, то курочку черви съѣли.

Въ варіантѣ этой сказки мышка разбила золотое яичко, что вызвало слезы дѣда и бабы и скрипъ дверей. Двери говорятъ причину, почему онѣ скрипятъ, дубу, послѣ того какъ онъ опустилъ свои вѣтки, дубъ—барану, послѣ того, какъ баранъ сбиль себѣ роги, баранъ—рѣчкѣ, послѣ того какъ она стала кровавой, рѣчка—поповской дочери, послѣ того какъ она согласилась побить посуду, которую пришла помыть, дочка—матери, послѣ того какъ она разбросала по хатѣ расщину, и, наконецъ попадья сказала попу, послѣ того какъ онъ отрѣзалъ себѣ косу (*Манж.*, 5—6).

Сходная польская сказка „*O świnie rydce*“: свинья не хочетъ идти съ поля. Пастухъ жалуется на нее собакамъ, на собаку—палѣ, на палку—топору, на топоръ—кузнецу, на кузнеца—веревкѣ, на веревку крысамъ и мышамъ, на мышей—котамъ, на котовъ—собакамъ. Собаки начали гнаться за котами, мыши грызть веревку и т. д. до свиньи, которая должна была пойти домой (*Chelchowski, Powiesci i opowiadania*, I, п. 20). Сходная также польская дѣтская сказка напечатана въ „*Wisła*“ 1890, II кн.

Весьма сходныя сказки записаны во Франціи, Италіи, Германіи, Норвегіи, Испаніи, Португаліи, Румыніи, Греціи и Индіи. Во французскихъ сказкахъ дѣйствуютъ вошь и блоха или мышь, въ испанской—муравей, сицилійской—кошка. Въ румынской сказкѣ являются также дѣдъ и баба, но вмѣсто умершей

курочки здѣсь утопаетъ мышка, которую они имѣли за ребенка (*Cosquin*, №№ 18 и 74).

Къ малорусской сказкѣ о мышкѣ, разбившей золотое яичко, весьма близко стоитъ слѣдующая индійская сказка, записанная въ Пенджабѣ: Старый воробей оставилъ свою жену и взялъ молодую. Она упала въ воду и утонула. Въ отчаяніи старый воробей вырываетъ у себя перья и садится на дерево, которое, узнавъ о постигшемъ воробья несчастіи, роняетъ всѣ свои листья (та же подробность въ сказкахъ, записанныхъ въ Гессенѣ и въ Каталоніи). Буйволъ пришелъ подъ тѣнь дерева и, узнавъ о несчастіи воробья, сбиль свои роги. Рѣка, изъ которой напился буйволъ, стала плавать такъ сильно, что вода обратилась въ соль; далѣе кукушка вырываетъ у себя глазъ (то же и въ португальской сказкѣ), купецъ отдаетъ голову на отсѣченіе, король и королева танцуютъ до изнеможенія, приговаривая: „жена воробья умерла, дерево потеряло отъ того листья, буйволъ рога“ и пр. Таковы были похороны жены воробья (*Ib.*, I, 206—207).

Двѣ маленькихъ сказки „Павукъ та соплякъ“ и „Бблоха та муха“, въ которыхъ городъ противопоставляется селу, мѣщане—крестьянамъ, отличаются юморомъ. Басня „Блоха и муха“ записана и въ Великороссіи (*Садовниковъ*, Сказ. и пред. Самарск. края, 184), но въ болѣе слабой формѣ.

Двадцать двѣ сказки могутъ быть названы миѳическими. Таковы сказки: Чабанецъ, Чорный Иванъ та Золотокудрый Иванъ, о русскомъ царевичѣ Иванѣ Ивановичѣ, Бѣломъ Полянинѣ и Настасіи Прекрасной, Иванѣ Царевичѣ и красной дѣвицѣ ясной зорницѣ, Костыниномъ сынѣ, Маркѣ Сучченкѣ, солдатскихъ сыновьяхъ богатыряхъ (катыгорошкахъ), царевичѣ Иванѣ и морскомъ чудовищѣ, Иванѣ Поповичѣ, Незнайкѣ, о кобылячемъ сынѣ Кириакѣ, безрукой царевнѣ, дѣдѣ и рактѣ, Божей тросткѣ. Эти сказки отличаются значительной величиной. Во многихъ повторяются одни и тѣ же мотивы: похищеніе красавицы чудовищемъ или змѣемъ и освобожденіе ее богатыремъ, выборъ чудеснаго коня, оживленіе убитаго героя посредствомъ живой воды, принесенной птицей и др. Сказоч-

ныя мотивы этого рода принадлежать къ числу самыхъ распространенныхъ на земномъ шарѣ, и сообщеніе здѣсь литературныхъ параллелей завело бы насъ слишкомъ далеко. Такія же сказки записаны у нѣмцевъ (Гриммъ, Кунтъ), французовъ (Себилю, Коскенъ, Люзель), итальянцевъ (Питре), ~~меховъ~~ и албанцевъ (Легрантъ, Ганъ), русскихъ (Аванасьева), поляковъ (Кольбергъ, Хельховскій), сербовъ (Вукъ Караджичъ), румынъ (Кремницъ), цыганъ (Миклошичъ), монголовъ (Радловъ, Потанинъ), индусовъ современныхъ и древнихъ (Панчатантра). Сходство доходитъ до малѣйшихъ подробностей; напримѣръ, въ ближайшее родство съ Кириакомъ Кобылячимъ сыномъ можно поставить Ивана Медвѣжьяго сына русскихъ сказокъ Jean de l'Ours—французскихъ Giovanni dell'Orso—итальянскихъ, Joan de l'Os—испанскихъ, кобылячаго сына португальской и славонской сказокъ и Fillomusso сынъ ослицы) итальянской сказки. Коварные друзья Кириака Верныдубъ и Верныгора являются и во французскихъ сказкахъ (Tord—Chêne, Appuie—Mantagne) и въ нѣмецкихъ (Baumdreher, Tannendreher).

Оригинальныхъ чертъ въ мионическихъ сказкахъ, если не считать языка, почти нѣтъ. Изрѣдка обнаруживаются мѣстные особенности народной жизни, напр., въ сказкѣ про Незнайку, находится краткое описаніе свадьбы: „зѣйшлись бабуси, липлять шишки, коровай, все шо тамъ треба“. Въ сказкѣ про Безчастнаго Данилу баба-яга проситъ купить червонныя черевички.

Болѣе мѣстно — народнаго заключается въ небольшихъ бытовыхъ сказкахъ и анекдотахъ, занимающихъ большое мѣсто въ сборникѣ г. Манжуры. Въ анекдотахъ мѣстами обнаруживаются дѣйствительныя черты отношенія украинскаго просто-народія къ великоруссамъ и евреямъ, семейное положеніе малорусской женщины, понятія народа о счастливой жизни и пр. Однако и въ анекдотической сферѣ есть чрезвычайно много безразличныхъ въ національномъ отношеніи странствующихъ литературныхъ мотивовъ. Такъ, сказка „Двѣ доли“ имѣетъ близко родственныя литовскія и грузинскія сказки, „Дидъ та ракъ“—нѣмецкія, французскія, итальянскія, индійскія; „Божа

тростка"—французскія, нѣмецкія, итальянскія, испанскія и румынскія. Даже въ сказкахъ о дурнѣ, а такихъ сказокъ у Манжуры около десяти, встрѣчаются странствующие литературные мотивы, и выдѣлить оригинальныя народныя черты весьма затруднительно. Въ одной сказкѣ 11 умныхъ братьевъ ничего не могли купить на ярмаркѣ за обиліемъ народа, а братъ ихъ, дурень, всего накупилъ—соли, меду, баранины, горшковъ, платковъ и скамейку (ослонъ). „Отъ йиде, а ослинъ и миша ему спаты: э, каже, чортивъ ослинъ! я на двоихъ ногахъ та и то бѣ до дому дѣйшовъ, а ты на чотырѣхъ та недойдешъ?—та взявъ и скинувъ его зъ воза“ (Манж. 79). Точно такая же черта глупости выведена въ одной французской сказкѣ, записанной въ Лотарингіи: дуракъ купилъ на базарѣ горшокъ о трехъ ножкахъ. Возвращаясь домой, онъ поставилъ горшокъ на перекресткѣ, сказавъ: „ты на трехъ ногахъ скорѣ меня можешь прійти домой, если захочешь; теперь посмотримъ, кто изъ насъ скорѣ дойдетъ“, и пошелъ другой дорогой (Cosquin, II, 178).

Нѣсколько рассказовъ о чертяхъ, домовыхъ, вѣдьмахъ и упыряхъ восполняютъ обширную демонологическую литературу немногими чертами. Домовой является иногда въ видѣ пана, спитъ въ печи, имѣетъ холодный задъ. Черти купаются въ глечикахъ не закрытыхъ и не перекрещенныхъ. Вѣдьмы портятъ коровъ, снимаютъ съ неба звѣзды, летаютъ на демонскія игрища. Сказки объ утопленникѣ и о новобранцѣ и вѣдьмѣ, популярныя и въ Великороссіи, нашли прекрасное литературное выраженіе у А. С. Пушкина. Сказка „Вѣдьма прячетъ зори“ представляетъ варіантъ сказки о женщинѣ, заговорившей дождь (напечатана мной въ „Кіев. Стар.“ 1889 г.). Сказка о томъ, какъ морозъ заморозилъ сварливую бабу (Манж. 143) встрѣчается у болгаръ и у др. народовъ. о чемъ см. мою статью „Сказанія о займѣ дней“ въ „Рус. Филол. Вѣстникѣ“ 1891, № 3.

Въ сборникѣ г. Манжуры находится около десяти сказокъ на темы о женской хитрости и женской невѣрности, темы весьма популярныя, съ большей или меньшей подробностью разработанныя въ устной словесности и письменности многихъ народовъ. Сказка „Якъ вовкы въ хати завелысь“ ранѣе была уже

извѣстна по сборникамъ *Рудченка*, I, № 61, *Чубинскаго*, II, № 39 и *Kulberg'a* („Рокисіе“, IV, 185). Любопытна, между прочимъ, сказка „Якъ чоловікъ у коробку стукавъ“: Чумакъ предлагаетъ молодой бабѣ большую сумму денегъ за любовь. Баба притворяется больною и говоритъ мужу: „Мини здається, якъ бм ты взявъ коробку, ходивъ коло хаты та стукавъ у неїи, то бм може полегшало“. Мужикъ такъ и сдѣлалъ. А жена въ его отсутствіе веселилась съ чумакомъ. На другой день чумакъ пошелъ въ церковь и по дорогѣ то заплачетъ, то засмѣется. Мужъ спрашиваетъ его и узнаетъ, что плачетъ онъ, когда вспомнить, что отдалъ бабѣ за одну ночь сорокъ тысячъ, а смѣется, когда вспомнить, какъ баба обманула мужа. Послѣдній догадался, отобралъ у жены деньги и половину суммы возвратилъ чумаку (*Манж.*, 96). Въ одной индѣйской сказкѣ купчиха входитъ въ любовную связь съ сипаемъ. Когда пришелъ мужъ, сипай завернулся въ цыновку, что разостлана была на полу, и сталъ къ стѣнкѣ. Мужъ принесъ апельсины. Жена, чтобы дать апельсиновъ любовнику, сказала мужу: „Давай бросать апельсины въ цыновку. Посмотримъ чья рука вѣрнѣе бросить“. Стали они бросать апельсины, а сипай смѣется да ѣстъ. Мужъ вскорѣ ушелъ, и сипай за нимъ. Сипай сѣлъ въ лавкѣ и сталъ курить, а у самого лицо такое радостное. „Чего ты такой веселый сегоднѣ?“ спрашиваетъ его купецъ. Сипай рассказалъ мужу, который сталъ подозрѣвать свою жену въ невѣрности, но еще нѣсколько разъ ею былъ обманутъ (*Минаевъ*, Индѣйскія сказки, 44—46).

Къ сказкамъ примыкаетъ небольшой сборникъ повѣрій, заговоровъ, примѣтъ и обычаевъ (около 100 №№). Повѣріе, что круглый перецъ произошелъ отъ слезъ Пресв. Богородицы, представляетъ варіантъ сказаній о плакунѣ-травѣ. Значительный интересъ представляютъ народныя названія небесныхъ свѣтилъ и вѣтровъ и мѣстныхъ лѣчебныхъ средства. По мнѣнію народа, „дорога“, т. е. млечный путь, ведетъ въ Іерусалимъ и въ Крымъ, причемъ сообщается любопытная историческая подробность: „якъ бигалы видъ панивъ, то по ній и шли“ (148). Не лишеннымъ интереса по вопросу о способахъ укрощенія змѣй пред-

ставляется народное повѣрье: „якъ смалыты ракову шкаралущу, то гадюки позлазятся до вогню“ (155).

До сихъ поръ въ научной печати не было указаній, чтобы въ южной Россіи существовало гаданіе по внутренностямъ животныхъ, въ частности кабана, обычное у древнихъ грековъ, у многихъ восточныхъ народовъ монгольскаго племени, у современныхъ болгаръ. Въ сборникѣ Манжуры находится слѣдующее сообщеніе по этому поводу: „якъ колють къ Риздву кабана, замѣчаютъ косу (селезенку); якъ къ заду товща, ще зима буде товста, а якъ тоньша, то и зима буде мнякша“ (156).

Нѣсколько поговорокъ и повѣрій представляются загадочными. Одно изъ такихъ повѣрій: „юга—це Петро вивци жене“ (157) разъяснено г. Манжурой въ сентябр. кн. „Кіевской Старины“ 1889 г. на основаніи народнаго же объясненія. Желательно было бы получить разъясненіе и слѣдующей темной поговорки, за которой, повидимому, скрывается цѣлое сказаніе календарнаго характера: „Сипшенко (февраль) казавъ: „якъ бы мени батькови лита, то я бъ быкови третякови ригъ ссадывъ, а дивци семилитци коромыселъ до плечей приморозывъ“ (156). Можетъ быть, эта поговорка намекаетъ на весьма любопытныя, къ сожалѣнію, собранныя въ небольшомъ числѣ народныя сказанія на тему, почему одинъ мѣсяць, чаще всего февраль, имѣетъ менѣе дней, чѣмъ другой, рядомъ съ нимъ стоящій. Въ „Romania“ 1889 г. т. XVIII находится цѣнное изслѣдованіе Shaipeanu объ этомъ мотивѣ.

Двѣ страницы занимаютъ „Сны и ихъ значеніе“. Всего 71 толкованіе. Матеріалъ совсѣмъ новый. Въ послѣднее время въ этнографіи обращено вниманіе на снотолкованія. Небольшой сборникъ бѣлорусскихъ снотолкованій напечатанъ былъ въ „Этногр. Обзор.“ 1889 г. При накопленіи матеріала представится возможность и въ этой области народовѣдѣнія сдѣлать любопытные выводы по народной психологіи и исторіи культуры. Въ малорусскихъ снотолкованіяхъ, повидимому, первое мѣсто занимаетъ своеобразная синонимика словъ съ предметами и понятіями, доступными народу, напр., ваша—дѣти, голубы—взрослыя дѣти, комашки—родичи, ножъ—несчастье, рыба—дождь,

горы—горе, просо—просьба, громъ—извѣстіе, буря—ссора, судъ—хлопоты, орель—свиданіе съ паномъ, перепѣлъ—печаль. Нѣкоторые изъ снотолкованій можно поставить въ связь съ народными повѣртіями и обрядами, напр., когда снится покойникъ будетъ дождь, тыева—сватовство на вдовѣ.

За снотолкованіями слѣдуютъ 400 приказокъ и присловіи съ краткими объясненіями. Въ этомъ отдѣлѣ можно найти много мѣстныхъ народныхъ чертъ. Сюда вошли народныя объясненія крика разныхъ животныхъ, поговорки про „нюхаривъ“, бранныя слова и проклятія.

Затѣмъ слѣдуетъ 57 загадокъ. Основа многихъ загадокъ скабрѣзная, а отвѣтъ всегда невинный, напр., „хылы, былы, ходимо до кумы, похитаймо свои жылы“ (ступа) и нѣсколько другихъ подобныхъ на слова: цебро, чобить, коромысло. Загадки такого рода встрѣчаются и у другихъ народовъ, напр., во Франціи (въ Бретани): „Poilu contre poilu qui couvre un petit bonhomme tout nu“ (глаза), или „J'accraupis mon bonhomme et j'assis ma bonne femme; tout ce qui passe entres les jambes de mon bonhomme fait du bien à ma bonne femme“ (треножникъ и вострюля) и мн. др. т. п. (Кропѣца, II, 102, 103 и др.).

Словарь заключаетъ въ себѣ 585 словъ, записанныхъ г. Манжурой въ александровскомъ, новомосковскомъ и другихъ уѣздахъ екатеринославской губерніи. Для этнографа и филолога словарь этотъ представляетъ интересъ, по народному характеру словъ. Какъ извѣстно, малорусскіе словари очень бѣдны въ количественномъ отношеніи и очень неудовлетворительны въ качественномъ. Слова набраны изъ разнородныхъ источниковъ. Наряду съ словами народными идутъ слова, заимствованныя малорусскими писателями изъ польскаго языка или сочиненныя ими. Получается довольно безобразная мѣшанина. Г. Манжура даетъ намъ чистые лингвистическіе матеріалы. Нѣкоторые слова сопровождаются подробнымъ комментариемъ, именно, слова: „кумъ“, „дубъ“, „клеино“, „гурвало“, „пашенна яма“, „прытмо“ и „пужарь“. При многихъ словахъ поставлены фразы, гдѣ они встрѣчены, что даетъ имъ удовлетворительное объясненіе и живое значеніе. По недосмотру, одно лишь слово „луданы“ остав-

лено безъ всякаго объясненія. Съ этнографической точки зрѣнія значительный интересъ представляютъ мѣстные названія животныхъ и растений: волыкъ, дженчыкъ, келепъ, музычка, невстаха, носаль, пичкуръ, полежанъ, попова свынка, турыця. Весьма любопытной въ историко-культурномъ отношеніи представляется мѣстная техническая терминологія. Въ словарь приведено много чабанскихъ словъ, повидимому, татарскихъ (аврякъ, арышъ), изрѣдка нѣмецкихъ (овцы вгросы). Встрѣчаются, повидимому, греческія слова (кулѣба—густой кулѣшъ). Встрѣчаются любопытные образцы народной этимологіи, напр.: ахтыдубинская (=ахтубинская) селедка, оковирный (=аккуратный).

Многія историческія малорусскія пѣсни, записанныя г. Манжурой, изъ бывшихъ въ Юго-западномъ отдѣлѣ Географическаго Общества, или остались совсѣмъ неизданными, или вошли въ одно малоизвѣстное и недоступное въ Россіи заграничное изданіе. Пѣсни эти, однако, такого рода, что могли быть изданными и въ Россіи, при данныхъ цензурныхъ условіяхъ, разумѣется, безъ внесенія въ нихъ политическихъ комментаріевъ, большею частью весьма безпочвенныхъ и шаткихъ. Извѣстно о существованіи слѣдующихъ пѣсенъ изъ записей г. Манжуры: варианты къ напечатаннымъ въ 1 т. „Истор. пѣс. малор. нар.“ Антоновича и Драгоманова № 6 (о поединкѣ съ турецкимъ царемъ), 44 (о княжескомъ тіунѣ), 16 (о боярскомъ сватанѣ), начало пѣсни „Павлечко коника сидлае“, пѣсня про разрушеніе старой Сѣчи (1709 г.), пѣсня про уходъ запорожцевъ подъ власть турокъ (1709—1712 г.), пѣсня „Та ше не свить“, относимая или къ 1775 или еще къ болѣе раннему времени (1710—1711). Эта пѣсня напечатана въ „Кіев. Стар.“ 1882, II, 435. Далѣе въ печати извѣстны пѣсни о плѣнѣ гайдамаки „Стоить яворъ падъ водою“ и пр. (Относятся ко времени аleshковской Сѣчи, 1709—1732, но безъ убѣдительныхъ доводовъ), про возвращеніе запорожцевъ подъ власть Россіи и про Мих. Мих. Голицына (1711—1729). Послѣдняя пѣсня („Зажурилась Украина“ и пр.) представляетъ вариантъ пѣсни, изданной Я. П. Новицкимъ, о чемъ въ своемъ мѣстѣ. Далѣе, упомянемъ изъ напечатанныхъ записей г. Манжуры пѣсню про Морозенка

(„Та литає воронъ“), три пѣсни про Мазепу и Семена Палія, изъ коихъ одна была напечатана въ „Кіев. Стар.“ 1882, III, 612, пѣсню про панщину на гетманщини, пѣсню про дизчину, приглашавшую козака переночевать съ ней, двѣ пѣсни про орла, несшаго руку мертвеца, и три пѣсни про наборъ въ гусары.

Не всѣ поименованныя здѣсь пѣсни могутъ быть отнесены въ разрядъ пѣсенъ историческихъ, весьма немногія въ разрядъ пѣсенъ политическихъ, если допустить возможность послѣдняго названія въ области народной словесности. Такъ, пѣсня про дѣвушку, приглашавшую проѣзжаго переночевать съ ней, не имѣетъ никакого историческаго приуроченія. Весьма возможно, что это пѣсня рекрутская. Пѣсня про орла встрѣчается у многихъ народовъ. Въ ней разработанъ общій мотивъ. Большею частью вмѣсто орла является воронъ (см. *Сумцова*, Воронъ въ народ. слов. 14). Въ малорусской искусственной литературѣ отмѣтимъ написанное на этотъ мотивъ стихотвореніе Я. И. Щоголева „Орелъ“.

Кромѣ поименованныхъ выше двухъ пѣсенъ о разореніи Запорожья (изъ нихъ одна 1709 г., другая 1775 г.) и трехъ пѣсенъ и легенды о Семенѣ Паліѣ, въ „Кіев. Стар.“ (1883, I) напечатана пѣсня „про украинскую иетеру“; но въ своемъ основаніи эта пѣсня, какъ указалъ А. А. Потебня въ „Объясненіяхъ“, II, 665, величальная. Если, можетъ быть, пѣсня эта и примѣнялась къ какой-нибудь особѣ гулящей, то, по крайней мѣрѣ первоначально, не было умыслу представить здѣсь „типъ свободной украинки“, какъ та „Настя кабашна, що до бидныхъ козакивъ нетягъ хоть злая, да й обашна“ (въ думѣ про Хвеська Андибера).

Въ V кн. „Кіев. Стар.“ 1888 г. Манжура напечаталъ народную приказку о *нюхаряхъ*. Ранѣе у *Драгоманова* былъ напечатанъ народный разсказъ о происхожденіи табака. Г. *Петровъ* въ интересной статьѣ о южнорусскихъ легендахъ (въ „Трудахъ Кіев. Дух. Акад.“ 1877, III) высказалъ мнѣніе, что малороссы заимствовали легенды о табакѣ у великороссовъ. Въ послѣднее время записанъ цѣлый рядъ малорусскихъ легендъ, сказокъ и приказокъ, свидѣтельствующихъ, что независимо отъ возмож-

ныхъ заимствованій, можетъ быть даже на ряду съ ними, на украинской почвѣ развилась оригинальная литература о происхожденіи табака, о куріяхъ и нюхаряхъ, въ зависимости отъ сильнаго распространенія табака среди малоруссовъ и въ особенности среди запорожцевъ ¹⁾. Извѣстны частыя упоминанія о табакѣ и трубкѣ въ популярныхъ народныхъ пѣсняхъ, изображенія люльки на популярной картинкѣ съ играющимъ на бандурѣ запорожцемъ. Въ „Кіев. Стар.“ 1888, II, 20, *Я. П. Новавицкій* помѣстилъ небольшой рассказъ о пустынникѣ, въ которомъ демонъ научаетъ монаха пить водку и курить табакъ. Въ „Екатериносл. Губ. Вѣд.“ 1889 г. № 63, г. *Эварницкій* сообщилъ народную приказку о нюхаряхъ. Въ VIII кн. „Кіев. Стар.“ 1890 года г. *Катрухинъ* напечаталъ народный рассказъ о происхожденіи табака изъ слезъ женщины. Для сравненія уважемъ на великор. и бѣлор. матеріалъ въ статьѣ *П. В. Шеина* „Приговоры и причеты о табакѣ“ въ I вып. 48 т. „Трудовъ этногр. отд. Общ. люб. естеств.“. При широкомъ изученіи предмета нужно было бы привлечь еще довольно многочисленныя старинныя легенды о табакѣ (у *Костомарова*, *Тихомирова* и др.).

Кромѣ сборника сказокъ, изданнаго Харьк. истор.-филол. обществомъ, въ распоряженіи общества находится еще большой сборникъ малорусскихъ пѣсенъ, записанныхъ г. Манжурой въ екатер. и харьк. губерніяхъ, колыбельныхъ, дѣтскихъ, свадебныхъ, семейно-родственныхъ, колядокъ, думъ, присказокъ и приспоекъ, всего 1135 №№. Если напечатать сборникъ цѣликомъ, то выйдетъ книга въ $\frac{1}{2}$ или даже $\frac{3}{4}$ V тома „Трудовъ“ Чубинскаго; но такое изданіе, слишкомъ обременительное для Общества, и для науки было бы мало полезно, такъ какъ, при ближайшемъ пересмотрѣ, многое окажется уже извѣстнымъ въ печати въ близкихъ вариантахъ. Нагромождать извѣстный матеріалъ въ настоящее время крайне неблагоприятно.

¹⁾ Пристрастіе запорожца къ люлкѣ прекрасно характеризуется въ слѣдующемъ анекдотѣ: Принесли запорожскому отаману паску на Великдень, а отаманъ вмѣсто того, чтобы разговлѣться, сказалъ: „нехай, козакъ, паска постое, а ми перше люльки попунимъ“ (*Эварницкій*, Запорожье, II, 14).

зумно, такъ какъ и безъ того уже сдѣлано не мало прегрѣшній этого рода, только затрудняющихъ успѣшное развитіе этнографіи. Въ послѣднее время Общество приступило къ разбору этого обширнаго сыраго матеріала и подготавливаетъ его къ печати. Во всякомъ случаѣ сборникъ пѣсенъ въ научномъ отношеніи далеко уступитъ сборнику сказокъ. Историческія пѣсни малочисленны и малозначительны; колядки схоластичны; есть кое-что цѣнное и любопытное въ отдѣлѣ пѣсенъ семейно-родственныхъ, въ присказкахъ и приспівкахъ. Во всякомъ случаѣ сборникъ пѣсенъ при тщательной редакціи составитъ цѣнный вкладъ въ этнографическую литературу.

Оригинальныя стихотворенія г. Манжуры (суровые отзывы были въ „Кіев. Старинѣ“ и „Зорѣ“) и нѣсколько передѣлокъ народныхъ сказокъ для народнаго чтенія оставляю въ сторонѣ, такъ какъ эти труды г. М. выходятъ за предѣлы нашего изслѣдованія.

Я. П. Новицкій.

Яковъ Павловичъ Новицкій¹⁾ происходитъ изъ стариннаго малорусскаго дворянскаго рода черниговской губ., перешедшаго въ началѣ текущаго вѣка въ александровскій у. екатеринославской губ. Я. П. родился въ с. Аулахъ екатеринославскаго уѣзда въ 1847 г. въ зажиточной помѣщичьей семьѣ. Онъ росъ и учился съ крестьянскими дѣтьми. Съ ними проводилъ лѣтнія ночи въ степи на попасѣ лошадей и въ плавняхъ на рыбной ловлѣ. Впечатлѣнія дѣтства были сильны и подготовили почву для позднѣйшихъ этнографическихъ изученій. О прочности симпатій г. Н. къ мѣстному краю говорить, между прочимъ, слѣдующая замѣтка г. Эварницкаго въ 1 т. „Запорожья“: „Въ г. Александровскѣ я хотѣлъ розыскать Я. П. Новицкаго, известнаго южнорусскаго этнографа; но Новицкій въ то время былъ на Хортицѣ. Хортица—это его постоянная лѣтняя дача. Тамъ онъ беретъ себѣ въ наемъ небольшой клочокъ земли подѣ

¹⁾ Въ „Ист. рус. этнографіи“ г. Пыпина не упоминается.

бакчу и, забившись въ курень, проводить въ немъ цѣлые дни и ночи" (стр. 146). Первоначальное образованіе г. Н. получилъ въ александровскомъ уѣздномъ училищѣ и дополнилъ его впоследствии домашнимъ чтеніемъ. Въ 1868 г. Я. П. Н. случайно познакомился съ покойнымъ общественнымъ дѣятелемъ и педагогомъ барономъ Н. А. Корфомъ и, подъ его влияніемъ, пошелъ въ народные учителя. Въ теченіе 9 лѣтъ г. Н. состоялъ учителемъ; въ 1877 г., при измѣнившихся условіяхъ земской школы, онъ перешелъ на короткое время въ черниговское земское статистическое отдѣленіе и подъ руководствомъ А. А. Русова, П. П. Червинскаго и В. Е. Варзера занялся описаніемъ борзенскаго уѣзда. Въ 1878 г. Я. П. Н., по приглашенію предводителя дворянства александровскаго у., занялъ должность секретаря александр. уѣзднаго училищнаго совѣта и въ 1886 г. въ добавокъ должность секретаря предводителя дворянства. По избранію земства съ 1881 г. онъ состоитъ попечителемъ и экзаменаторомъ нѣсколькихъ школъ александровскаго уѣзда. На страницахъ разныхъ газетъ г. Новицкій помѣщалъ замѣтки по общественнымъ и педагогическимъ вопросамъ: въ „Рус. Вѣдомостяхъ“, „Петерб. Вѣдом.“ (при Коршѣ), Странѣ, Народной школѣ.

Въ дѣтствѣ, юности, во время учительства, г. Н. много разъ посѣщалъ старинныя наднѣпрянскія села екатеринославской губ. и бесѣдовалъ съ старожилами. Съ молодыхъ лѣтъ онъ усвоилъ похвальный обычай заносить въ записную книгу наблюденія свои надъ окружающею крестьянскою средой, и по временамъ дѣлился ими съ читающею публикой. Съ теченіемъ времени въ печати накопилось много интересныхъ записей г. Новицкаго.

Еще въ началѣ 70-хъ годовъ часть его записей поступила въ юго-западный отдѣлъ Географическаго Общества; 48 сказокъ и преданій было напечатано въ извѣстномъ сборникѣ „Малор. народ. преданія и рассказы“ (1876 г.). Сюда вошли „Песиголовцы—людоѣды“ (384), „Черти и табачники“ (13), „Премудрый Соломонъ и злая мать его“ (105), Мужикъ, попъ и цыганъ“ (160), „Болтливая жена“ (173), нѣсколько рассказовъ о

запорожцахъ (210, 414 и сл.), о южнорусскихъ степяхъ въ старину (240), о Медвѣдкѣ, Вернигорѣ и Крутывусѣ (255), Иванѣ Царевичѣ (271) Тремсынѣ (286), Охѣ (326), Трехъ Кондратахъ (332), нѣсколько сказокъ о дурняхъ (338 и сл.), о мальчикѣ-мизинцѣ, бычкѣ—третьячкѣ, объ упыряхъ и вѣдмахъ (391 и сл.). Почти $\frac{1}{3}$ сборника составлена изъ матеріаловъ, доставленныхъ г. Новицкимъ. Этотъ трудъ г. Н. уже сослужилъ полезную службу; имъ многіе пользовались и, несомнѣнно, многіе еще будутъ пользоваться. Сборникъ этотъ настолько извѣстенъ, что нѣтъ надобности здѣсь долго на немъ останавливаться, тѣмъ болѣе, что къ современной литературѣ мы собственно относимъ книги, вышедшія въ 80-хъ годахъ. Гораздо менѣе извѣстно то, что напечатано г. Н. именно въ эти годы. Г. Новицкій въ теченіе многихъ лѣтъ относился съ неослабнымъ вниманіемъ къ окружающей его народной жизни въ александровскомъ уѣздѣ, екатеринославской губ. Свои новѣйшія этнографическія записи г. Н. печаталъ въ „Екатерин. Губ. Вѣд.“, въ „Екатер. Юбилейномъ листкѣ“, въ „Днѣпрѣ“, въ „Степи“—такихъ изданій, которыя очень мало распространены и мало извѣстны. Въ „Кіев. Старинѣ и въ „Этнограф. Обзорѣніи“ изрѣдка были замѣтки объ этнографическихъ трудахъ г. Н., преимущественно въ „Кіев. Стар.“ 1888 г., когда существовалъ подробный библиографическій отдѣлъ; но замѣтки эти были случайны, и теперь ихъ трудно разыскать. Статьи г. Новицкаго, многочисленныя, но весьма краткія, распадаются на три разряда: о школахъ, о мѣстныхъ архивныхъ документахъ, и народныя пѣсни, рассказы и преданія. Статьи первыхъ двухъ разрядовъ не подлежатъ разсмотрѣнію и будутъ только названы. На статьяхъ этнографическихъ мы остановимся и дадимъ краткій обзоръ ихъ содержанія, придерживаясь хронологическаго порядка печатанія ихъ.

Скальковскій въ „Исторіи Новой Сѣчи“ и Надхинъ въ „Памяти о Запорожѣ“ отчасти предупредили г. Новицкаго въ пользованіи народными преданіями и пѣснями о Запорожѣ. Такъ, у Скальковскаго есть пѣсни про Алешковскую Сѣчь и Савву Чалаго. Эти записи малочисленны и требуютъ критиче-

кой провѣрки. Такъ, пѣсня про Орлика, нашедшая мѣсто въ концѣ I т. „Ист. Новой Сѣчи“, фальшивая какъ уже было указано въ печати.

Въ газетѣ „Днѣпръ“ 1884 г. №№ 130, 138 и 146 г. Новицкій напечаталъ рядъ замѣтокъ, *„Запорожье въ памятникахъ народнаго творчества“*. Въ легкой повѣствовательной формѣ авторъ передаетъ свои впечатлѣнія, вынесенныя изъ путешествія по Новороссіи въ 1882 г., разговоры съ дѣдами о старинѣ, о порогахъ, о пчеловодствѣ. „А давно, дяду, было то-то“ — такъ авторъ обыкновенно начинаетъ свои разспросы — и затѣмъ идутъ повѣствованія дѣдовъ о старинѣ, объ обиліи меду, о чупринахъ (какъ воловый батоги), о лыцаряхъ запорожцахъ, которые и въ водѣ не тонули, и въ огнѣ не горѣли, и пуля ихъ не брала, о чародѣяхъ („галдовникахъ“), о заклятыхъ кладахъ, о „нюхарахъ“ и „куріяхъ“, о нахожденіи въ Днѣпрѣ стариннаго оружія, роговъ тура, янтаря, объ обиліи звѣрей и птицъ въ старину и о дикихъ коняхъ.

По прекращеніи газеты „Днѣпръ“ статьи г. Н. подъ тѣмъ же общимъ заглавіемъ заняли цѣлый рядъ №№ газеты „Степи“ 1885 и 1886 г., именно — въ 1885 г. № 2: рассказы двухъ дѣдовъ с. Ольчинскаго маріупольскаго у., Пилипа и Андрія, въ 1876 г. о запорожцахъ, какъ они появились (изъ бѣглыхъ невольниковъ), о предѣлахъ запорожскихъ владѣній, объ уничтоженіи Сѣчи Екатериной II, объ уходѣ запорожцевъ въ Турцію и о знахарствѣ ихъ („христіанская земля въ сапогахъ“ — повторяется въ пѣсняхъ про Савву Чалаго). Эта замѣтка была перепечатана г. Новицкимъ въ Кіев. Старинѣ 1885 СХ, 350—352.

Въ №№ 5, 6 и 7 „Степи“ находится описаніе деревни Маркусовой (Павло-Кичкаса) по рассказамъ дѣда Дмитра Бута. Бутъ (по женѣ, по отцу Калениченко, по дѣду Малый) сообщилъ много воспоминаній о запорожской старинѣ. Въ началѣ статьи находится краткій очеркъ современнаго положенія с. Маркусовой (мѣстоположеніе, населеніе, экономическій бытъ), затѣмъ слѣдуютъ преданія о Екатеринѣ II и Потемкинѣ, о возникновеніи деревни, о происхожденіи степныхъ могилъ и исчезновеніи каменныхъ бабъ (мамаевъ), о границахъ татар-

скихъ и запорожскихъ владѣній, озміѣ, св. Космѣ и Даміанѣ и зміевомъ валѣ, о жизни запорожцевъ, о полозахъ, складахъ и народныхъ объясненія названій днѣпровскихъ скалъ, пещеръ и балокъ. Въ концѣ статьи замѣтка о слѣдахъ побоища на островѣ Прусовомъ. Въ ряду этихъ сообщеній выдаются въ этнографическомъ отношеніи:

Сообщеніе о Екатеринѣ II и Потемкинѣ. По словамъ Бута, Екатерина пользовалась любовью тогдашняго населенія; ее называли „Милостива Царица“, „Царица маты“, за то Потемка считается основателемъ закрѣпощенія народа и заселенія запорожья нѣмцами. Запорожцы „великій гнѣвъ положили на Потемку“, и, уходя на чужбину, по словамъ Бута, приговаривали: „бодай тоби, Потемко, такіъ виѣъ, якъ у зайца хвистъ“.

Сообщеніе о панѣ Курикѣ, характерное для исторіи заселенія Новороссіи. Курика принималъ всѣхъ бѣглыхъ, а когда ихъ собралось много, то и закрѣпостилъ ихъ.

Сообщеніе о предѣлахъ татарскихъ (отъ Синего моря безъ малу не до Лубнивъ) и запорожскихъ (на С. по Орель-ричку, на Ю. по Конскую, на В. до Довщины, на З. до Сынявки и Буга).

Сообщеніе (легенда) о томъ, какъ святые кузнецы Косма и Демьянъ поймали громаднаго змѣя, что пожиралъ людей, запрягли плугъ и провели валъ. Когда они дошли до моря, змѣй отъ усталости лопнулъ и изъ него полѣзли жабы, ящерицы и черепахи. Это преданіе давно уже извѣстно въ печати (см. Аѳанасьева, Потебню, „Zapiski“ Руликовскаго и др.).

Сообщеніе о нищѣ и одеждѣ запорожцевъ и отрывокъ пѣсни о казакѣ Голотѣ („живѣ соби козакъ Голота“), извѣстной по прежнимъ сборникамъ.

Сообщеніе о змѣяхъ полозахъ („довжинею бильше оглобли а товщинею якъ кроква“, вогился колесомъ, ѣлъ зайцевъ, агнятъ).

Въ № 10 замѣтки о шляхахъ, селѣ Кичкасѣ и преданіе о козакѣ Сагайдакѣ (со словъ вр. Ром. Булата), какъ заперся ватажекъ Сагайдакъ въ своей землянкѣ, отстрѣливался отъ царскихъ войскъ и задохся отъ дыма въ запаленной у его

землянки соломы. Этнографическаго интереса эта замѣтка не имѣетъ. Варіантъ преданія см. въ „Запорожьѣ“ Эварницкаго (II, 233).

Въ № 12 рассказы про запорожцевъ Скута, Хозу и Шутя (нарядъ, вооруженіе, удалъ и пр.). Интересно преданіе о набѣгахъ татаръ и какъ запорожцы отбивали у нихъ плѣнниковъ. Тутъ же приведенъ отрывокъ исторической пѣсни „по тимъ боци огни горять, никому тушиты; по симъ боци орда суне, никому спиниты. Зажурилась Украина“...—слѣдующіе затѣмъ стихи вошли въ I т. „Истор. пѣс. мал. нар.“ Ант. и Драг. 73 и 274. Любопытно, что въ варіантѣ г. Н. сохранился мотивъ частный, что говоритъ въ пользу бѣльшей древности этого варіанта. Не лишено интереса также оригинальное преданіе, какъ запорожцы очистили отъ вшей хлопца, заворачивая его въ сырую баранью шкуру, поставили его „куховаромъ“, и хлопецъ по звону колокольчика на дубѣ узнавалъ, что гайдамаки возвращаются домой,—одно изъ чародѣйствъ гайдамаковъ. Они еще далеко, а колокольчикъ уже звонитъ. Варіантъ преданія о Семенѣ Палѣѣ.

Въ № 19 интересныя преданія о запорожскомъ казакѣ Матвѣѣ Шутѣ, о его наружности, одеждѣ, отношеніи къ первымъ колонистамъ нѣмцамъ. Отъ потомковъ М. III. г. Новицкій записалъ пѣсни про руйнованья Сичи, про Калныша, сотника Харька, Савву Чалаго, Морозенка, Перебийниса, Лебеденька, про Днѣпръ и др. Въ статьѣ приведена г. Новицкимъ одна только пѣсня (про Днѣпръ) „Ой не самъ я иду слободою“. Варіантъ этой пѣсни, весьма испорченный и краткій, напечатанъ въ V т. „Трудовъ“ Чубинскаго стр. 1013. Варіантъ г. Н. начинается тѣми словами, которыми оканчивается варіантъ Чубинскаго.

У Чубинскаго братья героя пѣсни въ Самарѣ и Петербургѣ, у г. Н. въ Сичи и „десь“. У Чуб. въ Днѣпрѣ упали 44 рѣчки и еще „одна ричка копирочко (?)“; у г. Н. 704 и Синявочка. Рѣчка Синявочка спрашиваетъ у Днѣпра, чѣмъ онъ красенъ, „чи своею довжиною, глубиною, шириною, чи крутыми берегами, жовтыми песками та темными лугами“. Днѣпръ отвѣчаетъ, что

онъ славенъ козаками, бурлаками и рыбалками. „Они его уvesеляють и отъ него добычъ мають“. Пѣсня отличается искусственностью. Должно быть здѣсь мы имѣемъ дѣло съ виршей въ честь Днѣпра, сложенной въ старину и проникшей въ народъ. Въ особенности подозрительными представляются послѣдніе стихи въ варіантѣ г. Н.: „Жалуется Лиманъ морю, що Днипръ узавъ свою волю, свои гирла прочищае—Лиманъ море засыпае“. Повидимому, здѣсь сочетались двѣ пѣсни—народная, гайдамацкая объ арестованіи ватажка и литературная—похвала Днѣпру. Трудностью переработки литературнаго содержанія объясняются неясности варіанта Чубинскаго. Къ этому разряду не общенародныхъ, а сословныхъ стихотвореній, возникшихъ при общеніи грамотности съ народностью, относится историческая пѣсня „Ой рико Стиру“... (въ Archiv f. slav. Philol“. Ягича II, 298). См. объясненіе этой пѣсни въ рецензії Потебни на сборникъ пѣсенъ Головацкаго 59—60.

Въ 28 № Екат. Губ. Вѣд. 1887 года г. Н. помѣстилъ программу для собиранія этнографическихъ свѣдѣній. Программа приспособлена къ мѣстнымъ новороссійскимъ условіямъ. Всѣхъ §§ 12. Описаніе селъ въ предѣлахъ этой программы дало бы цѣнный вкладъ для мѣстной исторіи, географіи и этнографіи.

Въ № 9 Екатериносл. Юбилейнаго листка 1887 г. г. Новицкій помѣстилъ сообщенія (малосодержательныя) одной старухи о *Половицѣ* (старинное названіе Екатеринослава), а въ № 29 *разказы дѣда Кравца*—заики о запорожцахъ, обращеніи старшинъ съ голотою, куреніи водки, знахарствѣ запорожцевъ. Сюда вставлена записанная отъ дѣда Логвина Несвата пѣсня объ отношеніи голоты къ дукамъ изъ цикла думъ о Ганжѣ Андыберѣ (въ I т. Зап. Кулиша).

Ой тмарытця, туманытця, дрыбевъ дощевъ иде,
Веселая бесидонька де голота пье.

Дуки пьють горилку въ шатрѣ, а голота на дождѣ; атаманъ (безъ имени) присоединяется къ голотѣ. Тогда богачъ посмѣялся надъ голотой и за то былъ прибитъ (одинъ взявъ за руку, другій за чуприну, третій въ дула бье“).

Въ №№ 52, 53, 58, 62 и 63 Екатер. Губ. Вѣд. 1887 г. напечатана статья г. Н. „*Къ исторіи народнаго образованія въ Екатериносл. губ.*“ (первыя приходскія училища и училища г. Александровска).

Въ №№ 24, 25 и 27 Екатер. Губ. Вѣд. 1887 г. Я. П. Н. напечаталъ *описаніе слободы Вольной Гупаловки* Александровскаго уѣзда. Въ оттискахъ статья составила брошюрку въ 22 стр. Сначала авторъ останавливается на исторіи заселенія и движеніи населенія, затѣмъ на воспоминаніяхъ стариковъ о привольной степи, о птицахъ и животныхъ, о запорожскихъ урочищахъ, объясненія названій ихъ и преданія о нихъ. Такъ, съ названіемъ могилы „Вовча“ связано сказаніе о желѣзномъ волкѣ, зарытомъ въ той могилѣ. Въ той части могилы, гдѣ зарыта голова волка, есть криница. Нѣсколько разсказовъ о находкахъ денегъ и оружія, о вкладахъ, оберегаемыхъ древнимъ старикомъ, о происхожденіи каменныхъ бабъ (плевали на солнце и за то окаменѣли, ходятъ по ночамъ въ гости одна къ другой и надѣются ожить), о долговѣчности и силѣ запорожцевъ, рисующихся уже великанами, о поборахъ сторожевыхъ казаковъ съ чумаковъ (разстилали на дорогѣ свиту, и чумаки клали сухари, сало, рыбку), о холодной зимѣ съ 1824 на 1825 г.—„драной“ (снимали крыши на прокормъ скоту), о тяжелыхъ годахъ голода, цынги (1849), наводненій и др. бѣдствій. Въ статьѣ приведена *пѣсня про „руйнуванье Сичи“*. „По той бочокъ Базавлука лагеря стоялы“: казаки пьютъ и гуляютъ, а одинъ изъ нихъ будить своего отца Харька и проситъ ему просьбу людей выѣхать на границу и просить царицу вернуть степи „по прежни граныци“. Харько проситъ:

Ты, пармца милослыва, змылуйся надъ нами,
Верны степи, край веселый зъ темными лугами.

Получивъ отказъ,

Питовъ назадъ Харько батько темными лугами,
Та умывся Харько батько дрибными слезами.
Ой ви хлопци запорожци, що ви наробыли,
Степи добри, край веселый тай занастыли.

Г. Н. замѣчаетъ при этомъ, что въ другомъ вариантѣ, менѣе полномъ, записанномъ имъ отъ 90 л. старика, Царица,

внимая слезамъ Харька, обращается къ сенаторамъ: „сыны мои, сенаторы, що вы наробыли и пр.“. Пѣсня оканчивается просьбой казаковъ атаману поставить ихъ на башту для защиты Сѣчи если не кинжалами, то кулаками. Пѣсня цѣльная, вполне выдержанная, весьма художественная—чуть ли не лучшая изъ напечатанныхъ историческихъ малорусскихъ пѣсенъ XVIII вѣка. Въ этой пѣснѣ про руйнованье Сѣчи жаботинскій сотникъ Харько, коварно убитый поляками въ 1766 г. (см. *Костомарова* Ист. козач. по пѣснямъ 156—160), еще болѣе идеализированъ, чѣмъ въ преданіяхъ и думахъ, ему собственно посвященныхъ (*Метлинскій*, 526; *Головацкій* I, 21, *Кулишъ*, Зап. о юж. Руси I, 96; *Rulikovski*, въ *Zbior Wiadom.* III, 144). Въ пѣснѣ про руйнованье Сѣчи Харько—довѣренное лицо всего народа („люде“ его посылають), посолъ къ царицѣ, патриотъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, оплакивающій паденіе Сѣчи. Въ думахъ Харько ватажекъ, котораго захватили въ пьяномъ видѣ и казнили. *Костомаровъ* высказалъ предположеніе, что въ Харькѣ пѣсенъ про руйнованье Сѣчи можетъ быть скрывается не жаботинскій сотникъ, убитый въ 1766 г., а запорожскій старшина Харько Чепита, игравшій впослѣдствіи важную роль. Въ одной пѣснѣ обращаются къ Грицю, по предположенію *Костомарова*, къ Потемкину (Ист. козач. въ пѣсняхъ, 208). Въ вариантѣ, запис. *Д. И. Эварницкимъ* (см. Запорожье II, 201—202), мѣсто Харька занимаетъ Калнышъ, послѣдній кошевой запорожья.

Въ Кіевской Старинѣ 1888, XII, 142 г. Н. сообщилъ три народныя преданія: 1) *отчего у насъ зимуютъ воробы* (вар. у Драгоманова), 2) *почему евреи не ѣдятъ свинины и любятъ курей* (куры выгребали сѣно, въ которомъ спрятался Христосъ) и 3) *откуда взялись камни* (пастухи и овцы окаменѣли).

Въ 80 и 84 №№ Екат. Губ. Вѣд. 1888 г. г. Н. напечаталъ статью: „*статистико-экономическое состояніе г. Александровска и уѣзда по архивнымъ даннымъ 1829 г.*“ (были оттиски).

Въ Екатер. Губ. Вѣд. 1888 и 1889 годовъ разсѣяно много мелкихъ замѣтокъ подъ общимъ заглавіемъ „*Изъ области на-*

родныхъ преданій и рассказовъ“, именно: 1) „Драная зима“ во 2 № 1888 г. (1813 г.)—холодная, когда снимали крыши на прокормъ скоту; такихъ „драныхъ“ зимъ насчитываютъ нѣсколько, и объ одной изъ нихъ (1825 г.) была уже замѣтка г. Н. въ статьѣ о Вольной Гупаловкѣ. 2) *О приѣмъ запорожцевъ Екатериной II* (въ № 3)—запорожцы пили много чаю и потомъ переворачивали чашки, а затѣмъ, когда имъ дали одну большую ложку на всѣхъ, то они, выѣвъ горшокъ борщу, его перевернули на скатерти вверхъ дномъ. 3) Рассказъ о томъ, какъ литвины воевали серпъ (въ № 4)—вариантъ украинской сказки, напечатанной г-жей Мошинской въ „Zbiór wiadomości“ IX. 143. Литвины, въ рассказъ г. Новицкаго, приняли серпъ за людоеда, стрѣляли, кололи, по ошибкѣ убили своего товарища и, когда въ Пслѣ топили серпъ, то и сами утонули. Это вариантъ многочисленныхъ рассказовъ о глупости того или другого народа (печенѣги, пошехонцы и пр.); 4) нѣсколько рассказовъ о характерствъ запорожцевъ (въ №№ 5 и 6)—ловили ядра, плыли по Днѣпру на повсти (войлокѣ), наводили ману на поляковъ, уходя отъ нихъ, такъ что поляки козацкія копья принимали за лѣсъ и возвращались, заговаривали ружья; требуетъ запорожець кувель воды, вскочить въ него и очутится за 100 верстъ; 5) преданіе—почему въ Днѣпрѣ стало мало рыбы (въ № 9): ушла за запорожцами; 6) преданіе о Семенѣ Палии (въ № 10). Этимъ преданіемъ уже воспользовался В. В. Каллашъ въ своей монографіи „о Мазепѣ и Палиѣ. Содержание преданія. Молодой казакъ Семень нечаянно спалилъ куринъ кошеваго и, боясь наказанія, бѣжалъ. Въ стени во время грозы онъ замѣтилъ, что дьяволъ дразнилъ Бога и прятался за скалу отъ удара молніи. Семень выстрѣлилъ въ дьявола. Дьяволъ просилъ его вторично выстрѣлить; но Семень зналъ, что другой ударъ будетъ въ пользу дьявола, и не стрѣлялъ. Апостолъ (безъ имени) далъ ему ружье, бьющее безъ промаха, и посовѣтовалъ возвратиться къ кошевому. Коневой простилъ Семена и прозвалъ его Палиемъ („за те шо спаливъ куринъ“). Вторая часть преданія представляетъ вариантъ преданія, зап. Менчицемъ и напечат. въ „Малор. пред. и разск.“

стр. 202—204, съ тѣми особенностями, что въ вариантѣ г. Н. о замурованномъ въ тюрьмѣ Паліѣ Петру сообщаетъ 16 л. мальчикъ, что въ войскѣ шведовъ оказывается „баба химоридныця“, которая дала совѣтъ перековать лошадей „назадъ гакими“ (зубьями) и бѣжать. Съ появленіемъ Палія шведы бѣжали. Петръ предлагаетъ Палію въ награду деньги и „панскія области“, но Палій сказалъ: „Дай мини милу Украинну, за которую я 20 лѣтъ страждавъ; больше у тебе не прошу ничего“. Получивъ въ даръ Украинну, Палій „вывивъ всихъ ворогивъ, тоди и самъ Богъ-зна де дився. Винъ, кажуть, и теперъ десь живый, и якъ Господь ему веливъ, миняется якъ мисяць: старіе и молодіе“. Этотъ вариантъ замѣчательнъ сильной идеализаціей героя и обиліемъ сказочныхъ мотивовъ. Варианты см. далѣе у Эварницкаго и Руликовскаго; 7) *о чумакахъ*, платившихъ сторожевымъ запорожцамъ, при видѣ копья, воткнутаго на шляху (въ № 11); 8) *оплакиваніе (ироническое) тещи* зятемъ за то, что она дочкѣ давала вареники, а зятю сыроватку (въ 16 №); 9) *о жидъ-шпіонѣ* (въ № 17), котораго сначала связали со свиньей, такъ что носъ его пришелся ко хвосту свиньи, потомъ повѣсили за ноги; 10) *о велетняхъ* (великанахъ, въ № 18); одинъ велетень забралъ въ жменю крестьянина съ погоничами, плугомъ и 8 парами быковъ; 11) *о полозахъ* (въ № 25), душившихъ людей; 12) *о химородникѣ* Фескѣ, который могъ наносить человѣку болѣзнь, выжимая бѣлый сокъ изъ черной рѣдьки (№ 26); 13) *о происхожденіи каменныхъ бабъ* изъ людей, плевавшихъ на солнце (№ 27); 14) *о демоническомъ происхожденіи камней*, трехголовыхъ змѣяхъ, истребленныхъ великанами, и полозахъ (№ 29); 15) *о татарскихъ набѣгахъ* и трусливыхъ солдатахъ изъ бѣлоруссовъ (№ 52); 16) *о названіи запорожцевъ кіями*, о наборѣ ихъ княземъ Амлыномъ для войны съ турками и о разореніи Сѣчи (въ Екат. Губ. Вѣд. 1889 г. № 2); 17) *о раздѣлѣ запорожскихъ земель* и первыхъ поселенцахъ великорусскихъ (въ № 16), жены которыхъ были недовольны новыми мѣстами; 18) *о татарскихъ набѣгахъ* (№ 19), рвали подушки для показанія пути, убивали дѣтей, снимая имъ головы или придавливая лавкой къ стѣнѣ;

см. вариантъ у Эварницкаго; 19) *о домолтїи у запорожцевъ* (№ 23), интересный анекдотъ: были въ одной семьѣ дѣдъ 130 л., сынъ 110 и внукъ 90 л. Заѣхалъ къ нимъ панъ. Дѣдъ сидѣлъ на печкѣ, сынъ на припечкѣ, а внукъ вышелъ изъ хаты. Сынъ отъ старости былъ на память слабѣе дѣда. Панъ и спрашиваетъ старика, сидѣвшаго на припечкѣ, „шо ты за чоловікъ?“ — Запорожець! — „А то шо на печи?“ — А катъ его зна шо воно за чортяка!... Стики зазнаю, все у насъ живе... Дѣдъ съ печи и обзывается до пана: „Оттакъ, якъ бачешъ, чоловіче; забувъ еретичный сыну, шо я ему и батько“; 20) *объ уходѣ запорожцевъ*, исчезновеніи острова Дубоваго, оскуднѣніи звѣрей, птицъ и рыбъ, огненномъ змѣѣ; невидимое чудовище плакало и бросало камни на Хортицу (№ 28).

Всѣ эти сообщенія въ отдѣльности очень кратки, въ 20, 30 печатныхъ строкъ. Переданы они живымъ народнымъ словомъ, причемъ въ самомъ языкѣ рассказчиковъ обнаружались архаическія черты. Возьмемъ на выдержку одинъ примѣръ: 70 лѣтъ старикъ Осипъ Шутъ на о. Хортицѣ рассказываетъ со словъ своего дяди Матвѣя Шута о татарскихъ набѣгахъ: „На зори передъ свитомъ чуемо—земля стогне, клекить десь. Поприпадали до земли, слушаемо—орда йде. Мы посидлалы коней та назустричь. Сталы добигать до ордынського шляху, ажъ людѣ ячать; мы туды стико духу, и давай рубать орду“... Очевидно, здѣсь еще бьется жизненная жилка.

Къ статьямъ „Изъ области народныхъ преданій“ близко стоитъ замѣтка г. Н. „*Къ исторіи запорожской живописи*“ (въ 39 № Екат. Губ. Вѣд. 1888 г.). Рѣчь идетъ о весьма популярной въ старину картинѣ, изображающей запорожца, играющаго на бандурѣ, съ соответствующими стихами. Г. Новицкій описываетъ одну такую картинку въ Александровскѣ и приводитъ цѣликомъ находящуюся на ней пѣсню „Ой бандуро моя золотая, колыбѣ до тебе жинка молодая“ и пр. Такихъ картинъ сохранилось много. Г. Н. насчитываетъ три картины у крестьянъ екатерин. губ. У меня есть такая картина изъ купянского у. харьк. губ. Разница въ рисунокѣ незначительная; чубъ загнутъ не за лѣвое, а за правое ухо, конь не на лѣвой,

а на правой сторонѣ, нѣтъ шубы и нѣтъ литеры *n* на сѣдлѣ; вирша болѣе обширная, чѣмъ у г. Н.; захватывая всю эту виршу почти буквально, вирша на моемъ экземплярѣ добавляетъ еще шапки и сабли. Рисунковъ и вирша экземпляра г. Н. приведены въ I т. „Запорожья“ Эварницкаго 74; сюда же относится вирша „Ихавъ козакъ“ въ „Запорожьѣ“ г. Эварницкаго на 58 стр.

Въ Екатер. Губ. Вѣд. 1888 г. Я. П. Н. помѣстилъ нѣсколько замѣтокъ „Изъ церковной лѣтописи“: образчикъ духовнаго суда 80 л. назадъ (№№ 18, 49), заботы епарх. начальства о воспитаніи дѣтей духовенства (№ 31), размѣръ вознагражденія духовенства за исполненіе требъ въ прошломъ вѣкѣ (№ 43) и нѣсколько другихъ (№№ 45, 47 и 77), двѣ замѣтки „Изъ недавняго прошлаго“ (1861 года, въ №№ 61 и 62)—о порядкѣ замѣщенія писарей и требованіе окружнаго начальника, чтобы сельскія власти носили хорошія шапки. Статью „Итоги народнаго образованія въ александровскомъ у. 1866—1886“ (№№ 15 и 22); въ Екатер. Губ. Вѣд. 1889 г. № 37, 40 и 43, статью о поселенцахъ-менонитахъ, въ №№ 1, 3, 4, 6, 8 и 9; статью „Статистическое описаніе александровскаго уѣзда и маріупольской округи по архивнымъ даннымъ 1836 г.“ (были оттиски), въ №№ 101 и 102 1889 г. и въ № 3 1890 г. ст. „Городъ Александровскъ въ 1837 г.“.

Для этнографіи имѣютъ значеніе два ряда статей г. Н., 20 замѣтокъ „Изъ народныхъ преданій“, уже рассмотрѣнныхъ нами и „Пѣсни казацкаго вѣка“ въ Екатер. Губ. Вѣд. 1888, 1889 и 1892 годахъ. Это начало новаго цѣннаго собранія малорусскихъ историческихъ пѣсенъ, записанныхъ г. Новицкимъ изъ народныхъ устъ. Изъ 200 №№ напечатаны пока только 8 №№. Г. Н. снабдилъ ихъ историческими коментаріями; добавляю здѣсь нѣсколько литературныхъ:

1) Пѣсня про гетмана Богдана (Рожинскаго) въ 46 № Е. Г. В. 1888 г. Въ „Истор. пѣс. малор. нар.“ I 163—168 напечатано 5 вариантовъ этой думы. Вариантъ г. Н. почти дословно совпадаетъ съ вариантомъ В. изъ остерскаго уѣзда. Пѣсня сложена въ концѣ XVI в. (ок. 1575 г.). Въ вариантѣ г. Н. нѣтъ ничего, что дополняло бы извѣстные въ печати варианты.

2) *Пісня про Овраменка* въ 48 № Е. Г. В. 1888 г. По содержанию эта пісня сходна съ думой про Иваса Вдовиченка; величиной она менѣе и стихъ короче. Ненапечатанный вариантъ, записанный г. Манжурой въ с. Мурафѣ богодуховскаго уѣзда харьв. губ., сходенъ съ вариантомъ г. Новицкаго, за исключеніемъ двухъ-трехъ словъ. Пісня начинается словами: „Оврамыха стара маты а три сына мала“... Одного сына Данила (въ вариантѣ Манжуры—Клыма) она отпустила погулять въ г. Тавань (у Манжуры—Таганрогъ). Данило ушелъ съ казаками, вступилъ подъ городомъ Келебердой въ битву съ турками и былъ убитъ. Пісня кончается словами: „Не потуравъ вражій сынъ, турчинъ, шо винъ козакъ молоденькій“. Личность героя неизвѣстна въ исторіи. Въ піснѣ онъ приурочивается къ двумъ городамъ, очень далеко отстоящимъ одинъ отъ другаго, къ Тавани у Днѣпровскаго лимана и крѣпости Келебердѣ на Днѣпрѣ недалеко отъ Кременчуга.

3) *Пісня про набѣгъ орды на Донщину*.—„Ой збиралися паны—генералы все донскіи козаки“ (въ 53 №). Они повели войско на турокъ, а татары напали на Донщину и разграбили. Донцы зовутъ на помощь кошевого. Послѣдній упрекаетъ ихъ въ оплошности. Пісня несомнѣнно заимствованная; ея родина—Донщина. Заимствование обнаруживается въ самомъ языкѣ: „генералы все донскіе козаки“, „ой нумо листъ бумагу писать“, „самъ подивишся, шо не силушка наша“,—обороты рѣчи, очевидно, великорусскіе, малорусской исторической поэзіи совсѣмъ не свойственные.

4) *Дума про Перебийниса* въ № 2 Е. Г. В. 1889 г. Перебийнисъ—Максимъ Кривонось, знаменитый предводитель загоновъ во время Богдана Хмельницкаго. Въ думѣ воспѣвается его побѣда надъ поляками въ 1648 г. Въ „Ист. піс. малорус. нар.“ Ант. и Драг. II 42—48 напечатано 4 варианта этой думы съ историческими комментаріями. Вариантъ г. Н. по полнотѣ и стройности превосходитъ другіе извѣстные въ печати варианты. Въ содержаніи есть новая деталь—указаніе, что Перебийнисъ загулялъ съ „кумасею Хмельницею“ и не замѣтилъ, какъ пошли поляки.

5) *Дума про Супруна*— „Ой не знавъ козакъ, не знавъ Супрунъ дебъ славы нажиты“; онъ съ козаками напалъ на орду, попался въ плѣнъ, просить татаръ пустить его на Савуръ могилу: посмотреть на Украину, гдѣ козаки „какъ макъ процвѣтають“, передать кошевому просьбу о выкупѣ (№ 7). Въ печати извѣстно з варіанта пѣсни о Супрунѣ (Чупрунѣ), два у Метлинскаго и одинъ у Костомарова (въ Ист. казач. по пѣс. 105). Варіантъ г. Н. почти тождественъ съ варіантомъ Костомарова. Лучшіе варіанты въ сборникѣ Метлинскаго. У Костомарова запорожское войско „якъ золото сѣе“ вмѣсто болѣе обычнаго „якъ макъ процвѣтає“. Что послѣдній символъ былъ изстари популяренъ, видно изъ того, что онъ встрѣчается въ Лѣтописи Самуила Величка: „войско тое, увидѣвши съ горы якої, можно было сказать, же то суть ниви, красноцвѣтущимъ голендерскимъ албо волоскимъ макомъ засѣяни и проквѣтнувши“. Въ другихъ думѣхъ: Морозенко „якъ макъ роспускався“.

6) *Пѣсня о Морозенкѣ* (въ № 17), весьма популярная въ Малороссіи, извѣстна во многихъ варіантахъ (указаны въ примѣчаніи самимъ г. Новицкимъ). Начало: „Ой Морозе, Морозенко, ты славный козаче“. Мать его имѣетъ дурное предчувствіе. Морозенко подъ Келебердой разбить ордой; онъ просить пустить его на Савуръ могилу посмотреть на Украину; его убиваютъ. Между пѣснями про Супруна или Чупруна и пѣснями про Морозенка большое сходство по содержанію, такъ что, можетъ быть, онѣ относятся къ одному лицу, Супруну Морозенкѣ—современнику, служившему въ Лютенской сотнѣ Полтавскаго полку, или его однофамильцу Нестору Морозенку (*Максимовичъ*, соч. I 713). Келеберда является роковымъ мѣстомъ не только для Морозенка, но, какъ мы видѣли, и для Овраменка. Въ варіантѣ г. Н. есть отчетливое указаніе на это укрѣпленіе: „Зостринемось зъ ордою пидъ Келебердою, а въ городи Келеберди покопани шанцы“.

7) *Пѣсня про князя Голицына* (въ № 21). Г. Новицкій озаглавилъ ее „Орда и ляхи“, по первымъ стихамъ, гдѣ упоминаются татары и поляки. Начало: „Наварили ляхи пыва“. Пѣсня спивная: первые три стиха взяты изъ какой-то пѣсни

про борьбу козаковъ съ поляками; слѣдующіе четыре—изъ думы о татарскихъ побѣгахъ (у Ант. и Драг. I 73), послѣдніе 11 стиховъ составляютъ историческую пѣсню не про любимца царевны Софіи Вас. Вас. Голицына о крымскомъ походѣ 1689 г., какъ думаетъ г. Новицкій, а про кн. Мих. Мих. Голицына и прутскій походъ 1711 г. Близкіе варианты этой пѣсни въ сборникѣ Максимовича 1834, стр. 109 и въ Полит. пѣс. укр. народа, I 65—70 и въ особенности на стр. 92 и 102. Въ послѣднемъ изданіи находится обширный историческій комментарий къ пѣснямъ о возвращеніи козаковъ изъ Алешковской Сѣчи и кн. Голицынѣ.

и 8) *Пісня про быство народа во время руины изъ правобережной Украины въ лѣвобережную* въ №№ 52 и 53 „Екатеринослав. губ. вѣдом.“ 1892 г. На мой взглядъ—это одна изъ наиболѣе интересныхъ историческихъ пѣсень; сходная пѣсня отмѣчена въ сборникѣ Максимовича (с. 171). Въ „Политичны пѣсни“ она не вошла. Начинается она словами „Та не спалъ я ничку не одну“. Народному пѣвцу „нудно“; дожди украсили землю цвѣтами, а люди бѣгутъ, бросаютъ грунты, пасики, бѣгутъ весной, чрезъ широкій Днѣпръ. Послѣднія 9 строкъ, гдѣ противопоставляются какіе-то „вороги“ прежнимъ „добрымъ намамъ“, повидимому, взяты изъ другой пѣсни. Въ концѣ пѣсни приложено объясненіе ея содержанія пѣвцомъ, 88 лѣтнимъ дѣдомъ Джигиремъ, и обширный историческій комментарий. Приложеніе объясненія рассказчика или пѣвца—новый пріемъ, заслуживающій полного одобренія. Изъ объясненія видно, какъ самъ пѣвецъ понимаетъ пѣсню. Въ частности комментарий Джигиря бросаетъ на пѣсню о бѣгствѣ народа яркій лучъ свѣта.

Подлинныя тексты пѣсень и преданій г. Н. всегда сопровождается точными указаніями имени пѣвца, мѣста и времени записи, иногда историческими объясненіями.

Въ настоящее время г. Новицкій готовитъ къ печати сборникъ записанныхъ имъ изъ народныхъ устъ историческихъ пѣсень (болѣе 200 №№) и кромѣ того имѣетъ въ рукописяхъ до 150 рассказовъ о запорожскихъ урочищахъ и владахъ, до 100 заговоровъ и народныхъ рецептовъ. Нельзя не пожелать скорого изданія этихъ матеріаловъ, въ особенности пѣсень историческихъ.

Интересныя записи г. Новицкаго, сгруппированныя въ доступномъ изданіи, несомнѣнно привлекутъ къ себѣ вниманіе историковъ и этнографовъ.

Д. И. Эварницкій.

Съ этнографической дѣятельностью Я. П. Новицкаго большое сходство имѣетъ дѣятельность Димитрія Ивановича Эварницкаго. Остатки Запорожья въ народной словесности привлекли ихъ вниманіе и собраны ими въ значительной полнотѣ. Г. Эварницкій началъ съ небольшихъ статей о Запорожьѣ, затѣмъ расширялъ ихъ все болѣе и болѣе народными преданіями и отчасти архивными матеріалами, такъ что въ 1888 г. „Запорожье“ вышло въ двухъ довольно объемистыхъ томахъ (290+251), а въ текущемъ году въ новой переработкѣ съ дополненіями выходитъ уже въ 3 томахъ меньшаго объема. О сочиненіяхъ г. Э. можно судить съ разныхъ точекъ зрѣнія, и, какъ уже было въ печати, можно отнестись къ нимъ съ похвалами (М. И. Семевскій, А. Н. Пыпинъ) и съ осужденіемъ (гг. Ястребовъ, Линниченко, И. Житецкій). Признавая въ „Запорожьѣ“ г. Э. слабыя стороны (лирическія отступленія, недостатокъ критики пособій и источниковъ), мы не можемъ не признать, что авторъ по живому личному отношенію къ излюбленному имъ предмету изслѣдованія далъ широкую постановку дѣлу изученія запорожской старины, положилъ на него много труда и представилъ много новыхъ фактовъ въ видѣ разныхъ описаній и измѣреній, произведенныхъ на мѣстѣ, въ видѣ преданій, записанныхъ изъ народныхъ устъ, наконецъ, въ видѣ многочисленныхъ фотографій съ вещественныхъ памятниковъ запорожской старины.

Д. И. Эварницкій, уроженецъ харьковскаго уѣзда, получилъ образованіе въ харьковскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету, который окончилъ въ 1881 г. По выходѣ изъ университета г. Эварницкій года два состоялъ преподавателемъ русскаго языка въ Харьковѣ въ частной женской гимназій, затѣмъ переѣхалъ въ Петербургъ и здѣсь нѣсколько

лѣтъ продолжалъ педагогическую дѣятельность. Въ 1892 г. г. Эварницкій получилъ мѣсто чиновника особыхъ порученій при туркестанскомъ генералъ-губернаторѣ.

Въ началѣ 80-хъ годовъ г. Э. на своей родинѣ, на границѣ харьковской и курской губерній записалъ много народныхъ пѣсенъ. Позднѣе, во время частыхъ экскурсій на Запорожскія пепелища г. Э. собиралъ пѣсни, преданія, заговоры, большую часть которыхъ внесъ въ „Запорожье“, кое-что напечаталъ въ Екат. Губ. Вѣд. 1888—1890 годовъ.

У г. Э. факты документальные идутъ рядомъ съ фактами литературно-этнографическими, событія дѣйствительныя съ отраженіями ихъ въ народной памяти и пониманіи. Это имѣетъ свои удобства и неудобства. Отъ соединенія исторіи съ этнографіей „Запорожье“ выигрываетъ въ живости и занимательности разсказа и проигрываетъ въ научной точности и основательности. Этнографическія сообщенія, разсказы дѣдовъ о старинѣ располагаютъ читателя и, быть можетъ, самого автора къ такому добродушному довѣрію, которое ослабляетъ историческую критику и скептицизмъ.

Останавливаясь исключительно на этнографической части въ трудахъ г. Э., мы должны предварительно оговорить, что г. Э. всегда и вездѣ выступаетъ исключительно, какъ собиратель матеріала. Мѣстами наряду съ народными пѣснями идутъ отрывки изъ стихотвореній Шевченка и Щоголева. Путемъ провѣрокъ и сравненій можно прійти къ заключенію, что лично г. Эварницкому принадлежитъ много интересныхъ этнографическихъ записей, въ значительной степени восполняющихъ предшествовавшіе мѣстные историческіе и этнографическіе труды Скальковскаго, архіеп. Θεодосія, Надхина и Новицкаго, составляющихъ въ совокупности цѣлый отдѣлъ мѣстной этнографіи на исторической подкладкѣ. Если бы г. Эварницкій въ свое время выдѣлилъ этнографическій матеріалъ и издалъ его отдѣльно съ надлежащими помѣтками о времени и мѣстѣ записи и съ указаніемъ на варианты, то получился бы оригинальный и цѣнный сборникъ народныхъ преданій о запорожцахъ. Во всякомъ случаѣ, и въ настоящемъ своемъ видѣ „Запорожье“

г. Эварницкаго представляет полезный вкладъ въ малорусскую этнографію. Главное значеніе его состоитъ въ массѣ историческихъ преданій, и потому мы здѣсь прежде всего сдѣлаемъ обзоръ ихъ, затѣмъ перейдемъ къ пѣснямъ, которыя, сравнительно съ преданіями, малозначительны; многія изъ пѣсень, помѣщенныхъ въ началѣ главъ, въ видѣ эпиграфовъ, и принятыхъ авторомъ за народныя, въ дѣйствительности или пѣсни искусственной фабрикаціи, или пѣсни, испорченныя посторонними вліяніями.

Кромѣ матеріаловъ, вошедшихъ въ „Запорожье“, мы останемся въ концѣ статьи на интересной „присказкѣ до нюхарей“, напечатанной г. Эварницкимъ въ „Екатери́н. Губер. Вѣдомостяхъ“.

Разсказы Якова Литвина о привѣтливости Екатерины II и о богатырствѣ запорожцевъ: читали, не учившись грамотѣ (птица клевала въ лобъ, оттого и дѣлались грамотными); 7 лѣтній ребенокъ снесъ на колокольню пушку; въ церкви наиболѣе сильныя удерживали дыханіе, чтобы не свалить съ ногъ попа; клали землю въ сапоги и шапки; дѣлались невидимками; по разрушеніи Сѣчи ушли на „райскія острова“; при кончинѣ міра возвратятся (I, 12—14). Въ этихъ разсказахъ не трудно замѣтить легкую примѣсь изъ сказокъ о богатыряхъ семилѣткахъ и сказокъ о рахманахъ.

Разсказъ Платона Загородняго о притѣсненіи жидовъ запорожцами; какъ запорожець билъ жида кійкомъ и заставлялъ потомъ купить кій (I, 37—38),

Разсказъ какого-то дѣда *о сотвореніи міра*, связанный съ балкой Безпято́й. Богъ создалъ сначала теленка, потомъ поросенка, наконецъ ребенка, а чортъ создалъ волка, который потомъ хотѣлъ съѣсть чорта и вырвалъ у него пятаки, отчего и стали черти безпатыми (I, 46).

Преданіе о построеніи Новомосковскаго собора. Св. Николлай указалъ мастеру Погребняку, какъ строить церковь. Легенда, какъ указываетъ г. Э., взята имъ изъ „Церков. памятниковъ Запорожья“ Надхина.

Разсказы Самойла Пруса 80 л. о набѣгахъ татаръ, о сторожѣ запорожской и насмѣшливая пѣсня „Славни хлопци за-

порожцы" (известная: запорожцы не видали ни церкви, ни попа, за церковь принимали скирду сѣна, а за попа козла). Преданіе о сажаніи на колъ (стовпова смерть) и о томъ, что отъ такой казни освобождали, если дѣвушка заявляла о своемъ желаніи выйти замужъ за приговореннаго къ казни (108—111).

Описаніе хаты и вечера у дѣда Дмитра Бута, хранителя преданій, свѣдѣніями котораго ранѣе уже пользовался Я. П. Новицкій. Сказанія Бута о запорожской фаунѣ (зайцахъ, волкахъ, желтобрюхахъ) (152—158).

Приказа о водкѣ безъ обозначенія, когда и отъ кого записана, нѣсколько, можетъ быть, приукрашенная: „Хто ты?“—Оковыта. „А зъ чого ты?“—Изъ жита. „А звидѣлиа ты?“—Изъ неба! „А куды ты?“—Куды треба. „А билетъ у тебе є?“—Ни, нема!—Такъ отъ тутъ-же тобі тюрма! (выпивается).

Преданіе о происхожденіи мѣстныхъ названій скалъ, пороговъ и пр. I, 191, 219 и др., мелкія и малозначительныя.

Разказы о знахарствѣ запорожцевъ I, 255, какъ они переливались въ рѣчу, плавали на войлокѣ, ловили пули, замутивали въ степи бабъ („смакували“).

Весьма обширными, содержательными и наиболѣе цѣнными въ историко-бытовомъ отношеніи представляются разказы дѣда *Ивана Инановича Россолоды* (II, 1—33). По сообщенію г. Э., Россолодѣ было около 116 лѣтъ, цифра, вызывающая сомнѣніе, особенно, если принять во вниманіе обиліе и свѣжесть историческихъ воспоминаній Россолоды. Въ началѣ (1—3) авторъ сообщаетъ свѣдѣнія о жизни этого замѣчательнаго старика, затѣмъ идутъ разказы Россолоды, что у запорожцевъ при крещеніи ребенка въ купѣль бросали порохъ, какъ возникло Запорожье изъ всякаго рода бѣглыхъ, о густотѣ травы (у воловъ тилько роги мріють), объ обиліи лѣсовъ, звѣрей, птицъ, пчель, рыбъ (о дикихъ коняхъ и лебедяхъ), о запорожцахъ лыцаряхъ и гнзидюкахъ, о битвахъ съ татарами и турками, объ избіеніи дѣтей татарскихъ (давили лавкой—общій мотивъ), о хвастовствѣ поляковъ, о пыткахъ и казняхъ, которыми подвергали запорожцы поляковъ и жидовъ, о пристрастіи запорожцевъ къ табаку, о запорожскихъ увеселеніяхъ, о музы

кальныхъ инструментахъ, занятіяхъ и ремеслахъ, объ устройствѣ куреней, бурдюговъ и зимовниковъ (цѣнныя подробности), о приготовленіи пищи и посудѣ, весьма подробныя сообщенія объ одеждѣ и оружіи (20—26), о деньгахъ, о кошевомъ, о наказаніи преступниковъ, о сложеніи пѣсенъ, о религіозности и построеніи въ Кіево-печерской лаврѣ иконостаса и о разореніи Сѣчи Екатериною.

Преданіе объ И. Д. Сиркѣ—родился съ зубами, застрѣлилъ чорта, ходитъ по свѣту до сихъ поръ (II, 76), о сѣдлѣ съ золотыми пуговицами и какъ присвоилъ его себѣ жидъ шинкарь (II, 78).

Разсказъ Прокопа Табуненка о томъ, какъ три чорта служили Грыцьку Горбатому, возили ему золото и потомъ, по его приказанію, обсадили Чортотмыцкую Сѣчу лѣсомъ (II, 89); сказаніе сложилось для объясненія названія Сѣчи и подъ вліяніемъ сказочныхъ мотивовъ о Маркѣ Богатомъ. Далѣе, Табуненко сообщилъ интересный новый варіантъ преданія о разореніи Сѣчи Екатериной, преданіе объ уходѣ подъ землю запорожской церкви и преданіе, что Галаганъ, разорившій Сѣчь въ 1709 г., знался съ чертами (II, 90—92).

Разсказы Сукура и Оникіенка о названіи казаковъ (начальникъ былъ козарь, имѣлъ тысячу козъ), о заселеніи Сѣчи дѣтьми, побѣдахъ надъ турками и ляхами, о томъ, какъ обѣдали запорожцы во дворцѣ длинными ложками (варіантъ у Новицкаго), насмѣшки надъ придворными, о нападеніи Потемкина на Сѣчь и уходѣ запорожцевъ. Потемкинъ приглашалъ ихъ возвратиться, но кошевой отвѣтилъ:—„Ой спасыби, тоби, Грыцьку, та за твою ласку, шо мы йлы на Велыкдень та гречану паску“ (II, 93—99).

Преданіе о гибели запорожскихъ лицарей (II, 153) замѣчательно, какъ южнорусская параллель къ былинамъ о томъ, какъ перевелись богатыри. Лицари изображаются настоящими богатырями (голова въ семь пудовъ, съ расправленными усами въ двери не войти, превращались въ котовъ, въ рѣчки, въ волшебныя зеркала видѣли, что дѣлается за тысячу верстъ, „знаюки“, „велыть-люди“). Царица рѣшила ихъ уничтожить. Они

рѣшили броситься въ рѣку Бугъ. Впереди выѣхали кошевой и есаулъ; они ударили рукой по камню, и на камень остались слѣды отъ руки, на память потомству. Закричали казаки пугу! пугу! и бросились съ конями въ воду, и теперь они еще плаваютъ на днѣ рѣки Буга. Присутствіе въ преданіи Буга напоминаетъ пѣсни о разореніи Сѣчи въ 1709 г. „Ишли наши славни запорожци по-надъ Богомъ рикою“ и др.

Сказанія о запорожскихъ *кладахъ* (II, 197—199), *флортъ* и *фаунъ* (II, 207), о мѣстныхъ названіяхъ (217, 222 и др.).

Весьма интересны *разказы* *Ивана Хотюна* о запорожцѣ и его женѣ чародѣйкѣ, о Семенѣ Паліѣ и Грыцькѣ Сагайдакѣ. Преданіе о Сагайдакѣ, чисто историческое (какъ нападали татары и потомъ запорожцы отнимали у нихъ плѣнниковъ), представляетъ варіантъ преданія, зап. Новицкимъ въ 10 № „Степи“, 1885 г. Въ литературномъ отношеніи любопытно преданіе о Паліѣ, обширное и содержательное (не отмѣчено въ обширной литературѣ предмета у В. В. Каллаша во II вып. „Этногр. Обзор.“ 1889 г.). Семенъ Палій въ молодости назывался Попильныкомъ („усе у попили валивсь“). Далѣе, какъ въ отмѣченномъ ранѣе варіантѣ г. Новицкаго, Палій застрѣлилъ черта, получилъ силу и долговѣчность (какъ мѣсяцъ измѣнялся, но не умиралъ), наводилъ на ляховъ „ману“, далѣе, какъ въ вар. Менчица, Палій замурованъ въ столбъ Мазепою, освобожденъ Петромъ Великимъ, помогъ ему одолѣть Мазепу. Интересна одна деталь, напоминающая былинку про Василия пѣйцу и думу про Михайлика. Палій выстрѣлилъ изъ своего ружья въ чарку Мазепы и попалъ въ нее, когда Мазепа подносилъ ее ко рту, мелкій варіантъ общераспространеннаго литературнаго мотива на тему о мѣткости стрѣльбы (II, 233).

Дѣлая общій обзоръ преданій и сказокъ, записанныхъ г. Эварницкимъ отъ стариковъ, нужно предпочтеніе отдать разсказамъ Россолоды, Табуненка и Хотюна.

Пѣсни, нашедшія мѣсто въ „Запорожьѣ“ г. Эварницкаго, большею частью фальшивыя. Есть выдержки изъ подлинныхъ напечатанныхъ думъ. Къ пѣснямъ авторъ отнесся невнимательно. Относительно печатныхъ, напр., „Днипре-брате“ (I,

253), отрывка пѣсни о казакѣ Голотѣ (I, 149) и думы о Байдѣ (I, 210), не указанъ источникъ, откуда онѣ взяты (Истор. пѣс. малор. нар.). Относительно нѣкоторыхъ новыхъ замѣчено только „народная пѣсня“, что не оправдывается содержаніемъ пѣсни. Въ I т. 60 стр. пѣсня „*А вже литъ билимъ двисти якъ козакъ въ неволи*“ несомнѣнно фальшивая, уже потому, что народные пѣвцы не знаютъ цыфровой хронологіи. Далѣе, жалоба казацкой доли, что она „пидъ великимъ калауромъ у тюрми“ также обличаетъ искусственную сочиненность пѣсни.

Въ I, 252 пѣсня „*Ой цукъ, маты, цукъ*“ также сомнительная. Странно, напр., выраженіе, что казаки „попередъ себе ляхивъ облавою пруть“.

Отрывокъ „*закряче воронъ степомъ летючи*“ (II, 36) или невѣрно переданъ, или кѣмъ либо приукрашенъ. Въ ней рядомъ идутъ воронъ, возуля, кречеты и орлы, что необычно для народной поэзіи; далѣе сомнительны стихи „закрюкють (?) кречеты сызи, зажахаются (?) орлы хыжи“.

Пѣсня про Сирка „*Ой якъ крыкне старый орелъ*“ (II, 74) записана г. Эварницкимъ въ с. Покровскомъ екатериносл. уѣзда. Г. Э. замѣчаетъ: „пѣсня, видимо, не народнаго склада“. Это сомнѣніе, вполне приложимое ко всѣмъ предыдущимъ народнымъ пѣснямъ въ „Запорожьѣ“, менѣе всего вызывается пѣснью о Сѣргѣ, сотканной изъ мотивовъ вполне народныхъ. Мнѣ представляются нѣсколько сомнительными только два выраженія (запорожье до Сирка „тнется“ и загудило „якъ Чорное море“).

Четверостишіе про запорожцевъ и Галагана, въ родѣ насмѣшки надъ запорожцами: „Ты казавъ, пане Галагане, що въ насъ вѣйска немає, а якъ вийде на таракана, такъ якъ макъ процвітає“ (II, 92). Тараканъ поставленъ вмѣсто собственнаго имени, и пѣсня въ устахъ запорожцевъ имѣла серьезное значеніе. Это четверостишіе представляетъ отрывокъ исторической пѣсни про разрушеніе Чертомлыцкой Сѣчи Яковлевымъ и Галаганомъ въ 1709 г., гдѣ оно звучитъ такъ: „Казавъ еси, пане Галагане, що у Сичи Москвы не має; колы гляну—помижъ бурынями якъ макъ процвітає“.

Отрывокъ народной пѣсни про козака бандуриста „*А въ емному лузи явиръ зелененькій*“ (II, 100).

Псевдо-народная пѣсня „*Ой піднявся орелъ зъ Велико-го Луку*“ (II, 142). Сочиненность видна въ цѣломъ и въ частяхъ пѣсни. Орелъ созываетъ орлятъ, чтобы полетѣть „на ридны (?) могилы, бо тѣи могилы славу нашу вкрылы“. Образы и обороты совсѣмъ чуждые народной поэзіи.

Четырестишіе *про Алешковскую Сѣчь* (II 144) также псевдо-народное. Высказывается недовольство Алешками, причемъ Алешковская Сѣчь названа „поганой лычиной“ — дѣло неумѣлаго фальсификатора.

Несомнѣнно народная пѣсня *о паденіи Запорожья*: „Ой зъ-пидъ города, зъ-пидъ Елизавета“ (II 163).

Также несомнѣнно народная пѣсня *про Калнышевскаго*, небольшая, „Ой полеты ты, черная галко, та на Динь рыбы исты“ (II 178); буквально сходна съ пѣсней у Максимовича (изд. 1837 г.) на стр. 128; у Максимовича только вмѣсто Калныша стоитъ „кошевой“. Г. Э. записалъ эту пѣсню въ Богодарѣ александ. у. Екатер. губ.

Пѣсня о паденіи Запорожья (II 189), народная извѣстная уже въ печати: „Та ще не свить“ и проч.

Большая народная пѣсня „Свить великий“ *про паденіе запорожья*, зап. г. Эварницкимъ въ с. Писаревкѣ харьковскаго уѣзда (II 201—202). Варіанты этой пѣсни отмѣчены нами въ статьѣ о г. Новицкомъ при разсмотрѣніи пѣсни о Харькѣ.

Народная пѣсня „*Та черная хмара наступае*“ — варіантъ извѣстной думы о Ганжѣ Андыберѣ, взята изъ какого-то печатнаго изданія (см. *Костомарова*, Ист. казач. 197).

Въ предисловіи къ „Запорожью“ г. Эварницкій говоритъ, что имъ записана для отдѣльнаго изданія тысяча пѣсентъ. И къ этимъ неизданнымъ матеріаламъ позволимъ себѣ примѣнить высказанное уже однажды нами пожеланіе, чтобы пѣсни были издаваемы не въ сыромъ видѣ, а съ критикой и разборомъ, съ устраненіемъ извѣстнаго и псевдо-народнаго. Въ настоящее время доброкачественность изданія уже не можетъ быть измѣряема объемомъ, а исключительно критическими приѣмами.

Интересные этнографическіе матеріалы были напечатаны г. Эварницкимъ въ Екатеринославскихъ Губ Вѣд., именно раз-

сказы о кладахъ, какъ найти ихъ (1889 № 49), двѣ сказки о дурнѣ и своенравной женщинѣ, присказка до нюхарей (1889 №№ 60 и 63) и нѣсколько заговоровъ (1890 № 43). Матеріалъ записанъ хорошо. Изъ этихъ записей значительный интересъ представляетъ присказка до нюхарей, записанная г. Эварницкимъ въ Екатеринославской губ. отъ крестьянина Василя Бережного. Заглавіе присказки не совсѣмъ точно передаетъ ея содержаніе. О нюхаряхъ говорится только въ началѣ присказки; затѣмъ слѣдуетъ юмористическій рассказъ на некрасовскую тему „Кому на Руси жить хорошо“. Разсказчикъ, прежде чѣмъ начать свою присказку, вынимаетъ изъ праваго кармана своихъ шароваръ длинный рогъ съ табакомъ, постукиваетъ имъ о колыно, нюхаетъ, потчиваетъ другихъ и затѣмъ начинаетъ присказку: „А сходятесь, люды добры, табаки понюхаты, а рады послухаты“. Разсказчикъ говоритъ далѣе, что встрѣтилъ старика, разговорился съ нимъ объ употребленіи табаку, причемъ оказалось, что на Украинѣ табаку „только те и не вжива, шо въ колысци спочива“. Но и для „малой дытны“ приготовлена „роговына“ (нюхаютъ изъ рога). Затѣмъ рѣзкій скачокъ на эту „дытну“. Идетъ „маненькій хохольчикъ“ сначала въ школу; здѣсь его бьетъ дьяконъ; мальчикъ бросаетъ школу и поступаетъ къ сапожнику, потомъ переходитъ къ ткачу, отъ ткача уходитъ въ городъ на легкіе заработки; но и въ городѣ ему не понравилось; онъ попадаетъ въ село въ „русскіе попы“ безъ знанія грамоты и устанавливаетъ большіе поборы (со двора по коровѣ, волю, овцѣ и пр.). Прослуживъ 5 лѣтъ попомъ, онъ ушелъ изъ села, поссорился со своими сыновьями и очутился въ хатѣ слушателя присказки. Эта повѣсть замѣчательна въ томъ отношеніи, что въ нее вошло нѣсколько „нисенитницъ“, отчего и вся повѣсть получаетъ характеръ „нисенитницы“. Подъ такой литературной формой скрыта сатирическая основа повѣсти, и скрыта настолько удачно, что повѣсть можетъ безпрепятственно фигурировать въ печати,—рѣдкое проявленіе въ народной словесности прикровенной формы рѣчи.

Въ повѣсть вошли слѣдующія нисенитницы: 1) молодецъ идетъ въ городъ Быльци; тамъ дурныи людцы косою цыбулю

косать, вилами борщъ носить, 2) потомъ онъ идетъ въ городъ Вонгарь, тамъ новый анбаръ, вилъ печеный, чесныкъ товченый; стремить низъ — отрижъ та ижъ; 3) поступаетъ попомъ въ церковь, которая „зъ варениковъ злиплена, млынцями верыта“ и пр., 4) видитъ попа — „якъ яшний снипъ“ и пр. и 5) когда уходилъ изъ села, то сыновья его посадили на смоляного коня, который растаялъ отъ солнечныхъ лучей.

Г. Эварницкій находитъ, что „Присказка до нюхарей—малорусское Горе-Злосчастіе, переданное лишь въ простой, безъ поэтическихъ красотъ, формъ и не съ такимъ глубоко-трагическимъ содержаніемъ, зато съ неподражаемымъ малороссійскимъ юморомъ“. Съ своей стороны мы настолько высоко ставимъ повѣсть о Горѣ-Злосчастіи, какъ памятникъ нравственно-философскій, что „Присказку до нюхарей“ устранимъ отъ серьезнаго съ нимъ сопоставленія. Юморъ „присказки“ грубоватый, особенно во второй ея половинѣ, въ отношеніи малорусскаго „молодца“ въ церкви и духовенству. Нельзя сказать, чтобы эта грубость проявилась исключительно въ „присказкѣ до нюхарей“. Есть и другія подобныя присказки и пѣсни, болѣе слабыя, короткія, а подчасъ и болѣе грубыя, напр., записанныя г. Манжурой въ екатеринославской губ. Пѣсни „Якъ бувъ соби чоловікъ пророка“, „Якъ пишовъ я лужкомъ—бережкомъ“ (краткій варіантъ присказки).

Присказка до нюхарей, записанная г. Эварницкимъ, представляетъ лучшее проявленіе того новаго рода народной словесности, который мѣстами носитъ названіе „бесѣды“ и въ печати представленъ весьма незначительнымъ числомъ записанныхъ пѣсенъ—разсказовъ. Это нѣчто среднее между пѣснею и повѣстью, съ сатирическимъ элементомъ, съ насмѣшками мужа надъ панами, духовными лицами, иногда надъ самимъ собой, своей недолей. Языкъ большею частью неправильный. Стихъ невыдержанный. Содержаніе грубоватое. Нѣсколько такихъ неизданныхъ пѣсенъ мы имѣемъ подъ руками въ сборникѣ г. Манжуры, принадлежащемъ харьковскому историко-филологическому обществу. Пѣсни эти имѣютъ характеръ отдѣльных частей или обрывковъ „Присказки до нюхарей“, въ

отдѣльности гораздо болѣе грубыхъ. Въ сборникѣ этнографическихъ матеріаловъ липовецкаго у. кiev. губ. въ VIII т. „*Zbiór wiadomości*“ 229—233 находится три такихъ бесѣды: 1) Бесѣда про волостнаго пана и старосту (насмѣшки надъ сельскими властями и панамн), 2) Бесѣда про мужицкое горе (измѣна жены; жалобы на сельскихъ священниковъ; жалобы на панщину; на побой отъ пановъ и ихъ приказчиковъ), и 3) Бесѣда про парубоцьки заробитки (краткое описаніе одежды бѣдняка). Къ разряду такихъ же бесѣдъ принадлежитъ сказка о Кирикѣ и подобныя въ *Zbiór wiadomości* IX, 149—152 и въ „*Малор. народ. пред.*“.

Пѣсни или точнѣе стихотворныя повѣсти „бесѣды“ въ новѣйшее время записаны также у поляковъ, притомъ поляковъ далекаго запада (въ Силезіи). По стихотворному складу, по обычаю болѣе декламировать, чѣмъ пѣть, отчасти по содержанію польскія „бесѣды“ сходны съ малорусскими. Въ польскихъ бесѣдахъ нѣтъ той бойкой, а мѣстами злой сатиры, какая пробивается въ бесѣдахъ малорусскихъ. Въ польскихъ болѣе жалобъ и сѣтованій, напр., пѣсня объ инженерахъ болѣе походить на малорусскую пѣсню—виршу: „Нема въ свити правды“, чѣмъ на бесѣду: „*W świecie wszędy prawda mała; już ją fałesz owładła... nie uważa pan siedlaka, gdy nie zarobi piętaka...*“... Прусскій полякъ въ „*Pieśń o naszej biedzie*“ жалуется:

Zatym nastal czas takowy,
Piszą swinie, konie, krowy,
Piszą owcy i barany
Coż poczniemy z temi pany?
Nie śmie złapać w lesie ptaka,
Ani ryby, ani raka,
Nie śmie w lesie krowy popaść,
Bo cie gajny hned chce dopaść ...
Bożel zmiłuj się nad nami,
Bychmy mogli żyć z panami (*Zbiór*. IX, 279).

Присказка до нюхарей, при всей грубости ея тона и неправильностяхъ языка, сравнительно съ малорусскими и польскими бесѣдами выдается по внутренней силѣ, величинѣ и цѣльности. Оригинальна въ ней комбинація частей, соединеніе

въ одно цѣлое нѣсколькихъ сказочныхъ мотивовъ, быть можетъ, съ мѣстными бытовыми примѣненіями или намеками. Не слѣдуетъ, однако, думать, что главная часть присказки (разсказъ о томъ, какъ невѣжественнаго молодца въ поны поставили) оригинальна. Г. Эварницеій напрасно усматриваетъ въ „русскомъ попѣ“ раскольничьяго попа. Мы, кажется, будемъ ближе къ истинѣ, если, устранивъ въ данномъ случаѣ всякія бытовыя или историческія приуроченія, весь разсказъ о томъ, какъ малорускаго молодца въ русскіе попы поставили, примемъ за весьма распространенный литературный мотивъ изъ весьма распространенныхъ сказокъ про дурныхъ людей или глупыхъ народовъ. Существовали такія сказки еще въ древней Греціи (абдериты) и въ древней Руси (лѣтописныя сказанія о печенѣгахъ). Въ новое время записаны въ разныхъ мѣстахъ Россіи (*Аванисъевъ*, *Чубин.*, *Мошинская* и др.), у поляковъ (*Zbiór wiadom* VIII), у французовъ (сборники *Bladé*, *Sauvé* и др.), на Кавказѣ (*Сборн. матер.* VII) и др. Сказки о глупыхъ людяхъ состоятъ обыкновенно въ томъ, что сынъ (или мужъ), считая родителей (или жену) глупыми, ищетъ болѣе разумныхъ людей и находитъ еще болѣе глупыхъ, между прочимъ, находитъ глупыхъ литвиновъ (т. е. бѣлоруссовъ), напр. въ малорусской сказкѣ г-жи *Мошинской* въ *Zbiór wiadom*. IX, 143, которые избираютъ бѣзграмотнаго героя сказки въ попы за то, что онъ прорубилъ окна въ новоотстроенной церкви. Наряду съ 5 писанитницами въ присказку, слѣдовательно, вошла также сказка о литвинахъ.

М. А. Андріевскій

Въ фольклористикѣ, болѣе чѣмъ въ какой-либо другой наукѣ, возможны научно-популярныя изслѣдованія, и здѣсь они болѣе чѣмъ гдѣ-либо умѣстны и желательны. Современное народоизученіе нуждается еще въ сыромъ матеріалѣ, и такой матеріалъ все болѣе и болѣе нагромождается. Чувствуется, съ одной стороны, настоятельная потребность въ общественномъ сочувствіи и поддержкѣ, съ другой—необходимость по возможности регу-

лизовать такую поддержку указаніемъ правильныхъ методическихъ приѣмовъ и опредѣленіемъ главныхъ потребностей науки. Къ сожалѣнію, такихъ указаній сдѣлано мало. Научная критика, дѣльная и спокойная, въ нашей печати составляетъ рѣдкое явленіе. Отъ развитія въ обществѣ интереса къ исторіи и этнографіи зависитъ успѣшное развитіе историческихъ и этнографическихъ изданій, появленіе этнографическихъ музеевъ, выставокъ, стѣздовъ и тому подобныхъ несомнѣнно просвѣтительныхъ учреждений. Въ то же время, несомнѣнно, что интересъ къ исторіи, этнографіи, антропології и др. социальнымъ наукамъ можетъ развиваться лишь при живомъ общеніи специалистовъ съ интеллигентнымъ обществомъ, при доброжелательномъ отношеніи присяжныхъ дѣателей науки къ научно-популярной литературѣ и при благоразумной сдержанности постоянныхъ журнальных обозрѣвателей.

Понятіе о научно-популярной литературѣ въ приложеніи къ точнымъ и выработаннымъ наукамъ, напр.—астрономіи, можетъ опредѣляться иначе, чѣмъ по отношенію къ новымъ не исполнѣ еще установившимся отраслямъ знанія, напр.—фольклору. Въ послѣднемъ случаѣ мы считаемъ недостаточнымъ популярную передачу добытыхъ свѣдѣній. Въ научно-популярныхъ этнографическихъ изслѣдованіяхъ, при первомъ и необходимомъ условіи—ясности изложенія, на ряду съ извѣстными фактами должны быть неизвѣстные, или извѣстнымъ фактамъ должно быть дано такое освѣщеніе, какое даетъ имъ вся совокупность мѣстныхъ жизненныхъ условій.

Въ научно-популярной литературѣ по фольклору имѣютъ, кромѣ того, большое значеніе два обстоятельства, несуществующія для другихъ отраслей научно-популярной литературы: что и гдѣ популяризуется, другими словами—выборъ темы и мѣсто изданія статьи. Этими обстоятельствами опредѣляется многое: пониманіе статьи, степень возбуждаемаго ею въ обществѣ интереса, возможность воздѣйствія ея на развитіе мѣстныхъ научныхъ разысканій. Напримѣръ, безразлично—гдѣ выйдутъ статьи объ олонекскихъ сказителяхъ, о малорусскихъ кобзаряхъ, о коломийкахъ, о заплаткахъ, о думахъ—однѣ статьи будутъ понятнѣе

и плодотворнѣе на сѣверѣ, другія на югѣ. Можно, напримѣръ, на югѣ еще говорить въ научно-популярной книгѣ „о пивничномъ океанѣ“, какъ неизмѣнномъ и вѣчномъ явленіи природы, хотя, быть можетъ, статья о морѣ Черномъ или Азовскомъ была бы и здѣсь болѣе умѣстна; но напрасная трата времени и средствъ распространяться здѣсь о временномъ и измѣнчивомъ культурномъ явленіи, напр., дѣвичникѣ, свадебныхъ плачехъ, люкшинѣ прячѣ или турпанѣ (свадебные хлѣбы). Съ другой стороны, для сѣверянъ мало интереса и мало пользы представляли бы, напримѣръ, статьи о забытыхъ здѣсь давно яичныхъ писанкахъ, особенно на дальнемъ сѣверо-востоцѣ, гдѣ самое куриное яйцо, по мягкости скорлупы, не годится для окраски. Научно-популярная литература по фольклору, абсолютно не признающая мѣстно-этнографической точки зрѣнія, легко можетъ превратиться въ собраніе курьезовъ и раритетовъ.

Установленіе этихъ общихъ требованій считаемъ не лишнимъ предпослать разсмотрѣнію брошюры М. А. Андріевского о думѣ про азовскихъ братьевъ. На мой взглядъ, сочиненіе это представляется весьма полезнымъ въ научно-популярномъ отношеніи, не смотря на неполноту и погрѣшности въ объясненіи нѣкоторыхъ частныхъ думъ.

Въ III т. „Истор. русск. этногр.“ А. Н. Пыпина М. А. Андріевскій не упоминается. Довольно подробная біографія М. А. Андріевского, по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ брата его А. А. Андріевского, напечатана въ I т. „Крит.-біографич. словаря“ Венгерова, стр. 963—964. Въ настоящемъ случаѣ мы заимствуемъ изъ этой біографіи нѣсколько главныхъ фактовъ. Митрофанъ Александровичъ Андріевскій, сынъ священника, родился въ г. Каневѣ кievской губ., получилъ образованіе въ кievской 2 гимназіи и потомъ въ университетѣ, гдѣ окончилъ курсъ кандидатомъ по историко-філол. факультету въ 1862 г. Въ 60-хъ годахъ онъ былъ учителемъ русск. словесности въ ровенской гимназіи, потомъ въ коростышевской учительской семинаріи, въ 70-хъ—въ екатеринославскомъ реальномъ училищѣ, съ 1885 г. инспекторомъ народныхъ училищъ въ г. Мелитополѣ. Скончался въ 1887 г. У М. А. Андріевского была склонность къ науч-

нымъ занятіямъ, но разныя житейскія невзгоды и кочевая учительская жизнь помѣшали ему заявить себя крупными научными трудами. Съ университетской скамьи у М. А. были двѣ излюбленныя темы: изслѣдованіе малорусскаго глагола и изслѣдованіе текста Слова о Полку Игоревѣ. Последнее изслѣдованіе выразилось въ 2 печатныхъ выпускахъ. Здѣсь много произвольныхъ и ошибочныхъ толкованій текста. Въ „Кіев. Старинѣ“ М. А. напечаталъ нѣсколько статей по южно-русской исторической топографіи (1882, № 9, 1883, № 9—10 и 1885 № 6).

Въ основу статьи объ азовскихъ братьяхъ легла публичная лекція, прочитанная 20 марта 1883 г. въ г. Екатеринославѣ съ благотворительной цѣлью. Выборъ темы весьма удачный. Сцена дѣйствія въ думѣ—восточная часть екатеринославщины; вся историческая и бытовая обстановка думы отчасти можетъ быть разъяснена тѣми историческими преданіями, которыя до сихъ поръ сохранились въ наднѣпрянскихъ селахъ екатеринославской губ., въ окрестностяхъ самаго Екатеринослава. Исполненіе также удачное. Наряду съ извѣстными данными, которыя авторъ располагаетъ въ ясномъ, систематическомъ порядкѣ и излагаетъ яснымъ языкомъ, идутъ интересные научные комментаріи, освѣщающіе думу въ цѣломъ и въ частяхъ, съ сохраненіемъ жизненнаго ея колорита.

Малорусскія думы и колядки, болѣе чѣмъ какіе-либо другіе отдѣлы народной словесности, заслуживаютъ популяризаціи въ виду ихъ высокихъ художественныхъ достоинствъ и глубоко проникающаго ихъ чувства человѣколюбія. „Истинная жизнь, говоритъ гр. Л. Н. Толстой (въ „*Ma religion*“), есть та жизнь, которая прибавляетъ нѣчто ко благу, собранному поколѣніями прошедшими, которая умножаетъ это наслѣдство въ настоящемъ и завѣщаетъ его поколѣніямъ будущимъ“. Относительно эпическаго творчества прямая преемственная нить потеряна безвозвратно; но возможно еще удержать и распространить его нравственные элементы въ хорошо поставленной народно-популярной и педагогической литературѣ. Здѣсь уместно привести слѣдующее замѣчаніе знаменитаго покойнаго слависта Миклошича: „Съ теченіемъ времени, когда подъ вліяніемъ наступа-

тельнаго движенія цивилизаціи заглухнуть послѣдніе звуки эпическихъ пѣсенъ, дѣти новаго времени стануть обращаться къ этимъ прекраснымъ созданіямъ народной мысли и фантазіи и въ эпическихъ пѣсняхъ переживать свою молодость и юность своего народа (*Miklosich, Die Serbische Epik, 3*).

Для Россіи сѣверной и южной наступило уже такое время. Сказители и кобзари отошли въ область историческаго прошлаго; но значительная часть ихъ прекраснаго достоянія закрѣплена въ печати, и теперѣ представляется вполне умѣстнымъ и своевременнымъ дать этому достоянію широкое распространеніе доступными книжными средствами. Относительно великорусскаго эпоса такое дѣло уже начато и ведется довольно успѣшно, чего нельзя сказать про памятники болѣе художественнаго и болѣе сильнаго нравственными элементами эпоса малорусскаго. Составители и издатели дѣтскихъ книгъ давно уже обратили вниманіе на русскія былины, и главнѣйшія былины нѣсколько разъ изданы въ передѣлѣ и въ пересказахъ. Сначала появились пересказы отдѣльныхъ былинь: „Добрыня Малковичъ“ *Разина*, „Послѣдняя богатырская дружина“ *Разина*, „Илья Муромецъ“ *Острогорскаю*. Книжки эти вышли въ концѣ шестидесятыхъ и въ семидесятыхъ годахъ. Въ нихъ отмѣчены выдающіеся моменты дѣятельности Добрыни и Ильи. Авторы кое гдѣ вставили собственные стихи въ духѣ былинь. Въ 1880 г. вышелъ уже сводъ изданныхъ образцовъ народной эпической поэзіи, — „Книга былинь“ — *Авенаріуса*. Появленіе этого свода былинь, предназначеннаго для дѣтскаго чтенія, было привѣтствовано въ педагогической литературѣ, какъ явленіе радостное, удовлетворяющее потребности сближенія общества съ народомъ, и вскорѣ вызвало подражанія. Такъ за „Книгой былинь“ *Авенаріуса* послѣдовало изданіе редакціей журнала „Русскій начальный учитель“ составленнаго Бунаковымъ сборника былинь для народнаго чтенія, съ примѣчаніями, и изданіе Девріеномъ сборника народныхъ былинь въ пересказѣ *О. И. Шмидтъ-Москвитиною*. Послѣдній сборникъ представляетъ большой томъ, съ восемью хромофотографіями, исполненными по акварелямъ Н. Н. Каразина. Въ „Русскіе Богатыри“ *Москвитиною* вошло 15 былинь кievскаго

цѣла и 2 былины цѣла новгородскаго. Изданіе „Русскихъ Богатырей“ Москвитиною сопровождалось слѣдующей дѣльной по мысли рекламой: „Ребенокъ живетъ преимущественно чувствомъ, воображеніемъ, легко увлекается силою физическою, безъ труда чудесное, сверхъестественное признаетъ за дѣйствительное...; ему родственны произведенія народнаго чувства; онъ способенъ ихъ понять непосредственнымъ чувствомъ. Русскому ребенку особенно близки русскія былины. Въ нихъ выражается міросозерцаніе нашихъ предковъ, ихъ отношеніе къ природѣ, тѣ вѣрованія, стремленія, которыя легли въ основу народнаго міросозерцанія. Вотъ почему былины составляютъ необходимый воспитательный элементъ; чѣмъ полнѣе ребенокъ проникнется ихъ духомъ, чѣмъ точнѣе онъ ихъ усвоитъ, тѣмъ болѣе данныхъ постичь въ послѣдствіи индивидуальное возрѣніе русскаго народа. Національность одно изъ необходимыхъ условій здороваго воспитанія“. Это замѣчаніе, справедливое относительно былинь, съ полной основательностью можетъ быть приложено къ колыдакамъ и думамъ, какъ въ художественнымъ и правдивымъ произведеніямъ народнаго словеснаго творчества. Извѣстный переводчикъ Пушкина и Лермонтова нѣмецкій поэтъ *Фр. Боденштедтъ* при изданіи перевода избранныхъ народныхъ малорусскихъ пѣсенъ на нѣмецкій языкъ, „Die poetische Ukraine, eine Sammlung kleinrussischer Volkslieder“ (Stuttgart, 1845), замѣтилъ, что „ни въ какой другой землѣ дерево народной поэзіи не принесло такихъ величественныхъ плодовъ, нигдѣ духъ народа не запечатлѣлся такъ живо и свѣтло въ пѣсняхъ. какъ у малоруссовъ. Какое трогательное вѣяніе грусти, какія прямо человѣческія чувства высказываются въ пѣсняхъ, которыя козакъ поетъ на чужбинѣ! Какая нѣжность вмѣстѣ съ мужественною силою проникаетъ его любовныя пѣсни! Надо еще особенно выставить на видъ тактъ и цѣломудріе, которые господствуютъ въ этихъ пѣсняхъ“. *Лукичъ* въ *Slavische Blätter* говоритъ, что „народная поэзія малоруссовъ самая богатая въ Европѣ. Она отличается эстетическими достоинствами и поэтическимъ вдохновеніемъ, мѣткостью выраженія и имѣетъ въ себѣ нѣчто поднимающее, величественное, нѣчто чувствительно тро-

гательное, меланхолическое и живописное". *И. В. Яничъ* въ статьѣ „Дунай въ славянской народной поэзіи“ называетъ малорусскую народную поэзію самой богатой, задумчивой и прекрасной славянской народной поэзіей¹⁾. Подобнаго рода отзывы о малорусской народной поэзіи находятся въ сочиненіяхъ другихъ иностранцевъ, писавшихъ о Россіи, у Тальви, Рамбо, Ральстона²⁾.

Въ колядеахъ и думахъ заключаются прекрасные элементы для развитія въ молодежи гуманизма, ласки и привѣтливости, напр., въ колядочныхъ пожеланіяхъ добра, въ колядочныхъ описаніяхъ семейныхъ добродѣтелей (напр. у Головацкаго IV, 128—129), въ описаніи военныхъ доблестей, въ высокой постановкѣ въ думахъ матери.

Научно-популярной статьѣ М. А. Андріевского о думѣ про бѣгство трехъ братьевъ изъ Азова предшествовала одна попытка популизировать эту замѣчательную думу среди юношества—разумѣемъ пересказъ трехъ казацкихъ думъ о турецкой неволѣ, сдѣланный *А. Степовичемъ* въ изданномъ въ 1879 г. редакціей журнала „Женское Образование“ Сборникѣ статей и рассказовъ для юношества. Г. Степовичъ перевелъ прозой на русскій языкъ думы о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова, о Самуилѣ Кошкѣ и о Марусѣ Богуславкѣ, съ небольшимъ предисловіемъ. Въ „Сборникѣ“ статья г. Степовича ступована другими болѣе обширными статьями интереснаго историческаго содержанія („Магометанство и арабы *Ө. Булгакова*, *Микель Анджело А. Прахова* и др.). Статья г. Степовича исключительно популярная и ничего не вноситъ собственно для объясненія текста думъ. Авторъ и не задавался какими-либо научными цѣлями.

Иначе поставлено дѣло популяризаціи думы въ статьѣ М. А. Андріевского. Авторъ, подчеркивая въ предисловіи популярное назначеніе своей статьи, въ смыслѣ преднамѣреннаго выбора общезанимательной темы и общедоступнаго изложенія, въ то же время добавляетъ, что желаетъ „сохранить сколько-нибудь и характеръ научный“. И дѣйствительно, статья М. А.

¹⁾ *Archiv, fur. Slav. Phil.* 1876. I.

²⁾ *Записки Юго-Запад. Отд. Геогр. Общ.* т. II, стр. 48.

А. представляется полезнымъ научнымъ изслѣдованіемъ о думѣ про бѣгство трехъ братьевъ изъ Азова, а если принять во вниманіе, что объ этой думѣ въ научной печати есть только нѣсколько краткихъ замѣчаній Потебни, то статью А. можно признать почти единственнымъ научнымъ изслѣдованіемъ думы. Научное значеніе статьи обуславливается не столько малочисленными примѣчаніями, на которыя ссылается авторъ, сколько самой статьей, гдѣ подробно (на 68 стран.), ясно и послѣдовательно обозрѣно содержаніе думы и характерныя ея подробности.

Въ началѣ статьи находятся вступительныя замѣчанія о думѣ, ея вариантахъ и изводахъ, затѣмъ слѣдуютъ предварительныя географическія поясненія пути, которымъ бѣжали братья, и историческія поясненія времени возникновенія думы (въ XVI стол.), времени бѣгства (весной) и изложеніе самаго содержанія думы, въ которомъ авторъ различаетъ основную часть и заключительную. Въ основную часть входитъ описаніе бѣгства братьевъ по степи азовской (по мнѣнію А. на лѣвомъ берегу Дона, нынѣ задонской степи), въ зеленыхъ байракахъ (по Міусу, Калміусу и Волчьей рѣкамъ) и на Муравской дорогѣ (между Волчьей и Самарой). Авторъ при этомъ дѣлаетъ характеристику старшаго, средняго и младшаго брата. „Дума наша, говоритъ А., не описываетъ наружности братьевъ, тѣмъ не менѣе личности каждого изъ трехъ братьевъ по своимъ внутреннимъ душевнымъ качествамъ, обособляются или, какъ говорится, индивидуализируются съ поразительнымъ мастерствомъ. Дума слѣдитъ за малѣйшими душевными движеніями братьевъ, читаетъ сокровенное въ ихъ сердцахъ“. Въ заключительную часть А. относитъ пребываніе старшихъ братьевъ у Самары, на родинѣ и воспоминанія о младшемъ братѣ. Въ концѣ статьи авторъ слишкомъ много распространяется о призракѣ младшаго брата, упоминаемомъ мимоходомъ въ одномъ лишь вариантѣ думы.

Въ V кн. „Кіевской Старины“ 1884 года г. *Нейманъ* помѣстилъ обширную рецензію на статью Андріевского. Отзываясь съ похвалой о намѣреніи А. популяризировать думу о бѣгствѣ 3 братьевъ, г. Н. къ 9 вариантамъ думы, указаннымъ А., добавляетъ 10-ый Браецы во II т. Зап. юго-запад. отд.

Георг. Общ. и основательно отвергаетъ дѣленіе вариантовъ думы на три редакціи и дѣленіе содержанія думы на основную и заключительную части. Г. Нейманъ находитъ далѣе, что авторъ придаетъ слишкомъ много цѣны географическимъ названіямъ думы и по нѣкоторымъ сомнительнымъ пунктамъ (напр. Савуръ могилѣ) насильно сводитъ географическую терминологию думы къ современной картѣ. Далѣе г. Нейманъ также вполне основательно указываетъ на произвольную замѣну кукушки ласточкой, на ошибочное предположеніе о существованіи у турокъ срочной и безсрочной неволи и на нѣсколько мелкихъ погрѣшностей при переводѣ словъ „леліе“ (не чернѣетъ, а блеститъ) „вакуваты“ (корень слова латинскій, а не татарскій), „отцева-матчына молитва“ (молитву не объ отцѣ и матери, а о себѣ). Г. Нейманъ находитъ въ характеристикѣ братьевъ произвольныя подчеркиванія и ставитъ автору въ вину, что въ статьѣ нѣтъ ничего ни о формѣ думъ, ни о приѣмахъ эпического сравненія, ни о языкѣ.

Къ этимъ замѣчаніямъ мы добавимъ немного. При спеціальному изученіи думы о трехъ братьяхъ нужно имѣть въ виду историческія комментаріи Антоновича и Драгоманова, филологическія—Потебни и географическія—Андріевского. При всѣхъ этихъ замѣчаніяхъ остается еще довольно обширное поле для спеціального изученія этой въ высокой степени замѣчательной думы. Что въ особенности выдается въ этой думѣ—это общая историческая правда, рядомъ съ которой частныя характеристики имѣютъ мало значенія. Важно не то, что какихъ-то три брата бѣжало по описанному пути въ данной обстановкѣ, а то, что тутъ собраны всѣ характерныя черты всѣхъ побѣговъ малорусскихъ невольниковъ изъ азовскаго плѣна, что дана широкая и правдивая историческая картина страны и народа въ XVI ст. Самый основной мотивъ думы—три брата, по моему мнѣнію, не бытовой, а эпическій. Трудно допустить, чтобы три брата были въ одно время взяты въ плѣнъ, въ теченіе многихъ лѣтъ жили у одного хозяина, на одномъ мѣстѣ и бѣжали въ одно время, чтобы старшій былъ такъ безсердеченъ и жестокъ, а младшій такъ довѣрчивъ и добродушенъ. Я думаю, что и

здѣсь обнаружилось обычное въ пѣсняхъ и сказкахъ троеніе, что три брата думы такіе же, какъ въ сказкахъ, два жестокихъ, третій добрый. Троеніе захватываетъ многіе предметы (три дороги, три сада, три недоли и пр.), захватываетъ, между прочимъ, и семейно-родственныхъ лицъ. Извѣстны, напримѣръ, пѣсни о вдовѣ и трехъ ея дочеряхъ (въ *Zbiór wiadomości* VIII 42), о вдовѣ и трехъ ея сыновьяхъ (малорусская дума), болгарская колядка о трехъ братьяхъ (въ *Сборн. за нар. умотв.* VII, 15).

Въ предѣлахъ содержанія думы заслуживаютъ вниманія двѣ интересныхъ подробности—способы указанія пути сломанными вѣтвями и кусками платья. Любопытно было бы сопоставить ихъ съ другими архаическими способами извѣщенія, криками (слава! караул!), свистами, сожиганіемъ костровъ (позднѣе смолянскихъ бочекъ), зарубками на деревѣ. Любопытно, что обычай обозначить путь по зарубкамъ на деревѣ упоминается въ малорусскихъ актахъ XVI вѣка.

Францъ Ржегоржъ.

Имя г. Ржегоржа совсѣмъ неизвѣстно въ научной русской литературѣ. По крайней мѣрѣ, я не встрѣчалъ его ни разу ни въ Исторіи рус. этнографіи г. Пыпина, ни въ обстоятельныхъ библиографическихъ отчетахъ Этнографическаго Обозрѣнія. Эта неизвѣстность г. Ржегоржа обусловливается тѣмъ, что онъ пишетъ исключительно о галичанахъ, пишетъ на чешскомъ языкѣ, въ чешскихъ болѣею частью малоизвѣстныхъ изданіяхъ. Но въ Галичинѣ хорошо знаютъ и высоко цѣнятъ г. Р., какъ трудолюбиваго, свѣдущаго и гуманнаго изслѣдователя мѣстной народной жизни. Въ 15 № „Зори“ за 1891 г. напечатана г. Белемъ небольшая біографія г. Ржегоржа и приложенъ портретъ. Къ сожалѣнію, это біографія жидкая; въ ней нѣтъ указаній, гдѣ напечатаны статьи г. Ржегоржа, нѣтъ обзора ихъ содержанія. Указанія этого рода тѣмъ болѣе умѣстны, что г. Белей, повидимому, находится въ близкихъ отношеніяхъ къ г. Ржегоржу и, главное, что труды г. Ржегоржа, между прочимъ,

печатались въ такихъ чешскихъ изданіяхъ, какъ Světozor, Zlata Praha, Lada, Vesna, Květy, Lumir, Ruch, изданіяхъ совсѣмъ неизвѣстныхъ въ Россіи. Г. Белей подчеркиваетъ доброжелательное отношеніе г. Ржегоржа къ галицко-русскому народу, что тѣмъ болѣе обязываетъ галицкаго писателя къ подробному обзору литературно-научной дѣятельности г. Ржегоржа. Затѣмъ, помимо доброжелательства, статьи г. Ржегоржа представляются интересными съ научной точки зрѣнія. На мой взглядъ, такая статья, какъ печатаемая въ настоящее время въ Osvěta, объ отношеніи галицкихъ жиловъ къ русинамъ, представляетъ высочайшій интересъ, этнографическій и соціальный, и по изложенію, и по содержанію, можетъ быть признана образцовой научно-популярной статей.

Ф. Ржегоржъ—чехъ по происхожденію, медикъ по специальности. Онъ родился въ 1857 г. въ Чехіи въ крестьянской семьѣ, получилъ образованіе на родинѣ (въ краледворской гимназіи), въ 1877 г. переселился въ Галицію и здѣсь занялся сельскимъ хозяйствомъ, сблизился съ малорусскимъ народомъ, полюбилъ его и посвятилъ рядъ статей описанію его быта. Г. Белей упоминаетъ только о статьяхъ: „Pan i chlop v rusinske vsi v Haliči“, „Prochazka rusinskou vsi“, „Rusinsky zahorodnyk“, „Rusiny v domacim hospodarstvi“ и „Ze života židův mezi Rusiny“. Годи намъ, говоритъ г. Белей, наводьты ось-тутъ вси писаня Ф. Ржегоржа; есть ихъ дуже багато“.

Въ началѣ 1892 г. Ржегоржъ напечаталъ въ галицкихъ газетахъ воззваніе о доставленіи ему свѣдѣній по этнографіи Галицкой Руси, причемъ г. Р. сообщаетъ, что онъ готовится полное изданіе своихъ этнографическихъ статей о галицкой Руси на чешскомъ языкѣ. Первый томъ онъ предполагаетъ посвятить описанію галицко-русской свадьбы и обычаевъ, связанныхъ съ различными днями церковнаго года по уніатскому календарю. Особенное значеніе г. Р. приписываетъ народнымъ обычаямъ русскихъ горцевъ подъ Бескидами (Славян. Обзор. 1892 г. II 289).

Мнѣ извѣстны двѣ статьи г. Р.: „Lidova lečba u haličských Malorusu“ въ „Časopis Musea českého“ 1891 г. LXV и „Židé v Haliči“ въ „Osveta“ 1892.

Въ статьѣ о народной медицинѣ галицкихъ малоруссовъ перечислены, а мѣстами и описаны народныя лѣчебныя средства отъ головной боли, кори, оспы, рожи, коросты, опухолей, лишаевъ и др. Приведено нѣсколько заговоровъ, не представляющихъ чего либо оригинальнаго. Указано много лѣчебныхъ травъ. Вообще, эта статья составляетъ полезный вкладъ въ малорусскій фольклоръ. Въ послѣднее время въ западной Европѣ и въ Россіи обращено серьезное вниманіе на народную медицину. Въ научной литературѣ извѣстны довольно крупныя сборники и изслѣдованія—*Блэка* (Black) объ англійской народной медицинѣ, *Рубіо*—испанской, *Яна* (и др.)—нѣмецкой, *Удзлы*—польской, *Флоринскаго*—о старинныхъ травникахъ и лѣчебникахъ, *Демича* о народномъ акушерствѣ и гинекологіи, *Дая* и *Аршинова*—о великорусской народной медицинѣ, *Чубинскаго* (въ „Трудахъ“) и *Коваленка* (въ *Этногр. Обзор.* 1891 г.) о малорусской.

Гораздо болѣе крупной статьей представляется статья объ экономическомъ и социальномъ положеніи евреевъ въ Галиціи въ 5, 6, 7 и 8 №№ „*Osvěta*“ 1892 года. Авторъ по личнымъ наблюденіямъ обрисовываетъ печальную картину поработенія и развращенія галичанъ, преимущественно лемковъ, въ рукахъ хищнаго еврейства. Главное социальное зло Галиціи, по словамъ г. Р., есть кабакъ, невысказанный здѣсь отдѣльно отъ еврея. Это очагъ лихоимства, пьянства, разврата и преступленія. Евреи спаиваютъ народъ всѣми средствами, поддерживаютъ и развиваютъ въ селахъ воровство, награждая дѣтей за покражу лицъ, укрывая конокрадовъ, передерживая и сбывая уворованныя вещи. Здѣсь все построено на обманѣ, начиная отъ фальшивыхъ мѣръ и вѣса. Еврейская корчма поглощаетъ въ 19 разъ болѣе средствъ, чѣмъ сколько идетъ на школу. Всякая заботливость объ экономическомъ, социальномъ, духовно-нравственномъ подъемѣ народа со стороны отдѣльныхъ лицъ изъ среды галицко-русской интеллигенціи идетъ въ разрѣзъ съ еврейскими интересами и встрѣчаетъ прямое противодѣйствіе со стороны евреевъ. Число евреевъ, ихъ благосостояніе увеличивается въ прямой ущербъ христіанскому земледѣльческому населенію страны.

Содержание.

Введение	I—IV
А. А. Томебу	3—75
П. В. Иванов	75—114.
И. И. Мануэра	114—130.
А. П. Говинин	130—146.
Д. И. Евдокимов	146—157.
М. А. Андриевский	157—166
Примечания	166—168

СОВРЕМЕННАЯ
МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ.
Вып. 2.

Н. О. Сумцова.

Оттисекъ изъ журнала „Кіевская Старина“.

Printed in Russia.

КІЕВЪ.

Типографія „Корчакъ-Новицкаго“ Михайловская ул., л. № 4-й.
1897.

0

СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ.

Н. Э. Сумцова.

Оттисекъ изъ журнала „Кіевская Старина“.

КІЕВЪ.

Типографія „Корчакъ-Новицкаго“ Михайловская ул., д. № 4-й.
1897.

Дозволено цензурою Кіевъ, 1 февраля 1897 года.

СОВРЕМЕННАЯ МАЛУРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ КО ВТОРОМУ ~~выпуску~~ *выпуску*.

Прошло около двухъ лѣтъ со времени выхода въ свѣтъ перваго выпуска „Соврем. малор. этнографіи“. Одинъ изъ дѣятелей этнографіи, сочиненія которыхъ были нами разобраны, И. И. Манжура скончался. П. В. Ивановъ и Я. П. Новицкій дали новые цѣнные сборники—первый продолженіе разработаннаго нами сборника малорусскихъ легендъ (нап. въ Этногр. Обзор. 1892 и 1894 д.), второй,—сборникъ малорусскихъ, преимущественно историческихъ пѣсенъ (изданъ въ VI т. Сборника харьк. истор.-фил. общ. 1894 г.). Послѣ Манжуры осталось еще три сборника: небольшой сборникъ сказокъ и приговоровъ (нап. въ VI т. Сборн. харьк. ист.-фил. общ. 1894 г.), обширный сборникъ пѣсенъ, большею частью впрочемъ извѣстныхъ (принадлежитъ харьк. ист.-фил. обществу, предполагенъ къ изданію по частямъ) и сборникъ народныхъ циничныхъ разсказовъ, неудобный для печати, мѣстонахожденіе котораго не извѣстно.

Настоящій выпускъ составляетъ продолженіе перваго. Въ него войдутъ этнографическія статьи и сборники, русскіе и польскіе. Послѣдніе не такъ многочисленны и не такъ важны, чтобы выдѣлять ихъ въ особый выпускъ, какъ первоначально я предполагалъ. Польскіе сборники даютъ лишь сырой матеріалъ: мы посвятимъ имъ двѣ или три главы въ видѣ библиографическаго обзора.

П. И. Житецкій.

Въ III т. „Исторіи русской этнографіи“ А. Н. Пыпина (стр. 375—376) находится біографія Пав. Игн. Житецкаго и краткій обзоръ его историко-литературныхъ и филологическихъ трудовъ. Въ исторіи изученія малорусскаго языка сочиненія г. Ж. имѣютъ важное значеніе; но собственно къ этнографіи они не относятся. Исключеніе можно сдѣлать лишь для послѣднѣйшаго труда г. Ж. о думахъ. Этотъ трудъ прежде всего историко-литературный; но и для этнографіи онъ не лишень значенія.

„Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ“ печатались по частямъ въ „Кіев. Старинѣ“ 1892 г., причемъ трудно было услѣдить за ходомъ мысли автора, и отдѣльныя части казались безсвязными. Въ 1893 г. „Мысли“ вышли отдѣльной книгой (въ 249 стр.) съ посвященіемъ памяти А. А. Котляревскаго, и въ такомъ видѣ сочиненіе производитъ хорошее впечатлѣніе. Сочиненіе это, несомнѣнно, стоило автору многихъ лѣтъ труда и тщательныхъ размышленій, и потому, естественно, мы должны отнестись къ нему съ надлежащей внимательностью. Настоящая наша статья предупреждена цѣлымъ рядомъ краткихъ журнальныхъ критическихъ замѣтокъ, изъ которыхъ наиболѣе характерными представляются слѣдующія:

Проф. Соболевскій во II кн. „Живой Старинѣ“ 1893 г. напечаталъ очень краткую (въ 4 странички) и въ тоже время очень высокоумѣрную по тону замѣтку, въ которой утверждаетъ, что „единственное достоинство этихъ мыслей (основное положеніе г. Ж. о связи думъ съ школьной наукой)—ихъ новизна“. Критикъ, очевидно, „новизну“ считаетъ какимъ-то недостаткомъ, точно для всякаго ученаго обязательны проторенные и избитые пути. Далѣе критикъ развязно принимаетъ думы подъ свое покровительство: „Мы надѣемся защитить отъ него думы, говоритъ г. Соболевскій, и освободить отъ возведеннаго на нихъ обвиненія въ тѣсной связи ихъ съ виршами“ (Жив. Стар. стр. 250). Г. Соболевскій напрасно беретъ на себя роль защитника въ такомъ дѣлѣ, гдѣ нѣтъ подсудимаго. Въ дѣйствительности, г. Житецкій даетъ думамъ важную историческую постановку

и признаетъ за ними высокое значеніе памятниковъ совмѣстнаго творчества старинной малорусской интеллигенціи и народа. Завбота г. Соболевскаго объ отдѣленіи въ пѣсняхъ народности отъ литературныхъ вліяній, будто-бы принижающихъ народное творчество, отзывается чѣмъ-то ужъ слишкомъ устарѣлымъ.

Послѣ „критики“ г. Соболевскаго пріятно остановиться на краткой, но достаточно содержательной рецензіи г. Яича въ Archiv für slav. Philol. XV Heft 4 стр. 613—614). Рецензентъ находитъ, что „Мысли“ прекрасно написаны (das hübsch beschriebene Buch) что авторъ—„основательный знатокъ малорусской исторіи и народной словесности“ (gründlicher Kenner des kleinrussischen Volksthum, namentlich der Volksdichtung in ihrem Zusammenhang mit der Geschichte und den culturelleg Einflüssen), добавляетъ, что книга написана съ одушевленіемъ (sehr anziehend mit einem gewissen poetischen Schwung geschriebenen Werke) и въ частности одобряетъ мысль г. Ж. о связи думъ со школьной наукой (ein hübscher Gedanke).

Съ Яичемъ сходится А. Н. Пыпинъ въ небольшой, но мѣткой и содержательной рецензіи въ VI кн. „Вѣстника Европы“ 1893 г. И г. Пыпинъ признаетъ научныя заслуги г. Ж., называетъ его изслѣдованія „замѣчательными“ и въ частности о „Мысляхъ“ говоритъ, что это изслѣдованіе даетъ много любопытнѣйшихъ указаній, важныхъ именно тѣмъ, что кромѣ особенностей формы, они опираются на фактахъ старой малорусской книжной рѣчи и литературы“.

Нѣсколько специальныхъ замѣтокъ о малорусскихъ думахъ, по поводу сочиненія г. Житецкаго, будетъ сдѣлано нами въ другомъ мѣстѣ. Въ настоящей статьѣ ограничиваемся краткими замѣтками, насколько это необходимо для полноты общаго обзора современной малорусской этнографіи.

Первая глава названа: „строй рѣчи и поэтический стиль въ народныхъ малорусскихъ думахъ“ (стр. 1—38). Изученіе формальной стороны малорусской народной поэзіи, въ частности думъ, почти непочатое поле; одинъ Потебня (а за нимъ отчасти и г. Нейманъ) работалъ въ этой трудной области; все, что сдѣлано Потебней въ этомъ направленіи, весьма цѣнно въ науч-

номъ отношеніи; въ особенности цѣнны его обширныя замѣчанія о размѣрѣ малорусскихъ пѣсенъ, преимущественно колядокъ, и о запѣвахъ. Г. Житецкій выдѣлилъ для спеціальнаго изслѣдованія думы. Онъ говоритъ о неравномѣрности и подвижности стиховъ въ думахъ, обилии глагольныхъ риемъ, слитныхъ предложеній и синонимическихъ глаголовъ. Выборъ темы очень удачный; въ сожалѣнію, г. Житецкій обходитъ молчаніемъ такія важныя формальныя стороны, какъ повторенія, сравненія, общія мѣста, излюбленные тропы и фигуры. При опредѣленіи формальныхъ особенностей думъ не обращено вниманія на сродныя и сходныя явленія въ славянскомъ эпосѣ ¹⁾. Наконецъ, авторъ не выдерживаетъ формальной стороны изслѣдованія и въ концѣ главы переходитъ отъ поэтического стиля въ фактическому содержанію думъ. Кое-какія мелочи представляются несовсѣмъ ясными или недостаточно обоснованными въ научномъ отношеніи; такъ, примѣръ „проклятій“ въ думѣ на стр. 21 нѣ представляется неудачнымъ. Здѣсь простое порицаніе вѣры бусурманской; проявленіе имѣетъ своеобразный характеръ; встрѣчается оно изрѣдка и въ думахъ, напр., въ думѣ про вдову и трехъ ея сыновей и въ думѣ про Коновченка. Что касается до архаизмовъ въ лексическомъ составѣ думъ, то авторъ говоритъ о нихъ лишь мимоходомъ, и эта сторона думъ требуетъ спеціальной филологической разработки. Желательно видѣть болѣе цѣльный и болѣе подробный подборъ эпитетовъ; если бы малорусскіе эпитеты въ думахъ были сопоставлены и сличены съ сербскими и болгарскими, въ такомъ случаѣ они получили-бы весьма цѣнное научное освѣщеніе, и отчетливо опредѣлилось-бы, насколько они національны и насколько общенародны. Въ концѣ главы авторъ высказываетъ нѣсколько остроумныхъ замѣчаній о присутствіи въ думахъ книжныхъ церковно-славянскихъ элементовъ рѣчи, причемъ указываетъ на признаки школьныхъ вліяній въ языкѣ и стилѣ думъ. Какъ бы переходомъ къ послѣдующимъ главамъ служить слѣдующее основательное замѣ-

¹⁾ Автору, повидимому, неизвѣстны цѣнные труды по этой части Милонича и Зими.

чаніе г. Житецкаго, подтверждаемое не только думами, но еще въ большей степени колядками. „Въ старинной Малороссіи было живое общеніе между школой и народомъ. Много перекрестныхъ путей шло отъ народа къ школѣ и обратно; много людей двигалось по этимъ путямъ, внося въ школу народное міровоззрѣніе и вынося изъ нея научныя приемы мысли и рѣчи“. Авторъ допускаетъ вліяніе школьной прозы на языкъ думъ и, обратно, вліяніе поэтическаго стиля думъ на школьную рѣчь.

Гораздо интереснѣе слѣдующія двѣ главы—о странствующихъ школьникахъ въ старинной Малороссіи и о старинныхъ малорусскихъ виршахъ. Эти двѣ главы тѣсно связаны между собой и составляютъ какъ бы цѣлое самостоятельное изслѣдованіе, любопытное по о новнѣйшей идеѣ о взаимодѣйствіи школьныхъ виршъ и народныхъ пѣсенъ. Здѣсь много драгоценныхъ фактическихъ данныхъ, извлеченныхъ отчасти изъ богатыхъ матеріаловъ въ „Кіев. Старинѣ“, отчасти изъ рукописныхъ матеріаловъ, хранящихся въ Императорской публ. библ., архивѣ Е. Н. Скаржинской, въ кіевскомъ церковно-археологическомъ музее и въ кіево-михайловскомъ монастырѣ.

Во II гл. г. Ж. говоритъ о главныхъ составителяхъ виршей—странствующихъ школьникахъ и мандрованныхъ дьякахъ-пивоувѣзцахъ, объ отношеніи ихъ къ народу и, обратно, народа къ пивоувѣзамъ. Въ III обширной главѣ авторъ говоритъ о правоучительныхъ, правоописательныхъ и историческихъ виршахъ. Изъ виршей правоучительнаго содержанія отмѣчены вирши о смерти, страшномъ судѣ, правдѣ и вивидѣ; въ видѣ отдѣльнаго экскурса говорится о значеніи матери въ малорусской народной словесности и приведена дума о вдовѣ и трехъ ея сыновьяхъ; связь этой думы съ виршами представляется сомнительной. Въ отдѣлѣ виршъ правоописательныхъ рассмотрѣны рождественскія, воскресенскія и интермедіи, съ историко-бытовыми замѣтками о роляхъ крестьянина, козака и запорожца въ вертепной драмѣ. Въ отдѣлѣ историческихъ виршей отмѣчены „острожскій пламентъ“, *Duma kozackaia* и нѣкот. др.

Г. Житецкій рассматриваетъ вирши, какъ памятники самостоятельныя и оригинальныя, и часто даетъ къ нимъ историко-

бытового коментарія. Многое въ книгѣ г. Ж. получить совсѣмъ другое освѣщеніе, если принять во вниманіе, что и для малорусскихъ виршъ были свои западные образцы и оригиналы — мистеріи, легенды, пѣсни вагантовъ.

Нельзя не пожалѣть, что авторъ не сгруппировалъ всѣхъ данныхъ относительно главныхъ мотивовъ правоучительныхъ виршъ. Подборъ извѣстныхъ варіантовъ хотя бы одного мотива, напримѣръ, о томъ, чѣмъ душа согрѣшила, далъ бы точку опоры будущимъ изслѣдователямъ опредѣлить основной характеръ и частныя детали по сравненію пѣсенъ этого разряда у разныхъ народовъ.

Мнѣ представляется нѣсколько опаснымъ дѣлать бытовыя приуроченія пѣсни „Нема въ свити правды“, въ томъ смыслѣ, что „къ печальнымъ обобщеніямъ пришелъ пѣвецъ на основаніи наблюденій надъ жизнью отцовъ и дѣтей (стр. 68). Можетъ быть такъ, и можетъ быть иначе; никакіе прочіе выводы не могутъ быть сдѣланы до подбора матеріала, опредѣленія литературныхъ источниковъ пѣсни, вообще до обстоятельнаго, по возможности сравнительнаго литературнаго ея изученія. Къ тому же матеріалъ въ значительномъ количествѣ уже подобранъ въ концѣ „Политичныхъ писенъ украин. народа“, и изслѣдованіе поставлено на твердую почву въ трудахъ акад. *Веселовскаго* и г. *Мочульскаго* (въ диссертации о Голубицкой книгѣ).

Сочиненіе г. Ж. должно поднять вирши въ глазахъ людей науки, не только въ научномъ отношеніи — г. Ж. даетъ для этого новую точку зрѣнія, но и въ отношеніи художественномъ; г. Ж. приводитъ изъ нежданнхъ виршъ весьма поэтическіе отрывки. Авторъ мѣстами называетъ вирши и псалмы „трогательными“ и даже „глубоко-трогательными“, по поводу одной замѣчаетъ, что ее нельзя ни слушать, ни даже читать равнодушно. Дѣйствительно, между псалмами есть художественныя, и нѣтъ ничего удивительнаго, что лучшие люди старой Малороссіи дорожили ими. Поэты-мыслители иногда сходятся и подають другъ другу руки, не смотря на вѣковые промежутки времени, на большое различіе въ національномъ положеніи. Никто не станеть утвер-

ждать, что Пушкин изучал малорусскія вирши ХVІІ в., что онъ черпалъ что-либо изъ этого схоластическаго, забытаго, давно несякшаго литературнаго источника. Ни заимствованія, ни вліянія не было; а совпаденіе вышло, и, что въ особенности любопытно, совпаденіе вышло между лучшими виршами и лучшими Пушкинскими стихотвореніями, что, вѣроятно, обусловлено известной высотой художественнаго творчества. Въ малорусской виршѣ поэтъ жалуется, что онъ, проживая на чужбинѣ, „какъ орелъ понадъ моремъ повитремъ носится“; т. е. ему негдѣ опуститься, негдѣ отдохнуть, и гибель грозитъ при малѣйшемъ упадкѣ силъ—прекрасный образъ горемыки на чужбинѣ, безъ поддержки рода-племени. У Пушкина „вскормленный на волѣ орелъ молодой“ зоветъ изъ темницы узника туда, „гдѣ синѣютъ широкіе края“. Далѣе Пушкинъ вспоминалъ объ орлѣ, когда говорилъ о толпѣ холодной, которая была своего рода чужбиной, о той толпѣ, надъ которой онъ, какъ орелъ носился. Возьмемъ далѣе слѣдующій отрывокъ:

Года вамъ шумитъ, зеленыя луга!
Года мнѣ сердце моему съ несомненною туги!
Язъ днѣти прекраснѣи скоро одцѣнѣть,
То такъ насъ молодыя лѣта скоро покидають..
Віють вѣтры съ стѣну—запрету не мають:
Идутъ мысли съ дѣнь и ночи—спокою не дають.

Послѣдній образъ гениальный; для созданія его требовалось большое художественное дарованіе. Сравнимъ этотъ образъ съ слѣдующимъ превосходнымъ стихомъ Пушкина:

Зачѣмъ кружится вѣтръ съ оврага,
Волигетъ стѣны и нѣтъ несетъ,
Когда корабль въ подвижной вѣтръ
Его дыханья жадно ждетъ . . .
.
Затѣмъ, что вѣтру (и орлу,
И сердцу дѣвы) нѣтъ закона.

Кромѣ художественныхъ чертъ, въ виршахъ разбросано много мѣткихъ бытовыхъ и историческихъ подробностей (см. стр. 81, 89, 97, 131—136).

Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что старинная вирша о пекельницѣ Маркѣ (стр. 98) представляетъ простую передѣлку

весьма распространенной сказки о томъ, какъ солдатъ (мужикъ) разогналъ чертей въ аду. Объ этомъ мотивѣ см. „*Кіев. Стар.*“ 1886, VI. 445, Zbiór Wiadomości VIII, 301, *Добровольская*, Смолен. сборн. I, 285, *Аванасьевъ* IV, 494, *Караджича* (Приповѣдки) 301, братенская сказка въ *Кропѣдѣ* II 77.

Г. Ж., отмѣчая вліяніе виршъ на думы, между прочимъ останавливается на вертепѣ, но лишь на второй, бытовой его части. На первой части вертепа авторъ не останавливается, считая ее драматизированнымъ воспроизведеніемъ рождественскихъ виршъ. Есть еще одна сторона, совсѣмъ не отмѣченная г. Житецкимъ, это обратное вліяніе драмъ на вирши, доходящее даже до вырожденія мистеріи въ вирши.

Глава IV—„отраженіе пѣсенныхъ мотивовъ въ народныхъ малорусскихъ думахъ“—мнѣ представляется неясной. Я не нахожу никакой внутренней связи между пѣснями о матери невольницѣ и думой о Марусѣ Богуславкѣ, между думами о Огдорѣ Безродномъ и думами объ Ивасѣ Коновченкѣ. Авторъ говоритъ, что творцы думъ пользовались готовымъ пѣсеннымъ матеріаломъ. Замѣчаніе это приложимо ко всѣмъ крупнымъ произведеніямъ народной словесности, напр., коладкамъ. Въ думахъ личное творчество обнаруживается сильнѣе, чѣмъ въ какой бы то ни было другой отрасли словесности, именно въ зависимости отъ сильнаго вліянія интеллигенціи, въ частности школы. Есть пѣсни (именно свадебныя), которыя всецѣло держатся на обрядовой традиціи. Авторъ говоритъ: „то, что въ пѣсняхъ является въ видѣ намека, въ видѣ отдѣльныхъ указаній на тѣ или другія состоянія страдающихъ людей, выступаетъ въ думахъ, какъ цѣльная картина, пропитанная, такъ сказать, влагою невысохшихъ слезъ, или же поднятая на высоту для всенароднаго созерцанія козацкой славы“ (138). Здѣсь пѣснямъ дано слишкомъ рѣзкое противопоставленіе думахъ. Есть пѣсни, по силѣ чувства, по яркости образовъ, ничуть не уступающія думахъ—таковы многія пѣсни баладныя и семейно-родственныя. Мнѣ кажется, что о мотивахъ можно говорить не о томъ только смыслѣ, въ какомъ говорилъ о нихъ *Потебня* во II т. „Объясн. малор. пѣсенъ“, т. е. какъ объ отдѣльныхъ простѣйшихъ эле-

ментахъ, напр., похвальба, неповиновеніе матери, способы погребенія, обращенія къ коню, къ бандурѣ и т. д. Говорить же объ отраженіи пѣсенъ въ думахъ невозможно по той причинѣ, что мы ничего не знаемъ о характерѣ и составѣ малорусскихъ пѣсенъ XVI и XVII вѣковъ; въ сравненіе вводятся пѣсни, записанныя въ текущемъ столѣтіи, неизвѣстнаго происхожденія, не подвергавшіяся научному изученію. Уважаемый авторъ на стр. 143—144 ссылается, напр., на пѣсни о смерти козака и вводитъ ихъ въ разрядъ думъ о порубанныхъ козакахъ. Я позволю себѣ здѣсь сослаться на свою попытку сравнительно-литературнаго изученія этихъ пѣсенъ въ 1 кн. *Этногр. Обзор.* 1893 г., причемъ мнѣ пришлось прійти къ діаметрально противоположнымъ выводамъ, въ смыслѣ историко-бытоваго и національнаго характера этихъ пѣсенъ. На мой взглядъ, эти пѣсни стоятъ совсѣмъ въ сторонѣ отъ малорусскаго эпоса.

Пятая глава—„творцы и пѣвцы думъ“ состоитъ изъ отдѣльныхъ экскурсовъ, трудно поддающихся обобщенію. По крайней мѣрѣ, первый экскурсъ—„идея матери вдовы въ виршахъ, пѣсняхъ и думахъ“—выходитъ изъ рамокъ изслѣдованія. Авторъ творцами думъ считаетъ „шпитальныхъ старцевъ“. Трудно согласиться съ этимъ мнѣніемъ: въ думахъ столько силы, жизни, опытности, что создать ихъ не могли шпитальные старики, по свидѣтельству Загоровскаго (†1580), „особы убогіе а здоровья неспособнаго люди“, какими они оставались всегда, вплоть до настоящаго времени, по даннымъ историческихъ актовъ. Инициатива въ созданіи думъ могла принадлежать и „старцамъ“, но не шпитальнымъ, а былевымъ калікамъ-перехожимъ, странствующимъ бѣднякамъ воинамъ-пѣвцамъ.

Послѣдняя глава (VI) состоитъ изъ старинной записи думъ, по рукописи начала текущаго вѣка, принадлежавшей А. А. Котляревскому, съ перечисленіемъ варіантовъ. Всѣхъ пѣсенъ въ рукописи 16; изъ нихъ три думы (атаманъ Матіашъ, вдова Ивана Сирка и разговоръ Днѣпра съ Дунаемъ) ранѣе извѣстны были въ небольшихъ извлеченіяхъ Костомарова въ „Русской Мысли“. Подстрочныя указанія варіантовъ несовсѣмъ полны. Такъ, оставлены въ сторонѣ варіанты думъ въ польскихъ этно-

графическихъ сборникахъ, и кое-какіе изъ русскихъ источниковъ, напр. вар. думы объ Алексѣѣ Поповичѣ въ „Кіев, Стар.“ 1885 г. II 215.

При всемъ томъ „Мысли“ г. Ж. составляютъ цѣнный вкладъ въ научную литературу о малорусскихъ думахъ.

В. П. Милорадовичъ.

Имя В. П. Милорадовича не встрѣчается въ „Ист. рус. этн.“ г. Пыпина, и это вполне естественно, такъ какъ первый этнографическій трудъ г. М.—сборникъ свадебныхъ пѣсенъ—напечатанъ въ Кіев. Стар. 1890 г. подъ инициалами В. М., и полную подпись автора мы находимъ впервые лишь въ 1893 г., пригомъ въ такомъ малодоступномъ органѣ печати, какъ Полтавскія Губ. Вѣдомости. Г. Милорадовичъ принадлежитъ къ числу мѣстныхъ этнографовъ, непосредственно черпающихъ изъ народныхъ устъ; это этнографъ Лубенщины, точнѣе сѣверной части лубенскаго уѣзда. Этнографическія записи г. М. отличаются подробностью, обиліемъ интересныхъ мелочей, а изложеніе ихъ въ печати искусной группировкой. Эти достоинства обусловлены крупнымъ образовательнымъ цензомъ автора и его хорошимъ личнымъ знакомствомъ съ народомъ.

Василій Петровичъ Милорадовичъ родился въ 1845 году, дѣтство провелъ въ х. Пручанхъ прилуцкаго уѣзда, въ верстахъ отъ Сокиренецъ, подъ впечатлѣніемъ думъ Остапа Вересая, „Записокъ о южной Руси“ Кулиша и затѣмъ „Основы“. Въ 1869 г. онъ окончилъ курсъ наукъ въ харьковскомъ университетѣ кандидатомъ юридическихъ наукъ, былъ въ которое время помощникомъ присяжнаго повѣреннаго при полтавскомъ окружномъ судѣ, съ 1875 г. мировымъ судьей въ лубенскомъ уѣздѣ и оставался въ этой должности до 1890 г.—до закрытія мировыхъ учрежденій съ введеніемъ института земскихъ начальниковъ. Что г. М. не только хорошо ознакомился съ крестьянами, но пользовался съ ихъ стороны уваженіемъ и любовью, видно изъ благодарственнаго адреса, подвешеннаго ему при выходѣ въ отставку жителями м. Лукомья. Одно время г. М. испол-

нял должность председателя съезда мировых судей, до избрания въ последнюю должность М. Т. Симонова (Номиса).

„Свадебныя пѣсни въ лубенскомъ у. полтавской губ.“ напечатаны въ приложеніяхъ 7, 8 и 9 кн. „Кіев. Стар.“ 1890 г. Всѣхъ пѣсенъ 259 №№, цифра крупная, сравнительно съ другими сборниками. Записаны пѣсни въ сѣверной части лубенскаго у., преимущественно въ м. Снѣтинѣ и въ окрестныхъ селахъ—мѣстности, неизслѣдованной въ этнографическомъ отношеніи. Пѣсни распределены въ порядкѣ свадебнаго ритуала: сватовство, гильце и т. д. Языкъ совершенно чистый, правильный. Есть довольно большія пѣсни (напр. №№ 39, 67, 237). Вообще, по величинѣ и художественности свадебныя пѣсни, собранныя г. М., заслуживаютъ вниманія. Весьма нѣжными и своеобразными представляются пѣсни подъ №№ 64, 66, 82, 84, 104, 105, 112, 163, 242.

Статья „Рождественскія святки въ сѣверной части лубенскаго уѣзда“ напечатана въ 42, 43, и 44 №№ Полтав. Губери. Вѣдом. 1893 г. и потомъ вышла въ отдѣльныхъ оттискахъ. Описанію рождественскихъ праздниковъ въ южной части лубенскаго уѣзда по рѣкѣ Оржицѣ посвящено нѣсколько писемъ Номиса въ „Основѣ“ 1861 г. Статья г. М. относится къ сѣверной Лубенщинѣ и трактуетъ о святкахъ гораздо подробнѣе, чѣмъ о томъ трактовалось въ живыхъ, но слишкомъ малочисленныхъ письмахъ Номиса. Статья г. М. раздѣлена на слѣдующія небольшія главы: Святвечирь, Риздво, Колядки, Меланки, Щедрикы, Гаданія, Новый годъ, Голодный святвечеръ и Ордань. Въ главѣ о святвечерѣ отмѣчено семейное значеніе празднества и въ частности поминальный его характеръ. Кутью оставляютъ и для умершихъ. По любопытному народному вѣрованію, „на стѣнѣ бываютъ видны смутныя отраженія маленькихъ, какъ куклы, тѣней, спускающихся къ столу“. Въ силу такого повѣрья набожные люди проводятъ ночь подъ Рождество въ чтеніи молитвъ. Въ главѣ о Риздвѣ говорится о праздничныхъ кушаньяхъ и виѣшнихъ приѣмахъ колядованія, въ частности 2—3 слова объ искаженіяхъ колядокъ, искаженіяхъ, любопытныхъ для изучающаго народную этимологию (см. Назареть—лазареть);

но замѣчаніе автора, что Вифлеемъ передѣлывается въ „прекрасный клеетъ“, вѣроятно, ошибочно, въ виду того, что такому искаженію гораздо скорѣе могло подвергнуться слово Назаретъ. Въ слѣдующей затѣмъ главѣ приведено 14 колядокъ на извѣстные мотивы о переписи городовъ, взятіи въ дань красной дѣвицы, о райскихъ пташкахъ, о строеніи церкви волохами (подробно разобраны во II т. „Объясненій“ *Потемки*). Авторъ указываетъ на сходныя колядки въ сб. Чубинскаго и Антоновича и Драгоманова. Вообще, всѣ колядки г. М. очень древняго склада и принадлежать къ лучшимъ образцамъ этого рода народной словесности. Одна колядка представляетъ сокращеніе и передѣлку думы про Ивася Коновченка. Есть и новые мотивы, напр., любопытный мотивъ о дѣвицѣ и косаряхъ. Въ главѣ о Меланиѣ находится интересное сообщеніе о мѣстныхъ переряживаніяхъ и разыгрываніи фарса объ ухаживаніи стараго волокиты за дѣвицей. Въ слѣдующей затѣмъ главѣ приведено 11 щедровокъ, съ своеобразной передѣлкой евангельскихъ повѣствованій; съ любопытными народно-психологическими и бытовыми подробностями (напр. о причинахъ неудовольствія дочери на родителей за подарки), между прочимъ, одинъ сравнительно не важный вариантъ стиха о грѣшной душѣ. Въ главѣ о гаданіяхъ подъ новымъ годъ большею частью говорится о гаданіяхъ, отличныхъ отъ описанныхъ у Чубинскаго. Въ послѣдней маленькой главѣ находится замѣтка о гаданіи по полету птицъ (о гаданіи по полету птицъ см. *Сумцова*, Культурн. переживанія § 127).

Вообще записи г. М. отличаются такими интересными въ научномъ отношеніи подробностями, что нельзя не пожелать продолженія ихъ, тѣмъ болѣе, что, судя по изданнымъ матеріаламъ, въ народной словесности мадоруссовъ лубенскаго уѣзда еще хранятся любопытныя отзвуки старины.

В. Н. Ястребовъ.

18 октября 1892 г. въ Елизаветградѣ былъ открытъ памятникъ на могилѣ похороненнаго тамъ извѣстнаго слависта Б. И. Григоровича. На открытіи присутствовали и говорили рѣчи

профессоры Новороссійскаго университета А. П. Кирпичниковъ и
 О. И. Успенскій. Высокая личность и дѣятельность покойнаго В.
 И. Григоровича, какъ широко образованнаго и талантливаго про-
 фессора, какъ ученаго ветерана-слависта, византиниста и южно-
 русскаго этнографа и археолога, разносторонне оцѣнены его
 собратями по наукѣ и преемниками по университету. Тогда же
 преподаватель мѣстнаго реальнаго училища В. Н. Ястребовъ
 сказалъ рѣчь „о значеніи памятника для мѣстнаго общества“.
 „Когда, по окончаніи курса въ одной отдаленной гимназій, го-
 ворилъ г. Я., я пришелъ проститься къ учителю словесности и
 сказалъ ему, что ѣду въ одесскій университетъ, онъ, просіявъ
 лицомъ, сказалъ мнѣ: „тамъ Григоровичъ“! Когда потомъ я
 за тѣмъ же пришелъ къ учителю исторіи, онъ повторилъ: „тамъ
 Григоровичъ“!—Я замѣтилъ, что онъ завидовалъ мнѣ. Оба они
 были слушателями покойнаго въ Казанскомъ университетѣ. И
 вотъ я, духовный внукъ его, въ свою очередь имѣлъ счастье
 сдѣлаться его ученикомъ. Быстро пролетѣли короткіе четыре
 года. Я кончилъ курсъ въ университетѣ и пріѣхалъ учитель-
 ствовать въ Елисаветградъ—и Викторъ Ивановичъ въ томъ же
 году вышелъ въ отставку и поселился тоже въ Елисаветградѣ.
 И я былъ у него здѣсь на окраинѣ города, въ его маленькой,
 болѣе чѣмъ скромной квартирѣ, переполненной книгами, видѣлъ
 его совершенно, повидимому, здоровымъ, слушалъ его, по обык-
 новенію, оживленную бесѣду, а черезъ короткое время помс-
 галъ нести гробъ его на мѣсто послѣдняго упокоенія...

Памятникъ знаменитому ученому открыть, освященъ и
 сдѣлался достояніемъ города; кладбище опустѣло; торжество
 наше близится къ концу; дорогіе гости скоро покинутъ насъ, и
 жизнь нашего города снова пойдетъ своимъ чередомъ... Позволю
 себѣ откровенно высказать опасеніе: не прійдутъ ли кому либо
 изъ отъѣзжающихъ гостей такіа мысли: зачѣмъ Елисаветграду
 достался этотъ прекрасный памятникъ? не лучше ли было бы
 этому памятнику находиться въ какомъ-нибудь центрѣ? Для
 кого здѣсь будетъ онъ выполнять свое назначеніе и не будетъ
 ли онъ забытъ и самъ, и забытъ очень скоро?

Мнѣ пріятно думать, что открытый нынѣ памятникъ выполнитъ свое назначеніе и для нашей ближайшей округы, и я полагаю, что имѣю достаточныя основанія для такого ожиданія. Вотъ они.

Во вновь открытый Новороссійскій университетъ покойнаго привлекла, главнымъ образомъ, разноплеменность нашего края, въ связи съ географической и исторической близостью его къ Византіи и Славянамъ. Въ зависимости отъ общаго направленія его трудовъ, въ Одессѣ онъ началъ усердно заиматься мѣстной этнографіей и исторіей: ставилъ новые вопросы, открывалъ новыя перспективы, объѣхалъ лично нашъ югъ отъ Днѣстра до Азовскаго моря, осматривалъ церкви и архивы, прислушивался къ особенностямъ мѣстныхъ говоровъ, записывалъ названія урочищъ,—рекомендовалъ и студентамъ темы по этнографіи для сочиненій. Самое переселеніе его въ нашъ городъ было дѣломъ обдуманнаго выбора. Не на покой пріѣхалъ къ намъ отставной профессоръ, а для новыхъ трудовъ. Сюда влекли его воспоминанія о Новой Сербіи, которая была колонизаціоннымъ ядромъ для Новороссійскаго края, сюда манила его перспектива знакомства съ вѣрными хранителями старины—старообрядцами, владѣющими здѣсь драгоцѣннымъ лицевымъ евангеліемъ и другими рукописными старопечатными книгами, Елисаветградъ представлялся ему городомъ, въ меньшей степени, нежели многіе другіе города Новороссіи, поглощеннымъ меркантильными интересами. Вскорѣ по пріѣздѣ сюда онъ собирался предпринимать, если даже и не предпринималъ на дѣлѣ, поѣздки по селамъ, съ цѣлью личныхъ опросовъ мѣстныхъ жителей, и настойчиво призывалъ къ тому же встрѣтившихъ его здѣсь учениковъ. Онъ дѣятельно искалъ помощника въ собираніи свѣжаго матеріала, какъ будто хотѣлъ начать жизнь сначала. Древній мудрецъ, Викторъ Ивановичъ, всегда носилъ въ себѣ искру Божію и тоже искалъ,—искалъ коренного новороссійскаго туземца, хранителя старины и производителя въ великомъ дѣлѣ народнаго самосознанія,—искалъ—и не одинъ разъ находилъ такихъ туземцевъ. Какою свѣтлою радостію блестяли его глаза, когда говорилъ онъ намъ о трудѣ одного мѣстнаго свя-

щеника по географіи и исторіи края, трудѣ, изобилующемъ фактическими свѣдѣніями, старательно и съ любовью собранными!

Съ тѣхъ поръ прошло всего 16 лѣтъ, но и въ этотъ незначительный промежутокъ времени мы можемъ насчитать цѣлый рядъ такихъ скромныхъ, но полезныхъ трудовъ мѣстныхъ дѣятелей и убѣдиться, что пылкость къ родной старинѣ и къ современному быту растеть въ мѣстномъ населеніи, хотя и тихо, но неизмѣнно. Правда, въ большихъ городахъ, научныхъ центрахъ, работниковъ науки больше, чѣмъ въ нашей глуши, но тамъ есть для нихъ руководство и совѣтъ живыхъ людей, тамъ есть университеты, ученыя общества. У насъ ничего этого нѣтъ. Такъ не жалѣйте же, что, въ замѣвъ всего этого, у насъ останется одна дорогая могила!

Не забудеть ея, прійдетъ къ этой могилѣ туземецъ, обнажитъ голову и помолится объ упокоеніи души покойнаго. У подножія этого памятника почерпнетъ онъ уваженіе къ знавію, интересъ къ окружающему населенію и къ его прошлому и, какъ тяглый работникъ, по выраженію покойнаго, примкнетъ къ общей дружной работѣ на пользу народнаго самосознанія¹⁾.

Рѣчь В. Н. Ястребова мы привели почти цѣликомъ, для обрисовки нравственныхъ и научныхъ симпатій самого г. Ястребова. Въ теченіе многихъ лѣтъ г. Ястребовъ въ скромномъ положеніи преподавателя въ Елисаветградскомъ реальномъ училищѣ продолжаетъ дѣло Григоровича. Онъ работаетъ для науки, для народнаго самосознанія и просвѣщенія, и въ итогѣ получается такая сумма дѣятельности, что мы имѣемъ полное основаніе считать г. Ястребова не только „тяглымъ работникомъ“, но „собратомъ по наукѣ“. По разнообразію и достоинству научныхъ трудовъ г. Ястребовъ является, прямымъ продолжателемъ своего достойнаго учителя-профессора. Г. Ястребовъ поддерживаетъ живыя связи съ наиболѣе дѣятельными учеными обществами, работаетъ далѣе, какъ практикъ

¹⁾ Оттискъ изъ III-го тома „Лѣтописи Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ“.

педагогъ, не забывая простого народа, для духовныхъ потребностей котораго г. Ястребовъ составилъ недавно популярную книжку о дѣтствѣ Петра Великаго.

Почтенная научная дѣятельность В. Н. Ястребова служить живымъ опроверженіемъ мнѣнія о невозможности работать въ провинціи. Работать можно, хотя, разумѣется, провинціальному ученому приходится затрачивать на научныя изслѣдованія болѣе энергіи, болѣе труда, при недостаткѣ пособій, и потому такая дѣятельность заслуживаетъ особеннаго общественнаго одобренія и признанія. Научное достоинство трудовъ г. Ястребова въ достаточной мѣрѣ опредѣляется уже тѣмъ, что археологическія его изслѣдованія изданы петербургскимъ и московскимъ археологическими обществами, а этнографическія— историко-филологическимъ обществомъ при Новороссійскомъ университетѣ. Наиболѣе крупныя изслѣдованія г. Ястребова посвящены археологіи; здѣсь мы не будемъ на нихъ останавливаться. Оtmѣтимъ только обширное изслѣдованіе о *Лядинскомъ и Томниковскомъ могильникахъ* тамбовской губ., изданное петербургской археологической комиссіей въ 1893 г. съ 15 таблицами рисунковъ и съ 51 политипажемъ въ текстѣ, и весьма цѣнный „*Опытъ топографическаго обозрѣнія древностей Херсонской губерніи*, нап. въ XVII т. „Записокъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей“ 1894 г. Нельзя не пожелать, чтобы и въ другихъ „губерніяхъ“ оказались такіе „Опыты“. Трудъ г. Ястребова можетъ служить образцомъ и руководствомъ. Книга составлена отчасти по матеріаламъ, бывшимъ уже въ печати, большей частью, по свѣже-собраннымъ матеріаламъ, доставленнымъ 56 корреспондентами изъ сельской интеллигенціи. Кромѣ того, авторъ собралъ много новыхъ свѣдѣній путемъ личнаго опроса мѣстныхъ жителей. Собранныя такимъ путемъ свѣдѣнія г. Ястребовъ расположилъ въ такомъ ясномъ и систематическомъ порядкѣ: 1), находка оружія и орудій, 2) находки монетъ, 3) менгиры, изображенія и надписи на камняхъ, каменные бабы, 4) находки древностей разнаго рода, 5) мастерскія и копи, 6) находки костей и могилъ, 7) пещеры и подземные ходы, 8) дольмены, 9) земляные валы, 10) городища и селища

и 11) курганы. Детальное распределение материала идетъ по уѣздамъ и селамъ въ алфавитномъ порядкѣ. Вообще книга эта имѣетъ значеніе настольной справочной книги при изученіи южно-русской археологіи, въ особенности археологіи херсонскаго края.

Небольшія статьи по археологіи напечатаны въ „Кіев. Стар.“ (большей частью рецензіи) и въ Археол. Изв. и Зам. Особенно интересны статья о *Херсонесѣ Таврическомъ* въ Кіев. Стар. 1883 г. № 5 и ст. „*Поѣздка на островъ Каменоватый*“ (на Днѣпрѣ) въ Археол. Изв. и Зам. 1894 № 5.

Этнографическій матеріалъ собранъ г. Астревымъ въ двухъ сѣверныхъ уѣздахъ херсонской губерніи въ теченіе десяти лѣтъ. Херсонская губернія, какъ видно изъ изданныхъ описаній ея уѣздовъ, отдѣльныхъ селеній (Балай одесскаго уѣзда, Дмитровка александровскаго) и волостей (Евтеневская, Щербановская волости) отличается разнообразіемъ этнографическаго состава населенія, большинство котораго составляютъ малоруссы; здѣсь рядомъ съ послѣдними живутъ и бѣлоруссы, и великоруссы, и молдаване, и нѣмцы, и поляки, и евреи, и греки, и болгаре. Переселившись изъ разныхъ концовъ Россіи и Европы (напримѣръ—изъ пензенской, харьковской, кіевской и могилевской губерніи, изъ Виртемберга, Пруссіи, острова Даго, изъ Турціи, Македоніи, Румыніи и т. п.), въ теченіе послѣдняго столѣтія они сжились одинъ съ другими и вошли въ болѣе или менѣе близкія отношенія, смотря по болѣе или меньшей общественности народнаго характера. Одни изъ народовъ обнаруживаютъ склонность къ обмалоруссиванію (напр. молдаване, болгары, отчасти поляки изъ Галичины и Юго-западнаго края), другіе (какъ нѣмцы, евреи) удерживаютъ извѣстныя черты своей національности; но всѣ уже почти умѣютъ говорить по малорусски, и языкъ малорусскій сталъ для нихъ какъ бы международнымъ, въ родѣ того, какъ на Кавказѣ такимъ языкомъ для сношеній между собой разныхъ народностей сталъ языкъ татарскій. Смѣшанный характеръ населенія отразился въ языкѣ и содержаніи малорусскихъ пѣсенъ и сказокъ въ смыслѣпривнесенія новыхъ элементовъ и порчи старыхъ.

Въ 1893 г. вышла весьма интересная статья г. Ястребова „*Малорусскія прозвища Херсонской губерніи*“. Тема эта едва была ранѣ затронута въ печати. Матеріалъ приходится собирать по крохамъ. Г. Ястребовъ въ елисаветградскомъ и александрійскомъ уѣздѣ собралъ до 400 прозвищъ съ объясненіями и расположилъ ихъ по внутренней связи ихъ съ разными проявленіями крестьянской жизни, личной и общественной. Въ статьѣ разобрано много любопытныхъ замѣтокъ о значеніи прозвищъ для изученія языка, о томъ, когда, кѣмъ, при какихъ обстоятельствахъ они даются, объ отраженіи въ прозвищахъ представлений о физическихъ и духовныхъ свойствахъ, народныхъ порокахъ, религіозно-нравственныхъ понятій, о переходѣ личныхъ прозвищъ въ топографическія названія, о превращеніи прозвищъ въ поговорки, пословицы, дѣтскія пѣсенки и пѣсенныя перебранки. Въ статьѣ 17 страницъ, но при мелочности отдѣльных фактовъ статья въ 17 стр. представляется большой и содержательной.

Вышедшіе въ 1894 г. „*Матеріалы по этнографіи Новороссійскаго края*“ состоятъ изъ 2 частей: въ 1-ю вошли „сueвѣрія и обряды“, во 2-ю „легенды, сказки и рассказы“. Въ совокупности это книжка въ 202 стр. довольно разнообразнаго содержанія. Оріентироваться въ книгѣ при справкахъ довольно легко, благодаря приложенному въ концѣ предметному указателю. Матеріалъ распределенъ въ такомъ порядкѣ: представленія о вѣщнемъ мірѣ (сюда вошли и народный календарь); представленія о человѣкѣ (народная медицина, демонологія, свадьба и пр.), легенды, сказки и топографическія названія съ мѣстными объясненіями. Кое-гдѣ, преимущественно въ сказкахъ, сдѣланы ссылки на другіе сборники малорусскихъ сказокъ. Вообще, въ сборникѣ видна редакторская рука, заботливость о распорядкѣ и системѣ, внимательное отношеніе къ интересамъ науки и читателя. „Изъ того сырья (говоритъ г. Ястребовъ въ краткомъ предисловіи), которое накопилось у насъ за десять лѣтъ, мы предлагаемъ здѣсь только то, для чего или вовсе не нашли прямыхъ аналогій въ печатныхъ сборникахъ, или нашли варианты, разнящіеся въ подробностяхъ. Отъ такой осторожности

сборникъ лишь выигралъ. Затѣмъ, по части языка записей, г. Ястребовъ высказываетъ мнѣніе, на мой взглядъ весьма основательное, которое и я высказалъ немного ранѣе въ печати (въ рецензіи на Бѣлор. Сборникъ Романова), что „записи, ставящія себѣ цѣлью изученіе діалектовъ, должны быть производимы особо отъ этнографическихъ въ собственномъ смыслѣ, спеціально къ тому подготовленными и особенно въ этомъ заинтересованными лицами“. Какъ трудно записывать образцы діалектовъ съ спеціально филологическими цѣлями и какъ мало тутъ значить количество записей передъ качествомъ ихъ, можно наглядно убѣдиться на записяхъ специалистовъ филологовъ *М. Е. Халанскаго* и *А. В. Ветухова* въ „Рус. Фил. Вѣстникъ“ и г. *Будде* въ XXI кн. „Этногр. Обзорѣнія“.

Остановимся подробнѣе на нѣкоторыхъ частностяхъ:

На стр. 9 находится нѣсколько сообщеній объ антидемоническомъ значеніи мартовскаго щенка, что подтверждаетъ предположеніе, что и названіе такой собаки „*Ярчукъ*“ должно быть произошло изъ „*марчукъ*“. О ярчукахъ кое-что уже было въ сборникахъ Авананасьева, Чубинскаго, Садовникова, Иванова. Спеціальное изслѣдованіе о противодемоническомъ значеніи собаки принадлежитъ проф. В. Θ. Миллеру (преимущественно объ иранскихъ повѣрьяхъ); кое-что любопытное въ этомъ отношеніи было въ *Revue d. trad. populaires* 1890 г.

На стр. 11 попала *нисенитныця*, „отчего зайцы куцы“, которой умѣстиѣ быть въ концѣ книги, на стр. 178—180, въ ряду съ двумя другими *нисенитныцями*. Объ этомъ своеобразномъ видѣ народнои словесности мы вкратцѣ упоминали въ ст. о Д. И. Эварницкомъ въ 1 ч. „Современ. Малор. Этн“. *Нисенитныця* или *небылица*—наизываніе глупостей встрѣчается въ словесности славянскихъ, романскихъ и германскихъ народовъ, причемъ даже въ этой области обнаруживаются любопытныя черты совпаденія и сходства.

На стр. 19 находится любопытный разсказъ о выборѣ птицами царя, о полетѣ маленькой птички выше большой (сидѣла на спинѣ большой), что частями напоминаетъ малорусскую сказку про кукушку у Чубин. I, 763 и м. вгольскую сказку про

то, какъ журавль несъ на спинѣ маленькую птичку богоргоно, у *Потанина* въ Очерк. сѣв.-зап. Монг. IV 629.

Сказаніе о полозѣ на стр. 19 можно пополнить тѣмъ, что ранѣе сообщено о полозахъ у *Манжуры*, *Новицкаго* и г. *Калаша* (упом. въ 1 ч. Соврем. малор. этногр.).

Небезынтересны краткія сообщенія о писанкахъ на стр. 28—29, какъ дополненіе къ моей ст. о писанкахъ въ Кіев. Стар. Болгарскія названія писанокъ на стр. 29, повидимому, заимствованы у малоруссовъ.

Въ сборникъ вошло нѣсколько любопытныхъ заговоровъ; но они слишкомъ разбросаны (стр. 11, 14, 45 и др.).

Г. Ястребовъ обратилъ вниманіе на нѣкоторыя подробности народнаго быта, ранѣе упускавшіяся изъ виду, напр., на проклятія и брань (стр. 41), освященіе колодцевъ (63), дѣтскія игрушки (88), дѣтскія шутки-шалости (89), народныя карточныя игры (106).

Сказанія объ одноглазыхъ людѣдахъ песиголовцахъ на стр. 80—83 болѣе относятся ко второму отдѣлу, чѣмъ къ первому. Здѣсь довольно близко воспроизводятся сказки о Лихѣ одноглазомъ, извѣстныя по болѣе раннимъ сборникамъ, причемъ обнаруживается большое сходство съ гомеровскимъ сказаніемъ о Полифемѣ.

Всѣхъ сказокъ, легендъ и анекдотовъ 41; содержаніе большей частью извѣстное; по формѣ варианты слабыя и малозначительныя, съ краткими и невыдержанными мотивами. На новороссійской почвѣ сказки, повидимому, упрощаются и сокращаются. Легенды о дружбѣ бога съ чортомъ, о женскомъ господствѣ и др. (№№ 1—5) изъ общезвѣстныхъ о сотвореніи міра Богомъ и сатаной, о томъ, какъ злая жена побила апостола на ночлегѣ. Малорусскіе варианты указаны самимъ издателемъ.

Сказка про баранчика (№ 6) и про царильника (№ 22) представляютъ краткіе пересказы широко распространенной сказки, малор. варианты которой указаны г. Ястребовымъ, а болѣе полныя западно-европейскіе въ большемъ числѣ собраны у *Cosquin*, *Contes popul. de Lorraine* §§ 4, 39, 42, 56, 59, 71 и въ сборникѣ франц. легендъ *Luzel* см. по указателю въ концѣ

III т. подъ сл. *baguette*. Добавимъ здѣсь еще бѣлорусскую у *Добровольскаго* I 693 и польскія въ сборникахъ *Хельговскаго* №№ 24, 38 и *Цишевскаго* 168.

Сказка о чортахъ (№ 10) представляетъ вариантъ любопытнаго цикла сказокъ о мученіи хлѣба, съ замѣной хлѣба прядивомъ. Мнѣ извѣстны сходныя сказки бѣлорусская (въ Бѣлор. сб. Романова) и румынская (въ сб. Кремнитцъ).

Сказка „Заливный вовекъ“ (№ 13), повѣствующая о помощи, оказанной герою чудесными собаками Чутко и Важко, хорошо извѣстна и западно-европейскимъ народамъ, какъ видно изъ сборника *Коскена*.

Въ сказкѣ подъ № 15 „про змія“ воспроизводится широко-распространенный мотивъ о запрещенной комнатѣ, о чемъ см. подробности у *Cosquin* № 38.

Сказка про двоихъ братьевъ (№ 27) говоритъ о переносѣ трупа, чрезвычайно популярная тема, о чемъ подробно у *Cosquin* подъ № 80 и кромѣ того у *Аванасьева* Рус. нар. сказки IV 502, *Bedier Les fabliaux* (Le cristain du Cluny), *Kolberg Pokucie* IV 252, *Zbiór wiadomości* VIII 301.

Сказка подъ № 33 про лихую жинку—отзвукъ западнаго фабльо о притворномъ мертвецѣ, о чемъ подробно мы говорили въ Киев. Стар. 1894 г.

Сказка подъ № 34 („Дѣдъ и баба“) относится къ весьма популярной темѣ о бабахъ до неба и мѣнѣ съ пониженіемъ предметовъ; обширная литература отчасти указана намъ въ академич. рецензій на Бѣлор. сб. Романова.

Анекдотъ о литвинѣ, которому медвѣдь откусилъ голову (подъ № 41), встрѣчается въ Бѣлоруссіи (во 2 т. Матеріаловъ II. В. Шеина) и у болгаръ (въ VIII т. Сборника Шапкарева).

Въ сборникѣ г. Ястребова встрѣчается нѣсколько оригинальныхъ сказокъ и анекдотовъ, повидимому, впервые записанныхъ изъ народныхъ устъ; такова юмористическая сказка про Чепурыся (№ 26), или о томъ, какъ глупый мужикъ отдалъ своего бычка дьячку въ обученіе и потомъ повѣрилъ, что его бычекъ сдѣлался человѣкомъ и сталъ губернаторомъ, затѣмъ анекдотъ про лѣнивыхъ мужа и жену (№ 30), и двѣ или три

другихъ малозначительныхъ. Вообще, сборникъ г. Я., на ряду съ другими сборниками, свидѣтельствуетъ, что народъ живетъ традиціонными запасами народнаго творчества, почти ничего не прибавляя къ нимъ.

Изъ небольшихъ этнографическихъ замѣтокъ г. Ястребова, разбросанныхъ въ Киевской Старинѣ, отмѣтимъ здѣсь, какъ наиболее интересныя, пѣсню о сербѣ въ „Киев. Стар.“ 1884, XII (сербъ обрисованъ щеголемъ и бездомнымъ кутилой), гайдамацкую пѣсню о лѣсѣ Чутѣ въ „Киев. Стар.“ 1885 XII, варианты сказки о невѣрной женѣ въ „Киев. Стар.“ 1884 IV, и народныя пѣсни Херсонскаго края въ „Киев. Стар.“ 1894 III (волибелыныя и свадебныя), святочные пѣсни ib. 1894 II.

Въ небольшой замѣткѣ г. *Вейсенберга* о малорусскихъ писанкахъ, напечатанной въ *Zeitschrift für Ethnologie* 1894 V стр. 340, находится интересное сообщеніе, что В. Н. Ястребовъ собралъ большую коллекцію писанокъ и готовитъ о нихъ спеціальное изслѣдованіе.

С. А. Чернявская.

Въ то время, какъ этнографическіе труды г. Ястребова знакомятъ насъ съ сѣверной частью херсонщины, Софья Андреевна Чернявская даетъ любопытный матеріалъ для ознакомленія съ крайнимъ югомъ херсонской губерніи, съ бытомъ, повѣрьями и пѣснями малоруссовъ села Вѣлосерки херсонскаго уѣзда. Сборникъ г-жи Чернявской, объемомъ около 3 печ. листовъ, изданъ въ 1893 г. въ V т. Сборника харьковскаго историко-филологическаго общества. Матеріалъ собранъ въ 1888—1889 годахъ, по этнографической программѣ Русскаго Географическаго Общества, и, согласно съ этой программой, распадается на календарь народный и сборникъ пѣсенъ; въ началѣ сборника находится краткое описаніе села.

Дневникъ мало интересенъ, такъ какъ эта сторона весьма подробно ранѣе была представлена у Чубинскаго, Терещенка и Калинскаго. Въ дневникъ вошла популярная легенда о воскресшемъ пѣтухѣ (обширнѣйшая литература приведена у *Child*,

The english and scot. ballads из 1 т. подъ № 23) и повѣрья о вѣдьмахъ.

Гораздо болѣе интересны пѣсни, снабженныя со стороны редакціи библиографическими ссылками на сборники Максимовича, Антоновича и Лысенка. Сюда вошли 112 пѣсень свадебныхъ въ порядкѣ весильнаго ритуала, краткія, большей частью уже извѣстныя по сборникамъ Чубинскаго, г-жи Марковой въ альманахѣ „Степь“, Николайчика въ „Кіев. Старинѣ“, Головацкаго и др. Далѣе слѣдуютъ 9 сухихъ колядокъ школьнаго происхожденія, 7 щедривокъ, 3 веснянки, 1 обжинковая, десять историческихъ (про Савву Чалаго, про Нечая, о паденьѣ Запорожья, о Джемберѣ, о Платонѣ, т. е. Платовѣ). Мѣстами въ историческихъ пѣсняхъ попадаются любопытныя мелочи, напр.: въ думѣ про Нечая сказочный мотивъ о полетѣ Нечая выше дерева, взятый изъ сказокъ о вѣдьмахъ. Далѣе идутъ 82 пѣсни рекрутскія, солдатскія, чумацкія и семейно родственныя, причемъ нѣкоторыя очень слабыя и искаженныя. Отмѣтимъ балладную пѣсню на стр. 150 „И по той бикъ гора“ въ двухъ вариантахъ объ уводѣ дѣвицы. Редакція (А. А. Русовъ) указала на вариантъ у Чубинскаго и Коципинскаго. Встрѣчается эта пѣсня въ *Rokucie Kольберта* II 84, *Купчанки* (подъ редакц. Лоначевскаго) стр. 407 № 61, „*Кіевск. Стар.*“ 1892 VI 407, *Омельченка* подъ № 1, *Головацкаго* I 130, *Zbior Wiadomosci* VIII. Всѣ эти варианты идутъ отъ польскихъ пѣсень, а послѣднія отъ западноевропейскихъ, которыя подробно указаны въ The english ballads Child'a.

Если не считать небольшого сборника пѣсень г-жи Марковой въ „Степи“, то сборникъ г-жи Чернявской представляется первымъ крупнымъ женскимъ вкладомъ въ этнографію; по полнотѣ и содержательности сборникъ г-жи Ч. уступаетъ лишь сборникамъ г-жи Мошинской на польскомъ языкѣ. Нѣсколько странно, что русская женщина, столь блестяще заявившая о себѣ на трудныхъ поприщахъ филантропіи, медицины и педагогіи, сторонилась до сихъ поръ отъ этнографіи, т. е. такой области знаній, гдѣ женскій трудъ можетъ быть въ особенности замѣтенъ. Женщина можетъ ближе подойти къ народу, чѣмъ мужчина,

въ особенности къ крестьянкѣ—этой главной хранительницѣ традицій пѣсенъ и обрядовъ. Въ польской этнографіи женскіе труды занимаютъ очень видное мѣсто, и въ частности собираніемъ малорусскихъ пѣсенъ занимались г-жи Мошинская, Томашевская, Рокасовская, Малиновская. Остается только пожелать, чтобъ примѣръ г-жъ Марковой и Чернявской въ дѣлѣ собиранія памятниковъ народнаго словеснаго творчества не остался безъ подражанія.

М. Ф. Комаровъ.

А. Н. Пыпинъ въ III т. Ист. рус. этн. (стр. 411) замѣчаетъ: „упомянемъ еще о трудахъ М. Комарова, который въ альманахѣ М. Старицкаго „Рада“ (Кіевъ 1889) помѣстилъ весьма полезный „Покажчикъ“ т. е. указатель новой украинской литературы, участвовалъ своими трудами въ „Кіев. Стар.“ и издалъ новое собраніе малорусскихъ пословицъ, загадокъ и заговоровъ: „Нова збирка etc.“ (Одесса 1891), гдѣ въ послѣсловіи читатель найдетъ подробный указатель литературы предмета, начиная съ 1829“. Къ этому добавимъ слѣдующее:

Михаилъ Феодоровичъ Комаровъ родился въ м. Дмитровкѣ павлоградскаго уѣзда екатериносл. губ., воспитывался въ екатеринославской гимназій, потомъ въ харьковскомъ университетѣ, гдѣ окончилъ курсъ по юридическому факультету въ 1867 г., служилъ при острогожскомъ окружномъ судѣ, потомъ былъ присяжнымъ повѣреннымъ въ Острогожскѣ и затѣмъ въ Кіевѣ, съ 1883 г. нотаріусомъ въ Умани и въ послѣднее время состоитъ нотаріусомъ въ Одессѣ. Въ 60-хъ годахъ во время студенчества, г. Комаровъ былъ учителемъ сельской школы въ с. Гавриловкѣ изюмскаго у. харьк. губ., и здѣсь началъ собирать произведенія устнаго народнаго творчества, что продолжалъ въ Нимецинѣ ново-москов. уѣзда екатериносл. губ. Изъ этого собранія два варианта думы про Савву Чалаго (съ замѣткой) напечатаны въ № 22 Екатериносл. Губ. Вѣдом. 1865 г. Сборникъ пѣсенъ былъ переданъ въ распоряженіе Юго-Зап. Отдѣла Геогр. Общества, что значитъ во II т. Записокъ Ю. З. Геогр.

Общ.; но вкорѣ отдѣлъ былъ закрытъ, и сборникъ г. К. въ числѣ другихъ матеріаловъ исчезъ безслѣдно¹⁾. Часть матеріаловъ, сохранившихся у г. К., издана въ 1891 г. въ „Новой Збиркѣ“. Сохранились значительные матеріалы для русско-украинскаго словаря, которые въ полѣднее время и печатаются по частямъ въ видѣ приложенія къ галицкой „Зорѣ“ подъ заглавіемъ „Россійско-украинскій словарь, зибрали и впорядкували М. Уманецъ и О. Спилка“. Небольшія статьи г. К. въ *Кіев. Стар.* (см. по указателю 1893 г.) относятся къ исторіи литературы. Были мелкія статьи въ період. изданіяхъ „Дило“, „Зоря“ и „Правда“. Г. К. напечаталъ нѣсколько хорошихъ книгъ для народнаго чтенія („Розмова про небо та землю“, „Розмова про земни сили“, изд. въ Кіевѣ 1874—1875 г.). Рецензію г. *Степовича* на „Нову Збирку“ см. въ „Кіев. Стар.“ 1890 № 11.

Драгомановъ
Са см. 74-у

П. Кузьмичевскій

Во II и III книгахъ „Кіевской Старины“ 1886 г. П. Кузьмичевскій напечаталъ статью „*Турецкіе анекдоты въ украинской народной словесности*“. Предоставляя другимъ изслѣдованіе взаимодѣйствія въ языкѣ, одеждѣ, утвари, кухнѣ, г. Кузьмичевскій отмежевываетъ себѣ анекдотическій отдѣлъ народной словесности. У турокъ множество анекдотовъ связано съ именемъ Насръ-Эддина-Хаджи, шута Тамерлана, при чемъ одни анекдоты древнѣе Тамерлана, другіе—новѣе. Кромѣ множества устныхъ разсказовъ, у турокъ ходятъ рукописные и печатные сборники этихъ анекдотовъ. Г. Кузьмичевскій склоненъ видѣть вліяніе ихъ какъ на Востокъ Европы, у болгаръ, малоруссовъ, такъ и на Западѣ, въ сборникѣ фацецій Поджіо и въ разсказахъ объ Уленшпигелѣ. Въ этихъ положеніяхъ автора есть преувеличенія, многіе изъ украинскихъ анекдотовъ, выводимыхъ авторомъ изъ турецкаго источника, идутъ прямо съ Запада, ближе стоятъ къ Западноевропейскимъ стариннымъ фацеціямъ и жартамъ. Такъ,

¹⁾ Недурно было бы разъяснить эту „безслѣдную“ пропажу этнографическихъ матеріаловъ. Прим. Н. С.

первый анекдотъ о цыганѣ, записанный въ Галиціи, не обнаруживаетъ прямой связи съ приведеннымъ авторомъ анекдотомъ о Насръ-Эддинѣ, проще и остроумнѣе послѣдняго. Второй малорусскій анекдотъ о подаркѣ кстати, очень безцвѣтный, также могъ возникнуть независимо отъ турецкаго вліянія, такъ какъ весьма популяренъ въ Европѣ съ римскихъ временъ (встрѣчается у Светонія). Въ малорусскихъ и турецкихъ анекдотахъ объ „умѣстной обстановкѣ“, „идеальной ждѣ“, „выздоровѣль, но умеръ“, „осель-муэдзинъ“ мы не можемъ найти ничего общаго, можетъ быть за ихъ краткостью и безцвѣтностью. Анекдоты о подаркѣ кстати (№ 2) и о посылкѣ на тотъ свѣтъ (№ 13) обставлены интересными литературными параллелями. Слабой стороной статьи представляется то обстоятельство, что нѣкоторые малорусскіе анекдоты (напр. №№ 2) переданы съ чужихъ словъ безъ точной записи, другіе (№ 3) въ литературной обработкѣ; существованіе нѣкоторыхъ только предполагается (№ 19 объ ослѣ муэдзинѣ): „слышали мы, помнится, нѣчто подобное“ (III 465). Въ малорусскихъ анекдотахъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ самаго имени Насръ-Эддинъ-Хаджи, нѣтъ никакого опредѣленнаго личнаго приуроченія анекдотовъ. Это даетъ поводъ думать, что ни турецкій Насръ-Эддинъ, ни нѣмецкій Уленшпигель не проникали въ Украину въ личномъ типическомъ видѣ, что сюда заходили по всей вѣроятности съ Запада кое-какіе ихъ литературные обрывки, которые быстро получали мѣстную переработку и приурочивались къ домашнимъ анекдотамъ о жидяхъ или цыганахъ въ своеобразной національной юмористической окраскѣ. Доискаться украинскаго первоисточника такого обрывка въ огромномъ большинствѣ случаевъ невозможно; такимъ первоисточникомъ могъ быть или словоохотливый казнодѣй-проповѣдникъ, въ родѣ Радивиловскаго, или ученый бакалавръ, быть можетъ, побывавшій и въ нѣмецкихъ университетахъ, въ родѣ Гаваттовича, или странствующій монахъ, любитель бойкаго анекдота, въ родѣ Іоанна Вишенскаго, можетъ быть заѣзжій болтливый французъ, въ родѣ Боплана. Изъ кабинета ученаго, съ церковной каеэдры, изъ панскаго двора анекдотъ, вольная передѣлка италіанской

новеллы или фацеціи, легко могъ проникнуть въ народѣ и получить здѣсь своеобразное толкованіе и своеобразное примѣненіе.

Въ III и IV кн. „Кіев. Старины“ 1887 г. напечатана обширная статья г. Кузьмичевского „*Малороссійскія пѣсни объ освобожденіи крестьянъ*“. Авторъ замѣчаетъ въ началѣ статьи, что о вѣрѣстномъ правѣ есть много малорусскихъ пѣсенъ, весьма много пѣсенъ объ его отмѣнѣ, и только одну изъ нихъ признаетъ народною, при чемъ оказывается, что и эта пѣсня („Ой летила зозуля“) заграничнаго австрійскаго происхожденія; въ основѣ ея лежитъ „*Pisnı radosti*“, сложенная полякомъ вскорѣ по освобожденіи крестьянъ въ Галиціи въ 1848 г. Г. К. считаетъ „*Pisnı radosti*“ точкой отправленія галицкихъ русскихъ при сложеніи пѣсенъ о панщинѣ. Мнѣ кажется, что самъ авторъ „Пѣсни радости“ находился подъ сильнымъ вліяніемъ народной поэзіи, и если „Пѣснь радости“ оказала потомъ вліяніе на сложеніе пѣсенъ объ отмѣнѣ панщины, то потому что она сама проткана народно-поэтическими узорами. Это такая же мѣстно-галицкая смѣсь чертъ народныхъ и искусственныхъ, какой на востокѣ Малороссіи въ б. Слободской Украинѣ, а потомъ и въ другихъ мѣстахъ Малороссіи является пѣсня Г. С. Сковороды „Нема въ свити правды“, въ противоположность первой своеобразная пѣсня печали. Пѣсни этого рода относятся къ промежуточной сферѣ между книжностью и народной словесностью и заключаютъ въ себѣ элементы той и другой въ тѣсномъ сочетаніи. Авторъ сначала приводитъ галицкіе варианты „Пѣсни радости“: „*Pisnı radosti*“ А. Л. двѣ пѣсни въ „Зорѣ Галицкой“ 1848 г., въ Основѣ 1862, въ III т. сборника Головацкаго и шесть вариантовъ, записанныхъ въ правобережной Украинѣ, три печатныхъ и три неизданныхъ. Въ Малороссіи пѣсни о „зозуленькѣ“, вѣщающей освобожденіе отъ пановъ, приурочены не къ 1861 г., а къ 1863 г., ко времени объявленія аграрныхъ льготъ послѣ польскаго возстанія. Въ середину статьи (IV 626—634) эпизодически введено нѣсколько искусственныхъ малорусскихъ виршъ объ освобожденіи крестьянъ, вѣроятно, семинарскаго издѣлія. Народомъ усвоена и разработана лишь одна выше отмѣченная пѣсня о зозуленькѣ, занесенная изъ Австріи. Запѣвъ

пѣсни о „Зовуленькѣ“ взять изъ колядокъ. Кукушка вѣщаетъ въ пѣсняхъ иногда радостныя, иногда печальныя вѣсти, о чемъ подробности см. въ „Объясн. малор. пѣсенъ“ *Потемни II* (колядки) 78—80, 724—737.

Въ 8 и 10 кн. „Кіевской Старины“ г. Кузьмичевскій помѣстилъ большую (въ 5 печат. листовъ) статью „*Шелудивый Бунякъ въ украинскихъ народныхъ сказаніяхъ*“. О шелудивомъ Бонякѣ сохранились извѣстія въ лѣтописяхъ, въ монастырскихъ историческихъ преданіяхъ и въ народныхъ сказаніяхъ. Въ лѣтописяхъ и преданіяхъ историческихъ онъ обрисованъ врагомъ народа, чародѣемъ, отрубленная его голова хотѣла уйти. М. Е. Халанскій и г. Голубовскій признаетъ за этими преданіями серьезное историческое значеніе. Г. Кузьмичевскій считаетъ сказанія о Бунякѣ за побѣги иранскихъ легендъ о Джемшидѣ, Ариманѣ и его порожденіи Дагакѣ, отголосками довольно темными и спутанными, что произошло, по мнѣнію г. К., съ одной стороны отъ долговременнаго пребыванія ихъ въ нашей народной средѣ, съ другой—что они дошли сюда не прямо, чрезъ посредство племенъ, населявшихъ южно-русскія степи. Не смотря на обширную эрудицію автора, на массу фактическихъ доводовъ, мы затрудняемся принять этотъ выводъ, по шаткости и загадочности иранскихъ образовъ о Варѣ и Джемшидѣ. Авторъ, увлекаясь сравнительнымъ методомъ изслѣдованія, ввелъ много постороннихъ литературныхъ мотивовъ. Статья читается съ трудомъ по причинѣ многихъ отступленій и побочныхъ экскурсовъ. Это цѣлый рядъ сравнительно-литературныхъ изслѣдованій по поводу отдѣльныхъ деталей въ преданіяхъ о Бунякѣ, изслѣдованій, несомнѣнно, любопытныхъ, но къ Буняку не относящихся (напр. экскурсъ о Кощеѣ).

Статья распадается на четыре главы. Въ первой главѣ г. К. приводитъ извѣстія лѣтописи, Іоанникія Галатовскаго въ „Небѣ Новомъ“ (ок. 1660 г.), *Krajowej galyciskiej Tabuly* и свящ. Гарасевича въ альманахѣ *Lwowianin* 1837 г. Сообщение Галатовскаго, что св. Николай помогъ кн. Роману рубить Буняка сведено г. К.—имъ къ церковнымъ легендамъ о явленіи Христа Константину Великому передъ битвой его съ Максентіемъ. Та

подробность, что отрубленная голова Боняка катилась, напоминает автору французскую легенду о парижском еп. св. Діонисіи и старинную русскую легенду о Меркуріи Смоленскомъ. Въ итогѣ получается выводъ о книжно-монастырскомъ характерѣ сказанія о Бунякѣ въ упомянутыхъ выше источникахъ и о позднѣйшемъ его образованіи, выводъ не совсѣмъ убѣдительный, такъ какъ мотивъ о катящейся головѣ могъ возникнуть и циркулировать безъ прямыхъ литературныхъ воздѣйствій церковной литературы. Помощь св. Николая кн. Роману, несомнѣнно, навѣяна житіемъ святителя, но и безъ этой подробности въ лѣтописномъ сказаніи о Бонякѣ и въ позднѣйшихъ о немъ историческихъ преданіяхъ обнаруживаются традиціонныя черты вражды и презрѣнія русскихъ къ половцамъ въ лицѣ ихъ воинственнаго и смѣлаго наѣвдника Боняка, въ свое время причинившаго русскому народу не мало тревогъ и огорченій.

Во второй главѣ приведена галицко-русская сказка у Садока Баранчи и ея слабый варіантъ у Сѣмепскаго о томъ, какъ шелудивый Буняка, обрисованный въ этомъ случаѣ въ родѣ Віа (вѣки поднимали вилами), влюбился въ царицу Елену и погнался за ней, и когда ее сталъ защищать царевичъ, Буняка заклалъ ихъ, и царевичъ съ войскомъ и Еленой провалился подъ землю, откуда выйдетъ со временемъ для освобожденія Польши. Послѣдняя подробность, т. е. пребываніе царевича съ войскомъ подъ землей, даетъ автору поводъ къ обширному экскурсу объ откровеніи Мееодія Патарскаго, о византійско-германской легендѣ объ императорѣ, спящемъ подъ землей, съ разными личными приуроченіями, о предполагаемыхъ иранскихъ первообразахъ этой легенды, азіатскихъ и европейскихъ ихъ отголоскахъ у буддистовъ, мусульманъ, евреевъ и христіанъ, о позднѣйшихъ приуроченіяхъ легенды къ Добошу, Шевченкѣ и Ст. Разину. Въ этомъ обширномъ кругѣ сравненій не вездѣ присутствуетъ основной мотивъ—пребываніе героя и его войска въ горѣ или подъ землей; райскій садъ Варъ подъ землей или подъ горой и выходъ изъ него народа Джемшида, на мой взглядъ, къ дѣлу не идетъ, и если вводитъ его въ кругъ срав-

неній, то почему не привлечь сюда и сказанія африканскихъ и американскихъ дикарей о выходѣ первыхъ людей изъ горъ или изъ-подъ земли (приведены у Ревилля въ соч. *Les relig. des peuples non-civilisées*). Мы не можемъ сказать вмѣстѣ съ г. Кузьмичевскимъ, что въ древней иранской легендѣ о Имѣ находятся всѣ элементы сказанія о замѣнутомъ въ подземельѣ царевичѣ и др. сродныхъ сказаній, хотя считаемъ возможнымъ другое предположеніе г. К., что Откровенія Мееодія Патарскаго заключаютъ въ себѣ иранскіе элементы и что иранскіе образы о заключенномъ подъ землею религіозно-національномъ героѣ могли проникать на западъ и сами собою устнымъ путемъ. Вообще эта область темная и загадочная, и свести всѣхъ героевъ, Марка-Королевича, Фридриха Барбарусу, ученика Будды Кассіаку, Дабаша, Стеньку Разина къ иранскому первоисточнику—дѣло рискованное, тѣмъ болѣе, что наряду съ героями, скрывшимися въ горѣ, могутъ оказаться герои, прикованные къ горѣ, какъ Прометей, зарытые въ землю, замурованные, какъ Ликургъ, Даная.

Эпизодъ о томъ, что царевичъ и царица провалились подъ землю, можетъ быть сближенъ съ многочисленными сказаніями о провалившихся городахъ (собраны въ большомъ числѣ въ *Revue d. trad. popul.* 1890—1894).

Въ III гл. г. К. рассматриваетъ начало сказки о Бунякѣ и Еленѣ и приводитъ многочисленныя литературныя параллели изъ европейскихъ и азіатскихъ сказокъ объ униженной царевнѣ, о претензіозной невѣстѣ и людяхъ съ чудесными свойствами. Сюда привлечены сказочные мотивы о царевнѣ, загадывающей женихамъ загадки или дающей имъ задачи, и мотивы объ униженіи гордой царевны осмѣяннымъ ея женихомъ. Мотивы эти сведены къ индійскимъ образцамъ при посредствѣ статьи Бенфея въ *Ausland* 1858 г. о людяхъ съ чудесными свойствами. Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ дано много цѣнныхъ бібліографическихъ указаній и историко-литературныхъ замѣтокъ. Такъ, разбирая въ одномъ примѣчаніи (на 242 стр.) сказочные мотивы прятанія (жениха отъ невѣсты царевны), авторъ высказываетъ общее замѣчаніе, что „сходство сказочныхъ образовъ

совпадаетъ не съ племеннымъ родствомъ народовъ, а съ ихъ географическимъ сосѣдствомъ“,

Послѣдняя IV глава весьма обширна (32 стран.) Авторъ здѣсь, по своему обыкновенію, даетъ гораздо болѣе матеріалу и заключеній, чѣмъ предполагаетъ исходный пунктъ изслѣдованія. Въ началѣ главы авторъ останавливается на сказаніяхъ народныхъ (въ свѣдѣ г. Драгоманова и во львовской хроникѣ Іозефовича XVII в.) о Бунякѣ, какъ людоедѣ, о томъ, что Буняка, кромѣ смрадныхъ внутренностей, висѣвшихъ на спинѣ, лица, рукъ и ногъ, покрытыхъ кожей, не имѣлъ тѣла, что онъ убивалъ дѣтей или слугъ, замѣчавшихъ эти особенности, что только одинъ мальчикъ спасся, угостивъ Буняку коржиномъ, спеченнымъ на молокѣ матери его, мальчика. Чудовище приняло его за побратима и было убито имъ. Сказаніе о людоедѣ Бунякѣ авторъ сближаетъ съ монгольскимъ разсказомъ въ Шиддѣ-куръ (передѣлка индійской книги *Vetala pancha vincati*) и классической сказкой о Мидасѣ. Въ первомъ сынъ царя Данбинги, въ второй царь Мидасъ имѣютъ ослиныя уши и убиваютъ тѣхъ, кто замѣтилъ ихъ. Въ индо-монгольской сказкѣ повторяется подробность о побратимствѣ мальчика съ чудовищемъ. Въ статьѣ приведены на тему объ ушахъ Мидаса сказки новогреческая, сербская, ирландская и бретонская. Авторъ раздѣляетъ мнѣніе Бенфея, что сказка объ ушахъ Мидаса пошла противъ общаго теченія своихъ собратьевъ, именно съ запада на востокъ въ александрійскій періодъ греческой исторіи, и что, благодаря классическимъ вліяніямъ, она распространилась отъ Ирландіи до Тибета. Сравнивая въ частности украинскіе варианты со всѣми другими, г. Кузьмичевскій находитъ, что украинскіе варианты ближе къ варианту монгольскому, чѣмъ къ европейскимъ, не исключая сербскаго варианта, что даетъ поводъ думать, что сказка о людоедѣ Бунякѣ зашла въ Малороссію изъ Азіи. Въ послѣднее время издано довольно много новыхъ вариантовъ на тему сказанія объ ушахъ Мидаса у *Потанина* въ Путеш. въ сѣв.-зап. Монголію II 22, въ *запискахъ* Нео-філол. Общества 1892 стр. 22, въ *Сборникѣ* матер. для опис. Кавказа XIII 121, въ *Revue des traditions*

populaires 1892 г., въ „Архивъ“ г. Ягича и въ „Am Ur quell“ 1892 г. Въ вариантѣ, записанномъ у кавказскихъ татаръ (Сборн. XIII 121), у Александра Македонскаго на головѣ рогъ; цирюльникъ передалъ секретъ землѣ; тростникъ разболталъ и пр. Существованіе кавказскихъ вариантовъ сказки объ ушахъ Мидаса можетъ внести нѣкоторое дополненіе къ предположеніямъ г. Кузьмичевскаго, въ томъ смыслѣ, что Кавказъ—этотъ природный географическій мостъ—могъ быть мостомъ и въ литературномъ отношеніи, при переходѣ древнихъ греческихъ сказаній къ народамъ сѣверной Европы и сѣверо-западной Азіи.

Въ концѣ статьи г. К. находится въ видѣ отступленія небольшой экскурсъ о сказочномъ Костіѣ-Кощеѣ, бессмертномъ или бездушномъ, и о кощеяхъ Слова Ѳ Полву Игоревѣ и лѣтописей. Сказочного Кощея авторъ склоненъ сблизить съ Бунякомъ, вообще съ демоническими образами демоновъ и упырей и вывести ихъ отъ индійскихъ ракшасовъ (демоновъ) и вѣталовъ (упырей). Кощеи лѣтописей и слова о П. И. ничего общаго не имѣютъ съ сказочными кощеями и, какъ предполагаетъ г. Каллашъ въ одной замѣткѣ въ Филол. Вѣстникѣ, представляютъ заимствованіе тюркскаго названія для раба, въ какомъ смыслѣ слово Кощей до сихъ поръ встрѣчается въ Средней Азіи.

Сказка о Кощеѣ бессмертномъ, или правильнѣе бездушномъ, построены на глубоко древнемъ анимизмѣ, что признаетъ и г. Кузьмичевскій въ примѣчаніи на 270 стр. X кн. Въ этомъ примѣчаніи указаны малорусскіе варианты сказочнаго мотива о помѣщеніи души въ яйцѣ (въ сборникахъ Чубинскаго, Драгоманова и Рудченка), старинный русскій (въ Памятн. Костомарова) и древне-египетскій (у Масперо). Къ этимъ указаніямъ добавимъ кавказскіе варианты въ *Сборникъ* матер. по опис. Кавказа XIII 109, 317, великорусскій у *Садовникова* 201, французскій и др. въ хорошо извѣстномъ г. Кузьмичевскому сборникѣ *Sovqin'* а подъ № 15, сицилійскій у *Gonzenbach* II 215, въ *Калимъ и Димнъ* (въ пер. Аттаи) 154, съ зулусской сказкѣ (Басни и сказки дикихъ нар. 64, примѣч.). Вообще, Кощей бессмертный по этому главному мотиву (спрятанной душѣ) составляетъ особый чрезвычайно распространенный циклъ сказокъ,

сколько мнѣ извѣстно, не подвергавшихся спеціальному изученію. Къ сказкамъ о скриваніи души близко примыкають сказки о скриваніи (въ яйцѣ или ящичѣ) силы или смерти (напр. эстонская сказка въ *Этногр. Обзор.* 1890, II, 116).

И. Я. Франко.

Имя Ивана Яковлевича Франка въ Россіи почти неизвѣстно. Лишь недавно (въ 1894 г.) на страницахъ Русскаго Обозрѣнія мимоходомъ былъ высказанъ похвальный о немъ отзывъ. Въ Галиціи г. Франко играетъ видную роль, какъ выдающійся беллетристъ, публицистъ и этнографъ. Проф. Огоновскій въ III т. Истории литературы русской (отд. 2, стр. 915—1072) даетъ обширную біографію г. Франка, что можетъ представлять интересъ лишь въ рамкахъ галицко-русскихъ внутреннихъ отношеній. Ограничимся основными біографическими данными. При малой доступности галицкой литературы, мы заранее должны оговорить, что не можемъ ручаться за полноту библиографическаго обзора этнографическихъ статей г. Франка. Отмѣчаемъ лишь то, что могли найти на страницахъ Зори, Кіевской Старины, Вислы, „Въ поти чола“ и въ *Zbiór wiadomości do antropologii krajowej*.

И. Я. Франко, сынъ галицкаго крестьянина кузнеца, родился въ слободѣ Дрогобицкаго повѣта въ 1856 г. Онъ учился сначала въ сельской народной школѣ русинскому, польскому и нѣмецкому языкамъ, затѣмъ въ нѣмецкой базилианской школѣ, въ гимназій и во львовскомъ университетѣ. Судя по даннымъ біографіи г. Ф., галицкая школьная педагогія представляетъ жалкое явленіе. Въ базилианской школѣ учениковъ били, и эта школа недалеко ушла отъ бурсы Помяловскаго. Въ послѣдствіи г. Франко въ беллетристическихъ разсказахъ, вошедшихъ въ книгу „Въ поти чола“, обрисовалъ грубость учителей и нерациональность ихъ педагогическихъ приѣмовъ. Лекціи въ университетѣ, по словамъ самого г. Франка (приведены у г. Огоновскаго), „зовсимъ его не заняли и не дали ему ничогисинько, ани ме-

тоды, ани здобуткивъ“. Университетъ здѣсь не совѣмъ виновать. Г. Франко рано увлекся общественной дѣятельностью народническаго направленія, что привело его къ столкновѣніямъ съ австрійскими властями. Въ повѣстяхъ г. Франка „На дни“, и „До свѣтла“, напоминающихъ „Записки изъ Мертваго дома“ Достоевскаго, разсѣяно много автобіографическихкихъ подробностей.

Извѣстность въ Галиціи г. Ф. приобрѣлъ несомнѣннымъ беллетристическимъ талантомъ, значительной начитанностью и основательнымъ знакомствомъ съ мѣстными условіями общественной и народной жизни. Г. Ф. многое читалъ и многое наблюдалъ лично. Постоянное и разнообразное участіе въ русской и польской галицкой печати содѣйствовало выработкѣ наблюдательности, литературной опытности и бойкаго стиля. Г. Ф. писалъ въ „Зорѣ“, въ „Дѣлѣ“, въ разныхъ польскихъ газетахъ, въ журналѣ „Wisła“, въ „Кіев. Старинѣ“, издавалъ въ 1881 г. газету „Свѣтъ“ (въ сотрудничествѣ съ Белемъ), въ 1890 г. „Народъ“, съ 1894 г. издаетъ журналъ „Житѣе и Слово“, гдѣ отведено значительное мѣсто для этнографіи.

Мы не будемъ здѣсь касаться стихотвореній и повѣстей г. Ф. (послѣднихъ проф. Огоновскій насчиталъ 41). Кое-какія этнографическія наблюденія автора здѣсь трудно выдѣлить отъ автобіографическихкихъ подробностей и литературныхъ прикрасъ. Къ тому же я вообще не придаю серьезнаго научнаго значенія этнографической беллетристикѣ въ смыслѣ руководства ея при народоизученіи. Значеніе такой беллетристики, значеніе весьма важное и плодотворное, состоитъ въ сближеніи разныхъ общественныхъ слоевъ, въ возбужденіи и поддержаніи интереса къ народной массѣ, къ ея жизненнымъ нуждамъ и потребностямъ. Беллетристъ и драматургъ показываютъ (и это его нравственная обязанность) этнографическіе факты въ рельефѣ, съ выборомъ, непременно въ связи ихъ съ живой личностью и въ цѣлой бытовой обстановкѣ, при чемъ личныя субъективныя обобщенія и объясненія оказываются неизбѣжными, по личной заинтересованности автора, по свойству всякаго личнаго литературнаго творчества. Потому, всѣ народописательныя повѣсти Дала, Гл. Успенскаго, Мирнаго, Франка и др. относятся къ ис-

торіи літератури, а не къ історіи етнографіи. Настоящимъ нашимъ замѣчаніямъ не можетъ противорѣчить то обстоятельство, что недавно нами же напечатана статья о Г. О. Квиткѣ, какъ этнографѣ. Кто прочелъ эту статью, могъ видѣть, что здѣсь мы старались отдѣлать дѣйствительныя наблюденія отъ субъективнаго ихъ освѣщенія и подчерски, что относительно Квитки не трудно было сдѣлать, при запасѣ чистыхъ и провѣренныхъ этнографическихъ данныхъ.

Изъ статей историко-литературныхъ значительный интересъ представляютъ статья объ Іоаннѣ Вышенскомъ въ „Кіевской Старинѣ“ и статья о Перебендѣ Шевченка въ 1 кн. Литературно-научовой бібліотеки 1890 г. Кромѣ того, небольшія историко-литературныя и этнографическія замѣтки г. Франка были помѣщены въ „Кіевской Стар.“ 1888 кн. XI (воляцкая пѣсня), 1889 кн. I (колядки), 1890 т. XXIX, 1891 кн. XII (колядки).

Къ этнографіи г. Франко обнаружилъ наклонность съ молодыхъ лѣтъ. Еще будучи гимназистомъ въ концѣ 60 и въ началѣ 70-хъ годовъ онъ собралъ этнографическіе матеріалы. По выходѣ изъ гимназіи г. Ф. обошелъ родной край, что дало ему прочныя личныя свѣдѣнія и личныя симпатіи къ народному быту. Съ 1878 г. Франко въ польскихъ газетахъ, преимущественно во „Львовскомъ Курьерѣ“, писалъ повѣсти этнографическаго характера о разныхъ сторонахъ экономическаго и юридическаго быта крестьянскаго населенія. Нѣкоторыя повѣсти этого рода переведены на русскій языкъ въ „Кіев. Стар.“ 1889 XXV 400—437 и 1890 XXIX 307, 320, 427. Изъ непереведенныхъ отмѣтимъ двѣ слѣдующихъ: „*Iak Rusin tlułt sie po tamtym świecie*“ „*Iak powstają pieśne ludowe*“ (обѣ напеч. во львовской газетѣ Ruch 1887) и „*Gmina i zadruga wśród rusińskiego ludu w Galicyi i na Bukowinie*“ (въ варш. Głos 1887 № 19). Въ „Дѣлѣ“ 1889 г. №№ 278—287 напечатана небольшая статья о малорусскихъ колядкахъ. Въ „Зорѣ“ 1883 напечатана большая статья „*Жиноча неволя съ народныхъ пѣсняхъ*“, въ „Зорѣ“ 1884 г. статья объ остаткахъ первобытнаго міросозерцанія въ народныхъ загадкахъ.

Въ изданіи краковской академіи наукъ „*Zbiór Wiadomości do antropologii krajowej*“ 1886 г. X стр. 3—55 г. Франко и г-жа Рошкевичъ помѣстили сборникъ обрядовъ и пѣсенъ изъ м. Долина Стрыйскаго повѣта въ Галиціи. Это маленькій поселокъ карпатскихъ горцевъ бойковъ. Населеніе живетъ бѣдно по пословицѣ: „Долина голый, докола лѣсъ, а въ срединѣ еденъ бисъ“. Избы курныя. Хлѣбъ овсяный. Въ сборникѣ помѣщено описаніе мѣстной свадьбы, съ 181 пѣснью на извѣстные мотивы (прощаніе невѣсты съ матерью, расплетаніе косы и пр.). Мѣстами указаны варианты свадебныхъ пѣсенъ въ сборникахъ Чубинскаго, Навроцкаго и Головацкаго. Вообще, матеріалъ неважный, при обиліи сходныхъ матеріаловъ.

Во 2 кн. „Вислы“ 1892 г. на с. 263—278 напечатана интересная статья г. Франка „*Война жидовская*. Изъ области сравнительныхъ изученій народной словесности“. Въ Дрогобицкомъ уѣздѣ (въ Галиціи) г. Франко слышалъ поговорку: „Э, чи гречка, чи не гречка, мое войско маршъ“ и, какъ комментарий этой поговорки, разсказъ о томъ, какъ однажды жида воевали, и когда войско ихъ подошло къ гречкѣ во время ея цвѣтенія, то приняло ее за море. Парубокъ малороссъ сказалъ имъ, что это гречка, и тогда жидовскій полководецъ скомандовалъ „чи гречка, чи не гречка, мое войско маршъ“, и жида перешли вбродъ по гречаному морю. Г. Франко указываетъ, какъ на ближайшій возможный источникъ галицко-русскаго разсказа, на польскую народную книжку о жидовской войнѣ, въ родѣ книжекъ о Магелонѣ, о семи мудрецахъ и др., и на возможный источникъ этой книги—сатирическую поэму *Żydowszawos* 1792 г., гдѣ въ шутливой формѣ осмѣяны вооруженіе жидовскаго войска, его продовольствіе, медленное движеніе (везли перыны), какъ войско разбѣжалось при видѣ барановъ, какъ гречку приняли за рѣку и пр. т. п. Юдофилы отнеслись къ этой поэмѣ съ большими порицаніями. Г. Франко находитъ, что поэма эта, довольно невинная по тону, безъ яркой національной вражды, интересна въ историко-литературномъ отношеніи. Мотивы поэмы—бѣгство отъ барана, принятіе гречки за рѣку и др.—очень стары, старѣе самой поэмы. Такого же рода

разказы издавна циркулируютъ въ Германіи въ приложеніи къ швабамъ, шильдбургерамъ и др. мѣстнымъ жителямъ, осмѣиваемымъ за глупость. Г. Франко указываетъ на старую народную книгу о вѣмецкихъ пошехонцахъ шильдбургерахъ „Wunderseltzame Abendtheurliche...“ 1598 г., а отдѣльные ея эпизоды въ популярныхъ „Фацеціяхъ“, изданныхъ еще въ 1501 г., и въ сатирической повѣсти Кирхгофа о семи швабахъ „Wendunmuth“ (1565). Самымъ древнимъ варіантомъ представляется разказъ Павла Дьякона, что на войско геруловъ, разбитое лонгобардами, напалъ такой страхъ, что герулы цвѣтушій на полѣ ленъ приняли за рѣку. Этими сближеніями собственно и оканчивается статья г. Франка. Заключительная (на послѣдней страницѣ) замѣтка о томъ, какъ египтяне въ погонѣ за евреями бросились въ Красное море, на мой взглядъ, къ дѣлу не идетъ, и сближеніе библейскаго разказа съ вышеприведенными представляется лишнимъ. Эта прибавка вредитъ статьѣ, во всемъ остальномъ полезной и цѣнной, по обилію и разносторонности фактическаго матеріала и по широкому примѣненію сравнительнаго метода. Изъ такихъ этюдовъ объ отдѣльных пословицахъ и сказаніяхъ, какъ этюдъ г. Франка „Война жиловская“, при накопленіи ихъ трудами многихъ изслѣдователей, можетъ составиться богатая литература по фольклору, которая внесетъ много свѣта въ исторію культуры. Въ „Вислѣ“ 1893, I, стр. 82—87 г. Франко пополняетъ статью свою индійскими варіантами, взятыми изъ „Zur Volkskunde“ Либрехта.

Статья г. Франка о жидовской войнѣ представляется попыткой подойти къ довольно обширному циклу сказаній о глупыхъ народахъ. Прыганье въ гречаное море одинъ изъ мотивовъ этого сложнаго сказанія. Другіе еще болѣе популярныя мотивы: постройка церкви безъ оконъ, сохраненіе солнечнаго свѣта въ бочкѣ или мѣшкѣ, встаскиваніе коровы на церковную колокольню, чтобы она попаслась, проносъ дерева во дворъ не вдоль, а поперекъ. Подобнаго рода разказы у древнихъ грековъ приурочивались къ абдеритамъ, у вѣмцевъ къ швабамъ, шильдбургерамъ, вендамъ, у великоросовъ къ пошехонцамъ, у малорусовъ къ жидамъ и литвинамъ, въ древней Руси къ печенѣгамъ

(судя по лѣтописнымъ намекамъ), въ Болгаріи къ стеблевцамъ, большею частью безъ наименованія, въ приложеніи вообще къ глупымъ людямъ. Въ настоящее время собрано уже множество историческихъ преданій и сказокъ на тему о глупыхъ народахъ.

Въ 1 кн. „Wisła“ 1894 г. г. Франко напечаталъ статью „Славянскія преданія о Магометѣ“, интересную въ историко-литературномъ отношеніи (см. „Кіев. Стар.“ 1894, XI, 330).

Г. Огоновскій, признавая г. Ф. „однимъ изъ наиболѣе талантливыхъ писателей русско-украинскихъ“, высказываетъ сожалѣніе, что онъ сильно разбрасывается и ослабляетъ свою творческую силу. Въ оправданіе г. Ф. при этомъ замѣчено, что „до раздроблюваня тои творчости причинае ся чимало журби о хлѣбѣ, котрого Франко добивае ся въ потѣ чола“.

Ө. К. Волковъ.

Этнографическія статьи г. Волкова разсѣяны по малоизвѣстнымъ русскимъ и заграничнымъ (французскимъ и болгарскимъ) изданіямъ. Перечисляя ихъ ниже въ хронологическомъ порядкѣ, мы не можемъ поручиться за полноту нашего перечня.

Въ *Трудахъ* 3 археол. съѣзда (въ Кіевѣ) во 2 т. стр. 317—326 напечатана небольшая ст. г. Волкова „Отличительныя черты южнорусской народной орнаментики“. Предметъ изслѣдованія весьма интересный; но матеріала собрано мало, и все изслѣдованіе отличается большой краткостью. Авторъ въ началѣ статьи вполне основательно указываетъ на полную неразработанность южнорусской орнаментики. Затѣмъ авторъ говоритъ вкратцѣ о малорусскихъ рѣзныхъ украшеніяхъ на хатахъ, деревянныхъ и гончарныхъ издѣліяхъ, о писанкахъ—обо всемъ этомъ въ двухъ-трехъ словахъ. Подробнѣе (на 8 страницахъ) говорится объ узорахъ и вышивкахъ на одеждѣ, съ подраздѣленіемъ орнаментовъ на геометрической, растительный и животный. Здѣсь высказано нѣсколько любопытныхъ замѣчаній о малорусскомъ народномъ искусствѣ, какъ оно выразилось въ вышивкахъ, о мѣстныхъ его особенностяхъ. Авторъ дѣлаетъ такіе общіе выводы о характерныхъ особенностяхъ малорусской орна-

ментики: наклонность къ растительному орнаменту, преобладаніе цвѣтовъ краснаго и синяго и только на югѣ желтаго, отсутствіе изображеній цѣлыхъ деревьевъ, птицъ, животныхъ, архитектурныхъ украшеній. При скудости матеріала, которымъ располагалъ авторъ, всѣ выводы, общіе и частные, весьма непрочны, и легко могутъ оказаться несостоятельными, при большемъ кругѣ сравненій. Такъ, нельзя сказать, что въ малорусскомъ орнаментѣ обнаруживается полное отсутствіе изображеній цѣлыхъ деревьевъ, птицъ, животныхъ и архитектурныхъ украшеній. Птицы и животныя въ цѣлой формѣ неудобны для орнаментики, и цтому встрѣчаются рѣдко въ цѣломъ видѣ, но все таки встрѣчаются (чаще всего на писанкахъ); но въ частичномъ изображеніи животный орнаментъ весьма популяренъ въ Малороссіи. Что касается до архитектурныхъ изображеній, то они имѣются съ геометрическими фигурами. Вопросъ о предпочтеніи цвѣта также нуждается въ фактической разработкѣ. Замѣтимъ мимоходомъ, что желтый цвѣтъ весьма часто встрѣчается и въ восточной малорусской орнаментикѣ. Въ концѣ статьи авторъ намѣчаетъ нѣсколько любопытныхъ вопросовъ о самобытномъ происхожденіи однихъ малорусскихъ орнаментовъ (преимущественно растительныхъ, напр.—гвоздики у персовъ, крестовъ у визанційцевъ). Уже въ этой статьѣ обнаруживается умѣнье автора выбирать весьма интересныя и жизненныя темы для изслѣдованія, что сказывается затѣмъ во всѣхъ послѣдующихъ его этнографическихъ статьяхъ.

Въ „Melusine“ 1891 г. № 8 г. Волковъ напечаталъ статью о побратимствѣ въ Украинѣ „*La fraternisation en Ukraine*“. Въ большомъ числѣ замѣтокъ о побратимствѣ у разныхъ народовъ, напечатанныхъ въ „Мелюзинѣ“ за послѣднія 5 или 6 лѣтъ статья г. Волкова выдается по полнотѣ. Если принять во вниманіе, что и въ специальныхъ монографіяхъ по исторіи права Мэна, М. Ковалевскаго и др. о побратимствѣ разсѣяны лишь краткія замѣтки, нужно признать за трудомъ г. В. научное значеніе. Нельзя сказать, чтобы авторъ разобралъ побратимство съ разныхъ сторонъ, освѣтилъ и объяснилъ его широкими сравнительно-этнографическими параллелями и аналогіями, въ статьѣ

нѣтъ указаній на связь побратимства съ другими близкими въ нему явленіями народнаго быта, напримѣръ—съ братствами, въ видѣ перехода побратимствъ двухъ лицъ въ многолюдныя братства. Но и въ данномъ видѣ статья г. В. представляет полезное пособіе для будущихъ изслѣдователей побратимства вообще, въ частности русскаго. Въ статьѣ о побратимствѣ въ Украинѣ г. В. приводитъ два свидѣтельства о немъ, г-жи Ганенко о побратимствѣ въ елисаветградскомъ у. и свящ. Сорокина о побратимствѣ въ александрійскомъ у., затѣмъ указываетъ на побратимство у скифовъ, по свидѣтельству Геродота и по рисунку на одной скифской вазѣ, о побратимствѣ въ былинахъ, украинскихъ сказкахъ и пословицахъ, объ указаніи на этотъ обычай въ старинныхъ требникахъ, о побратимствѣ у сербовъ; въ концѣ статьи приведено мнѣніе М. Ковалевскаго о происхожденіи обычая ¹⁾.

Въ *Revue des traditions populaires* напечатанъ рядъ легкихъ замѣтокъ разныхъ авторовъ о суевѣріяхъ, связанныхъ съ дорогами и мостами. Въ XI № 1891 г. Волковъ помѣстилъ двѣ замѣтки о суевѣріяхъ украинскихъ и болгарскихъ. Въ замѣткѣ „*Voyages et Voyageurs en Ukraine*“ 1891 г. (647 стр.) упомина-

¹⁾ Къ той литературѣ побратимства, которая попадалась мнѣ въ *Melusine*, добавилъ здѣсь указанія на малор. сказки *Манжуры* стр. 15, *Этногр. Обзор.* 1890 II 152, 151, 1891 II 24, Осетин. этюды *В. Миллера* I 3, обильные и цѣнные сербскіе матеріалы у *Милевича*, Вѣлор. сборн. *Романова* III 101, замѣтки *А. Веселовскаго* въ *Ж. М. Н.* Пр. 1894 II, *Звонкова* въ *Трудахъ этн. отд. моск. общ. Любит. ест.* 1889 стр. 46—48 (посестріе), *Караджича* въ *Приповѣткахъ* 219; *Живая Стар.* во 2 кн. (ст. Ровинскаго), *Потанинъ* „*Очерки С. З. Монголіи* IV 39 (цѣлованіе топора и медвѣдя при побратимствѣ) и на 898 стр. (о Джарсузъ Ханѣ—побратимство въ родѣ упоминаемаго первоначальной лѣтописью), *Костомаровъ*, *Преданія первонач. лѣтописи* 123, *Сборникъ матер. для изученія Кавказа* IX 40, *Наѣн* (греч. и албанск. сказки) №№ 18 и 64 (побратимство между героемъ и дракономъ), *Revue d trad.* рор. 91 X (побратимство посредствомъ крови), *Живая Стар.* 1892 III (болгар. сказка), *Русскій Вѣстникъ* 1888 XII 24 замѣтка о побратимствѣ среди китайскихъ разбойниковъ манзовъ, очень любопытная для исторіи перехода частнаго побратимства въ широкую родственную связь многихъ лицъ), *Свер. Вѣстникъ* 1889 I (статья проф. Лучинскаго), *Харузинъ*, *Русскіе лопари* 258, *Микушевъ*, *Задумайскіе славяне* 26, 143, 288. Кое-какія указанія см. въ библиографіи обычнаго права *Якушкина*, въ соч. *Мена* о древнемъ правѣ, въ соч. *Харузина* о донскихъ козакахъ.

нута слѣдующіе несчастные признаки отправленія въ дорогу въ понедѣльникъ, спотыканіе или остановка лошадей, встрѣча съ зайцемъ, съ женщиной, несущей пустыя ведра, съ священникомъ—все извѣстныя примѣты. Кромѣ того, упомянуто, что лица, отправляющіяся въ далекій путь, берутъ горсть земли съ кладбища или изъ подъ фігуры (креста) и несутъ ее на шеѣ въ ладонѣхъ. Этотъ малорусскій матеріалъ изданъ въ дополненіе къ повѣрьямъ другихъ народовъ относительно путешествій, повѣрьямъ, собираемымъ по мелочамъ на страницахъ *Revue d. trad. pop.*

Наиболѣе крупное изслѣдованіе г. Волкова „*Rites et usages nuptiaux en Ukraine*“ напечатано въ *L' Anthropologie* 1892 (были оттиски). Это довольно объемистый трудъ (ок. 150 стр.). Авторъ ставитъ спеціальной цѣлью ознакомленіе западныхъ ученыхъ съ малорусскими свадебными обрядами. Описательный элементъ преобладаетъ. Послѣ краткаго введенія авторъ приступаетъ къ подробному описанію малорусской свадьбы въ томъ порядкѣ, какъ она совершается въ дѣйствительности. Въ первой главѣ говорится о свидѣтельствѣ древней лѣтописи о бракосочетаніи у русскихъ славянъ, объ умыканіи дѣвицъ, покупкѣ; объ устойчивости народнаго обычая. Во второй главѣ—о соціальной организаціи украинской молодежи (братства, досвѣтки) и остаткахъ пробнаго брака. Въ третьей—о дѣвичникѣ, благословеніи молодыхъ хлѣбомъ, посадѣ, танцахъ, перевязываніи платками. Въ четвертой—о гильцѣ, вѣнкахъ, созывѣ гостей. Въ пятой—о коровай (приготовленіе, украшенія, танцы). Въ шестой—о благословеніи молодыхъ и отъѣздѣ ихъ въ церковь, о суевѣріяхъ, связанныхъ съ вѣнчаніемъ, встрѣчѣ молодыхъ въ домѣ родителей неvěсты. Въ седьмой—о весильѣ, переймѣ, продажѣ сестры братомъ, посадѣ, обрядовомъ поцѣлуѣ. Въ восьмомъ—о раздѣленіи подарковъ, платѣ роду неvěсты, раздѣленіи коровай, отъѣздѣ молодыхъ въ домъ жениха. Въ девятой—о встрѣчѣ молодыхъ въ домѣ жениха, брачныхъ пѣсняхъ, опредѣленіи невинности и увѣдомленіи о томъ матери молодой. Въ десятой—объ обрядахъ на другой день свадьбы, свадебномъ знамени, покрываніи головы молодой. Въ одиннадцатой—объ обрядовомъ употребленіи меда,

перезвѣ, перезывкахъ, свадебныхъ оргіяхъ. Въ двѣнадцатой—находится общій обзоръ свадебнаго ритуала къ краткими научными комментаріями. Здѣсь говорится о религіозной и юридической сторонахъ свадьбы, времени заключенія браковъ, чертахъ гетеризма и матеріархата.

Авторъ пользовался печатными матеріалами (сборниками Чубинскаго, Янчука и др.) и рукописными (записи Е. П. Радаковой, Грыха).

Авторъ при изученіи малорусской свадьбы слѣдуетъ сравнительному методу; но при этомъ почти всѣ сравненія и объясненія относитъ въ подстрочныя примѣчанія, въ мелкій шрифтъ, отчего ступшевывается лучшая часть изслѣдованія.

Лучшая по полнотѣ содержанія и отчасти по новизнѣ фактовъ глава—XI. Здѣсь авторъ подробно говоритъ о вакхической сторонѣ свадебнаго ритуала, выразившейся преимущественно въ перезвѣ, что въ русскихъ научныхъ трудахъ большею частью обходится молчаніемъ, иногда по недостатку матеріала, иногда по другимъ независимымъ отъ авторовъ обстоятельствамъ. Единственной спеціальная замѣтка Кистяковского объ обрядахъ и пѣсняхъ перезвы, замѣтка небольшая, но цѣнная, затеряна въ спеціальному изданіи и немногимъ извѣстна. Авторъ объясняетъ перезву, какъ остатокъ древнѣйшей оргіи или свальнаго грѣха, что подтверждается разными глухими намеками въ древнихъ памятникахъ русской литературы и обычаями современныхъ дикихъ народовъ. Напр., у нѣкоторыхъ негрскихъ племенъ молодые уходятъ вмѣстѣ съ гостями, парнями и дѣвцами, въ темную хижину и здѣсь происходитъ оргія.

Изъ частныхъ замѣчаній автора отмѣтимъ здѣсь библиографическій обзоръ сочиненій, гдѣ говорится о пробномъ бракѣ или точнѣе, по нѣмецкой терминологіи, *Probenächten* (гл. II стр. 179 примѣч.); объ обрядовомъ употребленіи вѣнка (гл. III стр. 413), объ одариваніи священника или помѣщика (гл. IV 414), о нѣкоторыхъ обычаяхъ относительно разбиванія чаши, осыпанія зерномъ (VI 433), о переймѣ (VII 543), обмѣнѣ кольцами (VII 548), о брачномъ поцѣлуѣ (VII 551), объ обрядовомъ связываніи молодыхъ (VII 553), обрядовомъ употребленіи пѣтуха (VIII 560,

IX 568, X 543), о фаллическомъ значеніи пѣсенъ про быка и теличку (IX 573, XI 558, XII 569), объ освященіи брачнаго ложа (IX 574), объ осмотрѣ одежды невѣсты, преимущественно сорочки, чтобы не было иглы — „проторга“, для искусственнаго кровоизліянія (IX 575), о сниманіи сапога (IX 576—577), о половомъ воздержаніи жениха (IX 579), о мѣропріятіяхъ противъ случайной немочи жениха (IX 580—581), объ обычаѣ „смольтъ молоду“, т. е. сжигать пучокъ волосъ (IX 585), о значеніи краснаго цвѣта (X 545), о танцахъ на перезвѣ (XI 557), о времени заключенія браковъ (XII 572—573); о продажѣ невѣсты на базарахъ (XII 574—576), о значеніи старосты и дружбы (XII 583—588). Настоящій краткій предметный указатель составленъ нами потому, что въ самой книгѣ нѣтъ никакого указателя и даже нѣтъ оглавленія, что затрудняетъ пользованіе книгой. Современная этнографическая наука входитъ въ мелочи, и составленіе подробныхъ предметныхъ указателей, въ родѣ такихъ, какіе прилагаются къ XII кн. *Revue de traditions populaires*, весьма желательно.

Въ настоящее время существуетъ уже много изслѣдованій о свадебныхъ обрядахъ, затрогивающихъ отчасти и свадебныя пѣсни. Кромѣ изслѣдованія г. В., крупными трудами нужно признать еще напечатанныя въ *Этногр. Обзор.* статьи г. Довнаръ-Запольскаго и г. Охримовича. При всемъ томъ, остается еще много пробѣловъ. Менѣе всего изучены свадебныя пѣсни, должно быть потому, что изученіе ихъ, при подавляющей массѣ сыраго матеріала, сопряжено съ большой затратой труда и времени. Затѣмъ, остается не мало обрядовъ, обычаевъ, цѣлыхъ свадебныхъ дѣйствій, темныхъ и загадочныхъ. Изъ данныхъ методовъ изслѣдованія свадьбы мнѣ представляется наиболѣе удобнымъ и наиболѣе плодотворнымъ методъ, принятый г. Довнаръ-Запольскимъ и г. Волковымъ—изученіе свадьбы въ послѣдовательности главныхъ ея актовъ, сравнительно, какъ они проявляются у разныхъ народовъ, съ попутнымъ сводомъ наличныхъ въ печати мнѣній объ ихъ происхожденіи и значеніи. Методъ г. Охримовича состоитъ въ введеніи малорусскаго этнографическаго матеріала въ рамки научныхъ теорій выдающихся западныхъ ученыхъ—

(Баховена, Тейлора и др.) по исторіи развитія семьи, напр., въ рамки гетеризма, матриархата. Попутно при этомъ освѣщается и малорусскій этнографическій матеріалъ, но рядомъ идутъ преувеличенія, увлеченія и натяжки. Исслѣдованія прежняго времени и прежде всего мое 1881 г., на которое я встрѣчаю часто ссылки, также не свободны отъ преувеличеній и ошибочныхъ толкованій въ другую сторону—въ область мифологій. Несомнѣнно, что съ мифологіей всегда придется считаться изслѣдователямъ свадебныхъ обрядовъ и пѣсенъ, что солнечнаго культа обойти нельзя; но многое изъ того, что въ старое время объяснялось этимъ культомъ, теперь, при накопленіи новыхъ матеріаловъ, среди которыхъ встрѣчаются весьма цѣнные (напр., изданное недавно *Винтерницемъ* въ Памят. Вѣиск. Акад. Наукъ описаніе древнихъ индійской свадьбы), требуетъ пересмотра, можетъ быть, дополненія, а, можетъ быть и устраниенія, при возможности другихъ болѣе, реальныхъ историко-культурныхъ и бытовыхъ объясненій.

Обращаясь къ малорусской свадьбѣ, считаю не лишнимъ замѣтить, что матеріала накоплено очень много; тѣмъ изслѣдователямъ, которые не имѣютъ подъ руками большихъ книгохранилищъ или не владѣютъ иностранными языками, можно рекомендовать цѣлый рядъ полезныхъ работъ, не выходя изъ малорусскаго фольклора. Полезно было бы, напр., сличить извѣстныя уже въ печати описанія малорусской свадьбы и опредѣлить мѣстные оттѣнки. До сихъ поръ по этой части ничего не сдѣлано. *А. А. Русовъ* въ предисловіи къ сборнику пѣсенъ *С. А. Чернявской* (V т. Сборн. харьк. ист. фил. общ. 113), говоритъ, что „сравненіе словъ опредѣленныхъ куплетовъ указываетъ на происхожденіе бѣлозерской свадьбы (т. е. с. Бѣлозерки херсонск. у.) изъ разныхъ элементовъ юго-западнаго и юго-восточнаго типовъ этого ритуала“. Но кто опредѣлилъ эти типы? гдѣ объ нихъ трактовалось? ничего подобнаго я не встрѣчалъ. *Г. Волковъ* въ IX гл. стр. 581 говоритъ, что въ восточной Малороссіи молодые проводятъ столько времени въ коморѣ, сколько необходимо для полового сочетанія, а въ правобережной Малороссіи они проводятъ въ коморѣ всю брачную ночь. И это утвержденіе основано

на случайномъ наблюденіи. Кромѣ того, слѣдовало бы составить библиографическій указатель статей о малорусской свадьбѣ, сгруппировать мотивы пѣсенъ, составить обстоятельный словарь малорусской свадебной терминологіи, въ замѣнъ или, по крайней мѣрѣ для дополненія моего краткаго словаря въ „Культурныхъ переживаніяхъ.“

Въ болгарскомъ „Сборникѣ за народни умотворенія“ г. Волковъ напечаталъ часть своего изслѣдованія о свадебныхъ обрядахъ, преимущественно малорусскихъ.

Въ *Revue d. trad. populaires* и въ послѣднее время въ *Этнограф. Обзорѣніи* (см. кн. XIX) стали появляться содержательныя библиографическія рецензіи г. В. на этнографическія русскія и западно-европейскія изслѣдованія. Изъ этихъ замѣтокъ видно, что г. Волковъ съ живымъ интересомъ слѣдитъ за развитіемъ современнаго фольклора какъ въ русской, такъ и въ западной научной литературѣ.

Ө. Кондратовичъ.

За подписью г. Ө. Кондратовича въ *Кіев. Старинѣ* 1883 г. кн. 1, 2 и 4 напечатана обширная статья „*Задунайская Стьчъ* по мѣстнымъ воспоминаніямъ и разсказамъ.“ Авторъ пользовался преимущественно сообщеніями древняго старика Коломійца, который для г. К. оказался столь же обильнымъ источникомъ историческихъ воспоминаній, какимъ для г. Эварницкаго былъ другой обломокъ Запорожья—дѣлъ Россолода. Какъ во всякомъ устномъ преданіи, записанномъ со словъ, въ разсказахъ Коломійца оказывается болѣе этнографическихъ элементовъ, чѣмъ собственно историческихъ, и многіе его разсказы, имѣющіе по внѣшности видъ историческаго преданія, въ дѣйствительности оказываются литературными произведеніями, иногда свойственными многимъ народамъ эпическими мотивами. Это замѣчаніе не устраняетъ важнаго историческаго значенія статьи г. Кондратовича.. Историческія преданія и въ особенности сообщаемыя г. Кондратовичемъ съ народныхъ устъ историческія пѣсни, довольно многочисленныя, придають двойное значеніе статьѣ, какъ цѣн-

ному пособию для исторіи и этнографіи въ ихъ взаимной живой связи. Вообще, этотъ трудъ г. К. обнаруживаетъ въ авторѣ большую наблюдательность и умѣнье разобратся въ этнографическомъ сырѣ, и нельзя не пожалѣть, что прекрасная статья г. К. была мало замѣчена въ научной литературѣ.

Въ статьѣ подробно говорится о внутреннихъ порядкахъ Задунайской Сѣчи, напоминавшихъ запорожскіе порядки, и о жестокой борьбѣ задунайскихъ сѣчевиковъ съ сосѣдями ихъ некресавцами. Въ разсказахъ Коломійца попадаетъ любопытное указаніе на пребываніе запорожцевъ въ Банатѣ и нѣсколько любопытныхъ повѣрій—о погѣ волшебникѣ. Со словъ разныхъ лицъ записаны слѣдующія историческія пѣсни о запорожцахъ: 1) Позволь батьку атамане, 2) У славній Сичи, у Чути, 3) Ой тысяча симсотъ да девьяносто лѣтъ и перваго года, 4) Ой чого, чого запорожци, 5) Ой, Боже жъ нашъ милостивый, 6) Ой по-війте, витры, та все низови, 7) Ой, москалю, ой москалю, 8) Ой крикнула лебедочка изъ степу леттечи, 9) Ой наробыли та славни запорожци, 10) Закричала ластивонька, 11) Ой летила бомба, 12) Ходывъ, блудывъ молодой козакъ (великорусская, донская), 13) Ой у поли крыныченька, 14) Ой да Дунай ричка та широка, 15) Булы у насъ хлопцы (изъ сказокъ о глупыхъ людяхъ), 16) Ой у поли шелемъ-белеть (отрывокъ). Лучшія пѣсни записаны со словъ Коломійца. Вообще, пѣсни эти могутъ пригодиться для будущаго изданія сборника малорусскихъ историческихъ пѣсенъ XVIII в., при многихъ другихъ пѣсняхъ этого времени, разбросанныхъ въ разныхъ малозвѣстныхъ и малодоступныхъ изданіяхъ.

Малоруссы въ современной польской этнографіи.

СОДЕРЖАНІЕ.

Руликовский.—Кольбергъ.—Поновскій. — Биковскій.—Подберезскій.—Бричянский.—Зѣмба.—Густавичъ.—Грегоровичъ.—Колесса (Янъ).—Цисекъ.—Конернацкій.—Талько-Гринцевичъ.—Мошинская.—Рокоссовская.—Томашевская.—Шаблевская.—Малиновская.—Стадницкая.—Ванке.—Рашкевичъ.—Нейманъ и Z. D.

Въ польской этнографической литературѣ малоруссы всегда занимали значительное мѣсто, по близкому сосѣдству двухъ род-

ственныхъ славянскихъ племенъ. Въ старое время въ малорусской этнографіи неслѣднее мѣсто занимали труды Доленги-Ходаковского, Залѣскаго (Вацлава изъ Олѣска), Жеготы Паули, Войццкаго, Голембiovскаго, Новосельскаго-Марцинковскаго, Турцевича. Къ новымъ польскимъ этнографамъ, посвящавшимъ свои труды малорусскому племени, можно отнести Руликовскаго, Кольберга, Мошинскую и мн. др., статьи которыхъ были помѣщены большею частью въ краковскомъ изданіи *Zbiór Wiadomości*, когда Коперницкій былъ редакторомъ этого изданія. Украинско-польская этнографія характеризуется двумя чертами: 1) подавляющее большинство статей состоитъ изъ сырыхъ, этнографическихъ матеріаловъ, если не считать небольшихъ газетныхъ и журнальныхъ статей, напр. статей г. Неймана о думкахъ и о пѣсенныхъ размѣрахъ, нѣтъ совсѣмъ изслѣдованій. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что и по польскому фольклору изслѣдованій очень мало: сырой матеріалъ и здѣсь сказывается подавляющимъ. Новая польская этнографія вообще, а малорусскій ея отдѣлъ въ особенности, отличается обиліемъ женскаго труда; чуть ли не большинство сборничковъ пѣсенъ составлено женщинами.

Въ виду того, что польскіе сборники даютъ лишь этнографическіе матеріалы, мы на предстоящихъ страницахъ ограничимся обзоромъ ихъ содержанія. Сборники эти въ Россіи почти неизвѣстны, и библиографическій очеркъ, можетъ быть, наведетъ изслѣдователя на новые нелишенные научнаго интереса, матеріалы, по нѣкоторымъ отдѣламъ фольклора, матеріалы довольно богатые и свѣжіе.

Къ слову сказать, въ украинско-польскихъ сборникахъ очень немного—одинъ языкъ, или даже одна латиница, т. е. въ дѣйствительности это чисто малорусскіе сборники пѣсенъ и сказокъ, записанныхъ латиницею съ большою научной добросовѣстностью и съ соблюденіемъ мѣстныхъ фонетическихъ особенностей.

Руликовскій (Эдуардъ) родился въ 1809 г., былъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, солидный знатокъ малорусскихъ древностей и исторій, скончался на 79 году жизни въ

1888 г. въ с. Геленовѣ васьковскаго уѣзда кievской губ. Въ теченіе своей жизни онъ усердно занимался наукою; труды свои онъ посвятилъ исключительно разработкѣ археологiи, статистики и этнографіи правобережной Малороссiи. Въ географическомъ словарѣ Сулимирскаго и Валевскаго онъ помѣстилъ рядъ историко-статистическихъ *описаній городовъ и мѣстечекъ* кievской губ. Въ 1853 г. Руликовскій издалъ *описаніе васьковскаго уѣзда* кievской губ., довольно объемистую книжку, въ 243 стр. Изъ 22 главъ 5 посвящены этнографіи, главнымъ образомъ глава 18, гдѣ говорится о характерѣ, обычаяхъ, преданіяхъ, повѣрьяхъ и одеждѣ крестьянъ, и глава 19, гдѣ приведена 51 малорусская пѣсня, въ томъ числѣ нѣсколько цѣнныхъ историческихъ пѣсень прошлаго вѣка.

Въ III-мъ *Zbiór wiadomości* (1879) напечатаны („*Zapiski etnograficzne z Ukrainy*“ (62—166), сборникъ этнографическихъ матеріаловъ, собранныхъ Руликовскимъ большею частью лично отъ крестьянъ кievской губ.

Въ началѣ сборника (62—89) помѣщены *преданія* (59 №№) большею частью историческія, и отчасти апокрифическія, напримѣръ, о нечестивыхъ великанахъ, потопленныхъ Богомъ. Интересны преданія о Перепетѣ и Перепетихѣ. Жена царя Перепета съ войскомъ пошла отыскивать мужа, встрѣтила его войско, не узнала его, убила мужа, и съ горя лишила себя жизни. Надъ ними насыпаны курганы. Варіантъ преданія о Перепетѣ и Перепетихѣ изданъ Чубинскимъ въ маленькой брошюрѣ о малорусскихъ народныхъ преданіяхъ. Далѣе, у Руликовскаго находимъ интересные варіанты преданій о Кожемякѣ (Деменкѣ) и сказки объ Ильѣ Муромцѣ и Соловѣ Разбойникѣ. Литература предмета старательно собрана въ одной этнографической замѣткѣ В. В. Калаша въ „Этнографич. Обзорѣни“. Въ „Запискахъ“ Руликовскаго въ разрядѣ преданій встрѣчается интересная въ историко-литературномъ отношеніи сказка о Сучичѣ, варіантъ сказки, извѣстной по сборникамъ Чубинскаго, Манжуры и другихъ. Научное изслѣдованіе Потебни о Сучичѣ и др. сходныхъ ему лицахъ указано мной при обзорѣ сочиненій Потебни, съ надлежащими дополненіями по литерату-

рѣ предмета. Далѣе у Р. слѣдуетъ нѣсколько любопытныхъ преданій о кievской старинѣ, о древнемъ названіи Кіева Арах-телемъ (62), объ Андреѣ Первозванномъ, о томъ, какъ святой Антоній заперъ демона въ чернильницѣ (69), рядъ преданій о татарахъ, о Батыѣ (72—78), Мамаѣ (79), о набѣгахъ татарскихъ (80—82), сказаніе о затонувшемъ озерѣ (вариантъ обширнаго цѣла сказаній, о которомъ мы говорили въ 8 т. сборника Харьк. Истор. Фил. общества 1896 г.), сказаніе объ обращеніи двухъ любовниковъ въ селезня и утку. Совсѣмъ не къ мѣсту среди историческихъ преданій попала сказка о томъ, какъ демонъ сначала далъ лѣсническому денегъ, а потомъ удавилъ его (76). Первый отдѣлъ заканчивается преданіями о Богданѣ Хмельницкомъ, запорожцахъ и гайдамакахъ, въ этихъ преданіяхъ отмѣчены случаи грабежа, запорожское знахарство, ихъ одежды. Интересны и новы преданія о запорожскомъ писарѣ изъ монаховъ Журбѣ и ватажкѣ Витрогонѣ (83—87). Въ преданія вошли въ отрывкахъ двѣ думы, одна о Хмельницкомъ „Бодай Хмеля Хмельницкаго перва куля не минула“, извѣстная въ болѣе подробномъ видѣ по сборнику Антоновича и Драгоманова, и начала другой неизвѣстной, забытой думы о Витрогонѣ:

Панъ Боровскій Витрогона припрохае,
А винъ людей не визнавае,
А панъ его на волю пускае.
„Скажи, скажи, Игнате, хто ще бувъ зъ тобою
То я тебѣ, Игнате, пушу на волю,
Игнать словомъ утверждае
А людей не визнавае.

Во второй отдѣлѣ „*Mity*“ (мины) вошли краткія замѣтки о Паликопѣ, мавкахъ, русалкахъ, вѣдьмахъ, чаровницахъ, зміѣхъ летавцѣхъ, перелестникѣхъ, дивѣхъ, упыряхъ, вовкулакахъ, посигаловцахъ, нычкѣхъ и полозахъ.

Въ отдѣлѣ третьемъ (*Wierzenia*) а четвертомъ (*Wyobrażenia przyrodnicze*) находятся краткія сообщенія о *поверхьяхъ*, связанныхъ съ разными растеніями и животными, съ силами и явленіями природы. Матеріалъ перемѣшанъ, напр., о журавлѣ говорится въ 3, а объ аистѣ въ четвертой главѣ, о кукушкѣ и дят-

лѣ въ 3, а о гусяхъ и ласточкахъ въ 4. Вообще, распредѣленіе матеріала составляетъ слабую сторону „Этн. записокъ“ Руликовскаго.

Въ главахъ 5, 6, 7 и 8 находятся также краткія сообщенія о колдовствѣ, народной медицинѣ, заговорахъ (18 №№) и мадаміяхъ. Между прочимъ приведенъ одинъ архивный документъ XVIII в., о колдовствѣ и 10 наставленій объ уходѣ за пчелами, представляющихъ варианты тѣхъ „наукъ“, которыя находятся въ I т. Чубинскаго.

Въ 9 главѣ находится краткое описаніе *обрядовъ крестинныхъ и свадебныхъ* (стр. 120—123), матеріалъ незначительный при существующей въ печати массѣ описаній малорусской свадьбы.

Въ главѣ объ обычаяхъ, связанныхъ съ годовыми праздниками—мелкія замѣтки о народномъ календарѣ, кулачныхъ бояхъ и писанкахъ. Въ эту главу вошло (126—129) описаніе досвѣтокъ, обычаи ярмарочные и нѣсколько мелкихъ повѣрій.

Въ 11 главу вошло нѣсколько повѣрій о закладѣ хаты, названія разныхъ частей хаты, воза, плуга, ярма, сохи, бороны и одежды.

Двѣнадцатая глава носитъ названіе *Мова* (языкъ), но здѣсь нѣтъ ничего о мѣстныхъ звуковыхъ особенностяхъ. Въ эту главу вошли названія родныхъ, названіе быковъ и коровъ, формулы привѣтствія, проклятія и брани.

Въ 13 главу вошли думы и пѣсни, всего 19 №№. Первая дума о Димитріи Вишневецкомъ ранѣе уже издана въ „Описаніи“ васьильк. у., въ настоящемъ изданіи добавлено въ концѣ 7 строкъ исключенныхъ въ „Описаніи“: „акъ стрелывъ (Д. В.) то впцельвъ въ сердце султана, а султаншу въ потылицю, а дочь султана въ помисныцю. „Отожъ тоби султане, за твою кару“. „Узлымысь языченьци, стали его рубаты; стали янгелы крылми трепаты, стали его тило и душу съ небесъ браты“.

Вторая пѣсня объ Иванѣ Вдовыченкѣ представляетъ варианты думы, извѣстной по многимъ другимъ сборникамъ.

Въ 14 главу вошло 515 пословицъ и въ послѣднюю, 15 главу, 17 загадокъ—матеріалъ нелишенный интереса при сравни-

тельномъ изученіи съ болѣе крупными русскими и иностранными сборниками.

Обращаясь къ общей оцѣнкѣ сборника Руликовскаго, нужно оговорить, что главы 1 и 13 заключаютъ въ себѣ историческія преданія и пѣсни, что сообщаетъ имъ большой интересъ и научную цѣнность. Остальныя же главы при другихъ сборникахъ не имѣютъ значенія, по краткости и, главное, извѣстности матеріала. Достоинство „Записокъ“ Руликовскаго состоитъ въ точности записи; слабая сторона ихъ—разбросанность матеріала.

Въ V т. „Zbiór wiadomości“ Руликовскій напечаталъ интересную статью о *каменныхъ бусахъ*, находимыхъ на правомъ берегу Днѣпра. Каменные бусы встрѣчаются очень часто по берегамъ рѣкъ: Стугны, Унавы, Ирпени и др. днѣпровскихъ притоковъ, затѣмъ на Волыни въ овручскомъ уѣздѣ. По р. Стугнѣ каменные бусы встрѣчаются во всѣхъ селахъ. Крестьяне находятъ ихъ въ поляхъ и лѣсахъ. Каждый сильный дождь выносить ихъ на поверхность земли. Бусинки сдѣланы изъ краснаго слоистаго камня, который находится въ овручскомъ уѣздѣ, гдѣ, вѣроятно, и фабриковались эти издѣлія. Форма бусинокъ—круглая, съ отверстіемъ внутри, иногда съ орнаментами наружи въ видѣ линій или зубцовъ. Крестьяне называютъ ихъ „каминчики жиночки“ и берегутъ съ суевѣрными и лѣчебными цѣлями. Существоуетъ повѣрье, что эти камни „ростутъ изъ земли“ и приносятъ счастье тому, кто нашелъ ихъ. Послѣ освященія въ церкви эти бусы отгоняютъ „лихую тварь“ т. е. вѣдьмъ, и помогаютъ въ болѣзняхъ скоту и людямъ, въ особенности женщинамъ, „жинкамъ подобаютъ на жить“. Эти надѣваютъ коровамъ на шею, чтобы отгонять вѣдьмъ. Въ старинное время женщины вставляли ихъ въ бусы, какъ талисманъ. Въ болѣзняхъ растираютъ камни и пьютъ на водѣ. Въ овручскомъ уѣздѣ эти каменные бусинки называются „помочниками“: помогаютъ отъ сглазу, отравы и боли живота. Мѣстные жида вѣшаютъ ихъ своимъ дѣтямъ на шею вмѣстѣ съ волчьимъ зубомъ, кусочками серебра и желѣза, какъ амулетъ. Сходные каменные бусы были найдены въ Скандинавіи, Германіи (Мекленбургъ) Великобританіи.

сіи (по р. Окѣ—зеленаго цвѣта). Называютъ ихъ обыкновенно пряслицами. О значеніи и употребленіи ихъ существуютъ разныя мнѣнія, (надѣвались въ прялки и сѣти). Руликовскій держался того мнѣнія, что это были амулеты. Въ пользу этого мнѣнія говоритъ множество находокъ, красный цвѣтъ бусъ, ихъ орнамента, народныхъ преданія и современное значеніе ихъ у крестьянъ, какъ охранительнаго и лѣчебнаго свойства.

Кольбергъ (Оскаръ). О почтенной личности и плодотворной дѣятельности О. Кольберга былъ рядъ статей и замѣтокъ въ 1889 году, по поводу 50 лѣтняго его юбилея, и въ 1890 г., по случаю кончины его на 76 г. жизни. Сравнительно наиболѣе подробныя біографіи Кольберга на русскомъ языкѣ *Н. А. Янчука* во II кн. „Этнограф. Обзор.“ 1889 г. (съ портретомъ) и *А. Н. Пыпина* въ III т. „Ист. рус. этногр.“ литература на польскомъ языкѣ указана въ концѣ помянутой выше статьи г. Янчука. Позднѣе вышла цѣнная статья г. Рафила-Любича—оттискъ изъ *Ateneum'a* 1890 г. Страстный любитель музыки К. началъ съ собиранія народныхъ мелодій и затѣмъ послѣдовательно перешелъ къ собиранію пѣсенъ и сказокъ. Онъ предпринялъ рядъ этнографическихъ экскурсій, собралъ громадный матеріалъ, и, не щадя собственныхъ очень скромныхъ средствъ, издалъ десять томовъ пѣсенъ, нотъ и сказокъ. Не перечисляя здѣсь сборники, заключающіе исключительно польскій этнографическій матеріалъ, остановимся лишь на сборникахъ галицко-русскихъ и малорусскихъ пѣсенъ и сказокъ.

Наибольшей извѣстности заслуживаетъ цѣнный сборникъ „*Rokucie*“ въ 4 томахъ, заключающей въ себѣ пѣсни и сказки гудуловъ. Трудъ этотъ составляетъ весьма полезное дополненіе къ извѣстному сборнику пѣсенъ Головацкаго. На страницахъ „*Кіев. Стар.*“ 1884 № 3 была уже довольно подробная рецензія г. Неймана на первые 2 тома „*Rokucie*“, повторенная затѣмъ г. Пыпинымъ въ 3 т. „Ист. русской этнографіи“. Подробный обзоръ IV т. *Rokucie* мы дали въ „Этнограф. Обзор.“ 1894 г. кн. XXII. Не повторяя сказаннаго, отмѣтимъ здѣсь лишь содержаніе 3 тома, кажется, совсѣмъ неизвѣстнаго въ Россіи.

Третій томъ „Рокисіе“ вышелъ въ 1888 году (293 стр.). Послѣ краткаго предисловія и картинки, изображающей танецъ коломыйку, слѣдуетъ описаніе танцевъ коломыйки, вертака, чабана, серпена, музыкальныхъ инструментовъ (1—10) и затѣмъ слѣдуетъ цѣнный сборникъ пѣсенъ коломыекъ съ нотами, всего 721 пѣсня со 102 нотами. Въ литературномъ отношеніи этотъ сборникъ коломыекъ такъ же важенъ, какъ и сборникъ Головацкаго (II и III томы). Въ отношеніи музыкальномъ это драгоценный сборникъ, по массѣ мотивовъ, записанныхъ такимъ знатокомъ музыки, какъ Кольбергъ. Желаящіе изучить народную малорусскую музыку имѣютъ въ III т. „Рокисіе“ полезное пособіе. У Головацкаго нѣтъ. Дума о Барабашѣ положена на музыку Н. В. Лисенкомъ въ 7 кн. „Кіев. Стар.“ 1888 г., у Чубинскаго въ III т. положено на музыку нѣсколько колядокъ и въ концѣ IV т. свадебныя пѣсни м. Борисполя Переяславскаго уѣзда (138 №№), у Закревскаго 32 №№, кое что. У Неймана въ VIII т. *Zbiór Wiadom.* Болѣе всего нотъ у сборникахъ Кольберга.

Большая часть III тома посвящена разъясненію народнаго міросозерцанія, какъ выразилось оно въ сказкахъ и повѣрьяхъ о происхожденіи міра и въ демонологіи (79—179). Сюда вошли: космогоническая дуалистическая сказка о сотвореніи міра Богомъ и демоновъ чертомъ, о войпѣ Бога (и ангеловъ) съ сатаной (и демонами), о происхожденіи криниць, озеръ и рѣкъ (ныржаніе сатаны на дно моря за землей), 8 рассказовъ о чертяхъ, 4 о громѣ и вѣтрѣ (молнія бьетъ въ демона; въ вихрѣ празднуетъ чертъ свадьбу), 7 рассказовъ о болѣзняхъ (въ томъ числѣ рассказъ о вѣдьмѣ въ видѣ кошки), 9 о мавкахъ или нявкахъ (наружный видъ, названіе, похищеніе дѣтей, обереги, сходство съ мамунами и дивоженами), 4—о страдахъ (дѣтяхъ, умершихъ до крещенія, 2—о летавцѣ (обереги отъ него), объ утопленникѣ, 3—о дидѣ (духъ охранителѣ) и дидькахъ (демонахъ) 2—о рахманахъ, замѣтки о снѣ—дримотѣ, 4 рассказа о вовкулакахъ, 49 рассказовъ о вѣдьмахъ (отдѣлъ сравнительно съ другими полный и содержательный), 29 рассказовъ о чародѣйствѣ, 28 замѣтокъ о птицахъ и животныхъ (медвѣдѣ, вротѣ, волкѣ,

аистѣ, ласточкѣ, ужѣ, толкованія значенія крика птицѣ), 28 замѣтокъ о растеніяхъ (чебрецѣ, василькахъ и др.), 63 повѣрья о домѣ, домашнемъ хозяйствѣ, посѣвѣ, жатвѣ, 5 примѣтъ о погодѣ, 42 толкованія сновидѣній, 96 замѣтокъ о народныхъ болѣзняхъ и лѣчебныхъ средствахъ (препленица, золотникъ, укушеніе змѣи и др.). Затѣмъ слѣдуетъ сборникъ пословицъ (616 №), записанныхъ въ коломыйскомъ округѣ (стр. 179—198).

Въ концѣ тома находятся разныя дополненія о танцѣ коломыйкѣ, чертѣ, громѣ, вѣтрѣ, майкахъ, рахманахъ, вовкунѣ и др., дополненія мелкія. Выдаются по величинѣ дополненія разсказовъ о вѣдьмахъ и упыряхъ (27 №№), чародѣйствъ (12 №№) и замѣтки о народномъ календарѣ (220—226).

Изъ этого сухаго перечня видно уже разнообразное содержаніе III т. Многое въ немъ, правда, повторяетъ уже извѣстныя изъ „Трудовъ“ Чубинскаго, но есть много оригинальныхъ мелочей. Такъ, разсказы о вѣдьмахъ могутъ составить полезное дополненіе къ сборнику г. Иванова.

Есть много любопытныхъ мелочей, напр., мѣстныя галицко-русскія названія растеній и распредѣленіе растеній на употребляемыя въ хозяйствѣ, въ чародѣйствѣ и въ медицинѣ, напр., кадыло (*Dictamnus albus*)—оберегъ отъ мавокъ, обрамашекъ—противъ устарѣнія человѣка, попивъ-мудъ (*Evonimus evgoreus*) отъ лишая. Последнее названіе встрѣчалось намъ въ Подоліи въ приуроченіи къ писанкамъ. Попова-мудъ, очевидно, побрастенію. Это вустарникъ, растущій въ лѣсу и въ огородахъ, съ красными ягодами.

Интересны замѣтки о болѣзняхъ „золотникъ“ (на 162—163 стр.). Слово золотникъ часто встрѣчается въ заговорахъ малорусскихъ и великорусскихъ (въ сборникѣ Л. Майнова), причемъ обозначаетъ матку. Въ Галиціи болѣзнь эту приурочиваютъ къ женщинамъ и мужчинамъ. Думаютъ, что золотникъ находится подъ пупкомъ въ животѣ и, если кто подниметъ тяжелое, то опускается книзу, и человѣкъ болѣетъ.

Одновременно съ изданіемъ 3 тома Rokucie Кольбергъ напечаталъ въ краковскомъ Zbiór wiadomości do antrop. krajowej 1888 г. XII небольшой сборникъ малорусскихъ пѣсенъ изъ По-

долин „*Piesni ludu Podola rossyjskiego*“. Пѣснямъ предшествуетъ краткая замѣтка о годовыхъ праздникахъ. Всѣхъ пѣсенъ 40 съ нотами, и самыя пѣсни изданы ради музыкальнаго значенія ихъ и по содержанію ничего особеннаго не представляютъ. Въ XIII т. *Zbiór* изданы „Полѣсскія легенды“ (собралъ въ пинскомъ уѣздѣ) и „Свадебныя полѣсскія обычаи и обряды“ (записаны тамъ же).

Четвертый (последній) томъ „*Rokucie*“ вышелъ въ 1889 г. Сюда вошли 77 сказокъ и 205 загадокъ. Загадки могутъ представить интересъ лишь при спеціальномъ ихъ изученіи. Интереснѣе сказки. Сборникъ Кольберга восполняетъ сборники Чубинскаго, Рудченка и Манжуры интересными вариантами и представляетъ кое-что новое. Подробный библиографическій обзоръ всѣхъ галицко-русскихъ сказокъ въ изданіи Кольберга, съ указаніемъ литературы, сдѣланъ нами въ XXII кн. „Этнограф. Обозрѣнія“ 1894 г. Наиболѣе интересныя въ историко-литературномъ отношеніи сказки подъ №№ 1, 18 и 21 о трудныхъ задачахъ, подъ № 8 о подмѣнѣ ребенка злой женщиной, подъ № 7 объ отцеубійствѣ и покаяніи убійцы, изъ круга апокрифовъ, подъ № 32 повѣсть о мученіи прядева, подъ №№ 50, 51 о мудрой дѣвѣ, подъ №№ 49, 50, 76 сказки съ загадками, соотвѣтствующія великорусскимъ пѣснямъ съ загадкой о милой, сидящей на костяхъ милаго и древней повѣсти о Петрѣ и Февроніи. Сказка о покаяніи ангела (№ 41) хорошо извѣстна по великорусскому варианту въ обработкѣ графа Л. Н. Толстаго („Чѣмъ люди живы“). Окончаніе галицкаго варианта (о пѣніи ангела при отлетѣ на небо) отличается художественнымъ достоинствомъ. Моральнымъ достоинствомъ отличается затѣмъ сказка о судѣ Божіемъ подъ № 39 на тему, что преступникъ не остается безъ наказанія. Наряду съ этими сказками встрѣчаются сказки грубыя, съ оправданіемъ побоевъ жены (№ 38) и съ восхваленіемъ воровства (37, 58—64). Правда, сказки объ искусномъ ворѣ встрѣчаются съ давнихъ поръ у разныхъ народовъ, причемъ въ особенности популярной оказывается сказка на геродотовскую тему о похищеніи сокровища царя Рамписинита. У гуцуловъ слишкомъ много сказокъ о ворахъ, и къ ворахъ наживная мораль здѣсь относится слишкомъ снисходительно и даже одобри-

тельно. Нѣкоторыя гуцульскія сказки представляютъ большое сходство съ западными новеллами, фацеціями и народными книгами и, по всей вѣроятности, вышли изъ нѣмецкихъ Volksbücher. Вообще, четвертый томъ „Рокисіе“ представляетъ значительный историко-литературный интересъ. Въ сказкѣ про алмазную дорогу (№ 74) къ шаблонному сказочному окончанію, въ родѣ обычнаго „и я тамъ былъ, медъ-вино пилъ“ и пр., применила любопытная народная пѣсня о еврейскихъ притѣсненіяхъ.

Теперь добре все минуло,
Пришло въ свѣти нарикати,
Рядну землю опускати.
Всека нужда имъ приснила,
Зъ жидами зворонила,
Прійде въ свѣти погябати.
Хто жъ Гуцула поратуе?
Зъ насъ ся каждый попенкуе,
Язъ терпѣчи намъ не стане.

Г. Поповскій въ VIII т. „Zbiór“ помѣстилъ *Pieśni ludu ruskiego ze wsi Zalewańszczyzny*. Собиратель прямо, безъ малѣйшаго предисловія, начинаетъ съ пѣсни о Нечаѣ и затѣмъ приводитъ всего 176 №№ пѣсенъ на 61 страницѣ. Не обозначено даже, какого уѣзда, какой губерніи эта Залеванщина. Въ читателяхъ, даже у записныхъ географовъ нельзя предполагать знанія всѣхъ малорусскихъ селъ. Г. Поповскій, очевидно, пропустилъ, а редакція забыла отмѣтить, гдѣ же находится Залеванщина. Нельзя требовать отъ читателя справокъ въ многотомныхъ „Спискахъ населенныхъ мѣстъ Россіи“, да и справки не могутъ помочь читателю, такъ какъ Залеванщины оказываются въ разныхъ малорусскихъ губерніяхъ, могутъ находиться и въ закордонной Галиціи. По языку пѣсенъ приходится лишь догадываться, что мы имѣемъ дѣло съ украинскими пѣснями.

Сборникъ г. Поповскаго, равно какъ многіе другіе сборники малорусскихъ пѣсенъ новѣйшаго времени, г. Омельченка, № 7 Д и Неймана, Рокосовской, въ значительной степени ограничиваетъ общераспространенное мнѣніе о глубокомъ упадкѣ малорусской народной поэзіи. У г. П. многія народныя пѣсни отличаются художественностью образовъ и изяществомъ выраженій. Въ языкѣ встрѣчаются великорусскія слова. Въ сборни-

къ отмѣчено, когда и отъ кого записаны пѣсни историческія. Изрѣдка встрѣчаются указанія на варианты у Головацкаго, Чубинскаго, Рудченка и Мордовцева. Распределение пѣсенъ не отличается систематичностью. Въ виду малой извѣстности сборника г. П., мы здѣсь отмѣтимъ заголовки и содержаніе главныхъ отдѣловъ и выдающихся пѣсенъ.

1) *О Нечанъ* „Ой въ лузи, въ лузи“ и пр.—весьма распространенная пѣсня, извѣстная по многимъ сборникамъ (у Антон. и Драгом. во II т. 38 вариантовъ, въ *Zbiór wiadom.* VIII 162).

2) *О Гавриленкѣ* „Ей якъ ясно сонечко сходить“ (Г. одолеваетъ разбойниковъ).

3) *О татарскомъ набѣгѣ* „А въ недилу пораненьку“... Пѣсня сложная, вначалѣ о татарскомъ набѣгѣ на побережцевъ, въ концѣ о подчиненіи Сѣчи императрицѣ Екатеринѣ. Обѣ части оригинальны, впервые являются въ печати. Въ „Политическихъ пѣсняхъ“ подобнаго варианта нѣтъ.

4) „Ой зажурывся та сивъ соколонько“ отнесена г. Поповскимъ къ пѣснямъ о паденіи Запорожья, хотя въ самой пѣснѣ нѣтъ ничего о Запорожьѣ.

5) „Ой не пугай пугаченьку“. Г. П. ошибочно относитъ и эту пѣсню къ историческимъ, именно, къ пѣснямъ о паденіи Запорожья. Въ этой пѣснѣ рѣчь идетъ о спорѣ орла съ конемъ, о чемъ см. статью *Потемби* въ „Къ ист. звуковъ“ и мою замѣтку о ней въ 1 вып. „Соврем. малор. этногр.“ стр. 34.

6) *О иайдамахъ Недуменкѣ*—мать совѣтуетъ Н. не пить; Н. ослушался, пошелъ въ лѣсъ и попалъ въ тюрьму—изъ разбойничьихъ пѣсенъ.

7) *Мене батько сiodовавъ*—разбойничья пѣсня на распространенный мотивъ: мужъ разбойникъ убиваетъ въ дорогѣ шурина. Подобныя великор. у *Аристова* въ соч. о разбойничьихъ пѣсняхъ, въ *Литоп. рус. литер. и древн.* и др.

8) „Ой сердене, серденечку“, въ вариантахъ „Ой сербино, сербиночку“, „Ой свербыно, свербыночку“, извѣстна по многимъ сборникамъ *Чубин.* V 481, *Голов.* I 206, II 582, *Zbiór wiadom.* II 73, VIII 169, *Kolberg*, *Pokucie* II 52, *Lud* (польск.) I 8 (32 вар.) XVI 475, *Erben*, *Czeske pis* 417, 478, *Wojcick*

150; *Wisła* 1890 стр. 164; 1891 г. I. Содержаніе: дѣвушка навязывается въ жены, даетъ отраву брату, парубокъ ея не беретъ, она идетъ замужъ за нищаго и терпитъ побои.

10) „*Ой въ Києвъ на подолъ*“—весьма распространенная пѣсня—баллада на мотивъ о превращеніи брата и сестры въ цвѣты. Варіанты указаны г. Нейманомъ въ *Zbiór wiadom. VIII* 166 (Z. D. ib. 166, Чуб. V 479, *Holb. Pok. II* 32, 33, *Erlen* 483).

11) „*Ой у яру либокимъ*“—весьма распространенная пѣсня о кровосмѣшеніи: мать бросаетъ двухъ сыновей въ Дунай, потомъ выходитъ замужъ за одного, дочку выдаетъ за другаго. Варіанты указаны г. Нейманомъ въ *Zbiór* 167 (Чуб. V; 407, стр. 888, 485—II варіантовъ, *Голов. I*, 45, 73, II, 577—3 вар., *Koll. Zud. I*, 217, *Рокисіе II* 29—37; *Ант. и Драг. I* 275, *Шейнъ Бѣлор. п.* 142—3 варіан.).

12) „*Коло млына червона калына*“—дѣвушка угощаетъ козака, приглашаетъ переночевать съ ней, козакъ говоритъ, что у него есть любимая жена и дѣти. Варіантъ въ „*Политическ. пѣсняхъ*“.

13) „*И кинь мени спотыкается*“—весьма распространенная пѣсня: козакъ спитъ, приближаются татары, дѣвушка бьетъ его травой по лицу и будитъ. Варіанты въ сказкахъ у *Манжуры* 31, *Садовникова* 30, *Караджича* 266, *Шейнъ, Матер. I*, 578 и мн. др. Подробнѣе объ этомъ мотивѣ мы говоримъ въ особой приготовляемой для печати монографіи.

74) *О паницинъ*=наступила чорна хмара, затѣмъ сѣрая, была Польша, затѣмъ Россія и пр.—извѣстна по разнымъ сборникамъ (Z. D., Неймана и др.).

77) „*Та посієвъ я макъ*“—горе мужа, жена котораго утонула въ Дунаѣ и оставила ему 4 дѣтей.

176) *О свадьбѣ птицъ*—„перепелыченька не величенька“ и пр., варіантъ у Вересая.

Большая часть пѣсенъ—любовныя—парубковъ и дивчатъ; много пѣсенъ женскихъ, изъ коихъ выдаются жалобы жены на свекра и свекруху (№ 59, 78), на мужа пьяницу (№ 80, варіантъ пѣсни „*Ой кудро кудрявая*“ въ I т. Объясн. А. А. По-тебни), нѣсколько характерныхъ пьяницѣвыхъ пѣсенъ (81, 82,

109—117), шутливыхъ и скабрзныхъ „гудвинокъ“ (118—175). Встрѣчаются оригинальные пѣсенные мотивы, полные одни мѣт-каго юмора, другіе глубокаго чувства. Встрѣчается много пѣсенъ, характеризующихъ любовное отношеніе мужа къ женѣ. Въ одной пѣснѣ (№ 59) свекоръ совѣтуетъ сыну бить жену; сынъ отвѣчаетъ.

За що їм, тату, бить,
Коли зъ нею добре жити:
Вона змеле и зтовче,
И наварить, напече,
И помне, помаже,
Билу постіль постелить,
И со мною спати ляже,
И нікому не скаже.

Въ другой пѣснѣ (№ 78) жена жалуется мужу на свекруху.

Якъ твоєи пеньци не вгоджу,
Поперу хуста на ричци,
А вона каже, що въ дещици,
Поперу хуста на води,
А вона каже въ болоті;
Поперу хуста въ млині,
А вона каже що въ глиніні
Принесу води, тай не п'є
Замету хату—не стане,
Помію ложки—не глине.

Мужъ отвѣчаетъ:

Не роби, мила, не роби,
Складай рученьки та и сиди
Шеє моя мати не стара
Принесе води шей сама...

Въ третьей пѣснѣ (№ 152) жена хвалитъ своего мужа за то, что онъ добрый, „намеле, натовче, сухихъ дривець врубаетъ и горилочки розидбає“.

Самая ссора супруговъ воспроизводится въ пѣсняхъ въ мягкой формѣ, съ оттѣнкомъ грусти и юмора, напримѣръ въ пьяницкой пѣснѣ (№ 011):

Не я пьяный, не я пьяний—горилочка пьяна,
Ой отчини, вориточки, Гаусю кохана,
Ты господарь, ты господарь, возьми соби хлопця,
Нехай тобі отчиняє що вечеръ воротця.

На послѣдующія просьбы мужа сварить вечерю, постлать постель, Гануся предлагаетъ господарю нанять кухарку и горничную. Затѣмъ слѣдуетъ послѣдняя просьба господара.

Не я пьяный, не я пьяный—горизочка пьяна
Лагай, лягай зо мною, Ганусю кохана.
Зажди минн хочь часочокъ, зажди хочь годыну,
Нехай же я приколишу малую дитыну.

Здѣсь чувственность введена въ строгія границы такта и обязанности.

Въ сборникѣ г. Поповскаго встрѣчается много пѣсенъ, извѣстныхъ уже по прежнимъ сборникамъ, напр. „Ой чумаче“ (105), „Зеленый дубочокъ“ (100), „Ты зиронько“ (50), „Ой пидъ гасмъ“ (42), „Сыдыть сиромеха“ (22) и др.

Встрѣчается нѣсколько великорусскихъ пѣсенъ въ передѣлкѣ на малорусскій ладъ, напр., подъ № 23 „Ой зъ пидъ каменя“ и № 21 „Ой на мори на Днипри (искаженная донская пѣсня).

Попадаютъ странные припѣвы, напр., въ № 33 каждая вторая строка оканчивается восклицаніемъ охъ, ха, ха! въ № 69 вохъ-та-ли-ла-друмъ-друмъ! въ № 97 въ началѣ и концѣ пѣсни потворяется сложный припѣвъ:

Фить, фить, фить, техъ, техъ, техъ
Ай, ай, ай, охъ, охъ, охъ!

Это соловьиное насвистываніе могло быть усвоено отъ странствующихъ музыкантовъ.

Г. **Выковский** *Pieśni obzędowe ludu ruskiego z okolic Pińska*, въ *Zbiór wiadomości do antrop. kraj.* 1878 II, 260—285. Содержаніе: 1) *Кустъ*—обычай водить дѣвушку на зеленыхъ святкахъ, о чемъ упоминаетъ Мандельштамъ въ соч. „Опытъ объясн. об.“ и подробнѣе см. въ моемъ соч. „Культ. переживанія“ въ ст. „Водить тополю“. Г. Выковский приводитъ 12 пѣсенъ „кустовыхъ“, вполнѣ малорусскихъ по языку. 2) *Пѣсни весеннія*, считаемъ 3; 3) *пѣсни лѣтнія*—всего 5, которыя точнѣе было бы назвать обжинковыми пѣснями; 4) *пѣсня осенняя*, 5) *разныя пѣсни*—всего 7, изъ коихъ 2 колядки и одна пьяницкая. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе свадьбы, причемъ при-

ведено 60 свадебных пѣсенъ. Сборникъ небольшой и важный.

Г. Подберскій далъ „Materiały do demonologii ludu uprąińskiego“, въ VI т. Zbiór wiadom. do antrop. urajaw. 1880 года 3—83. Матеріалы эти, собранные въ чигиринскомъ уѣздѣ, въ научномъ отношеніи представляются цѣнными; они заключаютъ въ себѣ много новыхъ подробностей, не встрѣчающихся въ изданныхъ въ Россіи сборникахъ южно русскихъ этнографическихъ матеріаловъ. Повѣрья записаны непосредственно изъ народныхъ устъ. Вообще сборникъ этотъ заслуживаетъ вниманія по обилію демонологическихъ повѣрій. Содержаніе: 1) *Природніи и души*: а) мавки, лоскотки и скарбы, б) русалки, в) домовой, г) дьявольскія дѣти (одмина). 2) *упыри—олицетворенія болѣзней*: а) перелесники и обоясныки, 2) упырь изъ Макіевского хутора, в) о покойникѣ Харькѣ и парубкѣ Василѣ, г) упырь разгоняетъ досвитки, д) Оситняскій упырь Халявека, е) упырь на 13-й верстѣ, ж) борьба упыря съ висѣльникомъ подъ Чигирномъ, з) происхожденіе чумы, и) появленіе холеры, і) вовкулака и Матусова. 3) *Вѣдьмы*: а) Оситянская вѣдьма, б) вѣдьма—попова жена, в) вѣдьма наречоная, г) Шалабайка (о ярчукѣ), д) Кучурвална, е) Марта Кострубаха, ж) поврежденіе креста въ полѣ (фігуры), з) шабашъ на лысой горѣ, и) китайгородская вѣдьма. 4) *Бѣсы и кикиморы*—8 рассказовъ о дьяволѣ, проживавшемъ въ горилычаномъ заводѣ, о явленіи бѣса въ видѣ свиньи, барашка и др. 5) *Колдовство*: а) знахари, характерники и планетники, б) чары, насланія, уроки, пристрить, в) заговоры отъ болѣзней и повѣрья—13, г) Божія наказанія за несоблюденіе праздникова. 6) *Болѣзни людей и скота и заговоры* числомъ 26, съ краткой замѣткой въ концѣ о народной хирургіи (вырываніе зубовъ кузнецами).

Г. Врыччинскій, Zapiski etnograficzne z Polesia Wołyńskiego, въ Zbiór Wiadom. 1888 XII 81—103. Краткая замѣтка о крестинахъ. Описаніе свадебныхъ обрядовъ и 30 коротенькихъ свадебныхъ пѣсенъ. Замѣтки о похоронахъ, закрукѣ, купальскихъ обрядахъ и 6 купальскихъ пѣсенъ. Кромѣ того 7 на-

родныхъ пѣсенъ, уже извѣстныхъ ранѣе въ печати. Сборникъ небольшой и малосодержательный.

Г. Земба въ XII т. Zbiór'a 1888 стр. 227—230 далъ небольшую замѣтку „Zwyczajy pogrzebowe w okolicach Uszysu na Podolu“.

Г. Густавичъ въ V т. Zbiór 1881 г. стр. 102—187 далъ интересный сводъ польскихъ и отчасти галицко-русскихъ народныхъ повѣрій о животныхъ. Статья подробная, напр. о ящерицѣ 23 повѣрья, о ласточкѣ 32, аистѣ 28, бѣсахъ и корокахъ 187.

Г. Грегоровичъ въ V т. Pamiętnik Towarzystwa tatrzańskiego ч. 2, стр. 26—36 помѣстилъ небольшой, но интересный гудульскій словарь. Такіе труды легко затериваются, а между тѣмъ путемъ накопленія ихъ можно было бы подготовить почву для серіознаго изученія лексической стороны малорусскаго языка.

Колесса (Янъ) въ XIII т. Zbiór напечаталъ сборникъ этнографическихъ матеріаловъ о родинныхъ, свадебныхъ и похоронныхъ обрядахъ русиновъ въ с. Ходовицахъ стрійскаго повѣта.

Цисекъ въ XIII т. Zbiór напечаталъ интересные этнографическіе матеріалы изъ м. Жалынъ перемышльскаго повѣта. Здѣсь, между прочимъ, приведено описаніе вертепа, сообщено о братствѣ, основанномъ сапожниками, приведены повѣрья о колдовствѣ.

Коперницкій (Исидоръ), извѣстный польскій антропологъ (род. 1825 † 1891), воспитанныкъ кіевскаго университета, интересовался, между прочимъ, и малорусскою этнографіей и въ положеніи редактора краковскаго антропологическаго сборника открылъ широкій доступъ на страницы этого изданія малорусскимъ этнографическимъ матеріаламъ. Біографія И. Коперницкаго и бібліографическій обзоръ его трудовъ см. въ „Бібліографическомъ словарѣ профессоровъ кіевскаго университета“, некрологъ въ „Кіев. Старинѣ“ 1891 г. № XII 462—465. Коперницкій редактировалъ нѣкоторые вошедшіе въ Zbiór сборники малорусскихъ этнографическихъ матеріаловъ, а въ VIII т. напечатано двѣ самостоятельныхъ статьи „Физическая характе-

ристика русских горцев“ (въ Галиціи) и „Этнографическій очеркъ русских горцев въ Галиціи“. Въ отзывѣ г. В. А. въ „Кіевск. Стар.“ 1891 г. XI, 136 эти статьи Коперницкаго оценены, „какъ работы весьма основательныя и точныя“. Здѣсь же данъ обзоръ ихъ содержанія.

Талько-Гринцевичъ—авторъ небольшой статьи „Физическая характеристика украинскаго населенія“ въ XIV томѣ Zbiór wiadomości. Содержаніе этой статьи и ея недостатки были отмѣчены въ XI кн. „Кіевск. Старинны“ 1891 года въ редакціи г. В. А.

Г-жа Мошинская. Среди довольно многочисленныхъ польскихъ этнографическихъ сборниковъ, составленныхъ женщинами, сборники г-жи Мошинской выдаются по значительной величинѣ, точности записей и, что для насъ представляетъ спеціальнѣйшій интересъ, всецѣло посвящены коренному украинскому населенію бѣлоцерковскаго, таращанскаго и васильковскаго уѣздовъ кіевской губерніи. Въ русской научной литературѣ сборники эти совсѣмъ неизвѣстны, по крайней мѣрѣ, я не встрѣчалъ на нихъ ссылокъ или указаній, если не считать одного краткаго упоминанія въ III т. „Ист. рус. этн.“ Пыпина. Малая извѣстность сборниковъ г-жи М. обусловлена отчасти помѣщеніемъ ихъ въ такомъ спеціальному и сухому изданіи, какъ „Zbiór wiadomości“ краковской академіи наукъ. Мы извѣстны три сборника, именно:

1) *Zwyczaje, obrzędy i pieśni weselne ludu Ukraińskiego z okolic Białejcerkwi*, въ Zbiór wiadomości do antrop. krajowej 1878 II, 183—209. Свадьба здѣсь разсмотрѣна въ слѣдующихъ главахъ: 1) ухаживаніе (zaloty), 2) любовь и чары, 3) сваты, 4) змовины, 5) предсвадебная суббота; коровай, 6) дѣвичій вечеръ (плетеніе гильця), 7) слюбъ, 8) поѣздка къ родителямъ жениха, 9) поѣздка къ родителямъ невесты, 10) возвращеніе къ жениху; 11) свадьба въ домѣ невесты, 12) благословеніе, 13) свадьба въ домѣ жениха, 14) другой день по вѣнчаніи, 15) купаніе свекрови (обливаютъ холодной водой). При описаніи обрядовъ свадебныхъ приложено 60 свадебныхъ пѣсень. Какъ въ пѣсняхъ, такъ и въ обрядахъ новаго мало; кое-какія

любопытныя новыя мелочи находятся въ послѣдней 15 главѣ, которая относится къ обычаю „перезвы“.

2) *Kupajlo, tudzież zabawy doroczne i inne z dodatkiem niektórych obrzędów i pesni weselnych ludu ukraińskiego z okolic Białej Cerkwi*, въ V т. Zbiór wiadom. do antrop. krajow. 1881, 24—102. Представленное г-жей Мошинской *описаніе купальскихъ обрядовъ и пѣсенъ* является самымъ подробнымъ и обстоятельнымъ изъ всѣхъ существующихъ нынѣ описаній этого рода. Здѣсь приведено 17 описаній, записанныхъ въ 17 селахъ бѣлоцерковского уѣзда, съ точной передачей купальныхъ пѣсенъ, изъ коихъ нѣкоторыя отличаются древностью и поэтическимъ достоинствомъ, напр.—варіанты извѣстной пѣсни „Ой тихо, тихо Дунай воду несе“ (36—37). Купальные обряды и пѣсни составляютъ первую, наиболѣе содержательную главу въ сборникѣ г-жи Мошинской. Вторая глава посвящена *юдовымъ праздникамъ* и весеннимъ и лѣтнимъ *играмъ* молодежи (пущанье, вазаніе колодокъ съ приложеніемъ пѣсенъ, 2 варіанта игры въ Володаря съ 8 пѣснями, кривой танецъ съ 3 пѣснями, шумъ, макъ, груша, зайчикъ, нелюбчикъ, царенко—всѣ эти игры приведены съ пѣснями, повѣрья и обряды, связанные со днемъ весенняго Юрія, зелеными святками (роzegри), днемъ Екатерины, ап. Андрея, Рождества Христова, причемъ приведено 9 колядокъ религиозно-апокрифическаго содержанія, „богатый вечеръ“ съ гаданіями и 3 пѣснями). Третья глава заключаетъ сообщенія объ *улицахъ и досвѣткахъ* съ 34 пѣснями и о *дѣтскихъ играхъ*: 1) квась, 2) краска, 3) пижмурокъ, 4) бджолы, 5) блохи, 6) жукъ, 7) мышка, 8) жинва, 9) грибъ, 10) шулякъ, 11) гуси, 12) реготынь, 13) хрещикъ, 14) карапузныця, 15—16) силъ, 17) довга лоза, 18) верныголова, 19) коромысло и 20) щука. №№ 6, 7, 8, 10, 11 снабжены пѣснями. Четвертая глава заключаетъ въ себѣ краткое описаніе *свадебныхъ обрядовъ* и 47 *свадебныхъ пѣсенъ*, извѣстныхъ уже по другимъ сборникамъ свадебныхъ пѣсенъ.

3) *Bajki i zagadki ludu ukraińskiego*, въ IX т. Zbiór. wiadom. do antrop. kraj. 1885, 73—173. Въ сборникѣ находится 35 сказокъ, три небылицы и 156 загадокъ. Сказки про богатаго Марка, счастливаго дурня, трехъ братьевъ, Покотыгородка,

злую мачиху, Сучича, диовы козы (со стихами), царя Іона, про разбойниковъ, о злыхъ и лѣнивыхъ женахъ, о томъ, какъ баба обманула чорта, про Гирку семилитку, про глупыхъ людей на свѣтѣ, что мѣшкомъ свѣтъ ловили, про мудраго дурня, про Кирика (въ стихахъ), про поповыхъ наймитовъ и нѣсколько другихъ.

Сборникъ г-жи М., хотя и не великъ по объему, но по богатству мотивовъ, по историко-литературной важности сказокъ, принадлежитъ къ числу наилучшихъ сборниковъ малорусскаго этнографическаго матеріала. Сказки, какъ на подборъ, въ высшей степени интересны въ научномъ отношеніи. Сюда вошла цѣнная по своеобразнымъ деталямъ сказка о Маркѣ богатомъ (см. мое изслѣд. въ XX вѣ. *Этногр. Обзор.* и дополненія къ нему въ XXI вѣ. 1894 г.). Сказка „про мылосерднаго хлопца“ очень близко подходитъ къ новогреческой, изданной въ „*Les traditions popul. de l'Asie Mineure*“ *Carney et Nicolaides*. Сказка „про братыка баранца“ представляетъ одинъ изъ лучшихъ вариантововъ, изданныхъ ранѣе Чубинскимъ и др. этнографами. Эта сказка имѣетъ очень древнихъ родственниковъ; такъ, она весьма близко подходитъ къ древне-египетской сказкѣ о двухъ братьяхъ (*Maspero, Contes popul. de l'anc. Egypte* № 1). Сказка о Сучичѣ, обратившая на себя вниманіе Потебни, въ вариантѣ г-жи М. изложена со многими любопытными подробностями. Чрезвычайно интересна затѣмъ сказка „про царя Іона“, какъ отзвукъ талмудическаго и др. сказаній о наказаніи царя за гордость. Столь же интересны двѣ большія сказки на чрезвычайно популярную и цѣнную въ историко-литературномъ отношеніи тему о мудрой дѣвѣ, задающей загадки, сказки, родственныя апокрифамъ и повѣстямъ (царица Савская, Петръ и Февронія и др.). Затѣмъ весьма интересны небольшія сказки или анекдоты въ родѣ западныхъ новеллъ и фэецій. Наконецъ, въ сборникѣ г-жи Мошинской есть нѣсколько новыхъ сказокъ и оригинальныхъ передѣлокъ извѣстныхъ. Все это въ совокупности сообщаетъ сборнику г-жи М. значеніе полезнаго пособія при изученіи малорусской народной словесности. Болѣе подробный обзоръ

содержанія сборника г-жи Мошинской сдѣланъ нами въ „Этнографич. Обзор.“ 1894 г. кн. XXII.

Г-жа Рокоссовская дала столь же значительные по величинѣ этнографическіе сборники пѣсенъ и повѣрій малоруссовъ волынской губерніи:

1) *Wesele i piesni ludu ruskiego ze wsi Jurkow, szczypny w pow. Zwiąhelskim na Wołyni* въ VII т. *Zbiór wiadom. do antrop. kraj.* 1883, 154—244. Въ сборникѣ находится 75 *свадебныхъ пѣсенъ*, изъ которыхъ нѣкоторыя отличаются величиной и своеобразнымъ характеромъ живой импровизаціи на данный случай. Далѣе слѣдуютъ 39 *думокъ* и 293 *пѣсенъ* бытовыхъ, колыбельныхъ, дѣвичьихъ, и др. Встрѣчаются изрѣдка указанія на сходные варианты въ „*Rokucie*“ Кольберга. Въ числѣ *думокъ* находятся пѣсня объ обращеніи женщины въ былинну (№ 2), о Бондаривнѣ (№ 2), объ отравленіи козака дивчиной (№ 5), казнь Петруся за связь съ паней (№ 11). Въ „*думки*“ вошли обычные любовныя и свадебныя пѣсни, изъ которыхъ много извѣстныхъ. Болѣе своеобразія представляютъ бытовыя пѣсенки. Изрѣдка въ пѣсняхъ проскакиваютъ великорусскія слова, подчеркнутыя собирательницей, напр., *окошечко*, *карманъ*, *дворянинъ*. Крайне исковерканной посторонними примѣсами пѣснею является лишь одна подъ № 149, какъ рѣдкое исключеніе, пѣсня, несомнѣнно солдатская. Вообще, пѣсни, собранныя Рокоссовской, представляются любопытными образцами современной украинской народной поэзіи въ мѣстностяхъ, наименѣе затронутыхъ посторонними вліяніями.

2) Въ XIII кн. *Zbiór* г-жа Рокоссовская помѣстила интересный сборникъ о вѣрованіяхъ и преданіяхъ малоруссовъ с. Юрковщины новгородъ-волынскаго уѣзда о предметахъ растительнаго царства.

3) *Przyczynek do etnografii ludu ruskiego na Wołyniu*, въ XI т. *Zbiór wiadom. do antrop. kraj.* 1887 г., с. 130—229. Въ этотъ сборникъ вошелъ этнографическій матеріалъ, собранный г-жей Рокоссовской все въ томъ же селѣ Юрковщинѣ. Матеріалъ редактированъ Коперницкимъ. Содержаніе сборника: 1) *родины* и *крестины* (скрываніе имени ребенка, злѣины, осыпаніе частей

житомъ, подарки матери „на мыло“; кладутъ борону передъ порогомъ хаты, приведено 5 пѣсень); 2) *свадьба* (краткое описаніе обрядовъ при хорошей и плохой свадьбѣ, когда невѣста оказалась нечестной, и 35 пѣсень); 3) *похороны* (повѣрья и обряды); 4) *праздникъ* Рождества Христова и Нового года (описаніе обрядовъ, 20 колядокъ и 8 щедровокъ; колядки обильны апокрифическими чертами; кромѣ того приложено нѣсколько стихотворныхъ пожеланій здоровья и богатства); 5) *масляница и великій постъ* (4 стиха о св. Петрѣ и Павлѣ, св. Алексѣѣ и св. Варварѣ); 6) *Свѣтлый праздникъ*, замѣтка о пѣсняхъ веснянкахъ, 4 весеннихъ *иры* (жена, зайчикъ, нелюбъ и кривой танецъ) и 18 *веснянокъ*, *навскій тыждень*, *день св. Георгія* и *русамый тыждень*; 7) купальскіе обряды и пѣсни (38); 8) *обжинки* (12 пѣсень) и осенніе праздники (Спаса, Маковея, Катерины, Андрея); 9) *дѣтскія иры* (6 и 3 дѣтскихъ пѣсни); 10) *демонологія* (вѣдьмы, самоубійцы и упыри); 11) *колдовство* (уроки, чары, ворожба); 12) *повѣрья и предрасудки* (относящіяся къ дому, печенію хлѣба, скоту, земледѣльческимъ работъ, разныхъ болѣзней); 13) *міровоззрѣніе* (мнѣнія о явленіяхъ природы, о великанахъ и о животныхъ); 14) загадки (107).

Наибольшій интересъ по обилію фактовъ представляютъ данныя о народныхъ повѣрьяхъ о болѣзняхъ (207—216).

Вообще, сборники г-жи Рокоссовской, по обилію матеріала, принадлежать къ сравнительно довольно крупнымъ въ малорусскомъ отдѣлѣ польской этнографической литературы.

Къ ряду сгруппируемъ здѣсь еще нѣсколько описаній малорусскихъ свадебъ, составленныхъ польскими писательницами, съ оговоркой; что всѣ эти описанія не имѣютъ крупнаго научнаго значенія, при существованіи въ печати громаднаго однороднаго матеріала.

Г-жа Томашевская. 1) *Obryzedy weselne ludu ruskiego we wsi Cetuli w pow. Jaroslawskim*, въ X т. *Zbiór wiadom. do antrop. kraj.* 1886, 55—75. Въ с. Цетулѣ живутъ малороссы и поляки; записанныя г-жею Т. пѣсни заключаютъ кое-какія особенности польской рѣчи. Въ сборникѣ 67 свадебныхъ пѣсень, ко-

ротенькихъ и большею частью извѣстныхъ. Много пѣсенъ относится къ обрядовому печенію коровая и къ вѣнку невѣсты.

2) *Obrzędy weselne ludu ruskiego we wsi Winnikach pow. Drohobuckiego*, въ *Zbiór wiadom. do antrop. kraj.* 1888 XII 60—80. Описаны подробно мѣстные свадебные обычаи и приведена 71 пѣсня. Между тѣми и другими печатаются любопытныя черты, напр.: обычай наклеивать на стѣнѣ за головами молодыхъ на свадьбѣ по зажженной восковой свѣчѣ, оригинальная пѣсенка при обсыпаніи молодыхъ хлѣбнымъ зерномъ: „сій, маты, пшеницу по гори, по долини“, сближеніе вѣнка съ солнцемъ въ пѣснѣ: „хороше соненько сіяе; на Касунулиці, на молоденьці зелений вѣнокъ сіяе“ (65).

Г-жа Шаблевская. *Wesele i krzywy taniec u ludu ruskiego w okolicy Zbarażu*, въ XII т. *Zbiór wiadom. do antrop. krajow.* 1883, 120—135. Описаніе свадьбы распадается по слѣд. главамъ: любовь и заручины, уговоръ, печеніе коровая, созывъ гостей, расплетеніе косы молодой и благословеніе ее, предсвадебная вечеринка, вѣнчаніе, очепины и подарки. При описаніи свадебныхъ обрядовъ приложено 24 свадебныхъ пѣсни, большею частью извѣстныхъ. Описаніе игры въ *кривой танецъ* снабжено 12 пѣснями, изъ коихъ три польскихъ.

Г-жа Малиновская. *Obrzędy weselne ludu ruskiego we wsi Kudynowcach pow. Złoczowskim*, въ XII т. „*Zbiór wiadom. do antrop. kraj.*“ 1883, стр. 244—264. Описаніе свадебныхъ обрядовъ въ селѣ Кудиновѣ, безъ указаній на литературу предмета. Всѣхъ пѣсенъ 74, и всѣ онѣ извѣстны изъ другихъ сборниковъ. Любопытны лишь кое-какія отдѣльныя слова, напр.: коникъ пущенъ въ „пастивникъ“ (старинное слово), невѣста „пелехата“ и др.

Г-жа Стадницкая. *Piesni i obrzędy ludu ruskiego z okolic Niemirowa na Podolu*, въ *Zbiór wiadom.* 1888 XII 103—117. Здѣсь приведены 44 свадебныя пѣсни, извѣстныя уже въ печати по другимъ сборникамъ. Упоминается про печеніе коровая, гильце и нѣкот. др. обряды.

Г-жа Ванке (Анна) въ XIII т. *Zbiór wiadomości pomіęstila* небольшой сборникъ галагивокъ, или игръ во время свѣтлаго праздника у русиновъ перемышльскаго повѣта.

Г-жа Ропкевичъ и г. Франко въ X т. Zbiąg издали небольшой сборникъ обрядовъ и пѣсенъ м. Лолына Стрыйскаго повѣта. Въ началѣ находятся краткія сообщенія объ экономическомъ бытѣ лолыпанъ (бѣдное горское поселеніе съ курными избами), затѣмъ приведено описаніе мѣстной свадьбы (181 пѣсна) съ указаніемъ на варианты въ сборникахъ Чубинскаго и Головацкаго.

Г. Нейманъ редактировалъ „*Materiały etnograficzne z okolic Piskowa*“ (липовец. у. кіев. губ.), собранные г-жей Z. D. и напечатанные въ VIII т. Zbiór wiadomości (115—246).

Въ началѣ сборника (115—121) въ видѣ введенія къ нему находятся краткія замѣтки о мѣстности и населеніи с. Плискова, одеждѣ, домашней обстановкѣ, повѣрьяхъ о данѣхъ и мѣстномъ говорѣ (17 замѣтокъ о фонетикѣ). Самый сборникъ состоитъ изъ довольно обширнаго отдѣла пѣсенъ (121—234) и маленькаго отдѣла сказокъ (234—245). Въ концѣ сборника помѣщено 18 проклятій.

Малорусскія пѣсни въ сборникѣ г-жи Z. D. распадаются на пѣсни свадебныя, бытовыя, историческія, чумацкія, балладныя и любовныя. Пѣсни записаны въ лѣтнее время 1883 года и потому зимнихъ, весеннихъ и осеннихъ обрядныхъ пѣсенъ въ сборникѣ очень мало (двѣ колядки, одна великопостная). Г-жа Z. D., какъ дама, записывала почти исключительно отъ женщинъ, и потому въ ея сборникѣ много пѣсенъ любовныхъ и свадебныхъ и весьма мало пѣсенъ историческихъ, чумацкихъ, рекрутскихъ, вообще мужскихъ пѣсенъ.

Г. Нейманъ со вниманіемъ редактировалъ сборникъ. Многія бытовыя пѣсни и всѣ пѣсни балладныя онъ снабдилъ указаніемъ стихотворнаго размѣра, по формулѣ, предложенной А. А. Потебней. Кромѣ того, подъ многими пѣснями показаны варианты въ сборникахъ Антоновича и Драгоманова, Чубинскаго, Рокоссовской, Головацкаго, Кольберга, Якушкина, Шеина и Эрбена. При двухъ-трехъ пѣсняхъ находятся интересныя литературныя комментаріи г. Неймана. При 17 пѣсняхъ помѣщены мелодіи, записанныя специально для этого сборника извѣстнымъ знатокомъ малорусской музыки г. Лысенкомъ. Мѣстами (напр. на стр.

143, 154) обнаруживается увлеченіе г. Неймана мнѳологическими предположеніями (въ христіанскихъ колядкахъ усматриваются „сесчу starożytniej pieśni pąganskiej“).

Свадебные обряды и пѣсни (76 №№) немногое прибавляютъ къ сборникамъ Чубинскаго и Мошинской. Замѣтно, что обрядность ослабѣла, особенно въ первые дни свадьбы. Для соблюденія старой обрядности нѣтъ ни досуга, ни средствъ. Пѣсни и обряды записаны по слѣдующимъ рубрикамъ: 1) суббота (коровай, гильде, расплетаніе косы), 2) воскресенье (отправление въ вѣнцу и возвращеніе изъ церкви, очеппны, отѣздъ въ домъ мужа) и 3) понедѣльникъ (похвалы и одариваніе молодой).

Пѣсенъ обрядныхъ и годовыхъ, какъ сказано, мало, и пѣсни не важныя, 2 колядки, 2 щедровки (шутливыя), великопостная (пѣсня про Алексѣя, человека Божія), 5 пасхальныхъ (игорныя: въ Шельмана, въ зайца, въ жену стараго мужа) и 17 купальскихъ (изъ нихъ двѣ скабрѣзныя подъ №№ 99 и 102).

Въ отдѣлѣ бытовыхъ пѣсенъ вошла одна дожиночная, три рекрутскихъ (вар. Чуб. V 64, 82, 84, 312), двѣ бурлацкихъ, 5 чумацкихъ, три козацкихъ (общаго содержанія, вар. Чуб. V 44, 87, 90, 239).

Въ отдѣлѣ историческихъ пѣсенъ: „Ой була у Польши воля“ (согласное житіе козака съ крымскими татарами), „Ой на гори та женци жнуть“ (вар. Чуб. V 45), о Нечаѣ (у Ант. и Драг. 38 вариантовъ), о Паліѣ (турки поймали П. и ведутъ на висѣлицу), о Бондаривнѣ (вар. у Чуб., Закревскаго, Кольберга и Рокоссовской ср. Шейна, Мат.—579). Редакція (т. е. Коперницкій) прибавилъ двѣ краткихъ историческихъ пѣсни съ нѳтами, одна о Костюшѣ и Потоцкомъ сомнительнаго происхожденія, другая (изъ Полтав. губ.) также о Костюшѣ, („Чи я жъ тебе, пане Костюше, та й не говорила, ой не займай Москаливъ, то не наша сила“). Въ сборникахъ малор. пѣсенъ, изданныхъ въ Россіи, имени Костюшки, кажется, не встрѣчается.

Отдѣлѣ балладныхъ пѣсенъ—лучшій въ сборникѣ не по полнотѣ, у Чубинскаго такихъ пѣсенъ болѣе, а по указанію вариантовъ въ другихъ сборникахъ. Нельзя сказать, чтобы

указанія эти были многочисленны, но все таки и данныхъ нельзя не признать полезными въ виду особеннаго интереса, представляемаго балладными пѣснями. Въ этотъ отдѣлъ вошли: „Ой у вдовы ажъ три дочки“ (и три сына, сыновья пошли въ разбойники, меньшая сестра попала къ нимъ, и чуть не была изнасилована: вар. указаны у Чуб. V 479, Кольберга II 32, 33, (чешскій у Эрбена 483). „Тамъ де Дунай глубокий“ (о кровосмѣшеніи матери съ сыномъ и ея дочери съ братомъ, вар. указаны г. Нейманомъ у Чуб. V 407, 458, 485, Головац. I 45, 73, II 577; Кольберга-польскіе I 217, въ Рокисіе II 29, 35, Ант. и Драг. 275, Шейна-бѣлорус. 143), „А маты сына послала въ дорозу“ (проклятая свекровью невѣстка обращается въ тополь; указаны вар. у Чуб. V 308; Кольб. II 45, Голов. I 712, Рокоссовской 1, Якушк. 22 и Эрбена 466), „Ой жила вдова на край села“ (мать отравила сына и невѣстку; вар. у Чуб. V 310, Гал. I 81, 186, II 578, 585, 711 и Кольб. II 48), „Ой Свербыно“ (дѣвушка по совѣту парубка, отравляетъ брата; варианты см. въ моей статьѣ о Поповскомъ), „Туманъ ярмъ покотывся“ (отецъ изгоняетъ сына; вар. у Закрев., Чуб. V 442, 460, 477, Голов. II 55, 585, Якушк. 109), „Ой въ недилу пораненку“ (мужъ, по совѣту любовницы, убиваетъ свою жену; вар. указаны, какъ и ранѣе, г. Нейманомъ у Чуб. V 236 и Кольб. II 313), „Пиду я въ садокъ“ (козакъ достаетъ вѣнокъ и утопаетъ; вар. у Чуб. III 115, Голов. I 97, II 592, 705, Якушк. 102, 176), „Ой любилося двое“ (умерли въ одно время, вар. у Кольберга въ Рокисіе II 65 и zud I 11) „Ой у поли коршмоныка“ и „Ой въ мистечку на рыночку“ (объ уводѣ и ограбленіи дѣвушки). Г. Нейманъ говоритъ въ примѣчаніяхъ, что двѣ послѣднихъ пѣсни встрѣчаются и у поляковъ въ подробныхъ вариантахъ, у малоруссовъ въ болѣе слабыхъ и совсѣмъ не встрѣчаются у великоруссовъ. По справкамъ г. Н., ея не оказалось въ сборникахъ Шейна, Якушкина и Кирѣевскаго. Сюжетъ пѣсни принадлежитъ къ числу широкораспространенныхъ балладныхъ мотивовъ и встрѣчается у многихъ народовъ. На эту тему подобрана обширная литература въ сборникѣ англійскихъ и шотландскихъ балладъ *Чайльда*.

Слѣдующіе три отдѣла заключаютъ въ себѣ пѣсни любовныя, семейно-родственныя, шутливыя, пьяницкія и тривіальныя. Большая часть—пѣсни любовныя (57 №№). Въ краткомъ предисловіи г. Н. говоритъ, что „любовь въ малорусской народной поэзіи болѣе глубока и болѣе идеальна, чѣмъ въ поэзіи другихъ славянскихъ народовъ... Въ сравненіи съ малорусской народной любовной пѣснею польская плоска и пошла, великорусская груба, иногда цинична“. Далѣе г. Н. отмѣчаетъ то обстоятельство, что радостныхъ любовныхъ пѣсенъ въ Малороссіи мало; большую часть въ нихъ звучитъ тихая грусть и мягкое мечтательное настроеніе. Въ заключение г. Н. даетъ такую высокую общую оцѣнку малорусской лирики: *Wysoko idealne uczucie, tkliwa gżewność, rzużna obrazowość i samogodna głęбока starożytna symbolika падаją піесніом русејскимъ знаміе oryginalne i podnoszą niektóre z nich do znaczenia arcydzieł lirycznych*“. Въ сборникѣ г-жи Z. D. находится 15 пѣсенъ о любви счастливой, 43 о несчастной, около 20 пѣсенъ о семейномъ положеніи мужа и жены, 19 пьяницкихъ и тривіальныхъ.

Сборникъ пѣсенъ оканчивается тремя „бесѣдами“, о которыхъ мы уже говорили въ статьѣ о г. Эварвицкомъ, при разборѣ его „Присказки до нюхарей“.

Отдѣлъ сказокъ—краткій (26 №№), и сказки краткія, анекдотическаго характера:

1) *Цыганъ и дурный панъ*—цыганъ беретъ у пана зимой одежду и сани, послѣ того какъ панъ надѣлъ рыболовную сѣть, въ которой былъ цыганъ.

2) *Цыганъ и чорты*. Цыганъ видѣлъ, какъ черти въ одну ночь смолотили пану хлѣбъ, поджегши его, поступилъ такъ и попалъ въ тюрьму. Эта сказка чаще встрѣчается какъ легенда о Христѣ и солдатѣ.

3) *Сказка о цыганѣ*—тема игра словами, нѣсколько неясная.

4) *Жидъ чванливый*—хвалится женѣ, какъ онъ бился съ мужикомъ (мужикъ билъ его люшней отъ воза, а онъ мужика ермошкой).

5) *Жидъ и коняка*—жидъ тянулъ возъ, чтобы лѣнивая лошада въ наказаніе пла пѣшкомъ.

6) *Жида и мужикъ*. Жида не хотѣли сойти съ воза при подъемѣ на гору. Козакъ сталъ ихъ бить, крикнувъ нарочно мужику, что мститъ ему за своихъ жидовъ, будто бы нѣкогда побитыхъ мужикомъ. Жида поспѣшно сошли съ воза.

7) *Жидъ судився съ мужикомъ у пана* за деньги, которые мужикъ поднялъ, и оба были высѣчены.

8) *Жидъ и разбойники*. Жидъ, боясь разбойниковъ, спрятался въ мѣшеѣ, когда ѣхалъ лѣсомъ, и кучеръ его прибилъ, притворно переговариваясь съ разбойниками.

9) *Шинкаръ и мужикъ*. Мужикъ заложилъ шинкарю коужу за рубль и, по обману, отдалъ шинкарю этотъ рубль.

10) *Про стару бабу, що замужъ хтила* и 14) *Якъ баба за парубка замужъ тшила*—варіанты сказокъ, извѣстныхъ по сборникамъ Манжуры и Мошинской. Въ обѣихъ сказкахъ баба обманута парубкомъ.

11) *Жинка хозяйка* совѣтуетъ мужу украсть у пана пшеницы, а спечь хлѣба не умѣетъ.

12) *Якъ жинка пекла боця*—варіантъ сказки у Манжуры.

13) *Жинка безъ сорочки*—лѣнивая спалила свою сорочку въ ожиданіи, что мужъ привезетъ съ ярмарки новую.

14) *Баба и кувшинъ молока*. Баба мечтала, что изъ занятаго кувшинчика молока соберетъ и продастъ масло, купить курицу, продастъ курицу, купить кабана и т. д. до предположенія, что она поѣдетъ на своихъ бычкахъ на ярмарокъ и толкнетъ ногой, кто будетъ проситься къ ней подвезти; при этомъ она толкнула ногой кувшинъ и разбила его. Подобная великорусская сказка у Садовникова („Мордвинъ и заяцъ“), болгарская въ *Сборн. за народ. умотворенія* 1891 г. VI 126.

15) *Дидъ, баба, дидка и сучка* не хотѣли работать, зимой въ нуждѣ стали собирать колоски по полю въ снѣгу; панъ побѣщаль дать хлѣба; но они захотѣли еще молотаго и не получили никакого. Здѣсь любопытна одна черта: собираніе колосковъ, какъ знакъ бѣдности, встрѣчается въ книгѣ *Руоъ*, въ малорусской сказкѣ у Манжуры 52, греческой у Гана II 67.

16) *Льнивая кума* отказалась кумѣ нажать жита, и потомъ послѣдняя отказывается ей въ хлѣбѣ.

17) *Дидь, баба и дивка едыныця*. Пришли сваты. Мать и дочь, а потомъ и отецъ заспорили, кого брать въ кумовья, когда родится ребенокъ. Сваты подумали, что дочь собирается родить и поспѣшили уйти.

18) *Баба жебрушча* посовѣтовала сварливой женѣ брать воду въ ротъ, чтобы мужъ не билъ ее, и супруги стали жить согласно.

19) *Кума пидперезана* — голая, куму стало стыдно; онъ сталъ говорить ей про голую куму и получилъ въ отвѣтъ, что та безъ стыда, а она хотя пидпоясалась.

20) *Вода зъ ледомъ*. Панъ въ Петривку спросилъ у бабы воды со льдомъ; баба сказала, чтобы спросилъ зимой; тогда у ней и свиньи пьютъ воду со льдомъ.

Г. Нейману кромѣ того принадлежитъ еще статья о пѣсенныхъ размѣрахъ и нѣсколько библиографическихъ статей въ *Кіевск. Старинѣ* (см. по „Указателю къ *Кіевск. Стар.*“ 1893 г. стр. 100) и статья о малорусскихъ думахъ въ „*Ateneum*“ 1885 года.

Драгомановъ
М. Т—въ. К. Г.

(Дополненіе къ статьѣ о П. Кузьмичевскомъ).

Не касаясь мелкихъ этнографическихъ замѣтокъ, подписанныхъ разными инициалами, отмѣтимъ изъ круга этой почти анонимной литературы лишь нѣсколько наиболѣе крупныхъ по величинѣ и наиболѣе цѣнныхъ по содержанію статей въ „*Кіевск. Старинѣ*“ и въ „*Вѣстникѣ Европы*“ за подписями М. Т—въ и К. Г. Такъ какъ П. Кузьмичевскій однажды полемизировалъ, защищая одно положеніе, высказанное въ этихъ статьяхъ, причемъ и статьи за подписью собственно Кузьмичевского обнаруживаютъ большое сходство съ приемами М. Т—ва и К. Г—а, то по существу дѣла представляется вполне возможнымъ объединить этихъ авторовъ въ одномъ лицѣ и настоящую статью разсматривать, какъ прямое продолженіе предыдущей статьи о Кузьмичевскомъ.

Въ XI кн. „Кіевск. Стар.“ 1892 г. (стр. 229) г. М. Т—въ говоритъ: „страстный любитель отечественной этнографіи, авторъ имѣть довольно большое количество украинскаго этнографическаго матеріала, который, конечно, онъ желалъ бы издать въ систематическомъ видѣ сводовъ съ объясненіями. Но для такихъ изданій, во-первыхъ, нужны средства, которыя могли бы доставить только правильно организованныя ученыя общества, какихъ не достаётъ нашей родинѣ, на манеръ академій и западно-славянскихъ матицъ. А кромѣ того, для самого приготовленія такихъ изданій, если бы даже у извѣстныхъ индивидуумовъ хватило запаса хохлацкаго упрямства, чтобы производить труды, которые, Богъ вѣсть, сколько могутъ пролежать „въ портфелѣ автора“, необходимы полныя ученыя пособія, богатая библіотека, тѣмъ болѣе, что въ виду направленія сравнительно историческаго, какое теперь приняла наука о такъ называемомъ народномъ бытѣ и словѣ въ западной Европѣ, нѣсколько стыдно выпускать такія изданія, каковы даже лучшіе этнографическіе труды, выходящіе въ Россіи, т. е. ограничиваться почти однимъ опубликованіемъ сырого матеріала безъ комментаріевъ или съ комментаріями, вдохновенными одною теплотою національнаго чувства или мудрованіями домашняго народничества. Но надобно быть особеннымъ счастливецомъ, чтобы имѣть подъ рукою нужныя пособія, такъ такъ ихъ въ должной полнотѣ не даютъ не только библіотеки русскихъ провинціальныхъ городовъ, вдобавокъ доступныя только профессорамъ, но даже столичныя. При настоящемъ положеніи вещей полныя и достойныя требованія времени изданія нашего этнографическаго матеріала могутъ сдѣлать только люди, имѣющіе возможность пользоваться библіотеками въ Россіи, въ западной Славянщинѣ и въ Германіи, съ прибавленіемъ Парижа и Лондона“. Авторъ, какъ можно убѣдиться изъ позднѣйшихъ его изслѣдованій, широко воспользовался и русскими изданіями, даже мелкими, провинціальными, напр., Харьковскими Сборниками при календарѣ (ссылки въ статьѣ о сказаніяхъ о пожертвованіи собственнаго ребенка), и западно-европейскими библіотеками, даже такими рѣдкими и малоизвѣстными, какъ частная библіотека де-Губернатиса по русскому фольклору.

Въ „Кіев. Старинѣ“, 1882 г. XI и 1883 XII г. М. Т—въ напечаталъ четыре статьи подъ общимъ заглавіемъ „*Матеріалы и замѣтки объ украинской народной словесности*“, именно:

1) *Пѣсня о взятіи Азова*: „Ой що то за кричеть, що по морю лигає“, извѣстная по сборнику чумацкихъ пѣсенъ г. Рудченка. На полтора ста возахъ скрыты молодцы, по семи на каждомъ. Они вѣзжаютъ въ Азовъ купцами и берутъ его силой. Въ „Кіев. Старинѣ“ были уже двѣ статьи объ этой пѣснѣ: Г. Стояновъ относилъ ее ко взятію Торческа въ XI вѣкѣ; Новицкій—ко взятію Азова донцами и запорожцами въ 1637 году; М. Т—въ предполагаетъ существованіе въ Донской области устныхъ и письменныхъ вариантовъ исторіи о взятіи Азова, каковыя варианты должны были пустить отъ себя великорусскую пѣсню, которая уже зашла и въ украинскую среду, гдѣ и приняла видъ украинскихъ вариантовъ, намъ теперь извѣстныхъ. При этомъ высказано пожеланіе, чтобы была изучена устная словесность донскихъ козаковъ, которая могла служить передаточнымъ пунктамъ при переходѣ великорусскихъ пѣсенъ къ малороссамъ. Это желаніе тѣмъ же авторомъ повторено черезъ 10 лѣтъ въ 1892 году въ статьѣ о сказаніяхъ и пѣсняхъ Эдиповскаго типа. Нельзя не признать научную основательность такого желанія. Въ последнее время издано много пѣсенъ, подтверждающихъ мнѣніе автора о переходѣ великорусскихъ донскихъ пѣсенъ къ малороссамъ, причемъ такіа заимствованныя пѣсни встрѣчаются и въ Екатеринославщинѣ, какъ видно изъ пѣсни про набѣгъ орды, напечатанной *Я. П. Новицкимъ* въ 53 № Екатериносл. Губ. Вѣд. 1888 года, и въ юго-западномъ краѣ, какъ видно изъ малорусскихъ пѣсенъ въ сборникѣ *Б. Поповскаго* въ VIII т. „*Zbiór wiadomości do antrop. kraj.*“ На далекій малорусскій западъ донскія пѣсни заходили, вѣроятно, вмѣстѣ съ казацкими полками, при долгомъ ихъ постоѣ въ пограничныхъ мѣстахъ. Въ концѣ статьи г. М. Т—въ высказываетъ основательное предположеніе, что основной мотивъ пѣсни принадлежитъ къ числу бродячихъ сказаній.

Исторія о взятіи города въ сущности старая исторія Энея коня въ Троѣ. Авторъ въ общихъ чертахъ указываетъ на сходныя пѣсни французскую и голштинскую.

2) *Стенька Разинъ—козакъ Гарасимъ*. Великорусская пѣсня о Ст. Разинѣ „Какъ въ славномъ городѣ въ Астрахани“ занесена въ Украину. Въ статьѣ отмѣчено двѣ украинскихъ передѣлки, одна прозаическая съ немного измѣненными пѣсенными великорусскими вставками, другая—стихотворная, болѣе краткая, болѣе чистая по малорусскому языку. Въ первой передѣлкѣ имя Стеньки Разина передѣлано въ Герасима по созвучію. Содержаніе пѣсенъ: Губернаторъ садитъ въ тюрьму буйнаго молодца Герасимова сына. Онъ идетъ весело въ тюрьму, зная, что вскорѣ отецъ освободитъ его и разнесетъ тюрьму.

3) *Къ вопросу о вертепной комедіи на Украинѣ*.—Небольшая замѣтка, съ цѣнными указаніями на западноевропейскую научную литературу о мистеріяхъ (на сочиненія Куссемакера, Вейнгольда, Шреера и др.). Указаны и польскія шопки или ясельки (у Кольберга). Авторъ отмѣчаетъ нѣсколько газетныхъ извѣстій о томъ, что вертепная драма существуетъ еще въ Малороссіи и Бѣлороссіи, и высказываетъ желаніе, чтобы остатки ея были записаны, пока не погибли. Эта замѣтка представляетъ полезное дополненіе къ довольно многочисленнымъ замѣткамъ и статьямъ о „малорусской вертепной драмѣ, напечатаннымъ въ „Кіевской Старинѣ“ (Н. И. Петрова, Галагана, А. Ѳ. Селиванова, О. Пч.). Въ послѣднее время издано нѣсколько описаній польской шопки (напр. въ „Вислѣ“ 1888 года). Кругъ для сравненій и изученій вертепной драмы расширился. Надо желать, говоритъ авторъ статьи,—и съ этимъ мы вполне согласимся,—тщательныхъ поисковъ за остатками стариннаго религіознаго театра въ рукописяхъ и въ устномъ преданіи въ области Польши, Литвы, Бѣлоруссіи и Украины. Равнымъ образомъ желательны подобныя поиски за виршами и духовными стихами вообще: рождественскими, пасхальными и т. п., такъ какъ эти вещи на западѣ имѣютъ тѣснѣйшую прикосновенность къ религіозному театру, что замѣчается и на соотвѣтственныхъ примѣрахъ, извѣстныхъ въ письменности украинской и бѣлорусской. Наконецъ, даже въ видахъ руководства при собираніи названнаго матеріала, желательно уже и теперь сравненіе извѣстныхъ списковъ украинской старинной драматической литературы съ поль-

скими и западными, а между послѣдними, конечно, прежде всего съ латинскими, французскими (тѣ и другіе—первообразы нѣмецкихъ) и съ нѣмецкими... Только такое сравненіе открыло-бы намъ, что собственно оригинальнаго имѣемъ мы въ нашемъ рождественскомъ театрѣ, въ томъ числѣ даже въ бытовыхъ его частяхъ“.

4) *Песоголовцы въ украинской народной словесности*.—Небольшая статья по поводу замѣтки Десятина въ „Радѣ“ о песоголовцахъ, какъ олицетвореніи татаръ. Авторъ основательно указываетъ на литературные источники повѣрья о песоголовцахъ, именно, на сказанія объ Александрѣ Македонскомъ и старинныя космографіи, и замѣчаетъ при этомъ, что „весьма многое, что мы находимъ теперь въ сферѣ неграмотнаго населенія, есть продуктъ не мѣстный и не народный, а общій всѣмъ народамъ историческимъ, продуктъ культурный“. Замѣчаніе это направлено противъ „субъективнаго народничества“. Въ русской научной литературѣ есть спеціальное изслѣдованіе о песоголовцахъ, вышедшее уже послѣ замѣтки г. Т—ва, статья акад. *Веселовскаго* въ Журн. М. Н. Пр. ССХLI окт. 189.

Въ 1883 г. г. Т—въ сообщилъ редакціи „Кіевской Стар.“ списокъ *двухъ южно-русскихъ интермедій начала XVII в. (1619 г.)*, сдѣланный извѣстнымъ польскимъ писателемъ Крашевскимъ изъ одной весьма рѣдкой старопечатной книги „*Tragaedia albo wizerunek smierci przesw. Chrzesciciela*“... Интермедіи помѣщены въ приложеніяхъ, съ поясненіемъ, что онѣ написаны бакалавромъ философіи жителемъ г. Львова Яковомъ Гаваттовичемъ. Интермедіи были напечатаны въ 12 кн. „Кіев. Стар.“ 1883 г., съ замѣчаніемъ редакціи (О. Г. Лебединцева) что въ интермедіяхъ Гаваттовича „ярко выступаетъ народное міросозерцаніе и бытовые черты своего времени“. Въ опроверженіе этого мнѣнія Лебединцева Кузьмичевскій въ XI кн. „Кіев. Стар.“ 1885 г. помѣстилъ обширную статью: „*Старѣйшія русскія драматическія сцены*“. Въ первой интермедіи одинъ бѣдный крестьянинъ Климко обманулъ богатаго крестьянина Стецька, продалъ ему кога въ мѣшкѣ (вмѣсто лисицы), и потомъ, переодѣвшись въ другое платье, обманываетъ его вторично, заставивъ побить собственные горшки

(накрылъ ихъ и сказалъ, что это лежитъ обманщикъ). Во второй интермедіи три голодныхъ крестьянина находятъ пирогъ и рѣшаютъ присудить пирогъ тому, кто увидитъ лучший сонъ. Одному приснился рай, другому—адъ, а третій, не спавши, съѣлъ пирогъ и оправдывался тѣмъ, что будто видѣлъ во снѣ ангела, который сказалъ, что его товарищи не возвратятся изъ рая и ада и оставляютъ ему пирогъ. Для первой интермедіи Гаваттовича, по мнѣнію г. К., предкомъ является нѣмецкая книга начала XVI вѣка о лохожденіяхъ остряка Уленшпигеля или Евленшпигеля. Это сводъ анекдотовъ, составленный Мурнеромъ въ 1519 году. Здѣсь находятся два разсказа объ обманѣ посредствомъ вота и о битвѣ горшковъ, каковыя разсказы соединены въ одно цѣлое въ первой интермедіи Гаваттовича. Книга объ Уленшпигелѣ была переведена и на польскій языкъ въ концѣ XVI или въ началѣ XVII вѣка подъ заглавіемъ *Sowezrzał* (*Eule—сова, Spiegel—зеркало, swierzadło zrzadło,*) а въ концѣ XVIII вѣка (1791 и 1792) и на русскій языкъ (Похожденія шута Со-вѣст—Драла). Въ интермедію Г. анекдотъ попалъ, вѣроятно, непосредственно изъ нѣмецкаго источника. Вторая интермедія Г. имѣетъ родственную малорусскую сказку (напр. у Аванасьева), а источникомъ одну изъ западно-европейскихъ сказокъ, можетъ быть, повѣсть въ *Gesta Romanorum*—сборникѣ XIII вѣка странствующихъ сказаній; въ послѣдній сборникъ разсказъ о лучшемъ снѣ вошелъ изъ *Disciplina clericalis* крещеннаго испанскаго еврея начала XII вѣка, Петра Альфонса, гдѣ соревнованіе о лучшемъ снѣ идетъ между двумя горожанами и однимъ поселениномъ, которые шли вмѣстѣ въ Мекку. Мѣсто дѣйствія переносится въ мусульманскую среду, что указываетъ отчасти и на мусульманскій источникъ. Далѣе авторъ указываетъ на арабскій и еврейскій варианты разсказа о лучшемъ снѣ и переводитъ такимъ образомъ изслѣдованіе на почву арабско-еврейскую. На этомъ собственно и заканчивается вѣская часть изслѣдованія. Авторъ по слѣдамъ Бенфея идетъ еще далѣе на востокъ, въ Индію, указываетъ на нѣкоторые разсказы въ Панчатантрѣ, Синдибадъ-Наме, Аваданахъ, но эти указанія ничего не прибавляютъ въ литературной исторіи разсказа о лучшемъ снѣ, такъ

какъ индійскіе рассказы по мотивамъ и моральнымъ особенностямъ сильно отличаются отъ еврейско-арабскихъ и западноевропейскихъ вариантовъ сказанія о лучшемъ снѣ. Въ индійскихъ рассказахъ есть только одна сходная черта—три спутника, но и эти спутники животныя. Къ интермедіи Г. и малорусской сказкѣ о хохлѣ и цыганѣ близко стоятъ приведенныя К.—имъ одна итальянская новелла Джиральди Чинтіо († 1573 г.) и народная сицилійская сказка. У Чинтіо составляютъ изъ-за пирога три лица (философъ, астрологъ и солдатъ), какъ въ интермедіи Гаваттовича, въ сицилійской сказкѣ два лица (монахъ и послушникъ), какъ въ малорусской сказкѣ о хохлѣ и цыганѣ. „Объ украинскомъ устномъ рассказѣ (о лучшемъ снѣ), по словамъ К., можно сказать, не боясь укора въ пристрастіи, что онъ при сравненіи съ другими, даже итальянскими, отличается особенной живостью изложенія и реалистическимъ пошибомъ, видимымъ въ желаніи представить этнографическія черты дѣйствующихъ лицъ, особенно цыгана“ (срав. въ сбор. *Романова* III, 429).

Статья написана съ большою эрудиціей и изобилуетъ цѣнными сопоставленіями. Открывая обширную историческую перспективу, статья при всемъ томъ не можетъ вполне устранить высказаннаго Ѳ. Г. Лебединцевымъ замѣчанія, что въ интермедіяхъ Гаваттовича обнаруживаются бытовые народныя черты, напр., въ описаніи меню обѣда въ царствіи небесномъ. Несомнѣнныя черты малорусской народности обнаруживаются и въ сказкѣ о хохлѣ и цыганѣ. Очевидно, что сильное въ XVI—XVII ст. народное начало успѣло овладѣть и подчинить себѣ странствующій литературный мотивъ.

Въ половинѣ 80-хъ годовъ въ одномъ галицко-русскомъ литературномъ альманахѣ нашла мѣсто небольшая (въ 6 стр.), но цѣнная статья „*Изъ исторіи вирши на Украинѣ*“. Авторъ раздѣляетъ малорусскія вирши на политическія (точнѣе было бы назвать ихъ историческими) и церковныя. Политическія вирши, каковыя напечатаны въ концѣ „Историч. пѣс.“ Антоновича и Драгоманова и въ „Архивѣ“ Ягича II, 297), отличаются реализмомъ, національной окраской по языку и содержанію и вѣрно передаютъ взгляды нашихъ предковъ на современныя имъ исто-

рическія событія. Въ церковныхъ виршахъ обнаруживается западное латинское вліяніе. Авторъ остроумно замѣчаетъ, что нѣкоторые малорусскія вирши напоминають драматическую форму и представляются обломками или передѣлками церковныхъ драмъ или мистерій, если не нашихъ украинскихъ, то мистерій близкихъ сосѣднимъ народамъ. При этомъ авторъ перепечатываетъ изъ іюньской книжки „Основы“ 1862 г. „Пасхальную виршу“ о томъ, какъ Люциферъ подружился въ аду съ Іудой, какъ сошелъ въ адъ Христосъ и освободилъ грѣшниковъ, оставилъ въ аду только Соломона и Каина, причемъ Люциферъ, опасаясь, чтобы Христосъ не пришелъ вторично въ адъ за Соломономъ, выгналъ Соломона изъ ада. Въ этой виршѣ много юмора, много мѣстныхъ народныхъ выраженій. Вирша обширная, въ 118 стиховъ. Авторъ указываетъ далѣе, что содержаніе вирши построено на апокрифическомъ евангеліи Никодима, но ближайшимъ источникомъ вирши была нѣмецкая пасхальная драма. Для объясненія вирши г. Д. приводитъ одно мѣсто нѣмецкой драмы XIV столѣтія о сошествіи Спасителя въ адъ. Украинская вирша обращается съ религіознымъ сюжетомъ съ бѣльшей свободой и бѣльшей фамиллярностью, чѣмъ ея нѣмецкій прототипъ. Мотивъ объ изгнаніи изъ ада Соломона съ небольшими измѣненіями (вмѣсто Соломона священникъ) повторяется въ нѣмецкой драмѣ „Christi Anferstehung“ по рукописи 1464 г.

Въ VII книгѣ „Вѣстника Европы“ 1887 г. помѣщена интересная статья г. К. Г. „*Два малороссійскихъ фабльо и ихъ источники*“ (очеркъ изъ исторіи всеобщей сравнительной литературы). Подъ словомъ „fableau“ извѣстны старофранцузскія стихотворныя повѣсти небольшого объема и шутливаго юмористическаго содержанія. Такой именно характеръ имѣють нѣкоторые малорусскіе анекдоты и сказки юмористическаго содержанія, изложенные въ стихотворной формѣ или прозой въ перемежку со стихами, между прочимъ, вирша о богатомъ мужикѣ Гаврилѣ (въ сборн. Драгоманова 150—154) и вирша про бѣднаго мужика Кирика (въ Зап. о Южной Руси, Кулиша) II, 83).

Вирша о Гаврилѣ или о похоронахъ собаки, грубая по содержанію, не подлежитъ сословному или мѣстному приуроче-

нію, какъ разсказъ бродячій, странствующій, встрѣчающійся у народовъ разныхъ вѣроисповѣданій и національностей. Съ виршей о Гавріилѣ, записанной въ каневскомъ уѣздѣ, кievской губерніи, сходна галицко-русская сказка въ сборникѣ Садока Боронча, фэбльо о завѣщаніи осла—сочиненіе французскаго писателя XIII вѣка Рютбефа, фэцеція (шутливый анекдотъ) италіанскаго писателя XV вѣка, Поджіо Браччіоліни, далѣе сказки въ сборникѣ французскихъ повѣстей *Cent nouvelles nouvelles* (сто новыхъ повѣстей) XV вѣка, у турецкаго поэта XVI вѣка, Ламая († 1531), въ Жильблэзѣ Лесажа (1715 г.), въ сборникѣ нѣмецкихъ разсказовъ соч. Іог. Паули „*Schimpf und Ernst*“ XVI вѣка, въ руководствѣ къ проповѣдямъ Пельбарта 1507 года, вышедшемъ въ Венгріи, въ двухъ великорусскихъ сказкахъ, вышедшихъ въ 1 т. „Криптадіи“ (1883). Изъ этого сухого указанія на приведенныя авторомъ литературныя параллели уже видно, какъ широко и разносторонне трактуется тема изслѣдованій. Въ этихъ параллеляхъ открывається несомнѣнно весьма близкое, такъ сказать, кровное родство малорусскихъ и великорусскихъ сказокъ о жадномъ попѣ съ западноевропейскими ихъ оригиналами. Присутствіе основныхъ мотивовъ малорусской вирши о Гавріилѣ у Рютбефа, Поджіо, Паули и Пельбарта въ фэбльо, фэцеціяхъ и проповѣдяхъ служитъ достаточнымъ общимъ указателемъ, откуда разсказъ о жадномъ попѣ проникъ въ Россію. Авторъ статьи высказываетъ весьма вѣроятную гипотезу, что разсказы на изложенную выше тему изъ Германіи, гдѣ книги Пельбарта и Паули были весьма популярны, перешли въ Галичину и въ Великороссію, вмѣстѣ со многими подобными произведеніями, лубочными картинками и т. п. Украинская вирша, нашедшая мѣсто въ сводѣ Драгоманова, первой своей половиной (разсказъ о собакѣ) примыкаетъ къ варіантамъ Паули и Пельбарта, а второй (разсказъ о козлѣ) выдается изъ ряда подобныхъ восточныхъ и западныхъ фэбльо, сходясь лишь съ одной великорусской сказкой. При этомъ авторъ замѣчаетъ, что нѣкоторые великоруссизмы въ языкѣ украинской вирши о мужикѣ Гавріилѣ, а также указаніе въ концѣ вирши на куреніе и нюханіе табаку, какъ на дѣйствія предосудительныя, даютъ основаніе предполагать существованіе

великорусской раскольнической редакціи, средней между великорусскими сказками и малорусской виршей. Авторъ въ одномъ мѣстѣ статьи дѣлаетъ попытку опредѣлить родину разсказа и предлагаетъ по этому поводу шаткую гипотезу, которую мы здѣсь отмѣтимъ вкратцѣ, за неимѣніемъ въ научной литературѣ другой. Возводя малорусскій вариантъ къ великорусскому, великорусскій къ западноевропейскимъ, послѣдніе къ мусульманскимъ сказаніямъ о продажности судей, авторъ, въ видѣ смѣлаго скачка въ отдаленную восточную древность, основу сказанія переноситъ въ домусульманскій Иранъ, когда собака была священнымъ животнымъ. Мусульманамъ, усвоившимъ отъ египтянъ отвращеніе къ собакамъ, староперсидское отношеніе къ собакамъ было омерзительно. По мнѣнію автора, анекдотъ возникъ еще въ первыя времена распространенія мусульманства въ Иранѣ (VIII—IX ст.). Нѣтъ надобности такъ далеко ходить на Востокъ за объясненіемъ анекдота. Иранскій культъ собаки не говоритъ въ пользу иранскаго происхожденія анекдота о собачьихъ похоронахъ, напротивъ, говоритъ противъ такого предположенія. Самыя мусульманскія сказанія о собачьихъ похоронахъ у Ламая и др., на нашъ взглядъ, слишкомъ блѣдны и малосодержательны сравнительно съ западноевропейскими, что даетъ поводъ видѣть въ нихъ не прототипы европейскихъ, а отраженія ихъ, слабыя отголоски и искаженія. Можно думать, что фавль о похоронахъ собаки или завѣщаніи осла возникло въ древности въ Италіи или скорѣе въ Провансѣ, въ свободной обстановкѣ провансальской жизни и провансальской литературы; отцомъ разсказа былъ, можетъ быть, самъ Рютбефъ, жившій въ Провансѣ, тѣмъ болѣе, что вообще сочиненія Рютбефа отличаются рѣзкой насмѣшкой надъ духовными и монахами; возможно, что разсказъ возникъ въ близкой къ Рютбефу сектантской альбигойской средѣ. Распространеніе разсказа обусловлено было внутренней его голью, бойкостью, игривой энергіей, причемъ распространителями могли быть не только сектанты-безпоповцы, но и люди вполне ортодоксальнаго образа мыслей, можетъ быть, даже сами духовные, изъ среды которыхъ вышло не мало сатирическихъ писателей. Извѣстно, что Паули и Рабле были монахи. Тоже повторалось и позднѣе.

Второе малорусское „фабльо“—разсказъ о человѣкѣ, который, по совѣту жены, нарядился въ воловью шкуру съ рогами, чтобы отнять у мужика котелокъ съ деньгами (кладъ) и отнял его, но котелокъ присталъ къ его рукамъ, а шкура воловья къ тѣлу. Этотъ разсказъ у Кулиша переданъ въ стихотворной формѣ, у Чубинскаго въ близкой прозаической передачѣ. Кромѣ того, существуетъ въ рукописяхъ много вариантовъ этого анекдота. Еще въ началѣ текущаго столѣтія анекдотъ этотъ циркулировалъ въ Великороссіи, и объ немъ упоминаетъ адмиралъ Шишковъ въ письмѣ къ императору Александру I и Завалишинъ въ воспоминавіяхъ своихъ о петербургскихъ легендахъ и событіяхъ 1825 года. Въ историко-литературномъ отношеніи этотъ анекдотъ темный. Указываемыя авторомъ литературныя параллели не даютъ объясненія „эмбриологіи сатиры“. Такъ, первый параллельный мотивъ о пріобрѣтеніи бѣднякомъ (или дуракомъ) сокровища отъ разбойниковъ (изрѣдка отъ чертей) такимъ путемъ, что бѣднякъ, скрываясь на деревѣ, роняетъ на разбойниковъ или кожу (вола, тигра) или двери; разбойники разбѣгаются, и бѣднякъ забираетъ ихъ сокровища,—мотивъ, совсѣмъ чуждый анекдоту о жадномъ попѣ. На этотъ мотивъ существуетъ цѣлый самостоятельный циклъ сказокъ. У автора статьи указаны сказки французскія и авганскія. Новые сборники сказокъ принесли цѣлый рядъ сходныхъ вариантовъ, напримѣръ, великорусскій у *Садовникова* 130, польскій въ *Zbiór wiadomości* VIII 305, вотяцкій у *Верещагина* 160. Также далеко отъ нашего анекдота стоитъ другая литературная параллель о лонкомъ ворѣ (сказаніе Геродота о сокровищѣ Рампсенита и др.); объ этомъ мотивѣ есть спеціальная статья акад. *Шифнера* на нѣмецкомъ языкѣ; но теперь накопилось уже много новыхъ вариантовъ, не вошедшихъ въ эту статью. Къ анекдоту близокъ лишь одинъ вариантъ сказки о богатомъ братѣ, отмѣченный авторомъ въ сборникѣ „Русскихъ простонародныхъ легендъ“ (1861), но этотъ вариантъ, по моему мнѣнію, оторвался отъ цикла сказокъ о двухъ братьяхъ или о злыдняхъ (типическія сказки у *Чубинскаго* II №№ 110—112) и подчинился анекдоту, и потому не имѣетъ никакого значенія при опредѣленіи генеалогіи анекдота о рогатомъ попѣ. Пока не

будутъ найдены западно-европейскіе варіанты нашего анекдота, внѣ случайныхъ и постороннихъ литературныхъ аналогій, можно считать анекдотъ оригинальнымъ произведеніемъ, по всей вѣроятности, южнорусскимъ, можетъ быть, возникшимъ въ близкой къ народу старинной бурлацкой или семинарской средѣ. По внѣшней формѣ оба малорусскіе анекдота относятся къ тому литературному разряду „бесѣдъ“, о которомъ мы говорили при разборѣ „Приказки до нюхарей“ Д. И. Эварницкаго. Хронологическія указанія Шимкова и Завалишина, что въ 1825 году анекдотъ пользовался большою популяренностью въ Петербургѣ, придають малорусскимъ бесѣдамъ значительную почти столѣтнюю древность, что не лишено значенія при отсутствіи данныхъ для хронологіи этого рода литературныхъ памятниковъ.

Н. Сумцовъ.

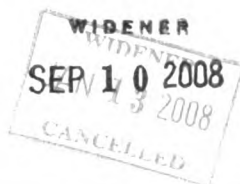
Т. В. Я.	2 - 10
В. П. Я.	10 - 12
В. Н. Я.	12 - 22
С. А. Я.	22 - 24
А. Я.	24 - 25
Т. К.	25 - 33
И. Я. Франко	33 - 38
О. К. Вейсман	38 - 45
Е. К. Андреев	45 - 47
М. Я.	46 - 55

HARVARD UNIVERSITY

<http://lib.harvard.edu>

If the item is recalled, the borrower will
be notified of the need for an earlier return.

Thank you for helping us to preserve our collection!

